

Гусейнова Ольга

Мой любимый
ЗВЕРЬ!

Annotation

Романтично-приключенческая космоопера! Здесь будет все и космические оборотни, чуточку шпионских игр, супер brutальный герой, нежная героиня, спецагенты и даже квест на выживание. Но главная линия романа - любовь, в первый момент, кажется невозможная, но мы же с вами знаем, все не так как кажется и впереди нас ждет только ХЭ, любовь и счастье!

- [Ольга Гусейнова](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Часть 3](#)
 - [* * *](#)
 - [Часть 4](#)
 - [Эпилог](#)
-

Ольга Гусейнова
МОЙ ЛЮБИМЫЙ ЗВЕРЬ!

Часть 1

Вселенная радости

Космопорт Илизара, расположенный на крупнейшем одноименном спутнике Дагавы — центральной планеты одного из старейших миров галактики — потрясал воображение. Именно дагавцы, или даги, кому как больше нравится, стояли у истоков Первой галактической коалиции, которая объединила большинство известных миров. Со временем и по причине сразу нескольких крупных конфликтов Первая постепенно перешла в Третью галактическую коалицию и вот уже на протяжении сотни стандартных космических лет стоит на защите нашей галактики как от внешних, так и внутренних угроз.

Я никогда, даже в самых смелых мечтах, не надеялась оказаться здесь, на Илизаре, и своими глазами увидеть сразу столько инопланетян в живую, а не в атласах, новостях, кино. Высоченные серокожие даги, которые и одеваться предпочитают в серые тона, ведь, по их мнению, серый — самый оптимальный цвет, дающий возможность раскрыть суть, дух, а не выпячивать внешние достоинства. Этот и так приметный народ не часто отправляется в путешествия по чужим мирам — предпочитает свои многочисленные и разнообразные колонии. Рыжие с головы до щупалец ратхи, снующие мимо с «аквариумами» на головах, — представители водного мира, но быстро освоившие космос. Похожие на голубых призраков домруссы. Нечаянно столкнувшись с одним из них, я, немало удивившись, ощутила, что они весьма материальны и лишь с виду бестелесные духи. И еще десятки иномирцев, от которых у меня рябило в глазах, а иногда кружилась голова и сжималось от страха сердце.

Илизару защищает огромный энергокупол, но при этом позволяет беспрепятственно стыковаться туристическим и грузовым лайнерам. Поддерживает гравитацию, определенный микроклимат и привычную большинству рас воздушную среду. Да, я знаю, что энергокупола — одно из замечательных и надежнейших изобретений дагов — защищают от космической радиации, вакуума, холода, прочих опасностей и не позволяют «улететь» к звездам. Но увидеть собственными глазами — это непередаваемые впечатления! Видеть бескрайние, темнеющие над

головой небеса, на фоне которых высятся здания отелей, доки, исследовательские и административные ведомства, невообразимо величественные причалы с зияющими шлюзами лайнеров. Сложно спокойно идти по местным улицам, когда кроме таинственного и невидимого энергокупола тебя ничего не защищает от космоса.

Вот и мы с Ровеной невольно прибавляли шаг, направляясь к своему терминалу, а я еще и зачарованно смотрела вверх, где, кажется, все звезды вселенной дружно сияли во тьме. Любовалась откровенно, как ребенок, пока Ровена не процедила недовольно:

— Сделай умное лицо, а то вытаращилась, как фермерша с Дильшана.

И ведь не возмутишься — она права. Поэтому дальше я искося, тайком, жадно разглядывала окружающее пространство, восхищаясь и сравнивая с тем, что мне довелось увидеть. На Илизаре мы всего сутки. Вчера прибыли, а сегодня наш лайнер уже отбывает. Я почти не спала «ночью» — была не в состоянии успокоиться, взбудораженная внезапным путешествием, видами Илизары и множеством мечущихся в голове мыслей и опасений. Все слишком новое, необычное, невиданное и немыслимое.

Черная махина межзвездника «Вселенная радости» закрывала весь космос, настолько туристический лайнер оказался огромным, величественным. Через посадочный шлюз вели сразу несколько турникетов, позволяя путешественникам без суеты и давки пройти на свои палубы. Я привычно коснулась ладонью сканера, помедлила мгновение, пока считывающее устройство подтвердит мои данные пассажира и гостеприимно распахнет блестящие створки в заманчивый мир. Одно только название «Вселенная радости» чего стоит.

Гравитележка с багажом зацепилась за створку. Я замешкалась: воспользовавшись управляющим пультом, «заставила» ее протиснуться. А Ровена тем временем ушла вперед, не оглядываясь. Пришлось торопиться, чтобы не потерять ее из виду. Через несколько шагов я услышала позади шум. Оглянувшись, увидела, как мой багаж валится на пол, а тележка переворачивается кверху дном.

— Замечательно, — буркнула я, представляя, как буду грузить чемодан и сумки обратно в элегантной короткой одежде и непривычных туфельках на каблучках.

Не хватало только очередного публичного недовольства Ровены.

Не успела я «засучить рукава», сбоку раздался необыкновенно мягкий, завораживающий баритон:

— Вам помочь, хая?

Чтобы избежать конфликтов, невольных оскорблений и прочих проблем, в коалиции уже давно ввели в обиход унифицированные, стандартные обращения. К особам женского пола — хая, мужского — хой. Даже в случае ошибочного определения пола — никаких обид, поскольку перевод на всеобщем был неоднозначным: хая — уважаемая душа, хой — уважаемый дух. Большинство известных рас признавали наличие у разумных души и духа, поэтому проблемы в случае ошибки не видели. Ведь душа бывает как мужская, так и женская, и сильный дух у обоих полов тоже присутствует.

Я растерянно взглянула на вопрошавшего, сначала натолкнулась на широкий внушительный торс в черном костюме, а подняв глаза еще выше, рассмотрела его обладателя: надо мной чуть склонился высокий широкоплечий — о, боги космоса! — клеранец! Вот его пол сомнений точно ни у кого не вызовет. Продолговатое смуглое лицо с крепким, упрямо выпирающим вперед подбородком, тонкие губы, но не злые или порочные, а просто видовая особенность расы, крупный нос, резкие высокие скулы и глубокие раскосые глаза, горящие ярким желтым огнем, словно расплавленное золото.

Насколько мне известно, желтый цвет глаз, от светлого до темного, характерен для абсолютно всех клеранцев. Темно-русые короткие волосы «баритона» аккуратно зачесаны назад и открывают высокий лоб. Стрижка скорее военного, чем представителя деловых кругов, тем более, этот мужчина не в форме, а в хорошем костюме и на шее у него элегантно завязан шелковый шарф, концы которого заправлены под одежду. Казалось, это солидный бизнесмен из какой-нибудь известной трансгалактической компании, поскольку от него буквально фонит непрошибаемой уверенностью и абсолютным доминированием индивида, привыкшего повелевать.

Особенно я выделила на его загорелом или смуглом лице более темные, тонкие, нитевидные утолщения — саусы, тянущиеся из-под носа, огибающая скулы, к вискам и походящие на кошачьи усы. Считается, давным-давно, в древности, саусы были настоящими усами, затем, в процессе эволюции, превратились в такие вот едва заметные следы-ниточки. И насколько мне известно, украшают они исключительно

мужчин Клерана, более того, имеют важное значение: чем длиннее саусы, тем сильнее и мужественнее их обладатель. Хотя, в чем эта мужественность заключается, не уточняла. Еще саусы дополняют органы чувств, но опять же, каким образом, я не в курсе.

Клеранцы недавно присоединились к коалиции — долгое время держали нейтралитет. Эта раса внешне мало чем отличается от моего вида — землян. Среди нас тоже много крупных и сильных мужчин. Раскосые желтые глаза клеранцев с большим зрачком да саусы, которые, чтобы разглядеть на смуглом лице, нужно еще и специально присмотреться, — вот и все внешние особенности.

— Вам помочь, хая? — спокойно повторил незнакомец, возвращая меня в реальность, но тут же вновь вогнал в ступор, мягко улыбнувшись.

Хм, как я могла забыть о еще одной особенности клеранцев — клыках! Не как у саблезубых тигров, но, тем не менее, в улыбке «баритон» обнажил вполне «хищные» клыки, невольно заставив меня вспомнить о нраве больших хищных кошек.

— Да, спасибо, хой, — прошептала я, не в силах справиться с впечатлениями.

Боже, даже стыдно и обидно стало: откуда эта робость и восхищение перед, в сущности, обычным мужчиной? А сердце словно в насмешку несколько раз стукнулось о ребра, отменяя доводы разума. Я ощутила, как покраснела, осознав, что моего нечаянного помощника окружают еще трое мужчин и прекрасно видят и мое смущение, и невольное восхищение своим сородичем.

Все, как под копирку, тоже в черных однотипных костюмах, лишь мой собеседник повязал игривый шарфик. Один из них, похоже, деловой партнер «баритона», в тонкой черной водолазке, вместо рубашки, — на мой взгляд, необычное сочетание для настолько официального, строгого костюма. С другой стороны, что мне известно о клеранском дресс-коде? Глаза мужчины в водолазке походят на темный янтарь, в глубине которого светятся загадочные, заинтересованные огоньки. Внешне «водолазка» хоть и похож на моего «помощника», но черты лица более резкие. И пока он рассматривал меня, а я его, почти по-звериному дергал верхней губой с саусами, словно приносивался.

Двое других клеранцев походили на глухие складские шкафы, такие же широкие, высокие и бесстрастные. Думаю, не ошибусь, если

это телохранители, слишком типично выглядят. Тем более, после моего неуверенного кивка именно «шкафы» моментально уложили мои сумки на тележку, вернув ее в рабочее положение. Всего пара мгновений — и они вновь рядом, бросают едва заметные цепкие взгляды по сторонам и, кажется, ждут приказа от «хозяев». А я никак не могу оторвать глаз от этих занимательных инопланетян, чувствуя себя овечкой перед хищниками, правда, облагороженными, ухоженными, при костюмах и галстуках. Их цивилизованный лоск и шик — лишь ловкая иллюзия, за которой прячется нутро зверя.

Я открыла рот поблагодарить, но за спиной раздался ласково воркующий, невероятно сексапильный голос Ровены:

— Премного благодарна вам, хои. Моя кухня порой совершенно беспомощна.

Через секунду Ровена, ловко перехватив меня под локоток, прижала к своему боку и словно невзначай выдвинулась вперед, перехватив общее внимание. Она открыто улыбалась мужчинам, буквально облизывая их взглядом.

— Красивая девушка может позволить себе быть слабой и беспомощной, — вновь улыбнулся больше всех потрясший меня клеранец с приятным баритоном и глазами цвета расплавленного золота.

Причем, его улыбка по-прежнему предназначалась мне, а не выскочке «кузине», которая опять не дала мне поблагодарить клеранцев:

— Вы правы, особенно, когда рядом есть настоящий мужчина.

Игриво стрельнув глазками, она настойчиво потянула меня прочь. Но когда мы оказались на своей палубе и одни в коридоре, направляясь по указателям к нашей каюте, она с невыразимым восторгом выдохнула:

— Это он!

Натянута улыбнувшись, я призналась:

— Да, но я не сразу узнала его.

— Ты выглядела круглой душой, таращилась на него как на музейный экспонат.

— Ну... просто не ожидала, что лицом к лицу на пороге... путешествия вот так сразу столкнусь с Райо шир Алесио, да еще и в такой... тесной компании. На визоре он выглядел немного иначе.

— Надо же, как удачно звезды сошлись!

— Он очень... необычный, — признала я глухо, мысленно перебирая свои ощущения и впечатления. — Все они!

Ровена бросила на меня косой взгляд, снисходительно покачала головой, затем наставительно посоветовала:

— Будь осторожна, Птичка!

— Сама ты... курица, — разозлилась я.

— Не повторяй чужие глупости, особенно в мой адрес, — зло, высокомерно посоветовала она.

— А ты не строй из себя самую умную и заботливую, — огрызнулась я.

Ровена, больно сжав мой локоть, прошипела:

— Эрика, детка, напоминаю, в нашей семье, — последнее она процедила с издевкой, — старшей назначена я. Ясно?

— Да, — обиженно, покорно выдавила я, выдергивая локоть из цепкого и болезненного захвата.

Дальше мы шли молча, и я, специально немного приотстав от старшей, любовалась великолепной отделкой лайнера: замысловатым напольным покрытием, белоснежными стенами с наверняка меняющимися картинами и видами, мягкой подсветкой, предвкушая, что нас ждет в каюте.

Переступив порог нашего полулюкса Ровена пропела:

— Обожаю свою работу!

Мы дружно начали осматривать каюту: две спальни, гостиную, гардероб и ванную с дополнительной душевой.

— Эта моя! — я упала на огромную мягкую кровать, любуясь переливами зеленых и золотых тонов в отделке спальни.

Черно-белая расцветка второй спальни меня совершенно не прельстила, зато Ровена пришла от нее в восторг и деловым тоном сообщила, отправляя свой багаж в гардероб:

— У нас оплачен ежедневный массаж и спа-услуги, пошли наслаждаться. Мы должны быть верхом совершенства! А то эти перелеты и гиперпрыжки убивают любую красоту.

— Вызови горничную, пусть наряды разберет, — с восторгом предложила я.

— Смотрю, ты быстро осваиваешься, — ехидно отметила Ровена, отправляя вызов.

— Просто, по совету старшей родственницы, наслаждаюсь жизнью, в отличие от нее самой, она вечно ворчит, — любезно улыбнулась я кузине.

Ровена застыла в дверном проеме и неожиданно мягким тоном предупредила:

— Не перестарайся, а то потом возвращаться в реальность будет больно.

— Почему? — удивилась я. — У меня прекрасное образование и хорошая перспектива карьерного роста! Вот отдохнем, получу диплом и займу причитающуюся мне должность. Ты в курсе, какое там содержание приличное... а какие кабинеты уютные и красивые, все тебя уважают... а льготы... пенсия...

Я замолчала, поймав странный, показалось, сочувствующий Ровенин взгляд.

— Что? — насторожилась я.

— Ничего, — она мотнула головой. — Ты действительно моя полная противоположность, поэтому мне иногда сложно тебя воспринимать... адекватно. Например, когда ты рассуждаешь о пенсии в двадцать два года.

— О старости нужно думать с юности, — повторила я наставления нянечек.

Их речи меня тоже бесили, но из-за многочисленных, многолетних повторов въелись в подкорку, как и многие другие рассуждения, наставления и пожелания.

— Пошли, Нептичка, расслабимся! — насмешливо позвала Ровена из гостиной. — Перед спа и наведением красоты сбросим напряжение и поплаваем в бассейне. Купальник только возьми...

— Сама ты — птичка, замучила уже этим дурацким прозвищем! — возмутилась я, вскакивая с кровати.

Вытряхнула чемодан, нашла новенький, ярко-изумрудный купальник, пляжные шлепанцы и, переодевшись в легкое платье, поспешила за Ровеной.

* * *

«Вселенная радости» — один из самых больших туристических и

пассажирских межзвездных лайнеров. Двадцать шесть палуб на любой вкус и доход. Сотни развлекательных зон, ресторанов, оздоровительных комплексов и клубов, чтобы украсить или скрасить любой досуг.

И вот, когда перед нами раскрылись двери в водный аттракцион «Повелитель океанов», я переступила порог и ошеломленно замерла: десятки бассейнов разной глубины и температуры, высоченные горки, фонтаны, песочные пляжи и бары с яркими коктейлями. Играет легкая, ненавязчивая мелодия, летают роботы-официанты, доставляя заказы, прячт красочные иллюзии русалок и жителей водных миров. И над всем этим раем раскинулся бесконечный космос.

Я подошла к краю площадки и, раскинув руки в стороны, восторженно выдохнула:

— Какое чудо, вот умеет же кто-то создавать такую благодать и дарить радость!

— Дурочка, — снисходительно, но, мне показалось, в душе разделила мой восторг Ровена.

— Напротив, ценить чужой труд и красоту, наслаждаться жизнью — прекрасно. Не все способны на это, — раздался знакомый мягкий баритон за спиной.

Мы с Ровеной резко обернулись на голос: я — от неожиданности вздрогнув и замерев, как потревоженный кролик, видимо, общее нервное состояние сказалось; а она — с чувственной, какой-то животной грацией, при этом умудрившись плавно и красиво откинуть волну густых темно-каштановых волос, закрывающих спину. Даже я на нее засмотрелась, что уж говорить о четверых «знакомцах» клеранцах.

Я невольно представила, как мы обе выйдем. Ровена в эпатажном алом даже не мини, а микробикини из тоненьких веревочек, соединяющих треугольнички на полной упругой груди и интимном месте. Каким образом веревочки удерживают три лоскутка на стратегических местах — остается загадкой. Сзади Ровена кажется полностью обнаженной. Длинные ноги, идеальная кожа с золотистым ровным загаром, стройная, с четким рельефом мускулов — восхитительная пантера. И продолговатое лицо с раскосыми карими глазами с золотыми искорками, резковатыми чертами лица и тонкими губами усиливало это впечатление. Ровена даже внешне походит на клеранцев, в отличие от меня.

А я... Я на голову ниже ее, всего лишь метр семьдесят, хоть и с

почти идеальными пропорциями, длинными ногами с тонкими лодыжками, изящными кистями, стройная и подтянутая. Но, увы и ах, как не старалась, мышечного спортивного рельефа не добилаь. Волосы, как и у Ровены, до пояса, но цвета горького шоколада и глаза такие же, «шоколадные», большие, опущенные густыми темными ресницами и обычно чуть прищуренные, настороженно глядящие на мир. Овальное лицо с мягкими чертами, без единой резкой линии, ровный аккуратный нос, пухленькие губы. Ровена недавно заметила, что губы — мое главное достоинство, поскольку выглядят очень эротично. Ну хоть какая-то изюминка, а то все гладенько и ровненько.

Когда несколько минут назад я предстала перед Ровеной в раздевалке в новом купальнике, она неожиданно сделала мне комплимент:

— Ты сочетаешь несочетаемое! Забавное сплетение внешней сексапильности и внутренней невинности.

Вышел он какой-то сомнительный, и я с минуту рассматривала себя в зеркале, оценивая и не находя ничего забавного. Наверное, на фоне смелого бикини Ровены мой сплошной купальник с симпатичными короткими воланчиками на бедрах действительно показался простеньким или спортивным. Зато подчеркивает длинные ноги, округлые бедра, тонкую талию и не менее высокую, чем у Ровены, грудь. Знаю, что по-своему привлекательна, мне тоже есть чем гордиться не меньше, чем ей. Но одно дело знать, другое — пользоваться своими данными.

И вот, представив как мы выгядим, — полные противоположности! — я старательно улыбнулась, надеюсь, придав своему лицу выражение уверенной красотки-соблазнительницы. Недаром же Ровена билась надо мной три дня, а затем с отчаянием и злостью заявила, что это безнадежная затея и овцу из меня не вытравить. Восхищенные взгляды клеранцев, которые мы разделили с кухней поровну, были мне похвалой. Я — талантище! И красotka!

— Доброго времени суток, хои, — вновь взяла лидерство на себя Ровена.

Все четверо клеранцев радуют глаз прямо-таки непередаваемой, запредельной мужественностью. Они отличаются телосложением: кто-то массивнее, кто-то более худощавый, но каждый из них годами тренировался, не бездумно накачивал тело, а именно работал. Они —

яркий пример того, каким должен быть идеальный альфа-самец. Мой взгляд, словно сам по себе, пробежавшись по прямо-таки божественным фигурам клеранцев, прилепился к Райо шир Алесио, будь он неладен.

Даже на каблуках я буду ему только до ключиц, настолько он высокий. Мощный, таких называют ширококостными; ни грамма жира — сплошные мускулы, плавно перекатывающиеся под смуглой гладкой кожей. Обычные черные плавки подчеркивают его атлетическую фигуру — глаз не оторвать. Сильные бедра, узкие колени и развитые икры... Ум-м-м...

Посмотреть на пах я себе не позволила, и так лицо залил дурацкий жар смущения. Совершенно не к месту и непривычный! Излишне робкой или стеснительной я не была. А Ровена стыда и неловкости не испытывала в принципе. Ее поза неуловимо изменилась, словно пантера вышла на охоту, и это не укрылось от мужчин. Телохранители были бесстрастны и расслаблены. Казалось бы, созерцали, как самые обычные туристы на отдыхе, но внимательным профессиональным взглядом все подмечали. И вполне могли моментально сорваться с места, чтобы отразить нападение. Смертельно опасные клеранцы. Тем не менее, даже в их ярко-желтых глазах блеснул мужской интерес к прелестям землянки Ровены.

Райо шир Алесио с, будем считать, деловым партнером тоже по-разному оценили ее вербальный посыл. Сам Райо уголком рта насмешливо дернул, слегка склонив голову к плечу, а второй мужчина горячим взглядом прошелся по ее телу, кажется, не пропустив ни одного миллиметра плоти под алыми тряпочками и вкрадчиво предложил, выдвигаясь вперед:

— Спасибо, сегодня действительно хороший день! Можем ли мы познакомиться с вами, хаи?

Мы синхронно кивнули, улыбаясь. Я — натянуто, но старательно, Ровена — искренне и поощрительно.

— Райо шир Алесио, — подтвердил личность мужчина, если не моей мечты, то восторга точно, представившись первым, затем кивнул на партнера: — Мой друг Матео шир Домак, и наши коллеги — Фальк аль Дан и Нофаль аль Мур.

На Клеране нет деления на сословия, как в древности на Земле, и фамильные приставки указывают на территорию проживания или происхождения рода. А вот какую информацию можно извлечь из

наименования территории перед фамилией, насколько я слышала, содержащую сведения о неких особенностях клеранцев, не знаю. Знают ли другие? Думаю, лишь очень ограниченный круг лиц.

— Ровена Никиш, а это моя кузина Эрика Лимуж, — в свою очередь представила нас Ровена, с нескрываемым интересом разглядывая мужчин. — Родители решили, что нам необходимо отдохнуть и повеселиться, а Эрике надо набраться новых впечатлений, прежде чем засесть в скучном офисе, поэтому купили тур на двоих в этот вселенский рай.

— У вас замечательные родители! — похвалил Матео.

— Неужели не побоялись отправить прелестных девушек в одиночестве в космическое путешествие? — едва заметно нахмурил темные брови Райо, глядя на меня.

— Мы не беспомощные и вдвоем, — ответила я с милой улыбкой.

Подавив стеснительность, я старалась быть общительной, обаятельной и уверенной.

— Я владею двумя видами борьбы, — зачем-то подначила Райо Ровена.

— Вы, хая, прямо соблазните проверить вас в схватке, — едва не мурлыкнул Матео и с кошачьей грацией скользнул к моей кузине.

— Неужели? — кокетливо спросила Ровена.

Кажется, только я заметила искорку недовольства в ее глазах: она надеялась на внимание Райо, но тот по-прежнему смотрел на меня.

— Простите, хои, мы пришли сюда с конкретной целью поплавать, — сооротив извиняющуюся рожицу, напомнила я, кивнув на аттракцион.

— И мы, — блеснул белоснежными клыками мужчина-мечта. Потом, окинув взглядом мою фигуру, похвалил: — У вас красивый купальник, Эрика, и очень вам идет.

От совершенно неожиданного комплимента я чуть не потеряла с трудом обретенные спокойствие и уверенность и не сдержала удивления:

— Вам, правда, нравится?

Ответил Фальк, один из молчаливых «шкафов», поразив приглушенным басом и мнением:

— Да! И мне тоже. Сейчас девушки редко отдают должное закрытой элегантной пляжной одежде, подчеркивающей фигуру.

Предпочитают откровенно демонстрировать красоту собственного тела.

Ровена не обиделась, наоборот, легко и беззаботно расхохоталась. Да так, что от ее женственного грудного смеха у клеранцев волосы на руках встали дыбом. Мысленно я без зазрения совести хихикала над ними: «Эх, мужчины-мужчины, вы во всех мирах одинаковы!»

— Оу, — «мурлыкнула» женщина-откровение, — я оценила и обязательно учту в будущем, что мужчин проще привлечь не открытой сексуальностью, а почти детским купальником.

Я бросила на нее недовольный взгляд за то, что прошлась по моему облику.

— Хая, вы хотите привлечь мужчин? — живо уточнил Матео и сразу предложил: — Тогда я весь к вашим услугам.

— Мы тоже, — неожиданно «отмерли» Фальк и Нофаль.

А вот Райо с ироничной улыбкой покачал головой, глядя как хитрая красотка вертит его спутниками.

— Благодарю вас, хои, за щедрое предложение, но мне необходимо над ним серьезно подумать, — с не меньшей иронией усмехнулась эта дикая кошка и, царственно кивнув мне, походкой от бедра направилась вниз, к воде.

С учетом шнурочков-ниточек, удерживающих Ровенин «купальник», было полное ощущение, что она идет голая. Семена за ней, я особенно остро чувствовала себя той самой овцой на поводке, с которой эта хищница вчера вечером меня сравнивала. Вот нет слов даже — сплошной комплекс неполноценности!

— Так, Эрика, тапки не потеряй, не крути головой и дуй за мной! — прошипела Ровена, а через мгновение метнулась в сторону.

— Ты куда? Они же нас не найдут и...

— Эрика, ну нельзя же быть настолько наивной в двадцать два года и при твоей профессии...

— Я почти дипломированный...

— Закрой рот, Птичка! — вновь оборвала меня Ровена. — Мужчины не прочь поохотиться, а легкая добыча быстро приедается! Так что цокай своими копытами быстрее, поплаваем в самом дальнем бассейне и на спа скорее. У нас еще ужин впереди!

— Ой, кто бы говорил, ты на свои копыта посмотри! — не осталась я в долгу.

— Просто ты ходишь в своих тапках так, будто вместо красивых

ног у тебя ходули, — продолжила мое воспитание старшая «сестра».

На мне были обычные голубые пляжные шлепанцы, а вот на ней настоящие ходули на шпильке, которые в сочетании с микробикини... В общем, не оглядывались на нас только слепые. Все приличные и даже неприличные мужчины, у которых оставался хоть один гормон, провожали Ровену плотоядными взглядами. Мысленно они ее уже приготовили и употребили! А я поняла: как же страшно жить... с ней в одной каюте — «употреблять» ее могут прийти и туда!

Я бросила на нее взгляд победительницы:

— Да, но похвалили меня, а не тебя!

— Вот это и странно... — задумчиво, тревожно протянула Ровена.

— Корону сними, а то, похоже, на мозги давит, — не сдавалась я.

Последние три дня она целенаправленно и планомерно меня унижала. Достала, сил нет. А приходится терпеть!

Ровена резко обернулась, посмотрела на меня с укоризной и в запале призналась:

— Ну сама подумай, какая из тебя... — запнувшись на полуслове, махнула рукой, словно смиряясь, и глухо продолжила, — ...а, ладно, тут от нас уже мало что зависит. Психология — страшная вещь, в чем я не раз убеждалась!

— Причем тут психология? Как она соотносится с нашим путешествием? — почувствовала я подвох.

— Все, хватит пустой болтовни! — строго обрубила перепалку Ровена. — Я — плавать, а ты — как хочешь, так и соотноси.

Мне требовалось сбросить напряжение, и вода в этом всегда помогала, а то дергаюсь от каждого звука и краснею, будто девчонка-первокурсница, не к месту. Все, путешествие началось, надо брать себя в руки и отдыхать, как положено по уставу. Даже мысленно похихикала, помянув последнее.

Дальше мы отправились в спа-центр. Это были непередаваемо чудесные три часа неги и блаженства. В вопросе ухода за телом я полностью доверилась Ровене, уж кому как не ей знать все тонкости наведения и поддержания красоты.

Я сверилась с расписанием на своем коммуникаторе, закрепленном на запястье:

— С семи до девяти у нас ужин, далее, с девяти до десяти, — концерт «Мяукари», потом мы...

— Эрика, — оборвала меня Ровена. — Заканчивай со своими секретарскими замашками!

— Я не секретарша, — процедила зло, — я...

— Плевать мне, кто ты! — рыкнула она, медленно и с опасным блеском в карих, почти кошачьих глазах вставая с кресла. — Просто забудь о планах и обо всем остальном тоже забудь. Ты здесь с одной целью — отдыхать! Так что путешествуем, исходя из реалий этого самого отдыха. И так до Фортана. Времени мало...

Мы замерли полураздетыми мегерами, злобно глядя в глаза друг другу. Я в очередной раз поймала себя на том, что мы действительно две противоположности. Да, внешне похожи, как сестры: кареглазые шатенки, красивые, стройные, но курицу с орлицей и с грифом тоже, не спутаешь. Я напряглась, как пружина, упрямо задрала подбородок и процедила:

— Я не девочка на побегушках! Не коврик у твоих ног! И не младшая сестренка, которую необходимо учить жизни. Поэтому ты тоже забудь на время свои замашки и прояви уважение ко мне!

— Это будет крайне сложно, но я постараюсь, — пошла на мировую Ровена.

— Тогда я на время забуду о своих профессиональных привычках.

— Ты сначала диплом получи, а потом будешь про привычки говорить, — передумала мириться Ровена, насмешливо фыркнув.

Я в ярости сжала кулаки, с трудом сдерживаясь, чтобы не кинуться в драку.

— Ой-ой-ой! Птичка подняла перышки... — ядовито протянула мерзавка.

И все, дальше я не раздумывала, кинулась с кулаками.

— Локоть, локоть прижми, овца! — Ровена ловко ушла от моего хука, при этом еще и командуя мной. — Сильно присела, из этого положения ты только дурной головой в живот ударить можешь, а не кулаком.

Пар мы спускали с полчаса, хотя наша драка походила на обычную тренировку. И стоит признать, ярилась я лишь пару минут, а потом

старательно запоминала чужую науку.

— Ты — монстр, но спасибо, — мрачно поблагодарила я, останавливаясь, и привычно поклонилась наставнице.

— Обращайся, если что, — не менее хмуро поклонилась Ровена.

Зато я первой прошмыгнула в ванную. Пусть победительница довольствуется душем!

Через час на ужин направлялись две королевы. Это Ровена в привычном ей язвительном духе заметила, когда мы смотрели на свои трехмерные изображения. Она выбрала длинное алое платье, державшееся на тонких серебристых бретельках, с разрезом до бедра и открытой спиной. Платье мягко облегло ее точеную фигуру и почти не оставляло простора воображению, более того, мне показалось, что нижнего белья под ним нет. Серебристые туфли на шпильке дополнили наряд. Лицо этой молодой и красивой женщины не нуждалось в лишнем макияже, поэтому она сделала акцент на губах, накрасив их ярко-красной помадой. Женщина-вамп, или стерва урожденная!

Меня в этот раз обозвали розовым зефирчиком: пышная юбка до колен и кружевной непрозрачный топ с рукавами до локтей цвета чайной розы; босоножки на шпильке с милым розовым цветочком и такого же цвета лак на ногтях; даже губы я намазала розовым блеском, а румянец на моих щеках всегда есть. На мой взгляд, вполне элегантно, дорого и со вкусом! Жаль, что лишь на мой взгляд!

— Боги космоса, девочка-припевочка, ты портишь мне весь настрой и антураж, — шипела Ровена, вышагивая по коридору к лифтам так, словно по плацу маршировала.

— Это ты меня позоришь своим вульгарным нарядом, — с меньшей злостью шипела я, при этом старательно улыбаясь встречавшимся пассажирам.

— Не отдохнем, как положено, — разочарование будет обоюдным! — припугнула полуголая «королева».

— Нет, — ехидно заявила я. — Как ты верно заметила, милая кузина, в нашей семье старшей назначена ты!

Ответа не последовало, хотя, увидев с каким желанием убить меня на месте сверкнули карие глаза «милрой», настаивать было бы глупо.

Наконец двери лифта приглашающе раскрылись и, пройдя туда, мы увидели клеранцев.

— Доброго времени суток, хаи, — по-кошачьи довольно встретил

нас Матео.

Кто бы мог подумать, что стандартное приветствие, принятое на космическом корабле, может звучать настолько... сексуально и предвкушающе? А вот Райо, осмотрев нас обеих, подарил восхищенную улыбку мне. Я бы так и стояла у дверей, греясь в лучах истинно мужской улыбки, плаваясь, как восковая свеча в древних храмах, если ли бы не смуфы. Двери начали медленно, плавно закрываться, но в этот момент за спиной раздался топот и многоголосый шум-гам-смех. Дальше в лифт буквально за мгновение набилась толпа и впечатала меня в грудь Райо с такой силой, что выбила дыхание. Он стремительно развернулся, поставил меня у переборки, закрыв собой от весело галдящих туристов. Я облегченно выдохнула: теперь моему наряду и бокам ничего не угрожало.

Невольно упираясь ладонями в широкую мощную грудь спасателя, я ощущала, как сильно бьется его сердце. Как перекачиваются мышцы от усилий сдерживать напор смуфов и дать мне чуть больше пространства. Подняла лицо и благодарно, смущенно прошептала:

— Спасибо, шир Алесио.

Мы несколько мгновений смотрели друг на друга, и я откровенно любовалась золотыми искорками, вспыхивавшими в его глазах. Наверняка он изучал меня, всматриваясь в лицо. И когда я покраснела под его пристальным взглядом, удивительно глубокие раскосые глаза, вытянутые к вискам, словно в утешение подарили мне теплую улыбку.

Я с трудом отвела взгляд. Пришлось из-за плеча Райо разглядывать смуфов — инопланетян с голубой кожей и волосами, хорошо известных в коалиции представителей мономира Смуф. Живущих в плотном социуме, создавая единое биополе, в котором им если и тесно, то все равно комфортно. Смуфы очень чувствительные и эмоциональные, всюду путешествуют группами, чересчур шумными и активными. Но стоит одному из них случайно отбиться от компании себе подобных, он сразу же теряется и эмоционально тускнеет, вянет, словно растение, с корнем выдернутое из земли.

Вот и сейчас в лифт, рассчитанный на двадцать пассажиров, набилось минимум пятьдесят. Гвалт стоял такой, что страшно представить, что творится у них на родине. Мысленно представила голубой жужжащий осиный рой в вечном движении — жутковато! — и мои пальцы рефлекторно сжались.

Ой, я же смяла тонкую черную рубашку на груди Райо! Медленно, нехотя отпустила тонкую шелковистую ткань, осторожно разгладила и с облегчением выдохнула, не обнаружив складок. Виногато посмотрела на своего спасателя, а он ответил поощрительной улыбкой, с которой, кажется, все это время продолжал следить за мной. Невольно втянула в себя его запах, немного необычный для землянки, ведь мы привыкли, что окружающие щедро используют парфюм, заглушающий природные ароматы. И так увлеклась, что машинально приподнялась на цыпочки, потянувшись носом к обнаженной шее...

Запах живого тепла и чего-то пряного оказался очень приятным и напомнил детство. Шерстка домашних котов тоже всегда приятно пахнет, поглощая самые лучшие ароматы жилища. Ассоциация с котом усилилась, когда я заметила, что Райо клонится ко мне и жадно вдыхает мой собственный аромат у макушки. При этом его верхняя губа забавно двигалась, как и чуть потемневшие саусы, будто огромный кот усами шевелит. Хорошо, что я не переношу сильные запахи и использую очень тонкий, легкий парфюм.

Я вытянулась в струнку, легонько касаясь Райо, с каким-то нетерпеливым, странным голодом раздувающего ноздри. Наши взгляды скрестились — и время словно остановилось. В какой-то момент показалось, что клеранец поцелует меня в лоб, уж слишком потемнело золотое пламя в его глазах, сузился зрачок, он медленно склонялся ко мне. Я превратилась в сплошной оголенный нерв, не в силах отстраниться ни физически, ни эмоционально и, запрокинув голову, с непонятно откуда взявшейся надеждой ждала, ждала... не разрывая зрительный контакт. Никогда в жизни мне не было так тепло и уютно, так надежно и спокойно, как в руках этого сильного незнакомого мужчины. Я ощущала жар его большого тела, ловила горячие искры в желтых глазах и мысленно молила...

Но волшебство закончилось, слава всем богам, а то неизвестно, к чему бы оно привело. Перегруженный бедняга лифт натужно дернулся, двери раскрылись — и шумная пестро-голубая волна с восторженными воплями понеслась в ресторан.

Я облегченно выдохнула, Райо мягко подтолкнул меня к выходу, придерживая за талию, выводя из лифта, словно мы... пара.

— Кошмар, надеюсь нас рядом с ними не разместят! — содрогнулась Ровена, о которой я совершенно забыла.

Судя по взъерошенному виду «несчастной», прижали ее по полной, а так как она держалась рядом с Матео, надо думать, к нему.

— Мы попросим, чтобы вас, прекрасные землянки, посадили рядом с нами. Вы же идете кушать в Вайлес? — вкрадчиво предложил Матео.

Наконец-то, я отлипла от Райо, пряча от него смущенный взгляд, и окинула глазами остальных. Клеранцы оделись, можно сказать, привычно, в другие костюмы черного цвета, что, безусловно, добавляло им солидности, важности и... хищности.

Словно невзначай Ровена осмотрела меня на пару с Райо, отметила его руку на моей талии — жест, понятный любому, опекающий, — едва заметно удрученно вздохнула, прикрыв глаза густым веером ресниц. Я невольно напряглась: неужели напортачила где-то? Или неправильно себя веду, или... Так много сомнений одно за мгновение, но в следующую секунду Ровена расцвела призывной, обаятельной улыбкой, сосредоточив свое внимание на Матео:

— Я не против и непременно воспользуюсь вашим щедрым предложением. Тем более, вы, хой, обещали и спарринг организовать...

— Я тоже хочу... — вовремя остановилась я, — посмотреть.

Куда мне со своими жалкими умениями против клеранцев — прирожденных воинов? Да и против дикой кошки Ровены не выстоять, если уж на то пошло.

— И мне было бы любопытно на это взглянуть, — неожиданно с ироничной насмешкой хмыкнул Райо, выйдя из образа плюшевого мишки.

— Как на счет потренироваться завтра, перед обедом? — кокетливо предложила Ровена, стреляя глазками в Матео, словно утратила интерес к Райо.

Матео посмотрел на друга, я краем глаза отметила его едва заметный согласный кивок, подсказавший, кто у них старший. Договорившись таким образом о завтрашней встрече, мы чинно и неторопливо отправились ужинать.

Правда, минут через пять, когда стюард провожал нас к столу, Ровена чуть не взвыла:

— О нет, только не смуфы!

— Простите, хая, но многих гостей разместили в самом начале путешествия и большинство столов забронировано заранее...

— Наш тур стоит, как небольшой звездолет, а вы вынуждаете меня

сидеть в этом балагане? — возмутилась Ровена.

— Проходы широкие, смотри, как красиво столы сервированы. Думаю, они не будут нам слишком надоедать.

Мои тихие уговоры Ровена проигнорировала, она отчаянным взглядом окинула огромный зал ресторана, увы, более чем наполовину занятый смуфами. Остальные гости из других миров. Впрочем, и те вели себя не менее расслабленно. На сцене шел концерт, мимо сновали официанты, и атмосфера была, честно говоря, вполне приемлемая, но не для Ровены. Ей надо было сводить с ума от вожделения Матео, а в таком шуме-гаме и мелькании — нереально. Хриплые сексуальные обертоны в голосе не слышать и значит немаловажную часть из арсенала ненавязчивого флирта придется исключить.

— Красивая... моя, — мягко и вкрадчиво вмешался Матео.

— Мы можем сменить ресторан и поужинать в более тихом и уединенном месте, — невозмутимо предложил Райо.

Официант, однозначно землянин, своих издавек чувствуешь, занервничал и побледнел. Еще бы: клеранцы любому внушают безотчетное уважение и даже страх.

— Простите, хои, хаи, хочу вас предупредить, что в это время в любом ресторане «Вселенной радости» свободных мест не найти. Профсоюзы Смифа оплатили отдых работникам на большинстве туристических лайнеров нашей компании. Если позволите, советую вам приходить после восьми. К тому времени их группы организованно идут развлекаться в другие места. У них отдых расписан строго по часам, чтобы успеть по максимуму насладиться пребыванием на «Вселенной радости» в рамках стандартного туристического пакета.

Посмотрев на искренне приунывшую Ровену, я чуть не рассмеялась, хоть это и мелко, но расстройство этой зазнайки-обольстительницы добавило мне уверенности. Улыбнувшись стюарду, я направилась к нашему столу:

— Огромное спасибо за совет, мы обязательно им воспользуемся. А сейчас с удовольствием насладимся вашей кухней. О ней много положительных отзывов!

Так вышло, что мы с Ровеной оказались на противоположных концах стола, «зажатые» клеранцами по обе стороны. Меня близкое соседство Райо и Фалька не смутило, не беспокоило, а скорее позволило чувствовать себя в безопасности. Совершенно неправильное,

иррациональное чувство, с которым надо было что-то делать, причем срочно.

Наша компания быстро определилась с выбором блюд, и вскоре перед каждым стояли шедевры кулинарного искусства, а приставленный к нам живой официант любезно, непривычно обходительно приносил то одно, то другое, то напитки, придавая обстановке пафоса и торжественности. Скоро сам собой завязался разговор. И нисколько не удивительно, что начала его Ровена:

— Разрешите полюбопытствовать, хои, о цели вашего пребывания на «Вселенной радости»?

— Мы, как и вы, отдыхаем, неужели не заметно? — весело ответил Матео.

— Честно? Не очень! Представительные, солидные господа в деловых костюмах путешествуют вчетвером на лайнере, который славится своей романтической атмосферой, ночной жизнью и всевозможными развлечениями?

— Помнится, последний раз мы были почти обнажены, как и вы, блистательная хая Ровена... — мурлыкнул Матео, все больше походя на кота, охотящегося за кошкой.

— Конечно, помню, как такое забыть, — в унисон «коту» мяукнула «кошка», подавшись ближе, позволяя ему заглянуть в декольте и вспомнить ее весомые достоинства.

— Разделяю с вами эту... память, красный для меня теперь особенный цвет.

— Почему? — неподдельно удивилась Ровена.

— Он пробуждает животное начало и все мужские инстинкты: догнать, завладеть и... заклеить своей, — с весьма многозначительной ухмылкой ответил Матео.

Я напряглась: клеранцев в коалиции не зря называют монстрами или зверями. А вот Ровена не испугалась, наоборот, словно загорелась. Ее желто-карие глаза вспыхнули азартом, тело будто размякло от экстаза и само выдохнуло: я жаждущий горячий воск, лепи из меня что пожелаешь...

А я... меня раздирали противоречия: с одной стороны, было стыдно и неловко наблюдать за этой сценой откровенного соблазнения, с другой — жадно следила за происходящим и, как говорится, принимала к сведению. В жизни все пригодится, особенно такая важная наука —

свести с ума мужчину, приручить, заставить есть из своих рук.

Матео откровенно «поплыл»: янтарные глаза заволокло пеленой страсти, взгляд блуждал по обнаженным загорелым женским плечам, нырял в глубокое декольте Ровены и практически осязаемо облизывал ее. Как и Райо недавно, Матео по-кошачьи дергал верхней губой и потемневшими саусами, жадно вдыхая аромат разгоряченной женщины.

От неловкости у меня пересохло в горле и я, осторожно взяв бокал с вином, сделала пару глотков. Потом окинула взглядом других соседей по столу, чтобы проверить впечатление от Ровены, — и чуть не поперхнулась. Райо пристально, словно хищник на охоте, следил за мной, за эмоциями и чувствами, наверняка отразившимися у меня на лице. Усилием воли отринув смущение, я почти уверенно, лишь один раз кашлянув, прочищая горло, напомнила:

— Так все же, чем вы занимаетесь в жизни?

— А вы, хая Эрика? — улыбнулся Райо, блеснув внушающими почтение клыками.

Я безмятежно, ну уж насколько получилось, пожала плечами:

— К сожалению, наша жизнь проста и понятна. Я — координатор, совсем скоро меня ждет... повышение. Займу должность личного помощника одного из руководителей крупной компании. Поэтому родители решили, что перед столь ответственным назначением неплохо бы хорошенько отдохнуть, а то когда еще придется. — Затем преданно посмотрела на Ровену. — Кузина работает в нашей семейной фирме. По примеру отца, занимается внутренней и внешней безопасностью. Благодаря ей, нас отпустили вдвоем в это дальнейшее путешествие.

— Да, я очень-очень хороший специалист по безопасности, — подтвердила Ровена, как бы невзначай проведя пальчиком по краю своего алого декольте, гипнотизируя взгляд Матео.

Райо откинулся на спинку кресла. Я нет-нет да поглядывала на его большие руки, расслабленно лежащие на подлокотниках: загорелая кожа, длинные сильные пальцы, выпирающие венки и чуть заметные золотящиеся волоски на фалангах — все привлекало внимание. Опасные, смертельно опасные руки мужчины, привыкшего убивать... А мне упрямо хотелось думать, что именно эти красивые, истинно мужские руки привыкли защищать. Жаль, желания и реальность слишком редко совпадают.

Фальк аль Дан, переводя взгляд с одной из нас на другую,

задумчиво протянул:

— Простите, хаи, вы на удивление разные сестры. Вы — абсолютные противоположности, словно кто-то специально задался целью показать миру две половинки, как у вас на Земле изображают: черное и белое.

Я напряглась, ощущая как в животе словно пружина скручивается. А Ровена лишь усмехнулась, не скрывая своей циничной раскованной натуры. Я понадеялась, что только мне удалось уловить ее острый как бритва оценивающий, изучающий взгляд, брошенный на Райо.

— Инь-янь? Возможно, вы правы, хой Фальк. Я — огонь, Эрика — вода, этакий журчащий горный ручеек, который предпочитает прятаться среди скал. Умница, красавица, скромница и труженица. Ей всего двадцать два, но она уже думает о пенсии. А как Эрика хорошо готовит — вы не представляете... вся в мамочку пошла, настоящая хозяйка...

— Семья — это святое! — проскрежетала я, горло словно судорогой свело.

Видимо, кошка Ровена почуяла, что зашла на запретную территорию. Дальше продолжать не стоит — опасно. Да, внешне я — копия матери, хотя ей красота принесла лишения и боль. Готовить я действительно умею на зависть многим шеф-поварам, в меня эти умения вбивали с малых лет, причем, буквально — кнутом. Поэтому готовить умею отлично, но — ненавижу!

Кузина встряхнулась и быстро сменила направление:

— Я люблю свою работу, жизнь, свободу и не переношу ограничений, хотя приходится мириться с некоторыми.

— Вы, хая, — настоящее пламя, в котором не жаль и сгореть, — улыбнулся ей Матео.

Рядом с моей рукой скользнула на стол ладонь Райо и замерла в сантиметре. Я даже ощутила тепло, исходившее от нее. Повернувшись к нему, вновь отметила, что была объектом наблюдения и, вероятнее всего, пока меня нахваливали, мое напряжение не укрылось от него.

Этот удивительный клеранец поразил меня, спокойно сообщив:

— Вы не поверите, Эрика, но я тоже, скажем так, координатор. На службе правительства Клерана. Как и мои спутники, служу на благо Клерана.

— Ой, а на координатора вы совсем не похожи, — улыбнулась я, отбрасывая тени прошлого. — Больше на военного.

«Координатор» усмехнулся, качнул головой и русая прядка прикрыла его лоб, нарушив идеальную прическу.

— Нет, хая Эрика, к бравым службистам мы точно отношения не имеем. — Я кивнула, соглашаясь, но с собственными мыслями: к службистам и бравым уж точно не относятся! А Райо продолжил «откровения»: — Мы всего лишь энергетики, не более.

— Если судить по нашим энергетикам, да и большинства миров, где существуют частные подряды и компании, замечание «не более» и «всего лишь» преуменьшает ваше значение. Очень-очень. Скажу больше, мало соответствует истине, — развила тему кузина.

Клеранские энергетики почти синхронно приподняли брови, с некоторой иронией глядя на Ровену. Отвечать взялся Матео:

— Клеран — мономир с жестким территориальным делением на теры, как у вас по-разному называют области, края, республики. Терами управляют крулы. Уже очень давно создан единый крул — улан, или наша исполнительная и законодательная высшая власть. Давным-давно, еще перед выходом в космос, улан разделил частное и общественное. Любая энергия и внутренние подземные ресурсы Клерана и подчиненных нам колоний могут быть только общественными и нести пользу всему нашему миру, а не конкретным личностям. Поэтому, прекрасная хая, упоминание в отношении наших персон «всего лишь» и «не более» — абсолютно честно и уместно.

— Да, согласна, у многих есть подобные законы, а доходы делят в узком кругу, — желчно возразила Ровена.

— Самое суровое наказание на Клеране не за убийство, как у вас, землян, а за воровство общественного имущества. Это смертная казнь! — одним махом отмел сомнения шир Домак. — Так что поверьте, хая Ровена, в нашем мире умеют отделять свое от общего. И ни при каких обстоятельствах не смешивают эти два понятия.

— Как вам повезло, однако, — спокойно ответила моя старшая, но ее скепсис выдавала кривоватая улыбка.

Поставив локоть на ручку кресла и подперев подбородок ладонью, я с огромным интересом слушала Матео. И как только за столом повисла тишина, не сдержала любопытства:

— Я читала, что Клеран — еще и жестко патриархальный мир. Права ваших женщин сильно ограничены. И...

Райо хмыкнул вместе с друзьями, но промолчал и отвечать опять

выпало его другу:

— Да, Клеран — патриархальный мир. Вы правы. — Он придвинулся к Ровене и словно для нее одной, еще и склонившись к ней, пояснил: — Определенные правила поведения и ограничения у нас есть, но жестко... только в двух терах. Теры Шир и Аль уже очень давно свободны от предрассудков, наши женщины во многом имеют равные с мужчинами права...

— До замужества! — с очаровательной улыбкой припечатала Ровена и, приподняв бровь, ждала возражений, будучи абсолютно уверенной в сказанном.

— Да, до замужества, — согласился Матео шир Домак, улыбнувшись красотке собеседнице почти виновато. — Но все не так страшно, как, возможно, рассказывают о нас.

— Ваши политики и СМИ иногда раздувают факты, — проворчал Нофаль аль Мур, разговорам предпочитавший блюда.

— Политика делается грязными руками, — кивнула Ровена.

— Скорее — грязными языками, — поморщилась я.

— Особенности и нюансы политики способны оценить или принять как должное не все, — бесстрастно заметил Райо. — В политике, как в жизни, существуют свои правила, а также те, кто их нарушает, — нечистоплотные, подлецы и трусы.

— Да, играть по правилам нужно уметь, а уж выигрывать, соблюдая правила, может лишь истинный мастер, — блеснула я.

— Хая Эрика, вы точно уловили мою мысль, — душевно улыбнулся Райо, чуть наклонив голову к плечу, словно поделив со мной некий секрет.

— И куда вы направляетесь? — как бы между прочим поинтересовалась Ровена.

Мне показалось, Райо с явной неохотой разорвал наш зрительный контакт, мимолетно осмотрел зал и спокойно пояснил:

— Вы оказались правы, хаи, услугами «Вселенной радости» мы воспользовались, чтобы с комфортом добраться до Менестреля, затем нас ждет другой транспорт. И работа, работа и еще раз работа. Увы, ничего даже отдаленно напоминающего ваше на редкость приятное общество.

— А мы летим на Фортан, наша остановка немного раньше Менестреля, — поделилась Ровена.

— Если не ошибаюсь, Фортан заключил соглашение с Земной Федерацией и перешел в ее юрисдикцию? — Райо словно припоминал несущественный факт.

— Наверное, — Ровена пожала плечами слишком равнодушно, на мой взгляд, даже безучастно. — Мы давно живем на Дагаве, о Земном союзе слышим из новостей. А на Фортан Эрику потянуло. Она недавно видела фильм о радужном водопаде и розовых слониках размером с собаку, вот и размечталась увидеть это... чудо.

Да уж, история про слоников сейчас, в компании четырех сурового вида, но таких обаятельных, привлекательных мужчин, показалась мне чудовищно глупой. От стыда и неловкости захотелось провалиться под пол, но я послушно проямлила, опустив глаза:

— Просто они такие милые... слоники... розовые, я в зоопарке видела больших серых, а тут — маленькие...

И заметила, как дергается пресс Райо, да и у Фалька, сидящего справа от меня, — оба старательно сдерживали смех. В этот момент раздался пронзительный звук, напоминающий свист, от которого Ровена и наши спутники передернулись и поморщились, а смуфы сразу завершили ужин, дружно отодвинули кресла и голубой волной хлынули на выход, не забывая пошуметь напоследок. Ага, значит восемь часов и стюард оказался прав: зал вот-вот опустеет.

Спустя минут пять ресторан почти обезлюдел. Музыка приглушили, официанты без лишней суеты убрали. За нашим столом с явным интимным подтекстом пикировались Ровена с Матео. Я нашла глазами указатель в туалет, извинилась и попыталась отодвинуть кресло, но попала в ловушку, устроенную смуфами — те заставили проход своими креслами и теперь, чтобы выбраться из-за стола, надо или перемахнуть через препятствие, или выйти со стороны Райо. Заметив мои метания, он привстал, но полностью отодвинуться тоже не смог, опасаясь устроить погром соседних кресел, пришлось протискиваться мимо него.

И вот я, как ложка в ложке, ягодицами прижалась к паху Райо, его ладони легли на мою талию, и я в полной мере ощутила его возбуждение. От неожиданности замерла, а опомнившись, торопливо выскользнула, отметив, что возбуждение Райо усилилось и твердо уперлось мне в поясницу. Оказавшись на свободе, я рванула было прочь, но хоть плачь — волосы коварно запутались на одежде моего

визави.

Райо предусмотрительно повернулся спиной к столу, чтобы не обнаружить свое состояние, осторожно привлек меня к себе и с мягкой, совершенно необидной улыбкой легонько щелкнул по носу, тихонько сказав:

— Трусишка.

Пришлось, сгорая от смущения, стоять с ним лицом к лицу и ждать, когда он освободит мои волосы. Ну и попутно украдкой наблюдать за его лицом — выразительным, ярким, мужественным. Хотелось коснуться его твердого, выступающего подбородка, проверить колючая ли там кожа от щетины или действительно такая же гладкая, как выглядит. Или провести кончиками пальцев по саусам, или хотя бы убрать упавшую на лоб русую прядку, которая касалась почти прямой, наверняка часто хмурившейся брови.

— Все, беги куда собралась, — неожиданно слишком запросто, по-свойски, практически нарушая правила, сказал Райо, посмотрев мне прямо в глаза.

И я, еще недавно считавшая себя холодной, расчетливой и прагматичной девушкой, которая никогда и ни за что не клюнет на подобные уловки, не потерпит бесцеремонности, не могла найти слов, чтобы поставить его на место, отстраниться или перевести неловкость в плоскость, нужную именно мне в щекотливой ситуации. Нет, я ощутила, как жар смущения обжег мои щеки и попросту малодушно сбежала, спиной ощущая внимательный и очень опасный взгляд неординарного мужчины.

Стоя у зеркала в туалете, я настойчиво и строго пеняла себе любимой: «Помни, за добротным фасадом часто скрывается разруха и плесень! Помни... помни... любовь — это страшно, больно!»

А припевом моим прагматичным мыслям звучали другие — накрепко въевшиеся слова «отца», пробуждающие отголоски кошмаров и желчь: «Семья — это святое!»

* * *

— Сегодня решающий день, Птичка! — деловито объявила Ровена, прохаживаясь по каюте в прозрачной кружевной ночной сорочке.

— Кар, кар, кар... — с издевкой «согласилась» я, заставив ее резко затормозить и в недоумении глянуть на меня.

— Шуточки у тебя — детские, — со злостью прошипела она. — А ведь ты уже давно не ребенок.

— Да и ты, вроде, а все лезешь ко мне с этим дурацкими прозвищем, к себе его прилепи и радуйся, — ядовито предложила я.

Ровена подошла ко мне и несколько неприятных мгновений, немного нервируя, изучала мои глаза, словно в душу заглядывала.

— Ты похожа на ежика, такая лапусечка с виду, а тронь — и уколешься.

— Вот и не трогай, — пожала я плечами.

— Я много знаю о тебе...

— Ну-ну, — насмешливо оборвала я.

Продолжила она уже без злости, словно устала, и в ее, на первый взгляд таких красивых карих глазах, проявилось слишком много всего:

— Эрика, я не предлагаю стать подругами. Слишком большая пропасть: тридцать пять и двадцать два — это два поколения, между которыми разница в накопленном опыте и, насколько я успела понять, в жизненных установках и целях.

— О моем опыте ты точно не имеешь представления, — намекнула я, тоже без вызова и с некоторой усталостью.

— Могу лишь догадываться, — неожиданно согласилась старшая с едва уловимой грустью в глазах, — но, пожалуйста, прими просто как совет. Я вижу, что, несмотря на женственный, гламурный стиль в одежде, ты очень зажатая и ведешь себя порой, как... пацанка. Вести себя как настоящая женщина не умеешь. Поверь, это сразу бросается в глаза окружающим! А у нас до Фортуны всего пять дней, нет, уже практически три с половиной.

Я тяжело вздохнула и призналась:

— К сожалению, я слишком самонадеянно думала, что будет гораздо проще. А сейчас поняла, что в моем образовании и жизненном опыте есть внушительный пробел и пока не представляю, как форсировать ситуацию.

Ровена усмехнулась с некоторой долей облегчения, но неожиданно по-доброму:

— Просто расслабься, наконец! Я тебе не враг — скорее, верный помощник. Ты очень красивая, умная, у тебя есть все, чтобы блистать в

любой ситуации! Не надо копировать меня, тебе это не нужно, но ты можешь перенять хотя бы необходимое. Быть женщиной — тоже наука, вот и отнесись к этому отдыху, как к очередному академическому курсу. Фортан — как зачет, сдать его или нет зависит от твоего желания.

Привычно сощуриив глаза, я размышляла. Пожалуй, в ее словах есть зерно истины. Пожав плечами, смиряясь с неизбежным, улыбнулась и решительно протянула Ровене руку:

— Договорились. Твоя взяла.

Она неуверенно усмехнулась и будто по мановению волшебной палочки изменилась, при этом, не изменив позы, явив мне не просто красивую женщину, а живую, запредельно сексапильную женщину-кошку. Мягкую, пушистую, грациозную, горячую, готовую проникнуть под кожу любому самцу. Женщина-кошка с непередаваемой чувственной грацией протянула мне руку, сладко мурлыкнув:

— Не суй всем под нос ладонь, словно в сканер, когда личность подтверждаешь. Протяни так, чтобы мужчина захотел ее не только взять, но и подержать, согреть, поцеловать пульсирующую венку на твоей тонкой изящной кисти, а потом не мог забыть твою мягкую нежную кожу. Чтобы еще долго ощущал, помнил твое неповторимое тепло. Помнил, как прикасался к тебе.

Одновременно Ровена легонько встряхнула мою руку, помогая расслабить, повернула под правильным углом, чтобы у собеседника не возникло и мысли, что в таком положении ее можно банально пожать. Нет, теперь любому стало бы понятно, для чего так протягивают ладонь. Для поцелуя!

Затем, пока мы одевались, ходили на завтрак, собирались на тренировку с клеранцами Ровена заставляла меня повторять «рукопожатие истинной женщины, которую невозможно забыть», давала мелкие советы. И это обучение больше не казалось мне ущемлением достоинства. Как и вчерашняя драка, в конечном счете, доставляло удовольствие, ведь я расширяла свои знания и навыки.

Фитнес-клуб, в котором мы договорились встретиться с клеранцами, поразил меня еще в раздевалке. Наша палуба не для галактической суперэлиты, но для очень привередливых и состоятельных путешественников, которые привыкли к роскоши и комфорту, однозначно. Поэтому я наслаждалась всеми благами

нечаянного тура.

На тренировку мы надели обычные черные лосины, борцовки и рашгарды с длинными рукавами. Мой — насыщенного синего цвета, подчеркнувший светлую кожу, большие глаза и идеальный овал лица. Ровена не изменила себе — надела алый укороченный рашгард, причем, в отличие от меня, обошлась без спортивного бюстгальтера, поэтому в прохладном зале у нее заманчиво «проявились» соски.

Фитнес-зона насчитывала более пятидесяти помещений различного назначения: на любой «вкус и цвет» залов, баров, бань. Носились роботы, убиравшие за гостями, доставлявшие всевозможные заказы и, кажется, выполнявшие самые немыслимые пожелания. «Вселенная радости» гарантировала комфорт, безопасность и чистоту своим пассажирам и это чувствовалось постоянно.

Растерянно оглядев множество народа и площадок на разных уровнях, я спросила:

— Где нам их искать?

— Мы всегда рядом, стоит только подумать о нас и обернуться, — сбоку раздался голос Матео.

Не успели мы обернуться, он шагнул вплотную к Ровене. Так интимно, лично, собственнически, словно они не сутки знакомы, а гораздо, гораздо дольше. В черной спортивной, слегка облегающей майке и штанах Матео напомнил мне ягуара.

Всего один взмах ресниц и неуловимое движение — и Ровена оказалась напротив него, ухмыляясь и игриво подначивая:

— Разве тренировка уже началась, хой?

— Я обожаю игры, — ответил он ей в тон.

— Осталось выяснить, какие именно. — Цинично-ироничная ухмылка исказила бы любое другое лицо, но только не Ровены. Этой кошке-искусительнице все к лицу.

Ну с этой «пушистой» парочкой все ясно, а где же Райо? Неожиданно ускорился пульс — душу снедало нетерпение, но я мысленно шикнула на себя: «Мы на отдыхе!» И замерла, наверняка с глупым выражением лица, как вчера в бассейне, вытаращившись и приоткрыв рот, увидев троих клеранцев. Ближе всех ко мне встал Нофаль. Похоже, он телохранитель Матео. Вместе они как боксер-тяжеловес и атлет-многоборец — литые мускулы под слегка облегающими штанами и футболками. Даже в невзрачной серой, самой

простой спортивной одежде Нофаль выглядел так «горячо», что не только я застряла на нем взглядом, — прямо Геракл! Впрочем, Фальк в таком же сером комплекте практически его брат-близнец, только габаритами побольше.

Не знаю, что отразилось на моем лице, пока Ровена бесцеремонно разглядывала Нофаля с головы до ног, залипая на самых стратегических местах. В ее карих с золотистыми искорками глазах горела жажда обладания. И когда Ровена кончиком языка прошлась по чувственным губам, я ужаснулась: что она творит? Сводит с ума сразу двух монстров? Я облизнула пересохшие от страха губы — если возникнет проблемная ситуация, то не факт, что администрация лайнера встанет на нашу защиту, ведь камеры фиксируют явные, активные провокации весьма раскованной землянки. А клеранцы живут со зверем внутри, о чем всем известно...

Я растерянно оглянулась и поймала взгляд Райо. В первый момент испытала огромное облегчение — все под контролем, мы в безопасности. А следом пришло недоумение: откуда эти идиотские мысли? И, как уже не раз здесь было, замерла натянутой струной, когда на моих губах остановился слишком изучающий, понятливый взгляд Райо, взгляд, в котором разгорался золотой огонь.

— Доброго времени суток, хая Эрика, хая Ровена.

— Здравствуйте, хой Райо... хои, — я смешалась — поприветствовала только его, да еще на земной лад, считай, пожелала здоровья, наверное чувственная хрипотца в его мягком, завораживающем баритоне отключила мозги.

Окинув быстрым взглядом его фигуру в черных свободных майке и штанах, сцепила зубы. Нельзя, ну нельзя быть таким совершенным! Таким рельефным, но не перекаченным, как Нофаль, высоким, но не горой, как Фальк, поджарым, но не жилистым, как Матео. А именно — идеальным! Хотелось закрыть глаза и развидеть этот идеал, но я вспомнила утренний разговор с Ровеной.

Поэтому, сглотнув слюну, натренированным за пару часов движением протянула ему ладонь. Улыбнулась, надеюсь, уверенно и настроилась флиртовать. Но чуть не поперхнулась, потому что большие, сильные и горячие мужские руки взяли мою. Осторожно, едва ощутимо, так естественно погладили мои пальцы, чувствительную ладонь, узкое запястье с тонкими голубыми венками. Затем Райо поднял мою руку и

медленно, удерживая мой взгляд, поцеловал ее.

Кожа на запястье, там, где легко касались его губы, словно заискрилась, меня прошила горячая волна — слишком яркие, острые ощущения. Мы так и замерли: близко-близко, глаза в глаза, он — как незыблемая черная скала с моей ладошкой в руках, а я — как лиана потянулась к нему всем телом и (только не это!) душой и сердцем. Так не должно быть! Это неправильно! Гадство! Ровена же сказала, что мужчина должен запомнить мою кожу и тепло и сойти с ума. А не я!

Странное чувство полыхнуло в золотистых глазах напротив. Жаль, я не успела его распознать — в следующий момент Райо уже опустил руки, но мою ладонь не отпустил. Затем, блеснув хищной, клыкастой улыбкой, напомнил:

— Ну что, идем? Мы зарезервировали зал для индивидуальных занятий.

— Да, конечно. — Я рванула на тренировку, как голодный курсант в столовую, лишь бы не стоять здесь дурочкой, очарованной первым попавшимся красивым мужиком.

Уже через полчаса я забыла про свои опасения и смущение. Все мое внимание было приковано к разминающимся мужчинам и Ровене. Она явно сошла с ума! И упорно напрашивалась на неприятности. Кузина лихо флиртвала сразу с Матео и Нофалем. Странная тренировка, когда двое мужчин пытались соблазнить одну женщину. Конечно, теперь никто не скажет, что хитрая хоя Никиш клюнула на богатенького шир Домака. Она решала, кому отдать предпочтение. И оба клеранца, в свою очередь, демонстрировали, что каждый из них достоин красивой женщины не меньше соперника.

Ровена вела бой то с одним, то с другим, и я гордилась тем, что мужчинам приходилось прикладывать усилия, чтобы положить ее, женщину, на лопатки. Правда порой меня терзали смутные сомнения, что слишком медленно Матео проводил захват, слишком долго и неизвестно зачем мял ее грудь. Нофаль и вовсе завалил Ровену на спину и как-то не по-спортивно улегся сверху и терся у нее между ног.

Вообще-то, тренировка больше походила на прелюдию к... сексу. Кузина определялась, кто будет тем счастливым. И подтверждение тому — внушительные выпуклости в паху у Матео и Нофаля и разгоряченная Ровена. Стыдно представить, что патриархальные клеранцы могут о нас, землянках, подумать: охотницы за мужиками или

дамочки с низкой социальной ответственностью. А может уже думают.

— Хватит разминаться, пора перейти к главному.

«Блюду», — захотелось мне закончить предложение Райо.

— Да, наверное... — пробормотала я и, бросив косой взгляд на Ровену и ее партнеров, кашлянув, призналась, — но я не такой опытный... боец, как кузина.

Райо с ленивой грацией хищника неторопливо обошел меня, словно оценивая стати, и наконец предложил:

— У нас большая разница в весе и росте, давай попробуем игровую форму?

— Давай! — облегченно выдохнула я.

Без каблучков я казалась малышкой рядом с ним и естественно опасалась, что мне в схватке ненароком достанется больно. Фальк с Райо ободряюще улыбнулись — а дальше резкий захват и бросок. Мой личный идеал не красоты, а мужественности мгновенно уложил меня на лопатки, но так аккуратно, что я почти не ощутила удара. Он действовал стремительно и осторожно, а мне только и осталось лежать на спине и ошеломленно хлопать глазами.

Чрезвычайно галантный спарринг-партнер помог мне встать и жестом предложил повторить. Через полчаса он позволил мне перебросить его, а точнее «уронить», выведя из равновесия. Но и этого хватило, чтобы я, раскрасневшаяся и мокрая от усилий, вопила и прыгала от радости. Дальше Фальк и Райо наставляли меня, как избавиться от захвата, и хотя подобные тренировки являются обязательной частью подготовки в моей академии, клеранцы добивались от меня прямо-таки идеального выполнения приемов.

Но радость победы неожиданно омрачилась: меня, в отличие от Ровены, никто не пытался соблазнить. Битый час меня именно учили и в большинстве случаев, когда требовался тесный контакт, ведущую роль на себя брал Райо, а Фальк словно в тень уходил.

Потом, словно время пришло, Райо остался моим единственным тренером и изменился.

— Давай попробуй освободиться из моего захвата, — воспользовавшись моей невнимательностью, он оказался у меня за спиной и перехватил под грудью.

Я попыталась выйти, как учили и наши, и клеранцы, старательно упиралась, пыхтела, дергалась, но Райо словно намертво приклеился ко

мне. Более того, через минуту моих тщетных усилий его руки сместились на мой живот и грудь — ситуация перестала быть игровой, она стала игривой.

Чем сильнее я сопротивлялась, тем более интимными и жаркими становились ответные действия. Странно, но это возбуждало невероятно, хотя никогда в жизни и при других поползновениях ничего подобного я не испытывала. А сейчас моя кровь походит на лаву, бегущую вниз живота. Я задыхалась, мне казалось, что губы Райо касаются моих волос, висков и шеи. В какой-то момент ощутила легкий, чуть болезненный укус, от которого позвоночник будто молнией прострелило и выгнуло. Глухой, чувственный стон вырвался из моего горла сам собой, а следом я ощутила вибрацию от мужского... рычания. И поняла: если вот сейчас чего-нибудь существенного не предприиму ради свободы, лишусь девственности прямо здесь.

Сконцентрировалась, собралась — и совершила переброс. То, что мне это позволили, я поняла, оказавшись верхом на Райо, который с довольным видом вытянулся спиной на матах, положил ладони на мои бедра и мягко поглаживал, словно взбрыкнувшую лошадь умирал. А я внутренней поверхностью бедер ощущала его — тот самый орган, который, судя по любовным романам и фильмам, должен быть большим, длинным, рельефным и головастым. А на самом деле, как пишут умные женщины и физиологи, важен не размер, а умение. И еще — желание и опыт. Лично мне по ощущениям показалось, что у Райо все это в полном комплекте есть.

Я уперлась ладонями ему в грудь, пытаюсь отдышаться и не дрожать всем телом от усталости и дикого возбуждения. Пыталась выбраться из его рук, но оказалась в плену золотых глаз.

В чувство нас привела Ровена, которая, нависнув над нами, выразительно покачала указательным пальцем и абсолютно неожиданно для меня строго заявила:

— Хой Райо, не трогайте моего ребенка! Эрику отпустили в тур под мою ответственность, и я обязана вернуть ее домой такой же здоровой и... нетронутой, какой она была еще вчера!

Мне хотелось убить ее, причем самым жестоким образом. Разве так можно?

— Я... ты... — у меня не находилось слов, чтобы достойно поставить эту «мамочку» на место.

— Я вас понял, хая Ровена, — без улыбки, серьезно ответил Райо, лежа на спине и удерживая меня. А потом добавил: — Меня интересует не игра.

Ровена усмехнулась, отчего ее большие выразительные глаза вспыхнули почти зеленым ведьминским огнем:

— Эрика не играет, пока лишь играется, и я рада, что вы это понимаете, шир Алесио.

Я сбросила с себя мужские руки, встала на подрагивающих ногах, совершенно нечаянно обратив внимание на тот самый пресловутый и внушительный бугор, который гордо топорщился в паху, и наверняка покраснела окончательно. Одно утешило: я не шутку разозлилась и возможно все решат, что мои щеки загорелись от гнева.

— Кузина, давай отойдем в сторонку? — дернула ее за руку.

Но Ровена, не обращая внимания на мой убийственный взгляд, весело предложила:

— Хои, мы в раздевалку, встречаемся внизу, в «Повелителе океанов», вода и сауны помогут сбросить напряжение.

— Отличное предложение! — единодушно и с не меньшим энтузиазмом поддержали клеранцы.

В раздевалке я возмущенно прошипела:

— Кузина, какого лешего ты творишь?

— А что именно тебе не понравилось? — флегматично спросила она, такая обычная девушка или уставшая спортсменка, которая экономит силы для будущих побед.

Куда только подевалась ее яркая сексуальность?

— Ну, во-первых, ты не имеешь права сообщать посторонним, иномирцам о моей...

Ровена вскинула руку, останавливая меня, а затем, приблизившись вплотную, шепнула на ухо:

— Вспомни, кто они, Эрика! Звери, которые притворяются людьми. Светский лоск и приличия — для других. Но звери любят охоту, она их заводит, заставляет отбросить условности и природную осторожность.

— Понятно, — горько выдохнула я. — Все для отдыха и даже моя невинность, да?

— Да! Но я не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня или ломала себя. Ты не играешь в мои игры. И теперь все четверо знают об этом, а не только догадываются. Как сказал Нофаль? Мы половинки: черное и

белое. Это, наоборот, к лучшему, другой уровень игры для шир Алесио, а ты постарайся сберечь свое сердце.

Я закусила губу, разглядывая слишком спокойную наставницу, а потом шепнула:

— Скажи, зачем тебе сразу двое? Неужели настолько сильно Нофаль понравился, что ты рискуешь вниманием Матео?

Ровена легко рассмеялась:

— Птичка, ну как можно быть настолько наивной в двадцать два? — Отметив, что я насупилась, она опять приблизилась к моему уху: — Соперничество за желанную самку — это тоже охота, еще и приправленная азартом. Для Матео сегодняшний спарринг — лишний повод усомниться в своей мужской неотразимости, пусть помучается, звереныш.

Мне хотелось возразить, сказать, что это некрасиво, неприлично и неэтично, но я оставила свои мысли при себе. Красота и приличия уставом не предусмотрены! И все же, «звери» и «звереныш» из уст Ровены коробили, царапали сердце.

* * *

Просторы «Повелителя океанов» неизменно ошеломляли и радовали возможностью выбора чего душе угодно. Клеранцы предпочли отдельную зону у бассейна рядом с вышкой, достаточно закрытую, комфортную и уютную, с шезлонгами, столиками и роботом для обслуживания. Видимо, желающих прыгать не нашлось. Мне все это великолепие показалось каким-то нереальным, невероятным: и широкий удобный шезлонг, накрытый мягким, симпатичной расцветки покрывалом, так и манивший в свои объятия, и запотевшие бокалы с холодными напитками, невольно заставлявшие облизнуться, и услужливый «персонал», готовый по щелчку пальцев принести все, что пожелаю. Ну или почти все.

Развалившись на шезлонге, я замороженно смотрела вверх, любуясь яркими иллюзиями чудищ и картин чужих миров на фоне тьмы космоса, расцвеченной сиянием звезд.

— Эрика, — Райо намеренно пропустил «хая», сократив дистанцию между нами, — вы никогда не видели раньше открытый космос?

Моргнув, возвращаясь в реальность, я опустила взгляд с прекрасных небес на брэнную землю, точнее, на соседний шезлонг, на который присел неожиданно зацепивший меня клеранец. Мои мысли еще витали где-то там, в бескрайней вселенной, а глаза слишком самостоятельно изучали его обнаженное тело.

Я всегда считала, что люди без одежды выглядят не так солидно, представительно и властно, как при полном параде, но не Райо. Этот клеранец даже в обычных плавках выглядит несокрушимой скалой. Спокойный и опасный. Жилистая шея, широкие плечи, торс с кубиками на зависть любому атлету, руки с сцепленными в замок пальцами, длинные мускулистые ноги — весь сплошная сила и уверенность. Я думала, что мой тип мужчин — умные, мягкие и добрые и никогда не искала внимания подобных Райо шир Алесио ярко выраженных доминантов. А за свою короткую жизнь повидала их немало.

И вот сейчас смотрю на одного из них и не могу оторваться. Мало того, просто нахожусь рядом и плавлюсь, а стоит ему всего лишь посмотреть на меня или дотронуться — вспыхиваю ярким пламенем!

Тряхнула головой, невольно рассыпав по плечам волосы, мой голос прозвучал немного сипло:

— Я видела проекции на мониторах, а не так... чтобы столько всего над головой. Жутковатая панорама, но очень здорово. Впечатляюще. А вы, шир Алесио, наверное, частенько любуетесь?

Райо улыбнулся краешком рта, по-прежнему изучая меня. Мы находились очень близко к друг другу, настолько, что я ощущала его запах, такой необычный, с множеством оттенков. А так как все четверо клеранцев тоже частенько принюхивались к нам с Ровеной, невольно разобрало любопытство: насколько им приятен наш запах? Конечно, не отвращает, но все-таки?

— Я больше чиновник или политик, чем путешественник или искатель приключений, — наконец ответил он, заметно подбирая слова. — И покидать Клеран предпочитаю на судах закрытого типа, где открытый космос, как вы верно заметили, можно увидеть лишь на небольшом экране.

Улыбнувшись, подначила его:

— Если честно, в это верится с трудом. Нашим бы чиновникам и политикам такие же внешние данные, тогда местные и планетарные заседания были бы на самом вершине любых новостных и шоу рейтингов.

Я видела вас на тренировке, по-моему, у вас военная, а не политическая подготовка.

Фальк, лежавший на соседнем лежаке и с удовольствием потягивающий фруктовый сок, поперхнулся после моего «разоблачения». Хохотнув, блеснув хищными клыками, он начал издаലെка:

— Хая Эрика, наши цивилизации отличаются. Земляне и клеранцы — как жидкое и твердое, разные. Ваши женщины стремятся стать сильнее мужчин, слабые мужчины верят иллюзиям, для вас равноценны понятия «богатство» и «счастье». Каждый второй мнит себя политиком, каждый третий мечтает им стать, чтобы обрести власть и деньги, вседозволенность. Поэтому усилия людей направлены на достижение некоего положения в обществе, а не личное самосовершенствование. Ваши мужчины перестали быть опорой семьи, защитниками, часто эти функции выполняют женщины, а они добиваются нужного результата совершенно другими путями...

— А вы? — изумленно и немного уязвленно поинтересовалась я.

— Клеран — другой, он не лучше и не хуже вашего мира, просто другой. Помните, я говорил, Клеран — глубоко патриархальный мир. Слабый духом мужчина находится в самом низу иерархии. Чудо, если такого оценит женщина. Для нас политика — тяжелая обязанность, а не мечта.

— Я слышала, что Клеран переводится как хищное сердце, не слишком доброжелательно, вообще-то.

Райо с Фальком мягко усмехнулись.

— Это не свидетельствует о жестокости нашей расы, — бархатному баритону Райо хотелось верить, — а намекает на особенности наших сердечных привязанностей. Не более.

— Да-а-а? Можно поподробнее? — я уселась, заинтригованная темой разговора.

Фальк переглянулся с Райо, старшим, оба хмыкнули, раздражая меня, не желая делиться тайнами.

— Мы никогда не делимся тем, что сочли своим, — намекнул «клеранский политик».

Приподняв брови, я хихикнула и попыталась вызнать дальше:

— Если исходить из понятия «хищное»... то любовь — как добыча, поймал и уволок доедать?

— Нет, прятать и обладать, — широко улыбнулся Райо, обнажив клыки, которые добавили веса словам.

— Звучит пугающе, — сникла я.

— Может быть, для землянки, но в реальности дело обстоит гораздо увлекательнее. И наощупь, и для души, — заверил Фальк с уловимой насмешкой.

Райо едва заметно качнул головой с укоризной, бросив на иронизировавшего друга предупреждающий взгляд. Интересно: это он меня спугнуть боится такими откровениями?

Наш разговор прервала Ровена:

— Эрика, ты отсидишь здесь все самое ценное!

Кузина вернулась с Матео и Нофалем, накатавшись с горок. И не на своих двоих, а на руках у весьма довольного Нофаля. Весело шлепнув его по плечу, чтобы отпустил, очень медленно и провокационно соскользнула по нему, в последний момент прильнув теснее. Всего лишь миг — и Ровена уже у моего лежака. Мокрая, в ярком алом бикини, с выступающими сосками, красивая и сексапильная до невозможности.

— Мы беседовали о политике и различиях между Землей и...

— Мы с Дагавы, так какая разница, чем отличается Земля и Клеран? — весело и беззаботно оборвала меня Ровена, при этом в ее взгляде, адресованном мне, мелькнуло что-то очень жесткое и злое. Затем только для меня она добавила: — Тик-так, тик-так...

— Мы обсуждали не особенности планеты, а менталитет землян и клеранцев, — напомнил Фальк.

Ровена окинула собеседников взглядом «вам заняться больше нечем», отжала мокрую косу и, похлопав глазами, заявила:

— Рядом с хорошей женщиной и мужчина может стать приличным человеком.

Нофаль, криво ухмыльнувшись, неожиданно парировал:

— А наши старики говорят иначе, мужчина может либо любить женщину, либо иметь, другого не дано.

— Фу-фу-фу, как грубо, — досадливо поморщилась Ровена.

А я уточнила, вдруг понятийный аппарат дал осечку:

— В каком смысле? В духовном или... интимном...

— Во всех, — хохотнул Нофаль. Действительно грубиян.

— Хои, кажется, скучно стало, вы не находите? — капризно

заявила Ровена, картинно надув губки и глядя то на одного, то на другого мужчину.

— Хая Ровена, неужели вы соскучились по магазинам? Я знаю, что это любимое женское занятие, но надеялся составить конкуренцию... — изобразил трагичную физиономию Матео.

— К сожалению, ваши спутники, хой Райо, вряд ли составят мне компанию, — нарочито грустно вздохнула Ровена, от чего ее шикарная грудь заманчиво всколыхнулась, привлекая общее мужское внимание.

— Зачем они вам там? Возьмите лучше кухню, — в шутку предложил Райо.

— Нет-нет, Эрика и шопинг — вещи не совместимые, — совершенно серьезно ужаснулась Ровена.

— Не нравится? — изумился Райо и вместе с остальными с любопытством посмотрел на меня.

— Нет, скорее то, что предпочитает она, не нравится мне. У нас противоположные вкусы, — Ровена с нескрываемым раздражением напомнила о нашем недавнем походе по магазинам.

— Вкус либо есть, либо... не совпадает, — важно заявила я, но с ехидным подтекстом для старшенькой.

— Какая у вас крепкая, дружная семья, — хмыкнул Нофаль.

— Не то слово! — хихикнули мы с Ровеной неожиданно синхронно.

Я поспешно сменила тему, поинтересовавшись у Райо:

— У вас есть братья или сестры?

— Так почему вы не любите магазины? — он внимательно смотрел на меня, классически пропустив вопрос мимо ушей.

Пожав плечами, я призналась:

— Не люблю тратить время напрасно!

— Но как же? — изумился Матео. — Женщины — большие любители поглазеть, примерить, потом купить что-нибудь ненужное.

— Чтобы купить что-нибудь ненужное, надо продать что-нибудь ненужное. Либо, что, увы, редко бывает, нужно иметь лишние деньги, — с веселой иронией выкрутилась я.

— Разве ваша семья не может позволить себе выделить лишние деньги для любимой дочери? — осторожно уточнил Райо.

— Видимо, не настолько любима, — мрачно заметила я, скептически посмотрев на Ровену.

— Ну скажешь тоже! — рассмеялась она.

Чересчур радостно смеялась. Зато я неожиданно расслабилась: хоть один снаряд не в мое распоряжение. Встала и легкой, надеюсь, не менее женственной, чем у кузины, походкой направилась к вышке. Не зря же купила, на мой и клеранский мужской взгляд, симпатичный изумрудный и, главное, спортивный купальник. Поднялась на высоту десять метров, посмотрела вниз на замерших клеранцев, нахмурившуюся Ровену. Похоже, она волнуется за меня. Райо в напряжении встал у подножия вышки. Мне показалось, он уговаривает себя не рвануть за мной. Неужели боится за меня? Незачем. Разбежавшись и подпрыгнув, я идеально, свечой вошла в воду. Вынырнула у самого бортика, где глубина по грудь. Вытерла лицо и осмотрелась. На лицах моих спутников отразились впечатления.

— Не знала, что ты так классно ныряешь, — не скрыла восхищения Ровена.

Приятно, словно меня тренер впервые похвалил. От нее можно было ожидать что-нибудь из черного юмора некоторых преподавателей из академии: «Кто не умеет плавать, тот должен хорошо нырять.»

— Хая Эрика, вы подобны яркой красивой птичке, — присоединился к ней Матео, присаживаясь рядом со мной на борт.

— А вот и наш орел, — мурлыкнула Ровена, глядя вверх.

Я тоже подняла глаза и успела поймать мощный прыжок и полет Райо. Он вошел в воду почти без брызг, словно нож в масло, — мужчина сплошь из стальных мышц и абсолютной уверенности. Крупная тень стремительно скользнула у дна в нашу сторону, а в следующее мгновение я вскрикнула — кто-то прикоснулся к ногам под водой. Через секунду меня со спины буквально обволок смешно отфыркивающийся Райо, облепил, обнял, прижал к себе. На контрасте с прохладной водой я особенно остро ощутила жар мужского тела, его рельеф, жесткие волосы, перекачивающиеся под кожей мышцы.

Райо скользнул ладонями по моим ногам, бедрам, талии, сомкнул их у меня под грудью и замер. Затем приподнял меня и, удерживая стальным захватом, мягко прошептал над ухом:

— Моя маленькая красивая птичка...

— А большие коты очень любят маленьких глупых птичек, — цинично заметила Ровена, с предупреждением глядя на Райо.

Держась за сцепленные на мне мужские руки, я скрипела зубами:

ненавижу прозвище Птичка, оно даже в космосе достало, даже от инопланетян прилетело!

Нехороший разговор о котах и птичках прервал самым бесцеремонным образом Матео — подхватил Ровену на руки и бросил в воду, и сам прыгнул следом. Сначала «обиженная» женщина в ярости метнулась за ним, а затем они так увлеклись игрой в мяч, вовремя брошенный в воду Нофалем, что вскоре втроем шумно и весело отбирали мяч друг у друга.

Я хотела присоединиться к ним и попыталась выбраться из объятий Райо, носом водившего у моей шеи и виска, но только «раззадорила» — ягодицами ощутила его возбуждение. Пришлось с усилием развернуться и упереться руками ему в грудь. Но тут запал борьбы пропал: я замерла, утонув в золотых глазах клеранца, чувствуя, как под моей ладонью колотится его сердце. А через секунду и мое заполошно застучало — его ладони переместились на мой зад и вынудили обхватить его талию бедрами.

— Поплаваем? — хрипло предложил Райо, улыбаясь.

Возможно, я бы вырвалась из его слишком интимного, доминирующего захвата, но он меня обыграл: лег на спину и поплыл, удерживая нас обоих, медленно, лениво. Я лежала у него на груди, обнимая его бедрами и чувствуя, как его мужественность упирается мне в живот. И уже собралась уйти в самостоятельное плавание, но он ласково шепнул:

— Не бойся, я не обижу.

Наше тихое скольжение, жар великолепного мужского тела и водяная прохлада, горящие желтые глаза — все это было настолько экстраординарным, необычным, а еще настолько возбуждающим и волнующим, что низ живота тянуло от желания. Я забыла обо всем на свете, об отдыхе, времени и уставе. Словно были только мы. Хотя рядом резвились клеранцы и Ровена, к ним даже флегматичный наблюдатель Фальк присоединился. Шум, брызги, восторги веселой компании воспринимались фоном, как теле вещание, а мы, словно одинокая лодка, медленно крутились на одном месте. Сложив руки на груди Райо, я оперлась о них подбородком и открыто любовалась его мужественным лицом. И наслаждалась своими ощущениями. Пока совершенно неожиданно с моих губ не сорвалось:

— Ты любил когда-нибудь?

Райо, чуть приподняв голову над водой, пристальнее взглянул мне в глаза:

— Эрика, клеранец любит лишь раз и на всю жизнь. Ты не знала?

Облизав внезапно пересохшие губы, я ощутила вкус обеззараженной воды. И, смутившись, тихонько ответила:

— Слышала, но... не знаю, само собой спросилось.

— Я рад, что тебя интересует мое семейное положение, — улыбнулся Райо.

В его глазах я заметила нежность, обрадовалась и вдруг испугалась. Я хотела этой нежности и не хотела одновременно. Больше смотреть ему в глаза не смогла, боялась выдать свои сомнения и страхи. Поэтому положила голову ему на грудь и, ощущая щекой горячую кожу, пробормотала:

— Я не думала о твоём положении, просто спросила о... чувствах.

— Если клеранец полюбил, значит, скоро станет женатым.

— А если женщина занята и не сможет ответить на его чувства?

Я не смогла отказать себе в желании легонько погладить пальцами Райо по предплечью. И любовалась, как в прозрачно-голубоватой воде размеренно двигается его мускулистая, слишком мужская рука, надежная для кого-то и опасная для врагов.

— Если не сможет ее отвоевать и соблазнить — значит слабак и останется несчастным и одиноким, — прозвучало как само собой разумеющееся.

— Так вот откуда взялось ваше «хищное» сердце? — улыбнулась я.

— Вероятно, — в его ответе тоже чувствовалась улыбка.

— А если избранница умрет раньше? — грустно спросила я и затаила дыхание.

Широкая мужская грудь подо мной дрогнула от не менее грустного смешка:

— Эрика, зверю чужды ваши земные желания, нам не нужны только власть и деньги. Кроме пищи, зверь нуждается в любви, без них он умирает.

— Ты так прямолинейно называешь себя зверем? — я даже голову приподняла, чтобы посмотреть в лицо Райо.

Он улыбался немного грустно, но понятно:

— Вас в этом убеждают СМИ. Не многие способны и хотят понять природу клеранцев. А все, что отличается от привычного и

стандартного, плохо принимается землянами. Да и многими другими видами и расами. Мы сами такие же...

— Да, наверное, ты прав, — я глубоко вздохнула. А потом вспомнила Ровенино «тик-так» и бодро предложила: — Поплаваем?

И скользнула с Райо на глубину, чтобы уплыть подальше. Не тут-то было, он дернул меня за ногу назад. Мы зависли под водой, глядя друг на друга, словно еще не насмотрелись. Сначала Райо держал мою лодыжку, потом, перебирая пальцами, поднялся выше, к бедру. Наконец, я выпустила изо рта воздух, оттолкнулась ото дна и устремилась вверх.

Он вынырнул рядом, помог удержаться, словно я запросто могла уйти под воду, посадил меня на согнутый локоть, чтобы было легче отдышаться. Проморгавшись и отбросив мокрые волосы назад, я осмотрелась и едва не нырнула обратно, увидев Ровену. Опять поморгала, решив, что показалось. Не показалось: мою кузину, женщину слишком свободных нравов, с двух сторон зажали Нофаль и Матео... и что у них там под водой творилось, мне лично выяснять было стыдно. Выглядело это... ну почти как... секс.

Райо, увидев своих спутников и мою реакцию, насмешливо тряхнул головой.

— Все это выглядит не очень, но поверь, Ровена не такая, как сейчас кажется и...

Мой лепет в оправдание кузины и смущение развеселили его еще больше:

— Каждый расслабляется как может и хочет. Эрика, оглянись, здесь место удовольствий и радости, и...

Его попытку успокоить меня гневно оборвали:

— Да как вам не стыдно, рядом же дети! А вы непотребством занимаетесь... да еще втроем сразу.

Это из соседнего бассейна выказывала недовольство нашим поведением жаронка — жирная дама с множеством складочек, пребывающая в компании супруга и двоих пухленьких детей. Она сердито вытаращилась на нас круглыми водянистыми глазами, а вот ее супруг — стройный эффектный красавчик — отвлекся от детей и глянул на наше выяснение отношений с некоторым удивлением.

Жароны — интересная раса. Рождаются и долго походят на гусениц: толстые, страшненькие. Но, полюбив, словно в бабочек

превращаются, обретают красоту и яркость. Я с горечью усмехнулась, глядя на эту мать семейства. Выходит, она так и не смогла полюбить, в отличие от своего красавчика мужа. Вот и злится, подглядывая за чужими утехами, причем происходящими за пределами досягаемости ее семейства. Да у нее самой буквально под носом плавают ахнидии, жители водного мира, и активно трутся тонкими головными отростками — практически совокупаются.

— Простите, хая, подобное больше не повторится, — спокойно ответил Райо, прижимая меня к себе.

Я обняла его за мощную шею и тихонечко смущенно хихикала. А Ровена откровенно хохотала, выскочив из бассейна и пригрозив пальчиком «нарушителям общественной нравственности».

«Гусеница» продолжала возмущаться:

— Столько заплачено за комфорт и культурный отдых, а вокруг сплошная невоспитанность и дикари...

Райо помог мне выбраться из воды. Мы расселись по шезлонгам и делали заказы.

Ровена вальяжно откинулась на спинку шезлонга и пресыщенно лениво протянула:

— Любопытный взгляд у хаи на образование и воспитание. Особенно с учетом разных культур и знаний в коалиции. Что ее занесло на этот трансгалактический лайнер? Еще бы двадцать шестой уровень посетила с развлечениями только для взрослых.

Я поспешила оправдать поведение кузины, ну и свое тоже, ведь тоже шалила с мужчиной:

— Насколько мне известно, на Земле у двух национальностей совершенно разные традиции. Кто-то после вкусного обеда благодарит хозяев смачным плевком на пол, а для других это — смертельное оскорбление.

Все четверо клеранцев дружно посмотрели на меня. И я поймала себя на том, что стыдливо морщусь, искоса глядя на соседей и непроизвольно сминая покрывало на шезлонге. Фальк усмехнулся и на клеранском негромко что-то сказал Райо, словно подтрунивал над ним, или... завидовал.

Видимо, перестаралась я со своими устоями. Слишком крепко вбили в меня правила поведения этой пресловутой «идеальной жены» в детстве, черт их дери. Ой, даже глухие отголоски «отеческих заветов»

послышались: «Семья — это святое!». Я мысленно дала себе подзатыльник, внутренне встряхнулась и весело предложила:

— Может, ну его, этот бассейн? Вокруг еще столько интересного, чего мы не видели, а времени до Фортана мало...

— Возможно, мы бы смогли найти еще двое суток, чтобы насладиться вашей душевной компанией и на Фортане, — промурчал Матео, подаваясь ближе к Ровене, едва не укладываясь к ней на шезлонг. Но его быстрый вопросительный взгляд на Райо не укрылся от нас с кузиной.

— Возможно! Розовые слоники — непреодолимое искушение!

Услышав мнение главного клеранца, я с трудом сдержала крик триумфа. Поймала взгляд Ровены, она слегка хмурилась, словно пыталась постичь некую тайну, которая никак ей не давалась.

* * *

Я сбежала! Несерьезно, глупо, по-детски! Все понимала, но не смогла справиться с собой — хотя бы полчаса побыть в одиночестве, нет, наедине с целой вселенной. Себе в оправдание вспомнила, что отец говорил: «Вам, женщинам, ведома магия сердца, души и тела, сама природа даровала вам умение чувствовать чужую боль, тьму и найти спасение. Прислушайтесь к себе, пользуйтесь женской интуицией — и тогда ваша семья всегда будет обеспеченной и счастливой!»

На фоне космоса моя интуиция нашептывала, вернее, твердила с навязчивостью учебника: «Это твое первое и последнее путешествие подобного формата, курсант, вот и наслаждайся всем, что здесь есть, как те же смуфы. Хотя бы лишние полчаса потратить на себя!»

И я тратила их в месте, которое уже раз десять видела в рекламном ролике о том, что обязательно нужно посетить на лайнере «Вселенная радости». И вот я здесь! Просторная площадка в форме гигантского яйца специально была сделана «прозрачной», благодаря чему все желающие могли видеть, как лайнер несется по космическим просторам, преодолевая пространство и время. К тому же добавляет остроты ощущениям пол под ногами, тоже прозрачный, — словно паришь над бездной...

Вплотную к корпусу подойти было нельзя из-за перегородки

высотой метра полтора. Схватившись за поручень, я подалась вперед и любовалась видами за бортом. Мне все еще было мало вселенной — невозможно насытиться сияющими звездами, туманностями, облаками! Даже если благодаря натренированному, внимательному взгляду сразу распознать, что, увы, суперпрочный корпус не прозрачный, а эффект «полного погружения» достигается сплошным экраном с объемным изображением. Подобные аттракционы сплошь и рядом устраиваются на планете: прозрачные мосты над пропастью, на небоскребах. Но впечатления — спасибо создателям этой мощи и организаторам тура! — зашкаливают, тем более здесь не земная твердь, не кино и не планетарий, а огромный корабль — жалкая песчинка, молекула в масштабах вселенной.

Я постоянно невольно отмечала конструктивные особенности этого огромного лайнера — ведущего судна одной из крупнейших компаний мира Аябук, бывшего когда-то земной колонией, но разорвавшей связи с древней метрополией из-за жестокой эксплуатации планетарных и людских ресурсов. С тех пор многое изменилось, но аяки, как называют себя выходцы с Земли, или бывшие земляне, старательно отграничиваются от своих корней. Ревностно защищают свой суверенитет и очень активно развиваются в техническом и экономическом плане. Нам, курсантам академии, аяков преподносят как отщепенцев и предателей. Кто-то верит в это искренне, но не подобные мне отпетые прагматики.

Наверное, уже минут пять я не могла оторваться от «кормы» «Вселенной радости». С прямо-таки детским восторгом наблюдая, как там, на фоне светящегося нейтронного хвоста, крутятся сверкающие энергетические лопасти вокруг ядра одного из двигателей лайнера. Страшно представить их размер и мощь, а если что-то пойдет не так — будет настолько чудовищный взрыв, что увидят и на Дагаве, хоть мы уже двое суток в пути.

В который раз поймав себя на том, что, видимо, не полученное в детстве сказывается, я успокоилась и «приняла взрослый вид». По привычке вытянувшись стрункой, чувствовала, как в душу заползает холод и одиночество. На фоне темного, ледяного и безмолвного космоса я ощутила себя даже не песчинкой, с которой ассоциировала корабль, а... фотоном. Вспыхнула и погасла, исчезла, никем не замеченная. Я крепче сжала поручень, невольно обратив внимание на свои руки:

тонкие, изящные пальцы, узкие кисти, нежная, бархатистая кожа (благодаря здешнему сервису) с тоненькими венками. Черный широкий браслет на запястье только усиливал их природную хрупкость.

В бассейне Ровена попрощалась с клеранцами и увела меня в каюту, чтобы те не успели пресытиться нами — пусть «жертвы» нагуливают аппетит. В каюте мы пообедали и часок поспали, а затем не менее двух часов нежились в спа. Для меня, совершенно непривыкшей, чтобы кто-то заботился обо мне таким образом, ощущения были фантастические: сияющая увлажненная кожа, расслабленные мышцы, тонкий аромат масел, пропитавших тело.

Даже вечернее платье село на меня по-особенному. Черный корсет, расшитый серебряными нитями, приподнял грудь, подчеркнул тонкую талию, а струящаяся до лодыжек шелковистая ткань немного расклешенной юбки — округлые бедра и красивые ноги. От малейшего движения тонкий шелк скользил по чувствительной коже, посылая по телу возбужденных мурашек. Тяжелое агатовое ожерелье привлекало дополнительное внимание к нежной коже полной груди и соблазнительной ложбинке.

Переступив с ноги на ногу, я ощутила, как пальчики на ногах щекочут нежные лепестки черных шелковистых цветков, украшающих босоножки на высокой шпильке. Эта легкая, изящная обувь каким-то невероятным образом удерживается на ногах парой тонких кожаных ремешков.

Да, если всего три дня назад считала себя просто хорошенькой, то сегодня, в роскошном вечернем наряде, благоухающая и ухоженная до кончиков ногтей, поняла: я — красавица. Причем без всякой лести и после личного придирчивого осмотра. Мастер на все руки Ровена — настоящая волшебница и в искусстве макияжа — постаралась от души. Действительно старшая, наставница, и я жадно внимала ей. Всего лишь пара легких мазков по векам серо-жемчужными тенями придала темно-шоколадным глазам глубины и тайны; чуть подкрутила и так густые черные ресницы; добавила губам яркости розовым блеском — и все. Моя природная красота засияла, словно ограненный бриллиант: гладкая нежная кожа с легким румянцем, крылья носа трепетно дрожали, чувственный рот приоткрылся в удивленном «ого, неужели это я!?»

Вдруг я ощутила наполовину обнаженной спиной чей-то взгляд и рефлекторно обернулась. Райо! Он молча наблюдал за волной

моих темных блестящих волос медленно, лениво, немного щекотно стекавшей с плеча на спину. А я смотрела на него, надеюсь, цинично-изучающе, а не восхищенно-придурковато, как, некстати, могло получиться. Потому что этот супербрутал в уже, кажется, привычном черном костюме с тонким шелковым шарфом вместо галстука, белоснежной рубашке не мог не волновать. Полюбовавшись его великолепной фигурой, я чуть не сделала ему комплимент, но, конечно, не решилась и уже хотела выдать дежурное «доброго времени суток», но он опередил:

— Ты очень красивая, Эрика!

Ровенин трюк с плавным и эффектным перебрасыванием волос мне удался, а вот изобразить уверенную светскую улыбку — нет. Рядом с Райо я терялась, робела и стеснялась. Как глупо! Да что же происходит, в конце концов? Пришлось напомнить о дистанции:

— Благодарю вас, хой Райо! Вы один? Без телохранителя Фалька?

Райо чуть поморщился, отрицая:

— Фальк не телохранитель, он куратор.

— Куратор? — Вот так неожиданность!

— Мы с шир Домаком из одного круга, по-вашему, администрации, но политические представители не могут относиться к одному кругу. Как правило, формируется смешанная делегация из разных.

— Чтобы исключить сговор узкого круга? — предположила, а по сути умничала я.

— Да, наверное, в какой-то мере, — признал Райо, серьезно глядя на меня.

Клеранец сделал последний разделяющий нас шаг, встал почти вплотную, опустил взгляд и коснулся моего запястья, затем его пальцы скользнули вверх, лаская руку, посылая по коже мурашек, замедляясь в особенно чувствительных местах — в ямочке у локтя, на внутренней поверхности руки...

Он видел, все-все видел: как разбегались мурашки по моей коже, как частила жилка на моей шее и пульс на запястье, как ускорялось и становилось поверхностным дыхание. Всего одно его движение — и я горю от желания. Легко обхватив мою ладонь, он поднял наши сцепленные руки и томительно медленно поцеловал каждый пальчик, глядя мне в глаза. И я на все сто уверена: мой страх Райо тоже видел.

Отметил, что я боюсь не физической боли, что его резкое движение меня не пугает — я даже не моргнула и не дрогнула, когда он резко поднял вторую руку и, обхватив мой затылок, мягко массировал кожу под волосами. Я боялась за свою душу, за сердце, будущее...

Кроме нас сюда пришли пощекотать себе нервы несколько пассажиров. Кое-кто восторженно ахал-охал, кто-то делился впечатлениями, но, кажется, никому до нас не было дела. Какой космос? Мы любовались друг другом. Игнорируя возможное чужое внимание, я бесстыдно льнула к Райо, тянулась к нему каждой клеточкой своего тела, всей душой. Наслаждалась прикосновениями его губ к моим пальцам и мягким поглаживанием затылка. Хотелось замурлыкать, зажмуриться от удовольствия. Но ведь тогда я не смогу видеть, как все сильнее разгораются его желтые глаза. Я не могла разобраться в нахлынувших чувствах: слишком все ново, необычно, опасно, будто я попала в шторм. А ведь так нельзя.

— Странно... — Райо неожиданно нахмурился.

— Что странно? — пытаюсь выбраться из чувственного тумана, оторваться от его глаз, прошептала я.

— Два дня! Всего два дня — а ты у меня словно под кожей...

Райо зарылся пятерней в мои волосы и провел по всей длине, откровенно любуясь.

— Наверное, просто атмосфера здесь такая, потом пройдет, — неожиданно для себя, слишком горестно, уныло шепнула я.

Где-то на задворках сознания давал о себе знать разум, а может инстинкт самосохранения, но глаза и уши хотели верить сердцу. Райо ласково улыбнулся, блеснув клыками, погладил мою щеку кончиками пальцев и смотрел при этом странно, с нежностью и... голодом что ли. Незнакомый и непривычный взгляд, от которого все во мне трепетало.

— Мне тридцать пять, Эрика, и отдыхаю я не впервые.

Я приподнялась на цыпочки, дотронулась до его лица, погладила скулы, темные брови и, наконец, коснулась саусов. Осторожно провела подушечками пальцев во всей их длине. Отметив, что у Райо крылья носа задрожали, верхняя губа приподнялась, ощериваясь, но не грозно, а будто бы от удовольствия, я хрипло спросила:

— Что ты ими чувствуешь?

— Слишком многое. Я опасаясь, если сейчас развернусь к пассажирам, нас опять обвинят в непристойном поведении, —

усмехнулся он.

Я вспыхнула от смущения и поняла, что тоже перешла на «ты». Клеранец наклонился и, едва касаясь, целовал меня сначала лоб, потом скулы, щеки, губы. Легонько, бережно, нежно.

— Нас, наверное, потеряли, — вспомнила я, зарываясь пальцами в его короткие волосы на затылке.

И ведь разумная мысль, но кто бы из нас к ней прислушался? Лично мне следовать разуму откровенно не хочется. Особенно сейчас, когда я целуюсь с Райо, да и вообще впервые целуюсь.

— Я не отпущу тебя, Эрика, — хрипло сказал он, прислоняясь лбом к моему.

— И не надо, мы же вместе на ужин пойдем. Думаю, Ровена и твои...

— Не сегодня, моя птичка, а вообще никогда.

Схватившись за его руку, которой он все еще удерживал мою, я изумленно спросила:

— Ты принял жизненно важное решение после двух дней общения?

Райо усмехнулся, снова покрыл короткими поцелуями мое лицо и неожиданно пожал широкими плечами:

— Если честно, сам поражен.

А мою душу раздирали триумф и страх. Я добила желаемого всего за два дня, но внутри словно пружина лопнула и скопившееся за неделю напряжение сменилось иррациональной паникой. Причем, испугалась я не за себя, а за Райо. Может, все, о чем говорят, неправда? Может, ложь, клевета и... Переполюнявшие меня эмоции и сомнения вылились в хриплое:

— Скажи, ты веришь в высшие силы?

— Как и любой клеранец, да, — Райо удивился.

— В темных или светлых? Я читала: у вас есть разделение...

— Я верю в Каллу, покровителя моего рода. — Темные брови Райо заметно поднялись.

«Каллу, Каллу...» — я перебирала в памяти клеранский пантеон, но именно об этом боге не слышала и не видела в списке. Как же так? Ведь ради него совершается слишком много. Мне нестерпимо хотелось подобраться ближе к истине. В горле пересохло от волнения, мой голос, наверное, походил на карканье вороны:

— Ты убивал?

— Да, — Райо убил все мои надежды на ошибку или клевету.

Я сглотнула горький ком, застрявший в горле. Опустила голову и медленно отвернулась, тем не менее, позволив Райо обнять меня, словно теплым одеялом укутать. Внутри ныло от боли и горечи: как обычно, все в моей жизни, как обычно. Райо скрестил руки у меня на груди, я положила на них свои ладони, ощутила под тонкой, приятной на ощупь тканью его жаркое мускулистое тело. Он напрягся после моих вопросов, и я насторожилась: все-таки виноват? Считается, невинный не боится простых вопросов, не ищет скрытого смысла, поэтому задала вопрос, далекий от веры и смертей:

— Ты когда-нибудь задумывался, за что люди любят?

Несколько мгновений Райо молчал, затем немного расслабился. Его голос прозвучал спокойно:

— Люди — нет, а мы, наверное, чувствуем себе подобных, идеально подходящих, нужных именно нам. Нет — необходимых!

— Слишком сложно, — вздохнула я, думая о своей жизни и этой ситуации.

У Райо было свое мнение:

— Почему? Если подумать, то наоборот — все просто. Ты либо любишь, либо нет.

— Почему-то в моей жизни ничего просто не бывает, — грустно призналась я и неожиданно для себя потерлась носом о руки Райо.

Как это произошло? Наверное, исключительно по наитию, по той самой хваленой женской интуиции, о которой распинался «отец», коверкая ее суть.

Мужчина прижал меня к себе теснее и на ухо шепнул:

— Доверься мне, обещаю: все будет хорошо.

— Возможно, — отозвалась я и даже кивнула, кивнула, не моргнув глазом, будучи уверенной на все сто, что это невозможно. А дальше буквально силой выдавила из себя: — Но сначала я хочу на Фортан, к розовым слоникам. Хоть ненадолго.

— Птичка ты моя, маленькая, — тихонько рассмеялся и расслабился Райо, словно я ему «да» на все-все сказала.

— Пойдем на ужин? — жалобно попросила я.

Райо несколько мгновений рассматривал меня, повернув к себе лицом, затем заботливо спросил:

— Ты проголодалась?

Я мигом собрала силу воли в кулак, отодвинув свою неизвестно откуда взявшуюся влюбленную придурь, и с игривой улыбкой ответила вопросом на вопрос:

— Может, как ты сказал, я просто трусиха? И не умею принимать важные решения за два дня?

— У тебя еще много времени, чтобы узнать меня гораздо лучше.

Взявшись за руки, мы направились ужинать.

Как ни странно, но, увидев меня с Райо, Ровена ни словом не взглядом не упрекнула, наоборот, ее глаза засверкали еще ярче. Сегодня кухня предпочла платью ярко-синий, сверкающий как звездное небо, слегка облегающий комбинезон и поражала окружающих длинными стройными ногами, соблазнительным бюстом и бесподобной пластикой танцовщицы. Само совершенство и прекрасно знает об этом! За ужином я наблюдала, как Матео, Нофаль и громила Фальк в добавок, суровые, brutальные и вызывающие животный страх «хищники», как некормленные котики вились возле нее, выпрашивая крохи внимания.

Райо, сидевший рядом со мной, привычно положив руки на подлокотники, с ленивой, царственно-снисходительной улыбкой тоже следил за этим чувственным представлением. Но и за мной ухаживать не забывал. Про Ровенино «тик-так» я и не вспомнила — впервые в жизни в непосредственной близости видела и слышала, как сводят с ума мужчин. Причем, легко, красиво и — без зазрения совести. И убеждалась: красота — страшная сила!

* * *

Если сказочный аквапарк «Повелитель океанов» приятно удивил меня, то феерично-фантастичный клуб «Огонь в крови», потряс до основания сразу. От входа в клуб, представляющего собой огромное помещение с многочисленными тематическими зонами, расположенными по конической, расширяющейся вверх спирали, с просторной площадки медленно отплывают в разных направлениях матовые диски-антигравы. Развозят гостей, желающих выпить и потанцевать, на свободные уровни. Никакого резервирования и VIP-зон — места достаточно, хватает всем, пришел и размещайся, где свободно и нравится. Или присоединяйся к компании по интересам.

В первый момент я машинально вцепилась в руку Райо и с содроганием взглянула под ноги — наш диск, плавно огибая препятствия, плыл на какой-то из верхних уровней. Внизу я увидела бар; хоть аяки якобы забыли о прапачери Земле, они слишком многое взяли у нее. Скорее всего, это стилизованный под старину элемент интерьера, и, вполне возможно, иллюзия, а еду и напитки разносят дроны в виде ярких насекомых, забавно мелькающие то тут то там.

Прямо в воздухе, заняв большую часть пространства в центре спирали, между уровнями-витками, парят просторные, с белой подсветкой диски, похожие на те, которые несут нас сейчас к месту «высадки». На этих круглых светящихся и парящих танцполах во всю отжигают гости, выбравшие «Огонь в крови» для вечернего досуга. Удивительное дело: нет привычной громкой музыки, характерной для подобных клубов, — звучит тихая мелодия, которая не заглушает разговоры, смех и перезвон бокалов, создавая комфортную и уютную атмосферу. При этом на множестве разрозненных, «плавающих» в воздухе танцполов царит бурное оживление: инопланетяне танцуют кто во что горазд, хотя порой кажется, кто-то в судорогах бьется.

Поднявшись на выбранный клеранцами уровень, наша компания не сразу направилась к столам и диванам, а с любопытством разглядывала интерьеры и гостей. Кого здесь только нет! Серые даги изображают волны, плавно и слаженно раскачиваясь, голубые домрусы, похожие на призраков, будто не танцуют, а ведут бой, — столько страсти и экспрессии, кто бы мог подумать. Бочкообразные майджоры, наоборот, предпочли диску лаунж-зону с «растительностью» и «костром»; мне показалось, что они слушают флейту, тонкий, надрывный плач которой эхом разносится в горах. Недалеко отрывается тесная и многочисленная группа землян. Похоже, сородичи устроили своеобразный баттл.

— Занятно, — немного растерянно и разочарованно протянула Ровена.

И с прагматичной точки зрения я ее понимаю: очередная проблема при соблазнении «жертв». Походить на испорченную куклу, дергаясь в слышимом только тебе музыкальном ритме, — что в этом может быть эротичного? Зато мой внутренний, не наигравшийся «ребенок», который дорвался до очередного незнакомого шоу, просто не мог оторваться от яркого зрелища. Я с трудом сдерживалась от неуместных восторженных восклицаний и слишком восхищенной улыбки. И все-

таки не выдержала, кивнув на один из парящих дисков, над которым мерцает белый купол, спросила:

— О, а почему некоторые затонированы?

— Может там очень стеснительный народ собрался, не хочет демонстрировать окружающим, как проводит время, — цинично усмехнулся Нофаль.

Наверное, там или целуются, или еще что-то пожарче вытворяют, поэтому задействовали замечательную функцию для уединения. Но... Чуть нахмутив брови, я уточнила:

— А если нападение? Или без обоюдного согласия...

И сразу замолчала — Райо мягко, успокаивающе скользнул ладонью по моим обнаженным плечам, поясняя:

— Аяки очень разумно и ответственно подходят к комфорту и безопасности своих пассажиров. Поверь. У этих выходцев с земли здоровый культ личной и экологической безопасности. Повсюду есть камеры, датчики и прочие технические девайсы, которые следят и анализируют. Если возникнет хотя бы намек на нарушение границ, тут же вмешаются стаффы.

Я об этом слышала, но после того, как Райо подтвердил, неожиданно стало легче дышать. Вот и замечательно! Нам с Ровеной можно расслабиться. Хотя, посмотрев на нее, поняла, что переживала по мелочам одна я.

— Кажется, музыка громко звучит лишь в пределах дисков? — спросила я.

Мне на помощь опять пришел Райо:

— Как сказано в проспекте, в связи с различными культурными традициями и особенностями восприятия инопланетян, здесь разработали специальную систему. На столах лежат наушники, крепишь их за ухом, дальше все просто: назови номер танцпола — и услышишь, что там играет. Или присоединяйся к танцующим, или занимай свободный диск и заказывай музыку, под которую хочешь расслабиться сама.

Вынуждать присоединиться и тянуть за собой клеранцы не стали, предоставив нам выбор: понаблюдать у поручня за другими гостями или следовать за ними. Наши спутники расселись на удобных с виду диванах, оставив места для нас. Так-так, чтоб мне мяса месяц не есть, если Райо не специально сел подальше от остальных, надо думать,

чтобы отделить меня от общей компании. Ненавязчиво предлагая сесть слева от него, а самому правым плечом закрыть обзор на троих друзей, которые жадными, почти плотоядными взглядами уже начали поедать Ровену. Следили за каждым ее движением в нетерпеливом ожидании: кого она выберет, с кем именно сядет? Я даже хихикнула, увидев эту открытую охоту на самку, явное соперничество и азартную конкуренцию.

Ровена отвернулась от танцполов, откинулась на поручень, огибающий зоны отдыха, чтобы гости в пьяном угаре не рухнули вниз. И насмешливо осмотрела свою добычу, которая наивно возомнила себя хищниками. Подозреваю, что нижнего белья на ней, как обычно, нет. Вырез синего комбинезона у этой современной Дианы-охотницы до пупа, малейшее движение — и ткань заманчиво приоткрывает холмики упругой груди. Зачем ей лук и стрелы — и так скоро кто-нибудь будет олененком виться у ее сильных стройных ног.¹

Мягко оттолкнувшись, плавной, грациозной походкой большой кошки Ровена направилась к клеранцам. Остановилась напротив них. Трое претендентов в предвкушении замерли. Мне кажется, они даже не дышали, как перед выстрелом, но «богиня» охотилась по своим правилам: высказала пожелание обслуживающему нас роботу — и села на подставленный для нее мягкий стул. Кто сказал, что сидеть нога на ногу неженственно? Наклонив колени под углом к стулу и расположив одну лодыжку над другой, она с насмешливым вызовом посмотрела на мужчин. Райо расхохотался, отметив вытянувшиеся, разочарованные лица своих друзей.

— Вы страшная женщина, — усмехнулся Фальк.

— Ой, так уж и страшная? — мурлыкнула Ровена, поймав желтый взгляд этого здоровяка и продолжая «работать в своем репертуаре».

Она рассеяно пробегала пальцами от ключицы вниз, будто бы случайно раздвигая полочки комбинезона, вынуждая мужчин гадать, скоро ли откроется розовая вершинка груди, жадно сглатывать слюну и... походить на полнейших озабоченных придурков.

— Страшно шикарная, — еще больше ощерился в хищной улыбке Фальк.

Три дня, всего три дня путешествия — и я больше не боюсь выходок кузины. Не боюсь клеранцев и ее провокаций. Я уже полностью уверилась, что их тоже забавляет игра, насилию нет места —

интригует сам интерес сродни спортивному. Хоть ставки делай. Но! Именно железная уверенность в безопасности и безнаказанности Ровены меня и удивляли, нет, поражали до глубины души. Ведь, если вспомнить: кто эти иномирцы, чем занимаются и какова их суть? Разум метался в сомнениях, а интуиция кричала, что мы ошибаемся.

— Кто такой лаум? — неожиданно спросила Ровена у Фалька, чем вызвала недоумение у остальных клеранцев.

Пока Фальк соображал, откуда у вопроса «страшно шикарной» землянки ноги растут, Райо встал и, заслонив собой весь мир, взяв меня за руку, с мягкой улыбкой повел к своему диванчику на двоих.

— Наверное, вы имеете в виду лауму, — наконец нашелся Фальк. — Это клеранское животное, похожее на земных коров.

Явно не ожидавшая такого подвоха, «богиня» вскинула потрясенный, гневный взгляд на Нофаля:

— Вот нахал!

— Почему, несравненная? — опешил тот.

Я еле сдерживала смех, откровенный и ехидный, вспомнив, как утром Ровена «подвернула» ножку и взглядом умирающей лани просила Нофаля проявить себя героем — нести ее на руках. Он, ожидаемо, подхватил Ровену на руки, а эта «раненная лань» с кокетливым сожалением прошептала: «Ой, я наверное, тяжелая...». И вместо участливых и галантных уверений, что она перышко, получила загадочный ответ: «И не таких лаум таскал!»

— Как можно было меня сравнить с коровой? — злилась Ровена.

Меня все-таки прорвало, и Матео, тоже присутствовавший при «транспортировке пострадавшей», расхохотался вместе со мной. Вдобавок оплошавший Нофаль, виновато разведя руки-лопаты, пытался объяснить «несравненной», что он не специально, а само вырвалось. А так-то он — «иго-го-го» и готов возить ее на себе вечность. Кто такой клеранский «иго-го-го» ни Ровена, ни я не были в курсе, но она по звуку провела аналогию с конем и обиженно процедила:

— Вот на иго-го-го ты и впрямь похож.

Дальше я уже практически рыдала от смеха, причем вместе с Райо и Матео, а Нофаль переводил подозрительный взгляд с одного на другого. Похоже, про земных коней телохранитель шир Домака не догадался.

Пока Ровена и Нофаль сверлили друг друга глазами, за столом

воцарилась тишина.

— Что ты хочешь выпить? — оглушил мои органы чувств вкрадчивым и таким мягким, завораживающим баритоном Райо.

Пробежавшись взглядом по голоменю, зависшему передо мной, тыкнула пальцем на самый безобидный напиток.

— Мистик? — Райо приподнял темные брови в приятном удивлении. — Там почти нет алкоголя, сплошной сок...

— Мне своей дури хватает, не стоит добавлять, — искренне заверила я.

— Хая Эрика, вы излишне критичны к себе, — не поверил Фальк.

Ровена чуть подалась вперед, еще сильнее приоткрывая грудь заинтересованным клеранцам и, стрельнув фирменным ведьминским взглядом в Райо, проворковала:

— Нет, просто кухня очень осмотрительная и умная девушка. Пить, когда за тобой не стоит мужчина, способный подстраховать, — опасно для здоровья.

— А вы, хая Ровена, значит, не боитесь за здоровье... — сделал вывод Райо, многозначительно кивнув на ее бокал с крепким алкоголем, который пару минут назад принес робот-официант.

Ровена откинулась на спинку стула, отведя чуть назад плечи, отчего на груди натянулась тонкая сверкающая ткань, заманчиво проступили соски. Затем посмотрела на Райо так, что, казалось, занимается чем-то «неприличным» прямо здесь и сейчас, испытывая запредельное удовольствие. Трое претендентов громко сглотнули, а вот Райо остался равнодушным. Я сидела слишком близко и не почувствовала даже малейшего напряжения — у него ни одна мышца не дрогнула. По-моему, ему было все равно на Ровенины игры. Ее карие с золотыми крапинками глаза раздраженно вспыхнули, но ответила она томным, грудным голосом:

— Один крепкий мужчина — отлично, а сразу трое позволяют ощутить безграничную... — «власть» хотелось сказать мне, но Ровена со смешком завершила иначе, — безопасность и свободу.

Я решила вмешаться:

— Как же здесь необычно и интересно! Спасибо, вы пригласили нас в такое замечательное место.

Ровена явно ходит по краю. Если еще минуту назад мне было спокойно и комфортно, то сейчас женская интуиция призывает

поостеречься. Кузина слишком привыкла вертеть мужскими особями как хочет, ничего не опасаясь и абсолютно уверенная в своей власти над ними. Но клеранцы — не такие! Не по зубам. Они загадочно переглянулись, словно обменялись каким-то общим мнением о землянке. И мне очень не понравился хищный, циничный огонек в их желтых глазах. Старшая нарвалась на не менее прожженных игроков, чем сама. С такими ни одна администрация и служба штаффов не спасет! Последствия — непредсказуемы.

— Всегда к вашим услугам, хаи, — улыбнулся мне Райо, словно тяжелый и неприятный груз с плеч сбрасывая. Взял у робота пакетик и достал оттуда маленькие кругляши — наушники. Осторожно отвел прядь моих волос и прикрепил их за ушами. — Если заинтересуешься, напоминаю: просто назови номер танцпола и услышишь, что там играет.

— Чудесно! — воскликнула Ровена, тоже прикрепляя наушники.

Через минуту я не только любовалась чужими танцами, но и могла оценить чувство ритма и пластику танцоров. Пока один из них меня не озадачил. Ратханин — представитель водного мира с подобием аквариума на голове — забавно дергал рыжими щупальцами, поблескивающими защитным покрытием. Решив узнать, какие звуки его заводят, назвала номер и услышала... Нет, не музыку, а звук похожий, на зубодробительную смесь барабанного боя и металлического скрежета. Занятный танцор, покачиваясь на четырех щупальцах, неожиданно замер, затем, другой свободной конечностью нажал на верхушку своего аквариума, защищающего его жабры, и — засыпал туда порошок. Через минуту танцор дергался в жутких конвульсиях, усиленно «булькая», — наверняка в экстазе.

Слегка опешив, я обратилась к Ровене:

— Что этот безумный ратханин делает? Да еще прилюдно... может, законников вызвать?

Клеранцы усмехнулись, а кузина равнодушно пояснила:

— Оставь, Эрика, все безобидно и законно. Ратх — водный мир с пресной водой. Морская соль с Земли для них как... как ядреный виски для нас. А если еще и с йодом, то все — ратх в экстазе, вон как этот. Йод обостряет все рецепторы, а вкупе с определенными звуковыми волнами — это полный чувственный беспредел. Не переживай, скоро унесут...

— Почему унесут? — вытаращилась я.

— Потому что невозможно бесконечно радоваться, всему приходит конец и перенасыщение, — поморщилась Ровена. — Надо знать меру.

Да уж, мера, в ее понимании, — весьма расплывчатое понятие. А вообще, в нашей международной компании я оказалась самой наивной. Неудобно вышло, не зачет, но почему-то такие особенности Ратха в учебный курс не включили. Невольно посмотрела на клеранцев, которые тихо говорили между собой на своем языке, и мысленно порадовалась, что никто из них не смотрит на меня как на дурочку. Еще и Райо неожиданно сказал:

— Хая Ровена, у вас поразительно широкие познания!

— Было бы удивительно, если бы она не знала, — поддакнула я. — Кузина — спец по безопасности в нашей семейной фирме.

— Я очень любознательная, — похвалилась специалистка по обольщению и криво улыбнулась Райо: — Эрика тоже весьма наблюдательная и любопытная особа, просто еще юная. Неопытная. А окружающий мир бесконечно огромен и столь же интересен. Вы уверены, шир Алесио, что вас одного хватит, чтобы удовлетворить все потребности моей кузины?

— Вполне! — сухо отрезал Райо, при этом сжал мои пальцы слишком крепко, словно меня хотят забрать у него.

Но внешне мой визави выглядел расслабленным и, откинувшись на спинку дивана, оказывается, уже с минуту перебирал мои пальцы. А я не обратила внимания на ласку! Неужели это становится привычным на подсознательном уровне? Хотела убрать руку, но остановила себя. Покачала головой, уже не забавляясь Ровениными подначками, и с иронией заметила:

— От осинки не родятся апельсинки, а в нашей семье я, похоже, тыква.

— Вот знаешь, в кои-то веки мне нечего возразить, ты права, — хихикнула Ровена. — Пошли танцевать, пресный овощ, сделаем из тебя сладкий фрукт.

— Не перестарайтесь, — неожиданно хмуро вмешался Райо, глядя на Ровену с неким предупреждением. — Я не любитель сладкого!

Смотри-ка, какой скорый собственник нашелся! Ненадолго его хватило быть мягким и вежливым.

— Исходные данные уже заложены, поздно заказы делать, — заявила я, легко вставая.

На транспортный диск мы с Ровеной шагнули вместе. Сердце отчаянно колотилась; глянув вниз, я чуть не села на корточки, чтобы случайно не сорваться в «бездну». Но адреналин уже помчался по венам, зажигая азарт и веселье. Мы заняли ближайший свободный танцпол, и вдруг моя старшая злобно выплюнула:

— Боги космоса, ну что за тиран и деспот тебе достался! Хорошо, хоть не мне, я бы долго не выдержала.

— Родню не выбирают, — съехидничала я, многозначительно посмотрев на Ровену.

— Я — белая и пушистая, а в сравнении с ним — ангел, — не согласилась она.

— Только когда храпишь зубами к стенке.

— Я не храплю! — рыкнула Ровена, чуть не выпрыгнув из комбинезона.

Конечно, ей уже второй раз за сегодня незаслуженно досталось: корова и храпит. Ну прямо два наряда вне очереди для отличницы.

— Угу, — «подтвердила» я, тем самым давая понять, что никакая она ни белая, ни пушистая.

— Ты не ежик, ты язва! — мрачно заявил «ангел».

— Ну надо же, какая жалость, набралась от тебя не самого лучшего, — наигранно опечалилась я, глазами напоминая, что нас могут услышать.

Причем не служба стаффов, а клеранцы. Всего лишь надев наушники, они могут прослушать все наши разговоры совершенно свободно. Вернее, уже слушают, а не только наблюдают, о чем свидетельствуют их насмешливые взгляды, направленные на Ровену. От раздражения и с досады она закатила глаза — срывается, видимо, не часто. Затем азартно хлопнула в ладоши и четко назвала не песню, а музыкальное направление. Через минуту мы обе растворились в ритме.

Танцевала я, к сожалению, не часто. В основном в комнате общаги, в редкие часы уединения. И на ежегодных балах по случаю завершения очередного курса. Сначала на диске я чувствовала себя скованно, принаравливалась, примерялась, пока не заметила Райо у края площадки. Он стоял неподвижно, сжимая поручень, и пристально смотрел на меня. И вот именно в этот момент я ощутила отголоски наследственности. Его горящий желтым пламенем взгляд, напрягшееся тело, словно готовое броситься вперед, буквально приворожили. У меня

внутри будто горячий шоколад растекался, расслабляя мышцы, придавая гибкости и пластики движениям, обостряя чувства и толкая на безумство.

Нет, я не изображала озабоченную мартовскую кошку, как Ровена, которая практически ласкала себя, оглаживала, разметав волосы. Я танцевала, наслаждаясь музыкой, радуясь и не желая соблазнять, мы с Райо были на одной волне, приоткрыв душу и чувства, глядя глаза в глаза. Так можно было танцевать вечность, но он неожиданно ступил на транспортный диск и подплыл к нашему танцполу. Настойчиво глядя на меня, протянул руку и показал на соседний свободный диск. Я вновь сама себя удивила: не раздумывая шагнула к нему. И вот мы наедине, на сияющем диске, звучит необычная музыка, непривычная, но нежная и чарующая.

— Доверься мне, лаили, — хрипло попросил Райо, обнимая меня со спины.

— Лаили — это не лаума? — неуверенно хихикнула я.

— Нет! — Я кожей ощутила его улыбку.

Дальше был наш странный танец. Райо вел, а я следовала за ним, послушная его воле, или интуитивно догадывалась, нет, наверное, все-таки чувствовала, как он будет двигаться. Завороженно смотрела в глаза, кружилась, делала рискованные па, совершенно уверенная, что он не даст упасть. И сгорала в пламени его глаз вместе с волей, личностью и независимостью.

Этот мистически загадочный танец необъяснимым образом разделил меня на до и после. Как в тумане я вернулась к клеранцам вместе с Райо, выпила коктейль и наконец стряхнула чувственное наваждение. Танец танцем, но голова должна быть на месте, надо вернуть ясность мыслям! Мой партнер на танцполе, конечно, был идеален, но он не чудотворец и не маг, это я эмоционально и физически «проснулась» — повзрослела! Не вовремя, не с тем и не там, где мечталось!

— Почему вы не танцуете? — плавно опустилась на стул разгоряченная Ровена.

Мужчины не сразу оценили ее эффектное возвращение, они слишком довольны косили глазом на нас с Райо. Ответил кузине Нофаль:

— Клеранец танцует по большим праздникам, хотя учится

танцевать с детства.

Ровена насмешливо вскинула брови, обращаясь к Райо:

— Да-а-а? И по какому случаю вы, шир Алесио, отрывались?

Прежде чем признаться, он нежно поцеловал мою руку.

— У нас есть обычай. Мужчина, перед тем как сделать важный шаг, приглашает избранницу на танец.

— О! И в чем сакраментальный смысл? — искренне удивилась Ровена.

Матео спокойно пояснил, по-хорошему глядя на меня:

— Когда вы не тренируетесь вместе годами, а соединяетесь в танце впервые, то практически невозможно соврать, синхронизировать движения. Каждый тянет на себя, сбивается — это отличное отражение степени доверия партнеров друг другу. Поэтому, чем более органична пара в танце, тем лучше подходит для жизни. Тем проще и легче мужчине и женщине будет понять друг друга в дальнейшем: или они половинки одного целого, или криво слепленные из разных.

— Хая Эрика и Райо даже в первом танце были одним целым, полностью синхронны. С абсолютным доверием! — одобрительно добавил Нофаль.

— Первый и самый важный этап ухаживания за избранницей Райо прошел более чем успешно, — подытожил Фальк.

— Поздравляю, Эрика! — многозначительно и иронично улыбнулась Ровена. А потом озорно рассмеялась и выдавила сквозь слезы: — Психология — страшная наука!

— Вы правы, хая Ровена, психологическая совместимость — одна из основополагающих ценностей в паре у клеранцев, — согласился с ней Матео, тоже улыбаясь, причем загадочно.

Только мне не улыбалось, ведь Ровена не совместимость имела в виду.

Мы еще час провели в клубе, затем прогулялись по оранжереям и на утро договорились встретиться и сходить в «Лабиринт ужаса». Устроители обещали особенно острые ощущения.

* * *

Дверь с недовольным шипением туго отъехала в сторону —

«обиделась» из-за вмешательства в блокирующий механизм. В проеме застыла Ровена в спортивном белье, подозрительно осмотрела меня, сжавшуюся под теплыми струями воды. Я подняла на нее зареванное лицо с опухшими от слез глазами и попыталась справиться с чувствами, раздирающими мою бедную душу, с ходу напомнив:

— Занято!

— Ты хочешь что-то сказать? Встань! Закрой рот! Ладно, сиди, — махнула рукой старшая.

Как же не хочется, чтобы она видела, насколько мне плохо. Как невыносимо давят сомнения, долг и справедливость, не говоря уже обо всем остальном.

— Какая же ты дура! — огорошила Ровена, проходя внутрь и усаживаясь на унитаз. Даже на этот «стул» она умудрилась присесть грациозно и выглядеть непринужденно.

— Ну, да, — тоскливо признала я.

А как еще можно назвать женщину, которая влюбилась в Зверя? Причем именно так, с большой буквы, по сути и по жизни! За три дня, всего за три он украл у меня единственное, что я прятала от всех, чтобы уберечь себя от боли и пустоты.

— Господи, да чем он тебя взял-то? — недоверчиво покачала головой Ровена. — Обычный мужик, их вокруг — как звездной пыли, и красивые, и умные, и... да во всех отношениях лучше!

Вот это она в точку. Я сама час стояла под душем, наверное, суточную норму воды вылила, пытаюсь ответить на этот вопрос. Полночи ворочалась, думала, не выспалась!

— Не знаю, — всхлипнула я, по-детски шмыгнув носом. — Оно как-то само, произвольно, без отдельных признаков, а как-то все одно к одному сложилось в идеальную картину мужчины моей мечты.

Ровена вскочила с унитаза и нервно заходила по душевой, два шага в одну сторону, два в другую. Я тоже выключила воду, встала и замоталась в полотенце — приготовилась получать нагоняй.

— Вот говорила же, что нельзя экзальтированных малолеток к хищникам пускать! Нельзя! — разъяренно выдохнула старшая, разворачиваясь и с нехорошим прищуром глядя на меня.

Рваться в бой, уверять, что не малолетняя и не экзальтированная, а сама от себя в полнейшем нокауте, не стала. Главное — признать ошибку, потом проще исправлять. Но промолчать о том, из-за чего меня

рвет на части, не смогла:

— Ровена, могут ли они ошибаться? И Райо не такой?

— Нет! — прозвучало убийственно.

— Но ведь невозможно быть таким... разным! — выкрикнула я. — Просто нереально... он заботливый, добрый, Райо — защитник по сути и никак не...

Ровена ледяным, вымораживающим сердце взглядом заставила меня замолчать на полуслове. Затем сухим, равнодушным голосом, так не похожим на тот, каким она обращается к мужчинам, спросила:

— Ты готова продолжить путешествие? Или заболеешь?

Я несколько мгновений молчала, не из-за сомнений, а чтобы проглотить ком в горле, вытянулась, подняла лицо и прокаркала:

— Я следую уставу, долгу и чести!

— Вот и замечательно! — губы Ровены дрогнули в кривой улыбке и если бы ее сейчас кто-нибудь увидел, то не польстился бы на соблазнительную внешность, а скорее ужаснулся, как бывает при неожиданной встрече с ядовитой змеей. — Страдать будешь через сутки, а пока наслаждайся тем, что есть.

Молча прошла мимо нее к гардеробной одеваться. Ровена посверлила мне спину взглядом — я четко ощущала его между лопатками, словно хлесткий удар, а затем присоединилась ко мне и тоже начала собираться. Легкий, ласковый ветер перемен и приключений, сопровождавший меня в этом путешествии, сменился мрачным, серым, липким туманом до тошноты знакомого одиночества и нового чувства — сердечной боли!

Ожидавшие нас клеранцы с полминуты разглядывали меня и Ровену. Моему солнечному, желто-рыжему комбинезону с короткими рукавами и таким же веселым кроссовкам достались одобрительные взгляды, а высоченные шпильки, дополнившие белоснежный сарафан Ровены, подверглись сомнению. Матео, скользнув к ней, обвивая за талию, мурлыкнул:

— Хая Ровена, в «Лабиринте ужаса» вы будете на... высоте!

— Вам ли, хой Матео, не знать, что главное не размер, а умение им пользоваться, — усмехнулась Ровена.

Матео скрипнул зубами, а вот остальные старательно прятали улыбки. Но продолжать пикироваться этой ехидной парочке не дал Райо — протянул мне руку и в ожидании посмотрел в глаза. Я невольно

облизнула губы и привычно, как было все три дня, ухнула в его золотые глаза-озера, внутренне переступила свою боль, спрятала ее глубоко-глубоко и вложила дрожащие пальцы в его ладонь.

— Все хорошо, моя лаили? — тихо спросил он, заподозрив неладное.

— Да, — я широко и уверенно улыбнулась, но кто бы знал, чего мне это стоило.

Райо не поверил, однозначно. Крепко сжал мою ладонь, затем, нежно и ласково поглаживая пальцы, предложил:

— Пойдем, развеем твою печаль, мне почему-то кажется, местные развлечения поднимут твоё настроение.

— Ага, качели-карусели — это как раз для Эрики, — хихикнула Ровена.

Зато ко мне вернулась уверенность, а ехидства мне тоже не занимать:

— Я же не мешаю некоторым особам преклонного возраста занять глубокое кресло с бокалом виски и наблюдать за молодежью со стороны.

— А я бы выпил, — флегматично сообщил Нофаль. — Найдете удобное креслице, крикните.

Посмеиваясь, мы добрались до нижних палуб, где находится «Лабиринт ужаса».

— Какой выбираем уровень сложности? — уточнил Райо, глядя на нас с Ровеной.

Та лишь насмешливо пожала плечами, а я решила: гулять, так гулять, острые ощущения — лучшее средство от депрессии, куда я рисковала скатиться. И гордо заявила:

— Самый сложный уровень!

— Ты уверена? — синхронно спросили Райо и Ровена, с сомнением глядя на меня.

— Абсолютно! — поджала я губы, не собираясь включать задний ход.

Через несколько минут я таращилась на новые чудеса у огромного голоэкрана на входе в лабиринт, пытаюсь осознать, объять мозгом размеры аттракциона. Разве может вместиться даже на таком гигантском лайнере столько всего? Головокружительные горки высотой в сотни метров, «Тихое озеро», «Прыжок в никуда» (неужели с выходом

в космос?), множество качелей-каруселей, способных изощренным способом пощекотать нервы заскучавших пассажиров.

Первым аттракционом шли именно горки, над головами парили сиденья-антигравы, из них нервно выглядывали перепуганные туристы, затем сиденья срывались куда-то вниз, в чернеющий жуткий зев туннеля. Следом оттуда неслись вопли ужаса и крики о помощи. Но безмятежные стаффы, которых вокруг было едва ли не больше, чем туристов, всем своим видом говорили, что все идет в штатном режиме. А вопли... ничего страшного, это от полноты ощущений.

Я уже сомневалась: стоят ли мои комплексы и гордыня такого риска?

Мы дружно расселись на свободные места, меня смутили странные ремешки, пристегнувшие меня словно собачку за шлейку, затем защелкнулись поручни, и я бросила испуганный взгляд на Райо.

— Боишься? — улыбнулся он с нежностью.

— Может, я лучше с Нофалем? Выпью коктейльчик в глубоком кресле подальше отсюда? — успела трусливо предложить, но в следующий миг сиденья сорвались с места и понеслись вперед под мои вопли.

Никогда, вот никогда в своей жизни я не боялась высоты и темноты. До этого дня! Мы нырнули в самую Тьму — живую, обволакивающую, осклизлую, шершавую или мохнатую, как лапы пауков, жутковатым дыханием обдающую лицо, шепчущую на ухо непонятные слова потусторонним голосом... Я начала вырываться из ремней безопасности, мотала головой, пытаюсь стряхнуть с себя невидимые и оттого еще более ужасные мерзости. Вокруг стояла оглушающая тишина и лишь ощущение животного ужаса и противные мурашки по коже.

В следующий миг, когда казалось, что ничего хуже быть не может, я вылетела из туннеля, сиденье подо мной исчезло, тело обдало лютым холодом, дыхание вырывалось струйкой, тут же кристаллизуясь в ледяные узоры. Сердце, сделав пару рваных потуг дернуться, замерло, когда я осознала, что парю в открытом космосе, а кожа покрывается не мурашками, а изморосью. Кажется, нечем дышать, вот-вот замерзну навечно. И лишь дурацкая «шлейка» держит за талию, связывает с жизнью. В вакууме нет звуков, однако мой вопль «спасите-помогите» наверняка слышали многие...

Резкий рывок назад — и сомкнувшиеся вокруг меня защитные поручни и ремни подсказали, что это, мать их, очередной сюрприз от организаторов. Когда мы вылетели из тьмы, и я увидела несущиеся по «небу» облака, хотелось проверить: сухие ли подо мной штаны?! Спустя немного времени нас принесло к прекрасному, прямо-таки умиротворяющему озеру. Видимо, организаторы, помучив нас в «космосе», ненавязчиво предлагают окунуться в воду смыть последствия «Прыжка в никуда».

Увы, меня за шлейку потянули встать и пересест в лодочку, где я вновь оказалась с Райо в паре.

— Как ты? — обеспокоенно спросил он, вглядываясь мне в лицо.

— Очумительно! — выдохнула я, представив как выгляжу.

— Как-как?

— Это когда без зазрения совести желаешь наслать на головы авторов лабиринта хотя бы эпидемию! — призналась я.

Неспешно плыть по водной глади было невероятно приятно, особенно в сравнении с предыдущими «космическими выкрутасами». Сердце успокаивалось, настроение поднималось. Других путешественников почему-то не видно и не надо. Мне было хорошо в уединении: я сидела на корме и, облокотившись на бортик, беспечно плескала рукой в воде, жмурясь на солнце, теплом, ласковым. Райо напротив меня, на веслах; видимо, для большей достоверности туристам предлагают грести, а на самом деле весла ничего не весят и больше для антуража. Мой визави — красивый, харизматичный мужчина в традиционно черной одежде. Сегодня на нем условно футболка и джинсы, если провести аналогию с одеждой землян. Клеранское название и состав ткани — дело третье. Главное — ему очень идет. Мышцы плавно перекачиваются при движении, все его тело дышит силой и уверенностью. Желтые глаза сияют.

— Так спокойно и тихо!.. — довольно выдохнула я.

— Я бы не доверял этой тишине после предыдущих «чудес», — усмехнулся Райо.

— Ну что тут можно придумать, ой...

Почувствовала под пальцами чешую, отдернула руку и напряженно замерла, вглядываясь в воду, а в следующую секунду в лодку из безмятежно-зеленоватого озера поперло нечто огромное, бурое и с щупальцами. Дальше я оказалась в объятиях хохочущего Райо, ловко

перехватившего меня, когда с криком сорвалась с места...

К своему стыду, на следующий этап я прибыла мокрая, растрепанная и на трясущихся ногах. Райо довольно посмеивался, несколько не смущаясь и не раздражаясь по поводу своего внешнего вида. Такой же мокрый, как я, плюс растянутая мной футболка. К сожалению, нервы у меня окончательно сдали на середине озера, я прыгнула воду, пытаюсь вплавь выбраться из окружения монстров. Не учла, что там подобных мне нервных туристов ждали «пираньи». Одежду не рвали, не кусали, не топили — подплыли и жадно смотрели, разинув хищные пасти, перепугав насмерть. Я даже воды нахлебалась с испугу, пришлось Райо нырять следом и тянуть меня к берегу, увещевая, что все эти кошмарные твари не настоящие. Мой спасатель!

— Все, хватит, хочу виски, двойной! — категорично заявила я, судорожно оглядываясь в поисках укромного местечка.

— Уже все, пощекотала нервы? — хохотнул Матео.

Они с Ровеной были сухие и возмутительно спокойные, словно по парку прогулялись. Как и Фальк, который, кажется, заскучал.

— Скорее, они пощекотали меня, — буркнула я.

Райо хохотал громко и заразительно, а я, вместо того чтобы обидеться, смущенно улыбалась и любовалась им. Таким открытым, веселым и ни капельки не сердившимся на мои трусливые, глупейшие выходки с паникой и купанием. А еще курсант... как же неудобно...

Мы с самым лучшим в мире спасателем воспользовались раздевалками, предусмотрительно поставленными на берегу «райского» озера, где привели себя в порядок, в том числе обсушились, и затем вместе с успешно прошедшими испытания спутниками отправились отдыхать дальше. Эх, тяжелая это работа — экстремальный отдых в «Лабиринте ужаса» на «Вселенной радости»! В нем бы экзамены по боевой подготовке проводить. Только такие закаленные бойцы, как клеранцы, да Ровена, змея подколодная, стерва урожденная, сухими выйдут.

Дальше мы пару часов наслаждались изысканной кухней табитов — истинных мясоедов, которые в приготовлении этого продукта достигли немислимых вкусовых высот. Потом меня уговорили на еще десяток аттракционов, но чудеса героизма и находчивости проявляли клеранцы и Ровена, а я за них добросовестно болела.

В земном секторе нам неожиданно попалась палатка гадалки. Мы с

Ровеной, дружно вцепившись в мужчин, потащили их гадать. Посреди низкой палатки — высоким клеранцам пришлось пригнуться — мы увидели пьедестал с шаром-предсказателем. «Волшебный кристалл» красиво сиял и настойчиво приглашал «коснуться неизведанного». Откуда-то прозвучал таинственный голос:

— Кто вы, желающие узнать судьбу? На языке какого мира мне доносить до вас тайные знания Мироздания?

— Земляне! Хотим на всеобщем! — выкрикнула Ровена, а изумленным клеранцам шепнула: — Так хоть пойдем идиомы и скрытый смысл, а то такие аттракционы настраивают загадками говорить с отсылками к литературе и фольклору...

— Коснись волшебного кристалла, первый из пришедших! — прозвучал голос «гадалки».

— Чур, я первая! — по-девчоночьи хихикнула Ровена и юркнула к шару. Обхватила его ладонями и замерла, с улыбкой ожидая «высшего решения».

— Дятлы долго не живут! Предательство не всегда приносит выгоду! Прими эту истину — и твоя жизнь будет долгой и счастливой!

Глядя на слегка растерявшуюся Ровену, отходившую от шара, я чуть не расхохоталась, но вытерпела. Мужчины нейтрально улыбались.

Следующим, впечатлившись первым предсказанием, «попытать счастья» рванул Фальк. Накрыл руками шар и через пару секунд мы услышали:

— Любите жизнь даже тогда, когда она вас ненавидит. Ведь жизнь — как непостоянная женщина.

Любопытно, что это предсказание неожиданно подействовало на клеранцев. Они задумчиво смотрели на обескураженного Фалька, пока он не отошел в сторону. Его сменил Матео.

— Если вы понравились кошке, возможно, станете ей другом, но хозяином — никогда!

Ну для меня это не новость. Все дружно перевели взгляды на Ровену, а она польщенно улыбалась Матео, покачивая подолом сарафана.

Нофаль шагнул к шару, словно на ринг с соперником.

— Быстрые ноги — это не только длинная жизнь, но и крепкие нервы!

В палатке грохнул хохот, а Нофаль укоризненно вглядывался в

потолок, надо думать, искал камеры и шутника.

Райо посмотрел на меня, но я подтолкнула его идти следующим. Он насмешливо качнул головой и положил ладони на шар.

— Лучший выбор для настоящего мужчины — две великие ценности: крепкая дубина и любимая женщина. И в свою пещеру ее, в пещеру!

Мои алеющие щеки не заметил бы только слепой, остальные продолжали хохотать пуще прежнего. Райо смотрел на меня весело и как собственник. Тот самый пещерный человек!

Передернув плечами, я тоже подошла к шару и коснулась его теплой светящейся поверхности.

— Не будь овцой, иначе сдерут шкуру!

В контексте гадания для Райо вышло логично и прикольно, но, в отличие от клеранцев, мы с Ровеной обменялись взглядами. И если она многозначительно кивнула, то я натянула улыбку, разделяя их веселье.

Райо, обняв меня за плечи, притянул к себе и негромко пообещал:

— Не бойся, лаили, я обещаю беречь твою шкурку, как свое самое ценное.

— Что значит лаили? — хрипло спросила я, заглядывая в золотое пламя его глаз.

— Избранная, — коротко ответил он.

— И только? — уточнила я.

Райо помолчал, вглядываясь в мое лицо, пытаясь прочесть мысли. Наконец, он пояснил, но все равно, чувствовалось, что неохотно:

— Это слово имеет разные значения в зависимости от того, где на Клеране его употребляют: своя, необходимая, родная.

Ага, если учесть, что на Клеране до сих пор в разных регионах, или терах, жизненный уклад весьма отличается и традиции, можно сделать вывод, что отсюда и различия в значениях одного слова.

— Тебе не нравится быть избранной для меня? Родной? — тихо спросил Райо, отгораживая нас широкой спиной от остальных.

Вот что-то мне подсказывало: его непримиримый взгляд, окаменевшее тело, напряженный подбородок и потемневшие саусы — все за то, что мой ответ уже неважен. Этот мужчина сделает так, как решил: «В пещеру ее, в пещеру!» Как «волшебный кристалл» посоветовал. Поэтому легко улыбнулась, прижалась всем телом к его груди и шепнула игриво:

— Ты же помнишь, я трусишка! Мне нужно еще немножко времени, чтобы привыкнуть, проникнуться... сродниться с тобой, — и уже абсолютно честно и мрачно, добавила, — и перспективами!

— Ты не пожалеешь! — практически поклялся Райо.

— Да, еще ни одна нормальная женщина за прошедшие годы, даже землянка, не пожалела о союзе с клеранцем, — заставил меня вздрогнуть громоподобный голос Нофаля.

Мы с Ровеной насмешливо фыркнули. Уж кому как не нам знать о тех случаях, пусть и немногочисленных, но широко освещаемых прессой, когда землянкам, решившимся на союз с клеранцами, удавалось сбежать с подконтрольных планет и станций Клерана. С самого Клерана подобных беженок не было. Потом много месяцев муссировались переживания и злоключения бедняжек, которые не вынесли домостроя и тирании этих звероподобных мужчин. Признаться, меня пару раз одолевали смутные сомнения в недостойном поведении покинутых тиранов, ведь сбежавшие дамочки походили на типичных экзальтированных глупышек, мечтавших о всеобщем внимании, лайках в галактической сети и роли героини ток-шоу. Но сомнения сомнениями, а кто правду знает?

— Вообще-то странно, что ваши мужчины со специфическим укладом и мировоззрением создают семьи с иномирянками, — размышляла вслух Ровена, выходя из палатки.

Я напрямую любопытствовала:

— У вас проблема со своими женщинами?

Клеранцы дипломатично улыбались, безмолвно делегировав пояснения Матео:

— У нас есть небольшой дисбаланс: мужчин рождается немного больше, чем женщин. Но, насколько известно, это во многих мирах и расах имеет место, где сильный пол играет ведущую роль. И чаще гибнет. Природа компенсирует.

— Тогда к половозрелому возрасту должно быть поровну? — напирала Ровена. — А СМИ трубят, что ваши мужчины частенько выбирают чужачек и многих из них недосчитались родные после этого...

— Земные СМИ? — нахмурился Райо, непроизвольно сжав мою руку. — Возможно. Межрасовые семейные союзы не редкость у большинства совместимых видов. Многие признали, что смешение с

определенными расами не ухудшает качественные генетические характеристики. Клеранцы и земляне полностью совместимы, и даже снижается проявление некоторых отклонений, свойственных нашим расам.

И вновь я удивила прежде всего саму себя: почувствовав, что Райо напрягся, прижалась щекой к мужскому плечу, потерлась об него и погладила его запястье, потом и вовсе увлеклась и узоры на тыльной стороне ладони выводила. Шир Алесио сразу успокоился, кажется, восстановил мир в душе. Я не видела его лицо, лишь почувствовала, как пошевелились волосы у меня на макушке от его дыхания. Трое его друзей на нас старательно не смотрели, но краем глаза косили однозначно и наверняка остались довольны результатом.

— Ну что ж, стоит выпить за счастливые межрасовые семейные союзы, — подначила Ровена. — Кто против — тому не быть женатым на землянке!

— Я могу не пить, не хочу выходить замуж за землянку! — с наигранным облегчением отказалась я.

— Мы просто обязаны, — заявил Матео, подхватывая Ровену под локоть и настойчиво увлекая к выходу из «Лабиринта ужасов».

Я с радостным облегчением уходила из этого страшного места!

* * *

Слишком много тайн скрывает Фортан — красивая и столько всего повидавшая за более чем пятьсот лет колонизации планета. Не каждому дано предугадать свое будущее, ступив на нее. Хозяева там менялись, как переходящее трудовое знамя у смуфов. Именно эти дружные синекожие труженики были первооткрывателями Фортана, но спустя всего пару десятилетий спешно покинули сей благодатный мир, обнаружив вредные для себя примеси в воздухе, и продали его крупной трансгалактической компании, принадлежащей майджорам. Деловой по жизни, но весьма романтичный в душе бочкообразный народ превратил планету в большую исследовательскую биологическую лабораторию. Именно с их подачи там завелись слоны, похожие на земных, но розового цвета и размером с собаку. Ну и множество других «чудес» от генной инженерии.

После создания Третьей галактической коалиции и усиления межвидового и планетарного законодательства подобные ГМО-эксперименты стали вне закона. Фортан купили даги для развлекательной индустрии и туризма. И вот, всего пару месяцев назад планета перешла под юрисдикцию Земной Федерации. Полагаю, жители галактики догадываются, а кто-то и достоверно знает об истинных причинах грандиозной сделки между землянами и дагами, у меня тоже были на этот счет мысли.

Со временем, благодаря стремительному развитию социальных, экономических и инфраструктурных связей, большинство четко установленных ранее территориальных границ размылось. Колонии у многих миров появились в различных и зачастую сильно удаленных от «праматери» секторах галактики. Теперь, в основном, границы государств устанавливаются в пределах планетарных орбит, корпусов станций и космических судов. Их нарушение карается на самом высшем мировом уровне и мало кто на это решается в открытую. В нейтральных зонах действуют международные соглашения, но случается всякое.

Зелено-голубой Фортан, напоминающий земной шар, находится между тремя крупными и известными мирами: Дагавой, Клераном и Фанразой, но юридически ныне относится к Земле. Видимо, именно для того, чтобы влезть в сферу влияния этих экономических гигантов, земляне и выкупили Фортан. Страшно представить, за какую цену скрытные серые даги продали лакомый кусок конкурентам.

Пять дней путешествия с невероятными развлечениями, бесподобной, по истине высокой кухней, спа-удовольствиями и массажем в салоне красоты, когда с тобой обращаются как с хрупкой вазой, шикарными ночными клубами. А главное — время, проведенное с Райо, которое вряд ли забудется, не выкинуть его из памяти и сердца. Пять стандартных суток подошли к концу. Когда после обеда объявили о прибытии на Фортан, я испытала двоякие чувства: облегчение, что моя личная пытка наконец закончилась, и сильную душевную боль. Которая, я знаю, останется со мной навсегда.

С клеранцами мы встретились перед объявленным для желающих посетить планету шлюзом. Кроме нас собрались сотни туристов, жаждавших приобщиться к сказочно-красивому, зеленому Фортану. Десятки аккредитованных гидов уже формировали группы, которые из порта отправятся осматривать достопримечательности.

— Наш шаттл отходит через двадцать минут от третьего выхода, — объявил нам Матео.

— Надо поторопиться, а то опоздаем в такой давке, — беспокоилась Ровена.

Сегодня она впервые за время нашего путешествия оделась не вызывающе женственно, а убийственно чопорно. Ее синий костюм с короткими рукавами и туфли на невысоком каблуке, как будто она собралась не на экскурсию, а на работу в офис с самым консервативным дресс-кодом, вызвали недоумение у клеранцев. Я и сама хороша, чуть не сглупила: хотела напоследок поразить Райо романтичным, нежным нарядом. Но, увидев Ровену в «униформе», мигом передумала и выбрала зеленые бриджи-карго с большими карманами, белый спортивный джемпер и кеды.

Больно, как же больно держать надежную, сильную руку Райо. Улыбаться ему, глядя в золотые глаза, старательно пряча внутреннюю муку, отчаянно надеяться на ошибку и вселенскую справедливость. И всем своим существом ощущать его нежную заботу. Райо незыблемой скалой возвышался не только надо мной, но и многими другими туристами. Оберегал от тычков в толпе маленькую, нежную лаили, как он тихо шепнул мне на ушко пять минут назад, прижимая к своему боку. Я обнимала его крепко и... обреченно. Райо чувствовал что-то неладное, пытался прочесть в глазах, но я только крепче сжимала его ладонь и шире улыбалась.

— Цель вашей поездки на Фортан, хой Райо шир Алесио? — вырвал меня из горестных, мучительных мыслей голос землянина-пограничника.

— Розовых слоников посмотреть, — усмехнулся Райо.

Ну вот и все. Внутри заледенело после его слов. Пограничник удивленно взметнул брови, мрачно усмехнулся, просканировал билет пассажира «Вселенной радости», поставил в нем отметку и слишком ровным голосом пожелал:

— Ну что ж, добро пожаловать, хой, к розовым слоникам.

Далее, игнорируя подозрительный взгляд Райо, пограничник — официальное лицо Земной Федерации, пока еще на территории аяков, — спросил у меня:

— Цель вашей поездки на Фортан, хая Эрика Лимуж?

— Туризм. — Краткость — сестра таланта.

Тоже самое за мной проворковала Ровена. Матео шир Домак, Нофаль аль Мур и Фальк аль Дан про слоников не упоминали и, кажется, уже сомневались: нужно ли выходить на Фортан? Поэтому я притиснулась к Райо, нежно и ласково погладила его по лицу, отвлекая внимание от насторожившихся спутников на себя. И уже через несколько мгновений, оказавшись чуть в стороне от основного людского потока, мы самозабвенно и жарко целовались. Я на всю оставшуюся жизнь хотела насытиться теплом губ любимого, силой так нужных мне надежных мужских рук и его неповторимым запахом.

— Моя? — хрипло спросил Райо, с неохотой отстранившись.

— Только твоя, — горько, но абсолютно уверенная в том, согласилась я.

— Эрика, почему ты вдруг приуныла? Сегодня замечательный день! Мечты о слониках сбываются, — улыбнулся Райо, блеснув клыками.

— Знаешь, мне почему-то кажется, что за одними исполнившимися мечтами приходят совершенно другие, жаль, невыполнимые.

— Скажи мне, что ты хочешь и, клянусь Великим Каллу, все получишь, чего бы мне это не стоило! — серьезно заявил Райо.

Краем глаза я заметила: Ровена сильно напряглась — не доверяет моему профессионализму и чести. Я и сама сомневалась, но, услышав про Каллу, опомнилась, словно холодной водой в лицо плеснули, и напоследок, как бы между прочим, поинтересовалась:

— Твоя вера в ваших богов настолько сильна?

Я старалась выглядеть веселой, но мысленно оплакивала свою незавидную долю.

— В тебя! В нас! — заверил Райо.

— Ну вот и прекрасно! Я извиняюсь, но через две минуты шаттл улетит без нас, придется ждать следующий, — с нотками раздражения в голосе предупредила Ровена.

Мы поднялись на орбитальный транспортник, который доставит нас на Фортан. Во время полета я сидела каменным изваянием, отмечая косые, хмурые взгляды наших спутников. Остался лишь шаг — ступить с пандуса, границы территории аяков на покрытие фортанского космодрома — юрисдикции Земной Федерации, но как же сложно будет его сделать...

И вот, в нескольких метрах от пандуса туристов встречают

сопровождающие, чтобы пересадить в наземные лайнеры и с комфортом отправить нас в местный «рай» — на экскурсии, в респектабельные и не очень отели, к торговцам, желающим сбавить экзотические сувениры и прочий совершенно не нужный хлам, который покупают почему-то именно в путешествиях. Причем, за очень приличные деньги. О, черт, что же мне в голову лезет, когда я должна думать только о...

Впереди приветственно сверкает ультрасовременное здание терминала для обслуживания пассажиров в виде гигантского краба — хваленый дагавский био-тек и эко-футуризм, рядом высятся не менее бионические грузовые терминалы. На флагштоках развеваются флаги Земной Федерации, дружественных стран и мегакорпораций — это уже земляне постарались, застолбили. В синем небе носятся гражданские боты. Славный зеленый мир Фортан живет полной, насыщенной жизнью. Только я сейчас, прямо в эту минуту, — умираю.

Мы с Ровеной заметили знакомые лица, словно невзначай, а на самом деле профессионально отсекающие группу клеранцев от шаттла. Она коротко кивнула мне, подавая согласованный сигнал. Мы синхронно отстранились от своих спутников, одно натренированное движение — и ручки наших стильных сумочек становятся лазерным оружием, способным смертоносным лучом резать любое препятствие. Еще мгновение — и сгущающуюся зловещую тишину разрезал ледяной, официальный голос Ровены:

— Райо шир Алесио, Матео шир Домак, Нофаль аль Мур, Фальк аль Дан, вы задержаны по обвинению в межвидовом терроризме, преступлениях против человечности и шпионаже против Земной Федерации.

Секундное замешательство, осознание клеранцами, что происходящее не дурацкая шутка — все серьезно, а дальше... Я совсем не ожидала, что Нофаль рванет прочь от нас, а Райо заслонит его собой, стрельнув в меня помертвевшими, потухшими глазами. Вместо ярко-золотых глаз влюбленного мужчины на меня с болью, обидой, ненавистью и еще черт знает чем зыркнули бледно-желтые, тусклые — глаза смертельно раненного зверя.

Ровена преследовала Нофаля, оставив троих клеранцев под моим прицелом. Вряд ли я смогла бы что-то сделать в случае сопротивления — словно заледенела под страшным взглядом шир Алесио,

обещавшим... О, бо... неужели расправу? «Я не могу, просто не смогу ни убить, ни даже ранить Райо!» — четко пронеслось в моей несчастной голове, пока нас окружали сплошной стеной вовремя подоспевшие, вооруженные до зубов, бронированные спецы. Это было выше моих сил, но клеранцы даже не дернулись, не шевельнулись, чтобы отомстить мне, покалечить или сбежать, — стояли, мрачно, с презрением взирая на меня с высоты своего роста. В этот страшный миг я ненавидела и презирала саму себя и боялась своих, боялась больше, чем чужих.

Появился куратор, специальный агент Димас Гонг, и, подтверждая мои опасения, зло выплюнул мне в лицо:

— В спешке вы чуть не сорвали операцию!

Вздвогнув, я привычно вытянулась стрункой и отрапортовала:

— Задание выполнено. Задержанные взяты под стражу, агент Эрика Пташко. Специальный агент Ровена Гриф преследует Нофаля аль Мура.

— Птичка?.. Не-ет... — презрительно протянул Матео. — Два стервятника, как у вас говорят.

Впервые мне не хотелось кинуться в драку за свою исковерканную фамилию. Мало того, пришлось сдержать инстинктивный порыв виновато втянуть голову в плечи. А ведь мне не за что упрекать себя, я выполняла долг: убийцы, насильники и террористы задержаны!

Райо тряхнул головой, словно наваждение сбросил, затем, бесстрастно глядя на Димаса Гонга, сухо спросил:

— Я требую объяснений: на каком основании вы задержали представителей Клерана? Мы сошли здесь как туристы!

— Оснований предостаточно, шир Алесио! — Мне показалось, Димас мерзко усмехнулся. — Начнем хотя бы с широко известной экстремисткой группировки «Розовые слоники», на встречу с которой вы прибыли. Цель визита вы четко, дословно заявили при прохождении пограничного контроля. По другим основаниям у нас с вами будет долгий, очень долгий разговор в другом месте!

Я вытаращила на свое руководство не в силах переварить, что придуманная для меня легенда имеет такую подоплеку. Бросив растерянный взгляд на клеранцев, увидела уже не просто презрение, а убийственную холодность. Они оценили унижительную легкость, с которой их заманили на Фортан, а особенно — причину.

Скрипнув зубами, Райо на клеранском что-то глухо сказал своим

друзьям, показалось, что извинялся, просил прощения. Матео поморщился и тоже повторил фразу, обращаясь к Фальку, на лице которого нельзя было прочесть ни одной эмоции.

Всех отвлек шум: в небо устремился один из шаттлов, доставивший с «Вселенной радости» туристов. По нему открыли огонь — я видела лучи лазерного оружия, прошившие небосклон; вслед пустилась погоня, но фора в пару минут и суматоха позволили ему уйти.

Спустя пять минут тягостного ожидания, когда меня сверлили взглядами свои и чужие, вернулась Ровена. Не глядя на клеранцев, она чересчур громко отрапортовала:

— Ушел! Захватил транспортник и...

— Молчать! Вы нарушили протокол, поспешили, нарушили ход операции...

— В рапорте я отражу все основания своих действий, полковник Гонг! — Ровена Грифф вытянулась перед непосредственным начальником.

Он смерил нас обеих злым взглядом и, махнув подчиненным, повернулся к терминалу. Оттуда уже неслась-ехала-летела толпа подготовленных к освещению сенсации репортеров. Грядет большая шумиха! Сотни дронов приближались, чтобы записывать каждое движение, каждый «чих» группы захвата и преступников особенно.

Через мгновение нас с Ровеной оттеснили «люди в черном», закрытые от и до — не узнать, ни к какому силовому ведомству относятся, ни кто такие. Засветился только Гонг. Он же и порадовал СМИ новостью о блестяще проведенной Агентством безопасности наследия Земли (коротко АБНЗ) операции по поимке клеранского шпиона Райо шир Алесио с подручными. Сказал, что своими действиями этот поистине Зверь наносил непоправимый урон Земной Федерации и ее энергетическим ресурсам... Обвиняется в терроризме, насилии и преступлениях против человечности.

Репортаж меня буквально оглушил. Зачем все это представление? Почему без следствия, справедливого суда, который покажут на всю Галактику. Зачем Гонг и Ровена торопились схватить и объявить? Ведь меня по-другому учили. А как же протокол, законные международные процедуры? По идее, я должна, просто обязана радоваться, сиять, как десятки лиц вокруг, ведь захватили не завалящего террориста. Я изучала досье на сотни или тысячи электронных страниц о его преступлениях.

Видела снимки пленниц, украденных из семей и использовавшихся в качестве рабынь в разных отста... менее развитых мирах. Убитых детей, женщин и мужчин. Уничтоженные космические станции, мелкие аграрные колонии... Почему об этом ни слова сейчас не сказано? Ведь это важнее, нет, страшнее, существеннее, чем какой-то убогий шпионаж.

Мне сказали, что шир Алесио представляется энергетиком, а на самом деле — монстр, который во славу темных клеранских богов приносит жертвы. Разумных! Почему про Каллу ни слова? Я ощутила себя не песчинкой, а сухим изодранным листом, гонимый ветром, как вот этот маленький и жалкий, что прибился к моим ногам. Так и не разобравшись, не поняв, что происходит вокруг, содрогаясь в душе, я подавленно уставилась себе под ноги. Моя жизнь рушится на глазах, но я, как этот пожухлый лист, ничего не могу изменить. Сильные и высшие решили за меня — биомассу у их ног.

На пике ажиотажа вокруг поимки супершпиона Гонг отдал нашей группе команду: «По ботам!», и мы быстро, словно стая испуганных птиц, унеслись из порта. Путь на базу АБНЗ неблизкий. И хорошо, что клеранцев посадили в другой бот — встречаться с Райо взглядом я была не в силах. Мне надо собраться с мыслями. И чувствами!

Часть 2

Великая и Ужасная

Две недели назад

Яркое голубое небо, белые пушистые облака, слепящее солнце — все это должно бы радовать, но настроение не очень. Невкусный бутерброд с колбасой так и останется «собачьей радостью», даже если его и запиваешь сладким соком. Облокотившись на парапет узкой террасы, прилегающей к столовой, я мечтала о хорошей мясной котлете. К сожалению, небольшой стипендии периодически не хватает. А при нынешней повышенной физической и умственной нагрузке есть хочется всегда, даже во сне.

У террасы раскинулся великолепный зеленый газон. Хороший газон, многофункциональный, высокотехнологичный, с поливом и подогревом — особая гордость зампотыла. Расписание полива все знают как «Отче наш» и потому сейчас на газоне спокойненько отдыхают курсанты с разных курсов и корпусов нашей Великой и Ужасной Военно-космической академии — сидят, лежат, а некоторые в наглуую дрыхнут.

Великой академию считают преподаватели и обыватели, а курсанты между собой называют ужасной. Академия готовит (давным-давно говорили «кует») кадры для большинства военных ведомств Земной Федерации. Благодаря огромным людским и техническим ресурсам выпускает отличных специалистов в различных областях. Все, что хоть какое-то отношение имеет к космосу, решается, курируется, управляется и прочая выпускниками нашей академии. И хоть подобных заведений существуют десятки, а может и сотни, но именно наши бывшие курсанты занимают самые престижные и высокие посты на Земле и ее колониях. Так что и мне, если повезет, удастся занять хорошее местечко.

Проглотив последний кусочек, я с сожалением обернулась: может потратиться еще и купить второй бутерброд? Столовая бурлит с утра до ночи. Академия военного типа, большинство курсантов мужчины, а они любят много и вкусно поесть, особенно с учетом высоких физических нагрузок. Девушек мало — слишком престижное заведение с

запредельно высоким порогом для поступления. Набирают лучших из лучших, фактически потомственных военных. Поэтому чаще всего прекрасная половина Военно-космической академии отсвечивает синими нашивками координаторов на серой форме.

Некоторые «деятели» презрительно дразнят нас секретаршами и секретутками, хотя у координаторов самые различные специализации: специалисты по информационным технологиям, которых ласково и исторически называют айтишниками, программистами, сисадминами в зависимости от нюансов подготовки или деятельности; аналитиков, политологов, хозяйственников, фельдъегерей. Пока до заносчивых «боевиков» из звездного десанта дойдет, что благодаря полномочиям, ответственности и уровню доступа самого рядового адъютанта, не говоря уже о полноценном статусном координаторе, наш брат, вернее, сестра гораздо быстрее прет вверх по службе с наименьшими потерями — все, как говорится, полковнику никто не пишет, а звезды не прощают ошибок. Поэтому мы, счастливые обладательницы синих нашивок, заслуженно задираем нос перед другими корпусами.

Мне не надо заглядывать в личный коммуникатор на руке, я и так до последней циферки после запятой знаю баланс своего счета. И сейчас во мне идет борьба желудка с жад... рациональностью. Нет, прагматизм победил! Грустно вздохнув, я сверилась с часами и, убедившись, что перед следующим занятием еще есть немного времени, перепрыгнула парапет и пританцовывающей походкой направилась искать тенек под деревом.

Завалившись на спину, как и многие вокруг, я качала ногой и размышляла над сложной дилеммой. До получения диплома и распределения осталось всего три месяца. Это время родная академия будет меня кормить три раза в день согласно стандарту по рациону для моего пола, корпуса и специализации. Белки, жиры, углеводы, рост, вес, мышечная масса, индекс массы тела и много чего еще — все учтено до миллиметра и миллиграмма.

Военные — люди дисциплинированные и живут по четко установленному регламенту. И не важно, что ты, по выверту судьбы, более прожорливый или с бешеным обменом веществ. Для удовлетворения повышенных нужд есть еще и стипендия. Великая и Ужасная тебя, к тому же, одевает, обувает, обеспечивает койко-местом и крышей над головой, не говоря уже о прочих преимуществах казенной

жизни. Казалось бы, живи и радуйся!

И я бы радовалась и не думала о насущных проблемах, если бы не была сиротой!

Как отличнику учебной подготовки мне положена повышенная стипендия, но я всегда старалась отложить ее на «черный день». К сожалению, периодически, в течение четырех лет обучения, мне приходилось засовывать в «копилочку» лапку. Оказывается, девушке требуется намного больше, чем полагается по табелю положенности курсанту академии. Как сироте Федерация обязана выделить мне небольшую жилплощадь по месту распределения, но пока суть да дело, нужны деньги. Чтобы прилично выглядеть на новом месте службы, на пропитание, проезд. Да мало ли непредвиденных расходов, о которых я пока не имею ни малейшего понятия?

Я села по-турецки и еще раз просмотрела список вакансий для распределения на коммуникаторе. Что выбрать? Мучилась от неуверенности: вот откликнусь на интересное предложение, а вдруг позже придет более выгодное, или не угадаю с выбором имеющихся в наличии. Сплошные сомнения и надежда на везение и чудо, ведь оно иногда случается.

Да, отличница! Да, с высоким рейтингом среди синих курсантов, но, увы, я сирота с закрытым доступом к прошлому, что может отвлечь от меня отдельные ведомства или конкретных начальников. Некоторые не любят секретов, точнее, категорически не переносят. Им легче найти «секретаршу» попроще, чем взять на службу на kota в мешке.

Краем глаза заметила целующуюся парочку, по нашивкам — выпускники боевого корпуса. Такие счастливые! Видимо, получили единое направление — семейным парам идут навстречу. Я улыбнулась чужому счастью, но тут же поймала заинтересованный горячий взгляд одного из десантников. Лежит аки сытый лев, положив руки под голову, жует травинку, вальяжно помахивая ногой, как я недавно, и наверняка строит на меня «ночные» планы.

Я фыркнула и отвернулась. За четыре года в академии среди сплошного и вечно голодного во всех смыслах тестостерона быстро привыкаешь игнорировать и ставить подобных на место. Мои природные стеснительность и робость вместе с привитым к мужскому полу послушанием и смирением еще в интернате, если не погибли

смертью храбрых в боях за свободу, еду и личное пространство, то спрятались и носа не высовывают.

Этот «лева» неожиданно всколыхнул тщательно запрятанные в дальние уголки памяти воспоминания. Электус — так называлась небольшая колония людей, проживавших на одной из станций, юридически принадлежавшей Земной Федерации. А по факту — банальная секта, долгие годы скрывавшаяся от всезнающих СМИ и официальных лиц. Хотя, нет, банальной ее уж точно не назовешь.

Электус, или избранная, назвал колонию основатель — Фридрих Дан, будущий отец и господин. Со своими сыновьями и несколькими приспешниками этот спятивший ученый, потерявший жену-однолюбку, занялся созданием новой, улучшенной расы «на основе» землян. Нового общества, где каждому мужчине полагается прекрасная избранница, которая будет любить, уважать, боготворить лишь его одного.

Много лет основатели колонии рыскали по федерации, собирая сведения о людях с редкой особенностью, фактически наследственной аномалией, называемых в народе однолюбам. Затем из таких семей иногда уговорами и враньем о прекрасном будущем, а чаще всего попросту похищали хорошеньких здоровых девочек, обещавших вырасти красавицами. Будущие избранницы должны быть безупречными!

За сорок лет существования колонии феномен однолюбов усилили путем селекции, правда он передавался детям обоих полов, но результат превзошел все ожидания Фридриха Дана. Более того, будущих избранниц «правильно» воспитывали с пеленок. В результате получались послушные, услужливые искусницы, которые, обретя «любимого», обязаны были всеми доступными способами украшать его жизнь. Моя мама была из второго поколения избранниц, уже «усиленным» однолюбом, а моим отцом стал сын самого Фридриха Дана, Михаил, его самый суровый последователь, тоже носитель аномалии. Наследственность, доставшаяся мне, до сих пор пугает до чертиков.

Михаила Дана я называла не иначе как папа. Ведь отцом мы звали исключительно Фридриха Дана. Моего деда, язык не поворачивается его так называть, почитали как бога. Мало того, многие верили, что вне станции нет другой жизни. Что мы, женщины Электуса, — избранные. Мы должны спасти мир от скверны одиночества и бездушия, поэтому

должны нести добро, кротость и красоту. А мужчины Электуса — защитники; за нас, таких совершенных, они костями лягут и сделают все!

Каждый день на ежевечерней службе отец вещал: «Семья — это святое!» И мы верили всей душой! Верили, когда нас лупили за детское непослушание, за непочтительный ответ мальчишке-грубияну, за то, что у пятилетней малышки не получались идеальные листики-цветочки на торте. Я верила, хоть и судорожно глотала слезы, когда папа бил маму из-за неудачного дня или плохого настроения. Мою робкую, красивую и добрую маму, которая любила его, несмотря ни на что. Верила, когда сама лежала в медблоке, когда заживала моя исполосованная кнутом спина — однажды я не сдержалась и бросилась под удар вместо мамы, которая была не в силах сопротивляться. Я не была кроткой, как бы в меня не вбивали сие.

Потом случилось чудо, первое в моей жизни. И я до сих пор считаю чудом, что нас «нашли и спасли»! Не представляю, как бы сложилась моя жизнь дальше, если бы в один прекрасный день станцию не заполнили люди в черном, не согнали всех жителей на самую большую площадку и не объявили, что мы — свободны. Та незабываемая, эпохальная речь закончилась паникой и слезами — многие просто не знали, что такое свобода.

А мне, двенадцатилетней девчонке, душа которой горела от боли и плакала от одиночества, в тот момент было все равно. За месяц до «освобождения» папа убил маму и сам ушел вслед за ней. Тогда я поняла, что любовь бывает разная: прекрасная и жестокая, как мама и папа, одна — свет, готовая отдать всю себя, а другой — мрак, поглощающий все подряд. И все равно они не могли жить друг без друга. Увы, усиленный синдром однолюба, как его позже назвали ученые, которым пришлось заниматься жителями Электуса и последствиями селекции, обнаружили страшный факт: избранники, однажды полюбив, быстро умирают, потеряв пару.

Я помню, что творилось после освобождения: семьи отпустили, а сиротам искали родных по ДНК. За время поисков и адаптации большинство девушек и женщин как-то незаметно «рассосалось». Чуть позже выяснилось, что многие стали избранницами мужчин с высоким положением в обществе. Дело по Электусу быстро замяли, засекретив все данные. Мужья бывших сектанток-колонисток постарались, чтобы

их статусные имена не полоскали СМИ. Собственно, правильно сделали.

Не знаю, что бы стало со мной, если бы по генетическому коду не нашли моего родственника — пожилого генерала в отставке. Слишком старый, чтобы взять на себя полноценную заботу о внучатой племяннице, но достаточно благородный, чтобы позаботиться о моем будущем. Так, именно благодаря ему, в двенадцать лет я попала в кадетскую школу-интернат. Там жили и учились сироты военных, дети героев, которые отдали жизнь за Земную Федерацию и по тем или иным причинам не попали в приемную семью или под опеку родственников.

Я, девочка, которую с рождения учили раболепствовать перед мужским полом, прививали кротость кнутом, прекрасная хозяйка, обученная хранить семейный очаг, но толком ничего не знающая о мире за пределами Электуса, оказалась в другой социальной среде. Стала кадетом! С первых дней открывала для себя новый и непонятный мир, где пришлось отвоевывать честь, достоинство и жизненное пространство, стоять за каждую мелочь, каждый сантиметр, каждое «хочу». Без корней, связей, избегая привязанностей.

Мне не удалось обрести подруг или друзей — ежик снаружи, птичка внутри. Единственные, к кому я тянулась, — интернатские воспитатели для малышей или, по-моему, нянечки. Милые и душевные женщины, похожие на колонисток, «избранных». Вот с ними я и подвизалась в редкие, свободные от занятий часы. Ведь мне пришлось учить втрое больше, чем остальным воспитанникам, — на станции я непозволительно отстала от земной учебной программы.

Даже фамилия Пташко досталась мне от родственника. От мамы — застенчивость, которую поначалу постоянно приходилось преодолевать и красивая внешность, которой я, увы, не умею пользоваться. А от папы, надеюсь, — ничего!

В восемнадцать я «выпустилась» из интерната и по протекции того же родственника поступила в Военно-космическую академию как «военная сирота» с льготами, стипендией и полным довольствием. Спустя четыре года поняла, насколько правильным и взвешенным было решение пожилого генерала.

Обычный детдом, куда бы меня направили без покровителя, «выплюнул» бы совершеннолетнюю сироту — и все, поминай как звали. Приемная семья тоже «на любителя». Что бы мне светило

дальше? Гарантированно: тяжелая работа, чтобы обеспечить себя и выплачивать кредит на обучение, закуток от государства, да туманное будущее. Зато «военный» интернат, с дисциплиной и регламентом, в сжатые сроки сделал из меня человека. Оказывается, все мужики — козлы, а не боги! Надо бороться, а не страдать по утраченному и родителям. И так далее.

Главное, поступила в академию — святая святых, обеспечившую всем необходимым, открывшую двери в благополучное будущее. Более того, в перспективе поможет завести полезные связи и, возможно, удачно выйти замуж. Военные ценят верных жен, как никто другой. Во всяком случае, генерал советовал пошире раскрывать глаза и найти «того самого», а не дичиться и не сторониться парней-курсантов.

Но внутренний страх мешал, не давал расслабиться. Ошибиться в выборе и умереть от безответной любви — нет и еще раз нет! Поэтому все мои мечты вращались вокруг карьеры. Вот если бы найти достойное место службы — тепленькое, комфортное, с личным кабинетиком. У меня по делопроизводству самый высокий рейтинг. Я квалифицированный и ответственный до неприличия координатор. Но все заявки поступают пока с затрапезных колоний и станций. А я там уже была. Соглашусь — и только чудом выберусь из тех дыр в приличные места. Хочется чего-то... выгодного! Эх, как же хочется классное место и... денег. И побольше, побольше.

Коммуникатор пискнул, приняв сообщение. Пока читала, глаза чуть на лоб не вылезли. Меня вызвали пройти рабочий тест. Странно, ни о чем подобном не предупреждали, я даже с расписанием сверилась. Моя группа должна идти на занятый предмет «Коммуникативные навыки координатора». Но я же военный, куда послали, туда и следуй, поэтому поднялась и бодрым шагом направилась в главный учебный корпус.

В указанной аудитории, к своему удивлению, встретила штабмастера из «белых», это высокое звание у военных психологов. Причем не в форме нашей академии. Кто-то из спецов...

— Курсант Эрика Пташко для тестирования явилась! — отрапортовала я, вытягиваясь в струнку.

Мужчина средних лет и роста, весь такой неприметный и невыразительный, скользнул по мне цепким, изучающим, серым взглядом. Более того, заглянул в планшет и вернул мне внимание.

Затем, едва заметно кивнув, неожиданно благожелательно произнес, протягивая стандартный аудиторный планшет для сдачи зачетов:

— Курсант Пташко, залогинитесь, далее вы пройдете тест. Вам не нужно глубоко вникать в смысл, раздумывать, опасаться неверных ответов. Отвечать надо быстро и что первое в голову придет.

Я протянула руку за девайсом, но не выдержала неизвестности:

— Можно задать вопрос?

Мужчина хмыкнул, качнул головой и пояснил сразу:

— Так нужно. Для психологических исследований.

Натянуто улыбнувшись, коротко кивнула и прошла в аудиторию. Стоило увидеть десятка два девушек, я успокоилась. Хотя... Что-то все мы похожи? Все исключительно шатенки. В академии много и блондинок, и брюнеток, и рыжих достаточно. Странно.

Присев на свободное место у окна, я активировала планшет и решительно приступила, но, увидев количество вопросов, изумилась:

— Сколько-сколько? Триста восемь...

Мне в спину недовольно зашипели. Дальше я уже про себя сначала возмущалась, а потом откровенно ерничала. Вопросы были чудные, если сказать мягко. Под конец я уже не сдерживала иронии, мысленно ведя диалог с неведомым собеседником:

— Часто ли вы любуетесь звездным небом?

Хмыкнув, я быстро напечатала:

— Нет, больше собой предпочитаю.

— В каких случаях загадываете самые заветные желания?

Я строчила с ухмылкой:

— Когда преподаватель на экзамен опаздывает!

— Кем бы вы предпочли быть: кроликом или волком?

Вспомнив свой перекус — бутерброд как из туалетной бумаги, ответила:

— Крокодилом, ему все равно чье мясо жевать, он любое любит.

— Что вы предпочтете в свободное время: сходить в развлекательный клуб или заняться спортом?

Да кого они спрашивают, курсанты всегда мечтают лишь о самом элементарном виде отдыха:

— Выспаться.

— Что бы вы бы предпочли: быть красивой, но бедной или богатой, но страшной.

Вот прямо актуальный вопрос! Поэтому тыкала по буквам раздраженно:

— Очаровательно состоятельной!

— Будь у вас возможность, к какой суперзвезде вы бы проникли в апартаменты ночью, чтобы рассказать о своих тайных чувствах?

Хихикнув, вспомнила о причине недавнего расстройста половины мужского состава академии:

— К суслику Васе. Дать ему по морде за вранье!

Этот Вася недавно предсказал победу нашей сборной по футболу в супергалактическом первенстве.

— Вы чувствуете себя плохо, если у вас грязные волосы, или когда нет маникюра?

Какой маникюр? Я не знаю, что это в принципе. Когда нет денег на счету не до дамских выкрутасов. Поэтому ответила:

— С грязной головой ходить не пробовала, это не по Уставу, а маникюр табелем положенности не предусмотрен.

— Представьте, что вы открываете незнакомую дверь, а там гора тортиков и коробки с новыми нарядами. Что вас больше порадует?

Вот лезвием по сердцу! Я бы любому подарку обрадовалась. Мне их дарили раз в год.

— Розовый слоник.

В него проще поверить.

— Какой цвет предпочитаете: синий или красный?

До чего бесят глупые вопросы!

— Зеленый больше подходит к моему цвету кожи.

Особенно после теста на выносливость!

— Верите ли вы в предназначенные пары?

На этом вопросе я немного застопорилась. Это они про напарника на заданиях что ли? Тогда проявлю лояльность к руководству:

— Конечно.

Как куратор назначит, так и будет.

— Что для вас настоящий мужчина?

Думая над ответом, я смотрела в окно, а там те самые настоящие мужчины усердно охаживали друг друга не то на спортивной, не то на боевой подготовке. Хмыкнув, я ответила:

— Мой ласковый и нежный Зверь!

— Если вам надо направо, а ваш спутник зовет налево, куда

пойдете?

Я кривовато улыбнулось:

— Конечно, налево — там всегда интереснее.

— Во что вы верите больше всего?

На последний вопрос я честно ответила:

— В деньги, они спасут мир.

Меня бы точно спасли, будь их побольше на моем счету. А еще куча приличных отзывчивых родственников, много мяса сегодня на ужин, большой латте со сливками (один раз только на юбилей академии пила) с кусочком торта, воздушного, тающего во рту. Разве мне много надо?

Завершив тест, я покинула аудиторию, отдав на выходе планшет, и направилась на ужин. А то от мыслей о сладостях живот призывно заурчал.

* * *

В этом блоке главного здания академии мне ни разу за четыре года бывать не приходилось. Вот и нервничала, сидя в коридоре у ничем не примечательной двери в ожидании неизвестно чего. Все потому, что утром на коммуникатор поступило сообщение: «Курсант Эрика Пташко тест прошла успешно». Новость вызвала полный ступор, я даже споткнулась на лестнице и чуть не расквасила нос, но успела отжаться от ступенек. А когда ошарашенным взглядом добралась до следующей информации, пытаюсь вспомнить дурацкие ответы на не менее идиотские вопросы, зависла...

Оказалось, благодаря нетрадиционному подходу к тестированию, — придури, наглости и иронии — может получиться что-то интересное. И, возможно, даже стоящее и равно выгодное. В результате меня пригласили на собеседование! К кому — ни слова, но неизвестность, или секретность, только разожгла фантазию. Меркантильность едва не билась в приступе счастья, уже обдумывая брачный контракт с доходным местечком где-нибудь в высшем командном ведомстве, рождая страстные томления в области желудка, который возомнил, что его обязательно завалят щедрыми плюшками, желательно мясными, приправленными латте со сливками, клубникой в шоколаде и — о, боже

мой! — редким по нынешним временам изыском — настоящим цейлонским чаем, вручную собраным с кусочка суши, оставшегося от некогда большого острова.

В общем, на таинственное собеседование я собиралась тщательно. Надела свежий комплект серой формы, всегда имеющийся в запасе «на всякий случай», щелкнула пальцами по синим нашивкам, стряхнув невидимую пыль. Волшебные нашивочки обязательно принесут мне удачу! Тщательно заплела длинные волосы во французскую косу, проверила нет ли следов липкой яичницы (была на завтрак) на белоснежных зубах и, облизнув пересохшие в предвкушении губы, рванула на собеседование.

Из мечтательно-задумчивого состояния меня вырвал насмешливый баритон:

— Курсант Пташка?

В приоткрытую дверь выглядывал адъютант, исковеркавший мою фамилию. Я встала и холодно поправила нахала:

— Курсант Эрика Пташко!

Молодой мужчина приятной наружности, вполне осознающий свою привлекательность, смотрел на меня с едва заметной улыбкой. Достали уже вот такие альфа-самцы, которые считают, что им все позволено: отпускать двусмысленные шуточки, коверкать фамилии, приставать и лапать.

Наверняка прочитав мои мысли, адъютант стер улыбку и уже по-военному четко пригласил, отступая в сторону:

— Проходите, вас ждут.

Я невольно вытерла вспотевшие от волнения ладони о брюки, прошла сначала в приемную, и оттуда — в просторную светлую комнату, квадратную и практически пустую. Из-за яркого солнца, щедро бьющего в окно, мне не удалось хорошо разглядеть мужчину, расположившегося за столом спиной к окну. Вытягиваясь в струнку, я выпалила:

— Курсант Эрика Пташко по вашему приказанию прибыла!

И пока докладывала, различила полковничьи нашивки, широкоскулое бледное лицо в обрамлении черных с проседью коротких волос, а сфокусировав взгляд, оценила крепкую поджарую фигуру.

Незнакомец продолжал молча смотреть на меня, заставляя нервничать сильнее, а еще — совершенно глупо краснеть под

размытым, но вполне ощутимым испытующим взглядом и чувствовать себя мышью перед голодной змеей. Ма-аленькой, жалкой мышкой перед огромным зубастым змеем.

Наконец, мужчина встал, вышел из ореола света, позволив себя рассмотреть. Моему удивлению не было предела: полковник-«змей» оказался в форме Агентства безопасности наследия Земли — сокращено АБНЗ. Очень закрытого силового ведомства, которое косвенно, а порой и прямо влияло на события, происходившие в политическом пространстве Третьей галактической. Лично я о работе на АБНЗ даже не думала — слишком сложно и огромная ответственность. Мне бы что попроще и «потеплее».

— Полковник Димас Гонг! — представился мужчина, остановившись в шаге от меня.

Наверняка специально встал так близко, чтобы давить на меня ростом и статусом. У него с психологическим воздействием все в порядке. У меня, как выяснилось, с устойчивостью тоже ничего — сумела выдержать тяжелый, ледяной, почти нечеловечески безразличный, мутно-зеленый взгляд. Сразу сконцентрировалась на точке между его черными бровями вразлет и размышляла: слишком бледный — кабинетный, наверное.

— Я ознакомился с результатами вашего тестирования и хочу сказать, вы идеальный кандидат для нас, — неторопливо, словно наслаждаясь произведенным на меня эффектом, сообщил полковник.

Я струхнула основательно и хрипло обратилась:

— Разрешите прояснить ситуацию, полковник?

— Да, курсант, мы с вами как раз для беседы встретились, — великодушно разрешил он, даже едва заметно улыбнулся.

Улыбка смягчила суровое лицо Димаса Гонга — почти симпатичный мужчина. Меня немного отпустило, голос звучал привычно:

— Должна вам признаться, что, отвечая на вопросы, часто шутила и ерничала. Куратор, проводивший тестирование, предупредил не раздумывать, а писать, что в голову взбредет. Поэтому результаты моего теста...

Гонг поднял руку, и я впервые за годы военной жизни дрогнула, словно испугалась, что «змей» нападет. Дикая, странная-престранная реакция! Ведь от отца в детстве на орехи получала, на тренировках и в

интернате, и в академии частенько доставалось, в банальных драках со сверстниками и с сослуживцами, но никогда мое нутро так не реагировало, как на этого незнакомца. Обычный человеческий жест...

Я рефлексировала, а полковник между тем спокойно объяснял:

— Эрика, тестирование прошло, как запланировано. Именно на простейшие психоэмоциональные ответы оно и был рассчитано. В вашем случае совпадение с объектом — сто процентов. Как по внешним данным, так и внутренним. Присядьте, у нас есть еще несколько вопросов.

Гонг обошел стол, и мы одновременно сели друг напротив друга: я — на краешке, а он — комфортно откинувшись на спинку, снова скрывая лицо в ослепляющем солнечном свете. Зато я теперь как на ладони, нет, под лупой.

— АБНЗ готово предложить вам работу, курсант Пташко! — ошеломил Гонг.

— Я не...

— Задание будет единовременным. В случае, если вы успешно справитесь с задачей, мы поспособствуем вам в прохождении дальнейшей службы. К примеру, в Министерстве военной промышленности. Здесь, на Земле. Более того, в должности первого координатора второго замминистра.

Мягкие пухлые губы Димаса Гонга дрогнули, когда он увидел мой невыразимый восторг. Еще бы, такое предложение! Я даже слюну сглотнула. Это же как... разом перемахнуть лет двадцать тяжелой службы от зари до заката или найти еще одного «золотого» родственника, который не прочь облагодетельствовать кровиночку-сиротинушку. И волшебным пинком, задействовав всех имеющихся должников и друзей, пропихнет тебя без очереди в рай. На место первого координатора второго замминистра. Потому что первые замминистры и их начальники, как правило, быстро меняются, а вот вторые, практически серые кардиналы, — бессменные хозяева своих высокопоставленных должностей и кабинетов.

Хочу-у-у!

Я облизала враз пересохшие губы, вновь сглотнула вязкую слюну — настолько жаждала денег и солидный кабинет с цветочками на широких подоконниках, кофейным автоматом, уважения и респектабельности — и просипела:

— В чем состоит мое задание?

— Сначала мне необходимо получить от вас принципиальное согласие. Затем вы подпишите договор о неразглашении, потом мы обсудим детали вашего задания.

— Осталось три месяца учебы, я не уверена, что...

Гонг подобрался, уловив в моем голосе расстройство и догадавшись, что крючок я проглотила.

— Эрика, с академией мы все решим. Выполнение поставленной нами задачи зачтут вам за дипломный проект. Более того, наше... хм-м... мероприятие назначено через неделю, продлится тоже неделю, и вы раньше всех получите свой заветный и, конечно же, заслуженный диплом вместе с должностью личного координатора второго замминистра.

В моей душе прагматичная и осторожная «Я» билась в истерике. С одной стороны, подобное сказочное предложение можно получить раз в жизни, если звезды нечаянно совпадут. С другой — плата за чудеса бывает непомерно высокой. Но сотрудничество с АНБЗ... С легендарным агентством, о котором ходят самые противоречивые слухи. Они стояли на защите интересов Земли еще у истоков Первой галактической коалиции, ловили настоящих монстров, губивших людей. Они безымянные герои. Те, кто во мраке ночи защищают нас от агрессивных иномирцев, террористов, расширяют наши территории. Призраки. Именно АНБЗ вскрыло сектантский гнойник Электуса... Этот поступок сыграл в их пользу.

— Я согласна!

— Тогда подпишите, и мы продолжим, — улыбнулся Димас Гонг, пододвинув мне специальный планшет для подобных процедур. Программа считает все мои данные: рисунок кожи, водно-электролитный состав пота и еще сотню параметров, которые подтвердят подлинность подписи.

Я открыла первую страничку и начала вдумчиво читать. Подкупал тот факт, что полковник одобрительно кивнул, не сказав ни слова, и ждал целый час, пока я внимательно читала каждый пункт на десяти страницах.

— Вы учли даже возможность утвердительно икнуть на поставленный вопрос. О том, что можно положением тела намекнуть на направление места проведения операции, честно говоря, даже

предположить не могла, — удивленно выдохнула я, подписывая каждый лист.

— Все приходит с опытом, — согласился Димас Гонг, проверяя мои подписи в планшете. Затем подался к столу, сложил руки в замок и, спокойно глядя на меня, начал, по сути, допрос:

— Я ознакомился с вашим досье, засекреченным. Вы с Электуса?

Я ощутила удавку на шее. Похоже, пожадничала, взяла больше, чем способна откусить. Пришлось выдавить из себя:

— Да.

Он кивнул, сверился с чем-то в другом планшете и продолжил:

— Полагаю, за прошедший месяц ваша интимная жизнь не успела разнообразиться и вы до сих пор девственница?

— Какое это имеет отношение к делу? — ровно спросила я.

— Прямое. Объект, с которым вам придется работать, имеет нечеловеческое обоняние. Аромат невинности может существенно облегчить вашу миссию.

— Я не собираюсь спать...

Гонг опять резко поднял руку, останавливая мое возмущение.

— Вас никто не заставляет спать с кем-либо. Заниматься сексом или иными интимными вещами. У вас будет конкретная задача, а как вы с ней справитесь — ваше дело.

— Ясно, — сдержанно кивнула я, в надежде, что дальше действительно прояснится.

— Я в курсе вашей наследственности и особенностей, поэтому не только в ваших, но и наших интересах, чтобы объект не затронул тонких чувств исполнителя. И остался только эпизодом. Более того, вы — помощница, запасной вариант, если говорить терминами. План «Б». Подстраховка на тот случай, если профайлеры ошиблись. Психоэмоциональная карта объекта отличается от собранной информации. У вас будет старшая, более опытная и подготовленная напарница. Основная задача у нее.

— Ясно, — с нескрываемым облегчением выдохнула я. — Кто объект, цель, задачи?

Полковник активировал виртуальный экран на своем планшете, тот завис над столом и началось воспроизведение.

— Смотрите.

Дальше я, затаив дыхание, смотрела фильм ужасов. С

приближающегося к космической станции корабля снимали ее останки. Сначала «во всей красе» — с разломами корпуса, дрейфующими в космосе обломками, искореженными мертвыми телами. Потом неизвестный оператор прошелся по коридорам и отсекам, фиксируя неприглядное зрелище... войны, наверное. Всюду трупы детей, женщин, мужчин. Разрушенный космический дом тех, кто в силу обстоятельств и из-за профессии годами жил в нем, добывая полезные ископаемые на ресурсных планетах и астероидах, занимаясь исследованиями.

Когда по моим щекам побежали обжигающие кожу слезы, полковник Гонг как-то излишне удовлетворенно констатировал:

— Это только одна станция, уничтоженная нашим объектом. Таких десятки, а сколько жертв — не передать словами. Чаще они забирают женщин и детей и продают их в государствах, которые еще не прошли Расовую комиссию из-за низкого уровня развития и соответственно моральных устоев. И не включены в Коалицию.

Мне послышался его странный тон или у меня случился выверт сознания на эмоциональной почве? Я прохрипела:

— Но почему? Почему этих монстров до сих пор не арестовали?

— За этими вырожденками стоит весьма непростой клеранец — Райо шир Алесио. Скользкий, как змея; голодный, как гиена; ничем не брезгует. Этот иномирец прикрывается личиной политика, летает по галактике и осуществляет свою кровавую деятельность от лица Клерана. Уверен, вы курсант, слышали о клеранцах, хоть и немного. Так вот, шир Алесио — самый страшный из них, фанатик, поклоняющийся темным богам Клерана, мало того, приносит им жертвы. В наше прекрасное прогрессивное время, в эпоху космических путешествий!

— Темным богам? Жертвы? Но мы же можем предъявить официальные обвинения и...

— Курсант, не будьте столь наивной! За дипломатическим фасадом можно спрятать что угодно. Кто будет считать гражданские жертвы, когда на кону галактическая политика. Мы сможем наказать его только тогда, когда Райо шир Алесио, убийца и террорист, окажется на нашей территории. В нашей юрисдикции.

— Понятно, какова моя задача? — спросила я, чувствуя какой-то подвох.

— Вы с напарницей отправитесь на Дагаву. Там под легендой двух

обычных путешественниц подниметесь на борт туристического лайнера «Вселенная радости». И в течение пяти стандартных суток будете очаровать или втираться в дружеское расположение к Райо шир Алесио. Надо уговорить его сойти на Фортане. Дальше — наша работа. Мы всей галактике покажем, кто скрывается под этим именем. Какие злодеяния творил, сколько загубил душ.

— За пять дней уговорить рискнуть жизнью и сойти на опасной, чужой территории прожженного террориста? — я честно вытаращилась на полковника.

Это не подвох, а подстава!

— Что вы знаете о жителях Клерана? — спокойно спросил Гонг.

Не злился, не психовал, не выказал и толики раздражения. Настоящий профессионал, деловой и сдержанный.

— Информацию из учебника для координаторов.

— Если я повторяюсь, не обессудьте, — предупредил Гонг, затем выложил скупые данные о первом контакте с этой расой, ее дальнейшему политическому усилению в галактике. Продолжил, поблескивая на меня жутковатыми «змеиными» глазами: — Так вот, Клеран на родном языке означает — «хищное сердце». Перевод буквально отражает их суть. В древности, по их же обмолвкам, клеранцы умели менять форму тела. Трансфигурация влекла за собой психические изменения. Клеранец становился похожим на зверя...

— Как в сказках про оборотней, что ли? — недоверчиво скривилась я.

— Если по существу, то — да, — кивнул Димас Гонг, одобрительно глядя на меня. — Хищное сердце — это их суть. Просто со временем способность к трансфигурации исчезла, а внутренний зверь, наоборот, усилился. Клеранцы внешне спокойные, дружелюбные, ревностно хранят старые устои, хоть и постепенно меняются. Их с рождения учат сдерживать хищные порывы, жестокость и эмоции, но зверь есть зверь. Убить для них — плюнуть и растереть. Угадать, когда личина «своего парня» треснет и из-под нее вырвется настоящий лютый монстр, — нереально. На данный момент они активно контактируют с Лиуром...

— Лиур — это звездная система, где добывают лиурентин? Новейшее топливо для межзвездников и станций дальнего размещения и длительного автономного дрейфа? — дал о себе знать синдром

отличницы.

Неожиданно «синдром» вызвал у полковника напряжение и раздражение, малозаметное и кратковременное, но все-таки.

— Да, вы правы, курсант. Лиур — это большой мир, целая звездная система, на планетах которой добывают лиурентин. Мы всей галактикой закупаем лиурентин для своих нужд по бешеным ценам и несправедливым квотам. Продолжим?

— Простите, полковник, — сконфуженно ответила я, машинально втянув голову в плечи.

— Так вот, о клеранцах, этих очеловеченных животных. Они невероятно сильные, быстрые, умные звереныши, но и у них есть одно слабое и потому полезное нам место. Женщины!

— Да, — поддакнула я начальству, всем своим видом демонстрируя заинтересованность.

— В силу пресловутой хищной сути, на Клеране царит жесткий патриархат. По нашим сведениям, они там друг другу глотки рвут за каждый неверно истолкованный чих. В старину чаще рождались мальчики, в связи с этим сейчас у них значительный дисбаланс между женщинами и мужчинами. С началом космических путешествий они контактируют с Лиуром и другими подходящими видами. Многочисленные межрасовые браки привели к потере способности к трансфигурации. Теперь, чтобы генетически окончательно не раствориться и не утратить собственной идентичности, введен категорический запрет на смешение клеранской крови с большинством видов, кроме немногочисленных исключений. Земляне возглавляют этот короткий список. Наш генотип мягко и без особенных последствий встраивается в клеранский, практически ни на что не влияя и не изменяя. Жизненный цикл в сто пятьдесят лет совпадает. Именно по этой причине со временем наши женщины стали популярны у клеранцев в качестве подходящей пары.

— И как им там живется? В патриархальном мире Клерана? — передернулась я, проведя аналогию с треклятым Электусом.

Полковник поддержал мои опасения и страхи:

— Плохо! Это не афишируется СМИ, но десятки женщин, которым удалось сбежать от навязанных мужей клеранцев, рассказывают об ужасах семейной жизни. Та самая пресловутая слабость клеранцев — дичайшая привязанность самцов, назовем их так, как они того достойны

в животном мире, к своим самкам в семейных союзах. Простите, Эрика, за неприятное напоминание, но это похоже на вашу особенность. Они однолюбы. Полюбив, закидываются на своей самке-половинке, сходят с ума от ревности, возжелания. Абсолютные собственники. Махровые. Если вас полюбит клеранец, вашей свободе, личности и самостоятельности придет конец. Вы станете тенью, исполняющей волю мужа и хозяина. По этой причине их женщины не приобретают профессий, не имеют увлечений или пристрастий. Потому что настанет время — и обо всем, кроме мужа-господина, придется забыть. Если такие семейные половинки теряют друг друга, то быстро погибают от тоски. Чаще всего просто кончают самоубийством. Особенно мужчины. Для них потеря любимой женщины не только психоэмоциональная утрата, но и потеря статуса, чести и достоинства.

— Жестко, — подтвердила я.

А не взял ли Фридрих Дан, «отец» Электуса, за основу будущей селекции в качестве идеала клеранцев? Действительно, очень схоже с воспоминаниями моего детства.

Полковник кивнул и продолжил:

— Поэтому ваша задача: очаровать, влюбить и вынудить его временно сойти на Фортане. Можете обещать ему что угодно, но потом. Пусть в качестве жеста «доброй воли», завоевывая вас, исполнит вашу маленькую мечту на Фортане. Можно придумать что-то простое, невинное, но необычное, чтобы не вызвать подозрений, но заинтересовать...

— Сказку про розовых слоников, — брякнула я, не подумав.

— Слоников? Розовых? — опешил Гонг.

Я поморщилась, перед тем как пояснить:

— В прошлом году я готовила реферат по Фортану. Там, между прочим, исторические, биологические и географические составляющие занятнейшие. В том числе радужные водопады и миниатюрные розовые слоники. Майджоры развлекались на Фортане знатно, многие диковинки разных миров скопировали, а размеры и масть — как пришлось по душе ученым.

— Вы знаете, Эрика, это отличная идея! Так и запишем: летите на Фортан посмотреть розовых слоников. А свою подоплеку к ним мы подготовим!

— Какая подоплека нужна слонам? Тем более розовым? — пришла

пора и мне удивляться.

— Это уже не ваша работа, — вновь махнул рукой полковник. — Вам час на сборы, курсант Пташко. Много не берите, только самое необходимое для трехдневного перелета на Дагаву. Все, что требуется для проведения операции «Розовый слоник», вы купите на месте. Причем в лучших торговых центрах.

— Полковник, разрешите мне внести один несущественный пункт в нашу договоренность. И еще, я бы хотела не менее действенный договор, чем ваш, где вы обязуетесь выполнить свои обещания после завершения операции.

— Какой пункт? — нахмурился Гонг.

— Вся приобретенная во время подготовки и самой операции одежда останется моей. Передаче и возврату лицам, ответственным за операцию, не подлежат. Без какой-либо компенсации с моей стороны, — я решила дать волю своей прагматичности и меркантильности.

Раз мне хорошая должность светит, как я явлюсь в министерство в своих куцых костюмчиках? Кроме того, стипендия за три месяца помахала ручкой, если диплом раньше выдадут. Вот и обзаведусь достойной одеждой, а на необходимые нужды накоплений хватит.

Полковник хохотнул, покачал указательным пальцем, благословляя мою предприимчивость, так сказать, и внес в договор дополнительное условие. Оказалось, договор готов и ждал моего согласования. В итоге, спустя гораздо больше, чем один час, мы все проверили, уточнили, дописали и главное — подписали. Затем я получила документы, формуляры и отправилась собираться.

В общежитие я летела как на крыльях. Мои мечты сбываются!

* * *

Полет от Земли до Дагавы на крейсере АБНЗ — большом комфортабельном межзвезднике с суперсовременными двигателями, способном осуществлять множественные и длительные гиперпереходы — продолжается трое стандартных космических суток. Если бы не этот корабль, лететь бы нам неделю, не меньше. Большие грузовые транспортники вообще тратят месяц в пути. Я впервые летела на судне такого класса, да еще в такой «компании».

На меня с интересом поглядывали в общей столовой и в коридорах старшие по званию, вот и распирало от гордости, собственной значимости и крутизны. Еще бы, целый крейсер подогнали, чтобы быстрее доставить меня в точку назначения. Я даже из каюты выходила, задрав подбородок, поджав губы и всячески изображая деловую даму и подражая походке президента Земной Федерации. Наше первое лицо — запредельно влиятельная и умная женщина, ее частенько показывают по инфосети.

Мое первое в жизни взрослое задание походит на приключение и началось просто фантастически — дух захватывает! Ведь я лечу «брат» самого жуткого преступника всех миров и народов и участвую в операции «Розовый слоник» в качестве второго по важности лица в должности агента. Чувство собственной значимости к концу третьего дня зашкаливало.

Зато омрачали восторг и хорошо приземляли ролики, которые Гонг приказал мне просмотреть, чтобы оценить, насколько опасен объект. Наверняка, чтобы у меня не возникало ни малейшего проблеска положительных чувств и сомнений. Холодный расчет, а про сердце и душу лучше не вспоминать. Психология... Ужасики мне предоставили к концу первого дня, а в начале показали досье на Райо шир Алесио, записи с официальных встреч и сделанные скрытно, в ресторанах и транспорте.

Первый раз увидев Райо шир Алесио, значительного и сурового клеранца, я невольно задалась вопросом: этот мужчина умеет улыбаться? Слишком холодный, непроницаемый взгляд, ни одного лишнего движения и случайного жеста, высокие выраженные скулы и упрямый подбородок, цепкий взгляд, строгий черный костюм. Хищник! Я засмотрелась на него. С минуту глазела, не меняя записи, практически любовалась — и мой интерес не остался незамеченным. Спустя три часа мне сбросили на планшет записи злодеяний шир Алесио и приказали просмотреть.

Непосредственно в видеокошмарах объект не мелькал, но шарм темного порочного героя и обаятельного злодея с высоким гормональным статусом в моих глазах потерял. Я до тошноты и озноба просматривала трагические истории и порой меня одолевали странные мысли. К примеру, многие из них, освещающие преступления в реальном времени, как в компьютерной игре, где от пуль или плазмы

виртуально гибнут люди, были сняты загадочным образом. Картинки постоянно прыгали, словно репортажи снимали тарташики из звездной системы Таурташ. Гуманоиды, которые походят на кузнечиков, — невероятно агрессивный, злобный вид. Они недавно самостоятельно вышли в космос и занялись освоением галактики. При этом тарташики вызывают опасение практически у всех известных цивилизованных миров настолько, что Расовая комиссия не одобрила их вступление в коалицию, соответственно исключается любое сотрудничество с ними.

Неужели в наемниках у шир Алесио есть кто-то из тарташиков? Если хорошенько подумать, то вряд ли, ведь в досье сказано, что он поклоняется темным богам Клерана, ратует за чистоту клеранской крови и презирает другие виды и расы. Среди его подручных такие же звери-клеранцы, как и он. Недолго думая, все сомнения и подозрения я оставила «на совести» спецов из АБНЗ — это их дело. Кто как не они точно знают, кто и в чем виноват?!

На коммуникатор пришло сообщение — Димас Гонг вызвал. Я быстро привела себя в порядок, проверила, чтобы, как обычно, ни одна прядка не ушла в самоволку, и направилась к начальству. В кают-компании полковник был не один, а с девушкой. Нет, женщиной в черной форме майора АБНЗ.

— Курсант Пташко по вашему приказанию явилась! — доложила я, кося глазом на эту красотку.

Вот кого ни строгая форма, ни низко собранные в простой пучок волосы не портят, а наоборот подчеркивают природные данные. Красавица-незнакомка тоже с нескрываемым интересом рассматривала меня. Полковник встал, коротко мне улыбнувшись, жестом пригласил присесть напротив нее и представил нас:

— Теперь вы агент Эрика Пташко. Знакомьтесь, специальный агент Ровена Гриф. Главные участники операции в сборе.

Мысленно я хмыкнула, услышав фамилию напарницы. Весело получилось: птички слетелись. Хотя... Ровена внешне расслабилась, откинулась в кресле, немного вытянула ноги и — изменилась. Вальяжная сытая кошка — вот кого она мне напомнила! Даже ее карие с золотыми искорками глаза, с характерным прищуром изучающие меня, походят на кошачьи. Хороша! Из тех счастливиц, которых природа по полной одарила насыщенными красками, внешностью, практически не нуждающейся в улучшении.

— Итак, начнем, — объявил полковник, причем несколько секунд назад на фоне яркой коллеги он как-то поблек, а теперь снова «вооружен и опасен» и психологически давит авторитетом. — Эрика, пока оставим формальности и говорим о сугубо важном. Понятно?

— Так точно, полковник, — выпалила я, подскочив с кресла. Стушевалась под его укоризненным взглядом и пролепетала: — Простите, я поняла.

— Отлично, — кивнул он, а Ровена цинично ухмыльнулась — ведьма. — На Дагаву вы отправитесь на обычной пассажирской яхте, которая доставила сюда хаю Ровену. Ни у кого из местных не должно быть даже мысли, кто вы на самом деле. Поэтому одежда, выправка, специальные обращения и устав — все остается здесь. Вам ясно, хая Эрика?

— Да, хой Гонг, — неуверенно сказала я.

Димас Гонг удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Проживаете дома, все документы и билеты оформлены. На лайнере для вас заказан полулюкс. Мы выяснили, объект забронировал каюты палубой ниже. Как вам встретиться с ним, обсудите по ходу дела. Следующий важный пункт — внешность. На ваши счета перечислены суммы, достаточные, чтобы выглядеть не только прилично, а на все сто. Одежда, салоны, ногти... В общем, ни в чем себе не отказывайте. Цель оправдывает средства!

— Гардероб для девушки — это самое лучшее лекарство, а я на здоровье экономить не привыкла! — голос у Ровены оказался ей под стать — грудной, «мурлыкающий». — Люблю свою работу!

Ого, я тоже, видимо, люблю всей душой! И мысленно нарядила Гонга Дедом Морозом. С большим-пребольшим мешком с подарками, ну или с солидным счетом в банке.

— Хая Эрика, это предостережение относится именно к вам! — вернул меня «на землю» Гонг. — «Вселенная радости» принадлежит аякам, эти бывшие выходцы с Земли крайне щепетильны в плане безопасности, практически параноики. На лайнере ни в коем случае нельзя говорить на темы, касающиеся операции. Никаких слов: операция, объект, АБНЗ и прочее. Запомните и думайте о приятном путешествии и отдыхе. Помните, даже стены имеют уши! Вам понятно?

— Да, хой Гонг. И в мыслях заменить операцию на путешествие, отдых и прочее.

— Хорошая девочка, — усмехнулась Ровена и получила мой недовольный взгляд.

Гонг продолжил наставительным тоном:

— Согласно легенде, вы сестры, двоюродные. Кузины. Надеюсь, Эрика, вы изучили вашу легенду?

— Да, выучила наизусть.

— Повторюсь, даже мысленно для вас на ближайшую неделю Ровена — именно кузина. Думайте о ней в таком ключе и ненароком не скажете иное.

— Хорошо, хой, — покладисто кивнула я.

— Вы обязаны сделать все возможное, чтобы Райо шир Алесио сошел на Фортане. Дальше — наша работа! — Полковник тяжелым взглядом прошелся по нашим с Ровеной лицам и добавил: — Ровена, главная задача у тебя! Но если основной профиль ошибочен, не настаивай и не вмешивайся. Тогда ведущая роль переходит Эрике. Ты поняла?

— Да, хой, — хмыкнула Ровена, снисходительно осмотрев меня.

И не только мне не понравился этот взгляд, полковник выпрямился и жестко посмотрел на нее:

— Не ошибись, Ровена. Ты главная в вашей связке, принимать решения именно тебе. Вспомни миф о Ясоне и Золотом руне...

— То есть, она, — Ровена кивнула на меня, — наша золотая овца, ты — Ясон, а шир Алесио — царь Пелий? Идем свергать предателя?

Я сжала кулаки — взяла себя в руки. За овцу мне некоторые ответят!

— Вы обе героини, которые должны спасти родную Федерацию! — уравновесил роли полковник, глядя на Ровену и остудив мою злость.

Я даже ехидно поддакнула:

— Нам, может быть, потом медали за героизм дадут... какие-нибудь.

— В АБНЗ героические подвиги не афишируют и медали дают посмертно, — иронично просветила меня Ровена.

Полковник укоризненно покачал головой и словно подал ей какой-то знак, снисходительно заметив:

— Девчонки!

— Хорошо, сделаю что смогу из Эрики за три дня, — Ровена с демонстративным сожалением тоже покачала головой.

Она что — меня поддеть решила с подачи начальства?!

На этот раз Гонг был категоричен:

— Ни в коем случае! Ни при каких обстоятельствах ты не вмешиваешься в ее образ, не навязываешь и не советуешь во что одеться, линию поведения или макияж. Эрика должна сохранить типаж, стиль и образ мышления на момент тестирования на совместимость. Ты поняла?

— Да, — Ровена слегка поморщилась.

Полковник продолжил давать указания:

— Вы — единственные, кто получил стопроцентное попадание из тысячи анкетированных. Всего двое! Каждая из вас уникальна. Учти, Ровена, его профиль двоякий! Мы опирались исключительно на предпочтения вне Клерана. А выбор тела может кардинально отличаться от выбора души. Кроме того, публично демонстрируемые предпочтения не всегда соответствуют реальным. Поэтому шансы у вас обеих — равные! Не вмешивайся в выбор Эрики. Ни на Дагаве, ни на лайнере!

— Слушаюсь! — по-военному ответила Ровена.

— Я рассчитываю на тебя, — весомо давил Гонг. — Эти звери в человеческом облике очень и очень внимательны. Подозрительны сверх меры! Они нутром чуют обман и подделку. Поэтому не врите по пустякам. Ваше поведение должно быть абсолютно естественным. Вам не нужно «дружить», родные люди часто бесят друг друга. Вы — как огонь и вода, внешне похожие, но разные внутри. На это и делайте упор. Молодые, красивые, образованные девушки на отдыхе выше среднего. Флиртуйте, кокетничайте, соблазняйте...

Я невольно покраснела: на Электусе девочек с четырнадцати лет обучали, как нужно убаживать любимого, преподавали науку соблазнения и любви, чтобы муж был доволен. Обучали на видеокурсах, конечно. Невинность дарилась исключительно единственному. Это правило вдалбливали в девичьи головы каждый день: на уроках, в быту, на ежевечерних службах. Я прожила там двенадцать лет из двадцати двух, но заповедь «Семья — это святое» слышится мне даже по ночам. По малолетству я женским премудростям на «родине» не научилась, как и потом флиртовать. А вот другие постулаты «отца», наверное, из памяти не изжить. Поэтому я до сих пор невинна и, на радость преподам, образцово исполнительная и ответственная. Робкая и

послушная девочка внутри, а снаружи — задиристая пацанка, которой пришлось постоять за себя в интернате и позже в академии.

Ровена и Гонг заметили мое смущение, кто бы сомневался. Полковник тяжело вздохнул и неожиданно распорядился:

— Так, Ровена, у вас есть три дня до прибытия на Дагаву. Расскажи Эрике о... интимной стороне, как флиртуют. В общем, о ваших, женских штучках.

— Из этой золотой овцы за три дня волчицу сделать?.. — скептически проворчала новоявленная наставница.

Я выразительно посмотрела на нее:

— Ой, а мне так нравятся сапожки из змеиной кожи! — И мечтательно закатила глаза: — Давно хотела...

Гонг на секунду нахмурился — и расхохотался, глядя на изумленную Ровену.

— Ладно, беру свои слова обратно, — оттаяла напарница.

Инструктаж длился еще несколько часов, затем мы отправились на Дагаву в сопровождении Гонга.

Игра «в шпионов» началась. На весьма уважаемую, на мой неискушенный взгляд, яхту проследовали две красотки в гражданской одежде в сопровождении плотного усатого мужчины. Всем сразу видно, что он везет своих девочек развлекаться.

Я была в предвкушении путешествия, жаждала приключений и чувствовала причастность к чему-то невероятному и необычайно интересному. Мои мечты сбываются!

* * *

Настоящее время

Яркое солнце Фортана слепит глаза, заливая пространство золотым светом, будто с издевкой напоминает о глазах Райо, бередит душу, мучает. Два часа назад мы прибыли на базу АБНЗ среди пустыни, возникшей когда-то «благодаря» деятельности разумных. Я решила постоять в одиночестве на крыше центрального бункера, где садятся боты с пассажирами и грузом. Само здание — для скрытности, наверное, — над барханами высится на пару этажей. Но песчаные волны лижут каменные стены и когда-нибудь пустыня окончательно

поглотит эту цитадель тайн и страха.

Очередной порыв ветра швырнул мне в лицо песок, будто пытаюсь наказать, выказать презрение за предательство. Но я только больше щурилась, упрямо не двигаясь с места, уговаривая себя, что все правильно сделала! Правильно! Хрипло и со злостью, бесившейся в груди, выдохнула ветру:

— Я не предала чувства! Я придала преступника суду и заслуженному наказанию!

И плевать, если кто-то услышит. Я нормальная, я боролась со своими инстинктами, страхами, вдолбленными с рождения догмами. Закрыв глаза и задрав лицо к чужому солнцу, я пыталась согреться, потому что мерзла, и холод шел изнутри.

Пискнул коммуникатор. Ровена сообщила: «Шеф отчет проверил. К нам претензий нет. Через два часа отправляемся в столицу. Дальнейшее не в нашей компетенции. Нам разрешили пару дней отдохнуть и осмотреть местные достопримечательности!» Удивительно и непривычно для колючей, продуманной, закрытой Ровены, насколько мне удалось ее узнать за время совместной работы, было приписать несколько восторженных смайликов. Какая хорошая плюшка от начальства, все-таки признавшего, что мы почти блестяще провели операцию.

Несколько раз перечитав сообщения, я смотрела на эти смайлики уже с раздражением. Еще недавно за возможность погулять по Фортану с деньгами, причем не своими, казенными, я бы пищала от восторга, ну хотя бы в душе. А сейчас мне неожиданно захотелось со всей дури врезать коммуникатором об пол и для верности потоптаться.

Нет, пора заканчивать с этими... чувствами! Надо последний раз взглянуть Райо в глаза — солнечные, светившиеся для меня, согревавшие... И забыть! Забыть, пока еще не поздно, может быть.

Спустившись на лифте на минус первый этаж, я уверенно направилась к допросной мимо охраны. Согласно схеме база делится на пять секторов, надо думать, исходя из уровней сложности, допуска на следующий контур, вероятной опасности и так далее. Я слышала, куда приказано отправить задержанного. Пропустит охрана — значит пройду, а нет — не судьба. Я решительно шла по коридорам и, помимо прочего, терзалась вопросом: почему настолько жестокого и опасного террориста и убийцу с подручными держат в первом, самом

«безопасном» секторе? По логике, здесь можно прятать свидетелей или допрашивать преступников попроще. От кого не ожидаешь чего-то экстраординарного и чудовищного. Не ждешь коварного нападения безумных последователей. Уровни, где можно месяцами выдерживать осаду, находятся гораздо ниже. Почему Гонг настолько беспечен? Или считает, что силовики справятся с любым врагом, кем бы тот ни был? Как-то не вяжется с его рассказами о клеранцах и видео побоищ и смертей. Совершенно. Так почему?

В результате накрутила себя еще больше и чувствовала себя еще хуже. Неужели пять дней с Райо повлияли на мое... э-э-э... восприятие реальности. Я сомневаюсь в своих? В АБНЗ? Тех, кто защищал и защищает родную Федерацию? Избавил меня от секты? Тошно, как же тошно от бесконечных и напрасных сомнений! Из-за кого? Убийцы, насильника и работарговца! Но ноги сами несли меня к цели.

Охрана без единого слова пропустила меня в нужный блок. Мало того, встретила и, наверное, проводила насмешливыми, похотливыми взглядами, заставив выше задрать нос и поджать губы, чтобы ни у кого не закралось сомнения: можно ли мне находиться здесь? Как только двери с шелестом пневматики отрезали меня от лишних глаз, я ускорила шаг, торопясь к цели. Внутри все переворачивалось от нетерпения.

Тем не менее, сразу в допросную решила не соваться. Насколько я поняла, там с задержанным работает полковник с коллегой. А вот мышкой шмыгнуть в соседнюю, наблюдательную, — почему бы и нет. К моему везению, наблюдательная пустовала. С облегчением выдохнув, я поймала себя на мысли, что напоминаю шпиона на вражеской территории. Или дурочку, которая, впервые полюбив, делает массу глупостей, за которые потом бывает мучительно стыдно.

Сделав пару неуверенных шагов в сумрачное узкое помещение, где кроме смотрового стекла во всю стену стоят скромные офисные кресла и стол, я замерла. Там, за стеклом, квадратная комната, такая же серая, безликая, сумрачная, как и эта, только немного больше. За узким столом сидят трое: Димас Гонг с мужчиной в гражданском костюме и Райо, руки которого прикованы к подлокотникам специального кресла. Несмотря на ситуацию хуже некуда, он, как тогда в ресторане, спокойно сидит, откинувшись на спинку, не показывая напряжения и страха — сплошная уверенность и спокойствие. Сильный мужчина, не только телом, но и духом! С двумя кровоподтеками на лице.

Меня распирало от возмущения: согласно общегалактической конвенции о гуманности, к заключенным и пленным нельзя применять физическое насилие. Запрещено мучить и избивать! Но тут же в памяти всплыли ужасные картины, что я просматривала до начала операции, сотни трупов, в том числе детей, стариков, женщин, — и волна возмущения схлынула. Разве можно с подобным шир Алесио по-другому? Ведь спецы АБНЗ больше моего видели и знают, а я, вчерашний курсант, так легко поверила преступнику. Поверила... нет, хуже, — влюбилась.

Райо — в плену у моей родины, а я — в ловушке своих собственных эмоций; мысли одна противоречивее другой мечутся, в голове звенит от напряжения. Чего я хочу? На чем надо остановиться? Затаив дыхание, подошла к стеклу, оперлась на него ладонями и смотрела. Во все глаза смотрела. Нет, любовалась! И от этого все переворачивалось в груди, но по-другому не получалось.

Пиджака на задержанном клеранце нет, темная рубашка красиво оттеняет ровный загар на лице и глаза. Жаль, не такие яркие, искрящиеся нежностью и удовольствием, как были утром. Он смотрит практически прямо на меня, как на сделанных скрытно видеозаписях. И опять содрогнулась под его холодным, бесстрастным, нет, мертвым взглядом. Куда делся тот манящий золотой свет, покоровший меня с первых мгновений знакомства?

Я прижалась к стеклу всем телом, все равно никто не увидит, а не смотреть не могла. Жадно, с закручивавшейся тугим узлом в груди тоской смотрела и выла в душе, словно какая-нибудь волчица, потеряв своего зверя. Спины перед моими глазами напряглись, Гонг подался вперед, требуя ответа, но Райо молчал, глядя сквозь них. Не реагировал на давление. Возможно, все, что хотел, уже сказал и теперь просто ждет. Чего? Непонятно!

А я любовалась им и едва не рычала от злости и безысходности. Как он мог? Как я могла? Почему не распознала в нем жестокого ублюдка, почему все, что видела и чувствовала, находясь рядом с Райо, совершенно не соотносится с полученной из досье информацией. Почему я настолько слепа и глуха рядом с ним? С трудом подавила истерический смех. С чего начинаются целые войны? С жажды любви, власти и денег. Я же мечтала лишь о свободе, считала, что жизнь без любви — это и есть свобода. А сейчас... сейчас я свободна, Гонг

порадовал меня чуть раньше Ровены: экзамен я прошла успешно и диплом элитной военной академии практически у меня в кармане.

Но почему же без любви я не взлетаю от счастья к небесам — а будто падаю в пропасть? Прилипла к стеклу и замороженно смотрю на того, кому уже никогда не смогу... ничего не смогу, хоть к нему рвется сердце и душа. Презирать, но все равно любить! Что может быть хуже? Хуже только липкий страх, что за преступления против человечности его казнят. Да, смертную казнь отменили согласно той же конвенции о гуманности, но есть наказания гораздо страшнее. Смертников отправляют на дикие, малоосвоенные и подвергшиеся глобальным катаклизмам планеты. А там долго не живут. Негуманная гуманность — так называют подобные места в СМИ, но правительства не готовы десятилетиями содержать и лечить моральных уродов, есть более насущные нужды, куда потратить бюджет страны.

И все-таки это жизнь. Мне необходимо знать, что Райо будет жив. Хотя бы в одной со мной реальности! Каждый день, каждый прожитый час знать, знать, что он жив, где-то есть, дышит, говорит или молчит, но живой! А я... Я всегда буду помнить его глаза и постараюсь не сойти с ума от одиночества.

— Как же страшно любить и ненавидеть, — прошептала я, вытирая слезу, побежавшую по щеке.

В этот момент Гонг, по-видимому, взбешенно орал на абсолютно бесстрастного Райо, затем обессиленно мотнул головой на дверь, и они с незнакомцем — таким же суровым, как и полковник, «змеем» с ледяными голубыми глазами на узком лице — вышли из допросной. А я решилась на очередное безумство, иначе не назвать. Мне было необходимо, жизненно важно задать вопрос. Чтобы понять... или успокоиться, наконец.

Подождав минутку, я выглянула в коридор — никого. И поторопилась к соседней двери. Дрожа от волнения, пару раз глубоко вдохнула, задержав дыхание, чтобы успокоиться и, стиснув кулаки, зашла в допросную. На шум открываемых дверей клеранец не реагировал, но, увидев меня, заметно напрягся и пристально следил за каждым моим движением. Его сковали по рукам и ногам, так что опасаться нечего, и я, по примеру Ровены, походкой от бедра продефилировала к столу. Мне хотелось, чтобы он запомнил меня такой: уверенной, деловой, безразличной. Профессионал, настоящий

спец.

— Прилетела, птичка? Хочешь насладиться торжеством? — тревожную тишину нарушил глухой баритон Райо, без ласковых ноток, без мягкой игривости.

Я облокотилась задом прямо об стол, левой ногой оперлась о стул между бедер Райо. Затем, обхватив его подбородок пальцами, подалась к нему ближе и заглянула в потухшие глаза. Опрометчиво поступила: сразу ощутила, как под горячей кожей клеранца перекачивались желваки, он сдерживал эмоции. А его тусклый, безжизненный взгляд... До зуда в руках захотелось погладить его красивое лицо, а не держать пальцами подбородок, наверняка доставляя неприятные ощущения. Поэтому я сорвалась: не удержала злость на него и саму себя. Злость, тоска и любовь-ненависть, раздиравшие душу, вылились в хриплые обвинения:

— Как ты мог, Райо? Как ты мог убивать детей... женщин... стариков? Насиловать, продавать... Ты хотел по горе из трупов невинных подняться к своим темным богам? Так вот, падать будет недолго, но очень-очень больно!

Мы несколько тревожных мгновений сверлили друг друга взбешенными взглядами, пока я не почувствовала, как по щеке опять поползла слеза, то ли остужая мой пыл, то ли зажигая еще сильнее. Но в этот момент его потухшие глаза блеснули и засветились, разгораясь все сильнее и сильнее золотым пламенем. Верхняя губа, от которой тянутся саусы, дернулась. Он глухо, со злостью и в тоже время странным облегчением произнес:

— Так вот, что тебе сказали? Как заставили...

Я практически отпихнула его лицо от себя, отпрянула в сторону от непонятого взгляда клеранца, словно на меня смотрел не человек, а зверь. Голодный и яростный! Но сказать ничего не успела, вернулись Гонг с незнакомцем в штатском и застали классическую сцену: испуганная овца и голодный хищник. Я покорно ждала, что отчитают за самовольное появление здесь, однако Гонг лишь ядовито усмехнулся, глядя на клеранца, а мне приказал:

— Агент Пташко, вы свободны. Идите готовьтесь к вылету, вы отлично поработали, заслужили отдых!

И я пошла, медленно переставляя словно одеревеневшие ноги, в полной мере ощущая их копытами той самой несчастной овцы, —

приказы меня исполнять научили. Уже когда двери с шипением открылись, а я сделала последний шаг, услышала еще один приказ:

— Птичка, я скоро приду за тобой, обязательно дождись меня!

Глухое, жесткое, ужасающее предупреждение, от которого кожа покрылась мурашками, а волосы зашевелились, наверное. Уверена, все трое отметили мой страх, когда я обернулась, непроизвольно приподняв плечи и дернувшись, как от удара. И Гонгу это явно понравилось. Почему?

Оказавшись в одиночестве в коридоре, я было поплелась в выделенную нам с Ровеной комнату, но, убейте меня, не скажу почему, остановилась у наблюдательной. Что толкнуло меня зайти туда снова и замереть напротив стекла, наблюдая за происходящим? Более того, открыть панель управления и включить прослушивание.

— ...хороший актер, но не надо играть статую. Мы не в музее. Подписывайте. Или вы хотите почить в безвестности? — в спокойном тоне «штатского» проступало раздражение.

— Я уже сказал все, что хотел. Клеран не ведет переговоры с террористами и похитителями; не важно, министра вы украли или простого работягу. Поэтому не вижу смысла в нашем диалоге.

От спокойного, бесстрастного тона Райо у меня душа зашлась, сердце забило пойманной птицей. Что происходит? О чем он говорит? Ведь это же он...

— Шир Алесио, давайте не будем затягивать это представление, вы подпишитесь под тем, что вы автор, — незнакомец иронично хмыкнул, — «Розовых слоников» и...

— Я? — не менее иронично «удивился» Райо. — Нет, к розовым слоникам я никакого отношения не имею. Их создали майджоры, насколько я в курсе, задолго до моего рождения.

— Ну давайте не будем, это все патетика, вернемся к делу, — настойчиво подключился Гонг, вмиг утратив свою харизму и выдержку.

— У нас с вами не может быть никаких дел. Вы забываете, с кем общаетесь, — а вот Райо выдерживал деловой тон, правда добавив презрения. — Клеран не терпит лжи, глупости и главное — безответственности.

— Причем тут безответственность? — удивились оба землянина.

— Вы явно сглупили, плохо проработали меры воздействия на отношения Клерана и Лиура. Не изучили должным образом оба вида и

свойства партнерства обоих миров. Отнеслись к задаче, как заурядные дельцы, для которых сиюминутная выгода затмевает перспективы.

— Я смотрю, вы разговорились, — мрачно отметил Гонг.

Ну прямо как наши препода, когда других слов нет, чтобы поставить на место.

Прикованный к стулу пленник, находясь в совершенно незавидном, тупиковом и бесправном положении, выглядел солиднее и достойнее, чем мой руководитель и его, по-видимому, начальник. Этот мужчина в штатском, если и не непосредственный шеф Гонга, то в любом случае выше его по должности или наделен большими полномочиями, судя по «ролям» на допросе и мимолетным взглядам.

Дальше Райо выбил из меня дыхание:

— В отличие от вас, я — политик, официальное лицо, а не предприниматель, поэтому вынужден предупредить. Вы полагаете, если мы далеко от Клерана, вам все сойдет с рук? Ошибаетесь! Повторяю, Клеран не торгуется и не ведет переговоров с террористами и похитителями. Не меняет своих служащих на лишние квоты на лиурентин. Вас всех просто вырежут, начиная от тех, кто отдал приказ об этой операции и заканчивая теми, кто охраняет меня в камере. Шантаж и обман мой мир не приемлет. Ни в каком виде.

— А мы рискнем! — зло заявил незнакомец в штатском. — И посмотрим реакцию официального Лиура на галактические новости о том, что заместитель министра по энергетике Клерана оказался пособником экстремисткой группировки, которая ведет боевые действия в юрисдикции Земной Федерации, подрывая экономические и политические связи нашего государства. Более того, угрожает мирным гражданам галактики...

— Нас слишком хорошо знают, вам никто не поверит! — равнодушно оборвал пафосную речь Райо.

— Думаете? — в голосе Гонга чувствовалась издевка. — Разве это важно? Другое дело, что благодаря вам, шир Алесио, Клеран будет замазан в грязи по уши, связан СМИ с делами о терроризме, массовыми убийствами. Более того, мы проведем показательный суд над вами, продемонстрируем всему миру свою гуманность, отправив вас, вселенского монстра, с пособниками на какую-нибудь отдаленную планету-тюрьму. Ваши соплеменники будут знать, даже видеть, что с вашей головы не упало ни единого волоска, все будет согласно букве

закона. Но вы для них потеряны навсегда, а вот последствия останутся с ними!

Райо криво усмехнулся, хищно блеснув клыками. Если бы эта гримаса адресовалась мне, я бы точно упала от сердечного приступа, тем более после его обещания прикончить всех участников операции, включая охрану базы.

— Вы похитили не одно официальное лицо Клерана, а целую группу политических деятелей! Подписывать я ничего не буду, как и участвовать в вашей афере. А значит, скоро вам направят ноту протеста. И тогда мы посмотрим на перспективы вашего дела.

— О чем вы, шир Алесио? — наигранно легко поинтересовался незнакомец. — Какая афера? Уже вся галактика взбудоражена вашими преступлениями против человечности и «Розовыми слониками». Даже если где-то о них еще не слышали, теперь точно узнают. И это сейчас, когда Клеран активно выступает против увеличения размера квоты для Земной Федерации. Да, существует небольшой перекосяк в нашу сторону, но Федерация растет стремительными темпами, нам необходим лиурентин для колоний и станций, для кораблей и общего взаимодействия. Земля не тот мир, который может позволить себе ваши сдержки и противовесы.

— Конечно, поэтому вы решили так... как это по-вашему, топорно поссорить Клеран и Лиур? Поднять против нас волну негатива? В моем лице, так сказать, особо приближенного к комиссии по раздаче квот лиурентина? — ядовито процедил Райо.

— Топорно или нет — решит общественность и Лиур. Наше дело: помочь им увидеть Клеран в ином свете. И сейчас речь не о них, а о вас. То есть, вы отказываетесь подписывать повинную?

— Категорически, — спокойно отказался Райо.

— Решение ваше, — пожал плечами «штатский», — за последствия тоже отвечаете вы, шир Алесио! Помните, мы хотели поступить с вами по-хорошему. Теперь же не обессудьте, но вам придется пройти через суд и отправиться по месту отбывания наказания.

— В жизни всякое случается, — равнодушно ответил Райо.

Оба землянина, помолчав несколько секунд, направились к двери. Я, оглушенная и потрясенная, не сразу среагировала, но успела отключить прослушивание и деактивировала панель. Через несколько секунд послышалось шипение открывающихся дверей, и я, как много

раз в интернате делала, застуканная за проделками, забралась в стоящее в углу кресло, поджала ноги, отвернулась лицом к стене и притворилась спящей.

Я старалась дышать ровно и не напрягаться, иначе под свитерком будет заметно, как заполошно поднимается грудь. В прошлом я довела этот трюк до совершенства и сейчас не имею права на ошибку, от этого зависит слишком много. Тяжелые шаги добрались до моего угла, а затем прозвучало злое шипение Гонга:

— Агент Пташко, что вы тут делаете?

Я была готова, поэтому даже ухом не повела. А вот сильный и звонкий хлопок в ладоши у меня над головой заставил взвиться с места, рухнуть на пол и закрутить головой:

— Ой! Что? Кто? Ой, простите, пожалуйста.

Если честно, я не ожидала резкого звука, думала, что, как всегда, за плечо потормошат, и, надеюсь, выглядела естественно проснувшейся девушкой, имевшей неосторожность заснуть в неподобающем месте. Стремительно встала, покачнулась, резко сменив положение, и покраснела под внимательными, подозрительными взглядами Гонга и его коллеги. Вытянувшись в струнку, привычно отрапортовала:

— Виновата, полковник, хотела посмотреть, как проходят допросы, но присела... и, похоже, уснула. Разрешите покинуть помещение.

«Легенда» выглядела примерно, как про розовых слоников, подурачки и по-детски. И что удивительно, мне вновь поверили. Гонг поморщился, бросив взгляд на начальника, как делают родители провинившихся детей. Тот, поджав губы, недовольно взирал на меня несколько долгих мгновений и, наконец, отпустил:

— Идите курсант. Ваше задание выполнено. Через двое суток отправитесь на Землю. Там вас ждет новая успешная работа и прекрасное будущее.

Актриса из меня не ахти, но, кажется, мне удалось изобразить радостную улыбку, когда хотелось выть, рвать и метать.

— Благодарю! — Забавно я, наверное, выглядела в свитере и шортах, щелкнув кедами и почти строевым шагом покидая наблюдательную, спиной ощущая взгляды.

Пока шла в выделенную нам с Ровеной комнату, невольно поднимала плечи и гнула спину — подставка давила. Свои постарались! Обманули! Предали гражданское и человеческое доверие! За

патриотическим фасадом операции возмездия за убийства, мы с напарницей заманили в ловушку обычного политика, точнее сразу четверых. Обманули, оболгали перед всей галактикой, растоптали чужие чувства и сердце. И свои тоже! И ради чего? Чтобы сохранить, нет, чтобы увеличить квоты на закупку лиурентина. Чтобы нарастить экономическую и военную мощь. Ведь лиурентин — самое лучшее топливо для искусственных космических объектов. Как же все это грязно и мерзко. А я верила, так верила АБНЗ. Верила настолько, что, послала куда подальше интуицию с сомнениями, доводы разума и крик собственной души и сердца.

Улетала я с базы, все еще улыбаясь, и походила на интерактивную игрушку, запрограммированную на вопрос-стандартный ответ-улыбку. Ровена даже начала подозрительно на меня поглядывать, а я пыталась не думать на тему добра и зла вселенского масштаба. Только не сейчас, иначе сорвусь и разрыдаюсь, что-нибудь сломаю, выскажусь или еще что похуже. Нет, сначала надо добраться до номера в отеле, где можно спрятаться от всех, выплеснуть боль, а потом действовать по плану.

* * *

— Что ты делаешь? — Ровена застала меня врасплох.

Я облегченно выдохнула, а она, удивленно хмурясь, разглядывала несколько интерактивных экранов, зависших над моей кроватью.

Множество новостных галактических каналов, страничек известных журналистов в социальных сетях, активная переписка с двоими из них — факты на лицо. Не было смысла все срочно прятать и отпираться, что я решила действовать и начала с местных, фортанских, СМИ. Все-таки считаю себя примерной гражданкой Земли и не хочу подрывать авторитет федерации в галактике. Но, если не добьюсь результата здесь, то готова пойти и дальше —поднять такую волну, что весь мир содрогнется. Невинные не могут подвергаться пыткам и быть приговоренными к смерти.

— Что ты делаешь? — повторила вопрос Ровена, проходя в комнату и застывая напротив экранов.

По ее бледному в синем свете экранов лицу бежали строчки горячих новостей, с нетерпением ждали моего ответа Глеб Норис с

Пятого мирового канала и Бранч Селезнев, популярный и за пределами Фортана политический блогер, — журналисты, известные своими расследованиями, непримиримые борцы за правду, судя по информации, которую я нарыла в планетарной сети Фортана за последние три часа.

Я устало потерла лицо руками, отвечая:

— Исправляю то, что мы натворили.

По прибытии в дом, а не отель, в центре столицы Фортана я не выдержала напряжения и о противозаконии, творившемся на базе АБНЗ, рассказала Ровене. Она меня сильно удивила, участливо погладив по голове и посоветовав выспаться. Сказала, что пословицы не лгут — утро вечера мудренее. Я же бездействовать и ждать не могла — жаждала восстановить справедливость. Срочно, пока не поздно.

— Мы? Натворили? И когда успели? — наигранно удивилась Ровена, разводя руками. — Мы всего три часа назад прилетели, а ты уже такую бурную деятельность развела...

Я подтвердила отправку набранного сообщения, которое размерами походило на школьное сочинение. И на душе полегчало: механизм освобождения клеранцев запущен, можно выдохнуть. Нетерпение, страх за судьбы Райо и его коллег, жгущий сердце стыд за собственную глупость и наивность, боль за непреднамеренное предательство немного утихли. Я встала, чтобы размяться и посмотреть Ровене в глаза прямо, а не снизу-вверх и спокойно ответила:

— Напоминаю, с нашей помощью АБНЗ схватило не кровавых преступников, а простых политиков клеранцев, чтобы шантажом получить лишние квоты на лиурентин. И они не в комфортабельном отеле сейчас ждут своей участи.

Я ждала, что Ровена упрекнет, почему не обратилась к ней за советом и помощью в таком важном деле, но никак не вскинутых темных бровей на идеальном лице и раздражения:

— Птичка, простых политиков в природе не существует.

Теперь мои брови взлетели на лоб, я возразила:

— Плевать, какие они, простые или важные. Райо и его спутники не виноваты в том, что им инкриминировали. Они не убийцы, не работоторговцы и... Я же чувствовала, но слишком верила руководству. А Гонг нас подставил и обманул. Он предал граждан Земной Федерации. Поступил подло и...

— Ты дура, Эрика! — оборвала меня Ровена.

Я чуть не задохнулась от обиды и не могла подобрать слов, чтобы поставить ее на место. Эта женщина, умевшая быть и гламурной девушкой, и умудренной опытом солидной дамой, часто ставила меня в тупик. Но мне казалось, она умная и... Неужели опять ошиблась в человеке? Я хрипло спросила, не скрывая желчи:

— Думаешь?

— Уверена! — с тем же снисходительно-презрительным спокойствием ответила она. — Я думала, ты с мозгами, просто молодая и наивная, но с хорошей прагматичной жилкой, хваткая и перспективная. Но, похоже, интернат и академия основательно промыли тебе мозги. Ты как отличный, высокотехнологичный кухонный автомат: выглядишь, как космический корабль, выполняешь заложенные функции, перерабатываешь все, что в тебя загрузил «повар», выдаешь «еду» по заданной программе. И даже глючишь по правилам, когда в тебя, вместо пищи, сунули камень. «Переварить» не смогла и ждешь помощи от производителя...

— Зато ты слишком умная и красноречивая, — ровно возразила я, не дослушав оскорбления.

Ровена устало опустила плечи, словно сдулась. Она, как и я, за три часа так и не переоделась. Хотя, надо отдать должное, в отличие от моего мятого свитера и шорт, ее костюм — словно только из прачечной.

Бросив еще один изучающий взгляд на виртэкраны, она холодно уточнила:

— Полагаю, ты пытаешься связаться с журналистами? Чтобы рассказать байку про униженных и оклеветанных клеранцах?

— Байку? — опешила я. — Я лично слышала разговор Гонга с Райо. Все, что мне показали и рассказали о нем, сфальсифицировано. Но им угрожает смертная казнь, понимаешь? Ни за что! Чтобы продемонстрировать шпиона галактике с великой целью отжать квоты у Лиура, поспорив с Клераном.

— Может, еще не поздно? Нам позволили улететь с базы, значит, не подозревают утечки, — нахмурилась Ровена, думая, похоже, о своем, а не о моей пламенной речи.

— Говорила же тебе, они решили, что я заснула в смотровой и ни сном ни духом не в курсе.

— Быстро собирайся и улетай... куда-нибудь. Только подальше от

Фортана, — Ровена огляделась явно в поисках моего багажа.

Чемоданы неприкаянно стояли у шкафа так и не разобранные, даже необходимое не достала. Я качнула головой:

— Нет, здесь Райо и сначала ему нужно помочь выйти свободу.

Но Ровена пропустила мое «нет» мимо ушей и вперилась в виртэкраны. По-видимому, разглядела диалоговые окна с перепиской. Дальше в пару стремительных шагов она оказалась возле кровати, надела манипулятор и начала просматривать, что и кому я писала и где была в сети.

— Эй... — Меня бесцеремонно оборвали, с силой оттолкнув.

Шлепнувшись на попу, я ошарашенно смотрела на вмиг изменившуюся Ровену, которая горящими глазами вперилась в экраны, а ее пальцы порхали по виртклаве. Спустя минуту она суксилась, очень грубо выругалась и плюхнулась на кровать. Взбешенно посмотрела на меня, напоминая ядовитую змею, у которой растоптали кладку, и прошипела:

— Знаешь, что ты сделала?

— Да, раскрыла миру правду о неправомерных и преступных операциях некоторых правительственных агентов, руководителях и...

— Двое писак и болтунов — весь мир? — зло усмехнулась Ровена, затем, видимо не выдержав эмоций, закатила глаза и раздраженно высказалась: — «Господи, какую же дичь и наивность мы растим! Патриотка доморощенная! Тебе двадцать два, Эрика, пора бы уже взрослеть! Не все, что нам рассказывают — правда, кругом не одни враги, а мы не лучший народ во Вселенной! Не поверишь, но люди и не только люди часто врут, предают и даже убивают. И не все убийцы сидят в тюрьме! А правительства не всегда справедливые и мудрые! — Ровена все-таки сорвалась и заорала: — Понимаешь, дура малолетняя?

— Понимаю, потому что не малолетняя уже. — Морщась и потирая ушибленный копчик, я поднялась с пола. — Но хороших и честных людей гораздо больше, чем плохих. Все мои преподаватели и учителя говорили, что если не давать злу отпор, оно победит добро. Честь и достоинство — самые важные для...

— Да-да, я помню те бредни. В жизни — иначе! — Ровена встала грациозно, как кошка, собравшаяся напасть.

— И это понимаю, — горько согласилась я. — Но именно я виновата в том, что Райо сейчас в бункере АБНЗ.

— Ты? Не много о себе мнишь, а? — сардонически усмехнулась Ровена. — Ты одна из десятков тысяч анкет, только психотест с наибольшей совместимостью с объектом. Ты всего лишь единственное стопроцентное попадание в психологический портрет того, от кого зависят квоты лиура...

— Я — половинка Райо, он сам так сказал, — мотнула я головой, напоминая самой себе. — А вот ты не подошла, хотя тебя назначили главной по охмурению.

— Завидуешь? — ядовито ухмыльнулась Ровена.

— Нет, — я снова мотнула головой. — Мне кажется, это ты завидуешь или обижаешься.

Ровена даже всплеснула руками:

— Да спустись ты уже на землю, хватит витать в облаках! Спецы АБНЗ несколько месяцев разрабатывали эту операцию, собрали массу информации по объекту, тщательно проверили тысячи анкет. Ты — не половинка Райо! В наше время нельзя верить в подобные романтические бредни! Всем от всех что-то нужно, все эгоисты! Ты же просто идеально подходишь под звериные запросы тирана, деспота и самовлюбленного собственника! Наивная, доверчивая овца, которой можно управлять. Это всего лишь психология: человек — это набор черт, слабостей и характеристик, и ваши совпали на сто процентов. При желании наши «психи» подберут тебе еще с десяток таких вот половинок. И вполне вероятно, другие половинки будут гораздо удачнее! Как говорится, первый блин комом...

— Нет, Гонг сказал, что я — его Золотое руно. Погибель! — почти шепотом ответила я, подавленная яростным напором Ровены.

— Дура! Влюбленная дура! — заорала она мне в лицо.

Я невольно отшатнулась, но ответить постаралась ровно и глядя ей в глаза:

— Ты не права. Я просто не хочу быть пешкой. Не хочу быть причиной чьей-то гибели. Не хочу мириться со своей совестью. Наверняка, ты знала, что с ними будет дальше. Знаешь, что их убьют! Ты сможешь с этим жить?

— Да легко, — спокойно заявила Ровена. — Потому что ничего не решаю. Мне и пешкой комфортно, пусть «дальше» будет заботой других.

— А я — нет, — пожала плечами, отстраняя ее от кровати,

чтобы продолжить заниматься разоблачением Гонга.

— Ты понимаешь, что будет, когда они узнают о сливе информации? — холодно уточнила Ровена.

— Мне плевать на АБНЗ, я работала с ними первый и последний раз. Даже если они не выполнят обещание, я сама сдам экзамены в академии и...

Ровена больно схватила меня за плечо и резко развернула к себе лицом:

— Эрика, бывших агентов АБНЗ не бывает. От них не уходят в свободное плавание, а только вперед ногами. Ты не знала?

— Если бы дело обстояло именно так, то про АБНЗ бы много говорили и...

— Идиотка! Именно потому, что уволившихся нет — нет предателей, неблагонадежных, крыс, которые сливают инфу, нет и пересудов. Ты либо работаешь на них, либо нет. Тебя — нет! И по-другому не бывает. Ты готова рискнуть жизнью ради Райо?

У Ровены покраснело лицо, подурнело, она выглядела старше своего возраста.

— Ради него — да. И еще не хочу начинать карьеру с трупов. Это лицемерие, мы обвинили его в убийствах, а сами ничуть не лучше.

Я упрямо ловила Ровенин нервный, озабоченный взгляд: АБНЗ, условно своих, она боится гораздо больше, чем «чужих», монстров, по ее словам. А оскорбления — это проявление страха. Она не хочет обидеть или принизить меня, скорее пытается убедить любыми путями, вот и продолжает «совестить»:

— Ты — военный координатор, неужели не понимаешь, где будешь служить? Чем заниматься? И...

— Я планировала честно работать, в меру сил защищать свой мир, а не интересы группки людей, которые ищут легких путей и не рассматривают более сложные, но правильные, — парировала я и оценила ее усилия: — В любом случае, спасибо тебе за ценные советы на корабле, да и здесь тоже.

— Ты невыносимая идеалистка! — не сдавалась Ровена. — Увы, такие умирают молодыми.

— Я верю в судьбу, если мне суждено утонуть — не сгорю, — горько усмехнулась я.

Покрутила головой, разминая мышцы шеи, потеряла копчик и

уселась продолжать поиски лучших журналистов.

Ровена, словно в замешательстве, топталась рядом — необычное и непривычное для нее поведение. А затем вдруг заявила, направляясь к двери:

— Хорошо, раз такое дело, придется тебе помочь. У меня на Фортане есть парочка информаторов, пойду поспрашиваю, кто в столице самый крутой журналист. Если уж сливать инфу, то со стопроцентной гарантией, что с ней справятся и решат нашу проблему.

Не веря своим ушам, я восторженно вскинула на Ровену глаза и выдохнула со слезами:

— Спасибо тебе огромное! Ты настоящий человек!

Она несколько долгих мгновений смотрела на меня молча, поморщилась, а потом грустно улыбнулась:

— Жизнь покажет. Ты отдохни сегодня, завтра будет много дел.

Но я еще час, не меньше, рылась в сети, искала запасные варианты, заготавливала письма для рассылки. К сожалению, никаких доказательств нет, против моих слов — слова АБНЗ. Но хотя бы пошатнуть уверенность, заронив зерно сомнений, а дальше СМИ раскрутят. Они поднаторели в делах-расследованиях. Надо же хоть как-то помочь Клерану вернуть своих граждан. В общем все, что могу, я обязана сделать.

Спать легла поздно, но это не помешало мне проснуться рано, тщательно привести себя в порядок, выбрав удобный брючный бежевый костюм. Приготовила сытный завтрак и решила, наконец, посмотреть новости. Глеб Норис и Бранч Селезнев обещали, что моя «бомба» появится в ближайшие часы в эфире.

Но уже утро, я почти доела яичницу с жареным беконом, запивая ее чаем, а действительно горячих новостей так и не увидела. Когда появился первый интересный репортаж, я поперхнулась и со слезами на глазах, пыталась одновременно откашляться, слушать и справиться с потрясением. Пятый канал с прискорбием сообщил: «Ведущий репортер Глеб Норис спрыгнул с террасы сто тридцать пятого этажа. Перед этим написав записку, что устал, вышел в тираж, никому не интересен и не может с этим жить».

Умывшись и напившись воды прямо из-под крана, я искала новости про Селезнева. И когда нашла их в ночном выпуске, плюхнулась на стул — ноги отказали. Он утонул... в своей ванне. А уже

через минуту появилась пометка «Срочно» на одной из новостных веток. Еще минуту назад мне казалось, что большего шока испытать нельзя, но я ошибалась. В течение получаса СМИ Фортана распространяли сообщение, что на супершпиона из Клерана Райо шир Алесио внутри наших доблестных спецслужб работала продажная Эрика Пташко. Именно она пыталась под видом невинной овечки затесаться в ряды военных из самых высших эшелонов власти, чтобы подрывать, усугублять, препятствовать и т.д. Что именно не уточняли, но урон нанесла непоправимый, причем, знают точно.

В третьем по счету «Срочно» меня обвинили в том, что я возглавляю одну из ячеек «Розовых слоников», сопровождая сообщение быстро сменяющимися кадрами трупов на какой-то станции. Где-то на задворках разума мелькнула мысль, что эти картинки я уже видела, когда меня везли «братъ» Райо. Что-то не сильно АБНЗ утруждается подбором обоснования и данных. Использует все «родное и привычное».

Видимо из-за шока, вызванного стремительно развивающимися событиями, которые сама же и устроила, причем на редкость неудачно и поспешно, сейчас видно, что и плохо продумав, я пропустила шум открывшихся дверей и появление полковника Гонга. Он замер на пороге кухни, пока парочка дуболомов ткнула меня лицом в стол, заломив руки. Скосив глаза, я не только выслушала, но и увидела, как он разочарованно качает головой:

— У меня на тебя такие планы были грандиозные, карьеру могла бы сделать... И в кого? В этого зверя. Эх, ты! Полюбовалась на себя на больших экранах? Я знал, тебе понравится.

— На суде все откроется! — просипела я из положения «зю».

Гонг поморщился, отреагировав на мою очередную глупость:

— Детка, диплом академии и офицерское звание ты получила. Ты на службе! А за предательство родины что полагается? — Усмехнулся, сузив змеиные глаза и отметил мою реакцию: — Вижу, догадалась. Военный трибунал! И твоего звереныша тоже будут судить как военного преступника военным трибуналом. Только, в отличии от твоего процесса, клеранца мы покажем общественности, а ты не настолько значимая фигура.

— Вы...

Гонг взмахнул рукой, таким образом приказав меня увести, и,

провожая мою скрюченную фигуру взглядом, добавил ледяным тоном:

— Ты причинила мне массу неприятностей, так что постараюсь вернуть их сторицей. Найду тебе самое тепленькое местечко для будущего проживания.

— Добро всегда возвращается сторицей, — не осталась я в долгу.

* * *

Звуки шагов нескольких пар ног гулко разносились по коридору, разрезая тягостную тишину, заставляя замереть в ожидании, сидя на койке. Внутри все сжалось от неприятного предчувствия. Просто так сюда не приходят!

Изолятор временного содержания заключенных на Фортане устроили в бывшем зверинце, как это не смешно, ну или печально. Стены из светлого камня, похожего на песчаник, самоочищающиеся полы под гранит, просторные вольеры, разделенные на индивидуальные клетки для разумных, с мизерным санузлом, жесткой койкой и тумбочкой, чтобы принять пищу и сложить минимальный набор вещей. Еще энергопрутья, перекрывающие выход в коридор и доступ к камерам напротив. Металл нынче дорог, обычный лазер гораздо дешевле.

Две недели ожидания, мучительного и самоуничтожающего. Допрашивали меня всего один раз, вытряхнули все, что знала и сделала. Слишком мало, на свою беду и к радости руководства операцией «Розовый слоник». С того момента я ждала своей дальнейшей участи в изоляторе. Любопытно: либо конвенция о гуманности, как ни странно, действует, хотя бы в отношении граждан Федерации, либо хитромудрый змей Гонг меня хорошо изучил и счел, что я сама себе лучшее наказание. Никаких пыток и воздействий ко мне не применяли. Полное забвение. Так и варилась в собственном соку из мыслей, стыда и воспоминаний, накручивая себя, терзаясь день за днем.

Предала! Я предала доверие и любовь единственного мужчины, который мне нужен больше, чем свобода. Больше, чем что-либо. Меня обвели вокруг пальца, как соплюшку, купили за должность и пару сумок тряпья, заставили забыть годы обучения в академии, где постоянно твердили: любые доводы и чужие слова требуют подтверждения и подвергаются сомнениям. А я... провалила первое же

серьезное самостоятельное дело, отринула интуицию, отмела сомнения, разумные доводы и все сделала не так. Дура!

Даже спасти клеранцев бросилась по-идиотски. Так торопилась доказать Райо, что не виновата — даже не продумала, не сбежала с Фортана, не сообщила в Расовую комиссию, занимающуюся этикой и взаимодействием рас, не связалась с посольством Клерана. Ведь Нофаль мог и не добраться до «Вселенной радости» живым. Сплошные «не» в моей дурацкой затее.

«Дура! Дура, дура...» — шептала я в отчаянии, когда хотелось биться головой об стену.

Наконец, перед энергорешеткой остановились конвоиры изолятора в черной форме. К моему удивлению, двое вели Ровену под руки и с силой втокнули в камеру напротив, а третий держал под прицелом, и как только вспыхнули прутья, отрезая ее от прохода, сплюнул на пол и злобно высказался:

— Можешь лечь хоть под каждого охранника, стерва, но сбежать тебе не удастся. Я бы сам с тобой развлекся, но, увы, ваш отдых подошел к концу. Через час за вами придут на последнее заседание суда.

— Гореть тебе в аду, придурок! — буквально выплюнула Ровена, даже на прутьях слюна зашипела.

— Спасибо, но лучше без меня. Найдешь себе в аду другую компанию, — желчно процедил конвойный, бросил на меня мимолетный взгляд и удалился за подчиненными.

Я крепче прижала колени к груди, обняв их руками, и не без злорадства, с любопытством, исподлобья наблюдала за бывшей кузиной. Как и я, она щеголяла в некогда стильном костюмчике, в котором, видимо, ее и взяли, когда доносила на меня за слив информации. За две недели в изоляторе наша одежда помялась и выглядела неряшливо. А ничего другого нам не выдали. Специально или нет — не знаю, с изоляторами до этого не сталкивалась, к счастью.

Как только затихли шаги охранников, Ровена обратила злой, ненавидящий взгляд на меня и прошипела:

— Чего уставилась?

Рассерженной кошкой замерла в нескольких сантиметрах от прутьев, рискуя нечаянно обжечься. Красивое лицо застыло в идеальной злобной гримасе. Только кошачьего хвоста не хватает, чтобы

размахивать и хлестать по ногам.

— Значит, ты пыталась сбежать, милая кузина? — усмехнулась я. — Легла под какого-то потного охранника?

— А ты, как овца, покорно примешь смерть? — ее пожелтевшие, почти кошачьи глаза полыхнули яростью.

Конечно, меня терзают сомнения насчет справедливости суда и будущего наказания, но хочется верить, что мир еще окончательно не прогнил. Найдутся порядочные, ответственные люди. Больше не надо торопиться, немного подожду, посмотрю, подумаю — и тогда уже буду действовать. С Ровеной мы нормально не общаемся, только сквозь зубы. Ведь именно она, предательница, сдала меня АБНЗ, чтобы выкрутиться самой. Хотела выйти сухой из воды, заложив напарницу.

Я снисходительно насмешливо ответила:

— Зачем? Доказательства косвенные, только их слово против нашего. Ты же видела, на слушаниях им даже предъявить было нечего, ничего конкретного. Так, бред сплошной несут. Если бы не наш адвокат — вот уж кто как овца блеял — то все завершилось бы на первом слушании. Конечно, отпустить и оправдать АБНЗ не позволит; думаю, дадут несколько лет. Постепенно все утрясется, забудется, можно подождать, а потом направить в компетентные органы запросы, протесты и апелляции...

Ровена хлопнула себя по лбу и сжала голову руками, словно от боли, затем потерла лицо. Глубоко вздохнула, похоже, пытаюсь вернуть самообладание, а затем устало призналась:

— Знаешь, я уже тысячу раз пожалела, что пришлось с тобой работать. Надо было оставить тебя на «Вселенной радости», чтобы Райо забрал на Клеран. Потому что только под надзором такого зверя, как он, такие, как ты — наивные глупенькие дамочки, верящие во вселенское добро и справедливость, как в высшую ценность, — не причиняют добра и не наносят счастья. Господи, да если бы я знала, что будет, сама бы тебе по темечку дубиной стукнула и ему в пещеру притащила!

— Сама ты... дура! — буркнула я, снова скукоживаясь и крепче обнимая колени.

Но Ровену понесло:

— Я вообще не понимаю как! Как Гонг допустил тебя к операции!? Тем более, на последнем совещании говорили, что ты из однолюбков. Слишком высокий риск, а они на него пошли. Идиоты! Так торопились

обеспечить себе очередные звездочки, что лишний раз не подумали, не проанализировали. Ведь ты же сопливая девчонка, не пробовавшая жизни, зашоренная чужими догмами, ничего не знающая об отношениях... А виновата — я?

— Я не хотела любви, хотела свободы, карьеру сделать, чем меня и купили, — удрученно призналась я, невольно оправдывая косяки должностных лиц АБНЗ. — Я выполнила задание, как положено! Если бы не подлый обман, то в СМИ бы не полезла.

— Идеалистка! — злобно выплонула Ровена.

— А ты — предательница! Сдала напарницу! — вскинулась я на нее в который раз. — И сбежать подговаривала с одной лишь целью: как можно дальше отвести от себя подозрения, но просчиталась.

Ровена презрительно посмотрела на меня:

— Да какая ты мне напарница?

А я припомнила ей совет «волшебного» кристалла на «Вселенной радости»:

— Ха, точно, ты не напарница! Ты — дятел, а дятлы, которые стучат на друзей и коллег, долго не живут! Помнишь кристалл? Тебя предупреждали...

Предательница вдруг подбоченилась, походя на скандалистку-маргиналку.

— Ха-ха, тогда тоже готовься: с тебя, золотая моя, между прочим, пообещали содрать шкуру!

Вытаращившись на нее, я вспомнила свое предсказание и нахмурилась. Отвернувшись в сторону, наигранно равнодушно ответила:

— Это мы еще посмотрим.

Ровена неожиданно успокоилась и замолчала, вынуждая скосить на нее глаза. Я поймала ее задумчивый взгляд, когда она спросила:

— Интересно, почему на Райо не воздействовали с помощью тебя? Ведь клеранцы помешаны на избранницах...

Мне приходили в голову эти страшные мысли, но я видела лишь один ответ:

— Значит, поняли, что не настолько... помешан, чтобы предавать родину, — вот почему. Я была в допросной через пару часов после захвата, полковник с коллегой видели, с какой ненавистью Райо угрожал найти меня и...

Я замолчала, горло сдавило судорогой от боли и горя.

— Да, не все удачно для Гонга сложилось, — злорадствовала напарница по несчастью. — А ведь он именно так и планировал: влюбить, выманить, опозорить, а потом, шантажируя твоей жизнью, заставить подписать все, что потребуется. И не только подписать, но сказать и сделать.

Я замерла, испуганно вытаращившись на Ровену, добавившую омерзительных подробностей, о которых я не знала. Зябко обняла себя за плечи. Похоже, само провидение толкнуло меня в камеру к Райо, спасая от еще худших последствий. Я много узнала и поняла, а заодно сохранила себе жизнь и честь любимого. Но вспомнила, как Гонг говорил, что потеря любимой для любого клеранца не только боль и тоска вплоть до самоубийства, но и потеря чести, достоинства и уважения родичей. Я содрогнулась от мысли, что помимо предательства, еще и лишила его всего. Боль разлилась по моему телу обжигающей волной, хотелось скулить, зарыться в нору поглубже и умереть.

Ровена меня добила:

— Пока я готовила побег из этого приятного местечка, подслушала, что суд над клеранцами вчера завершился. Заседания транслировали в галактическую сеть, им вынесли смертный приговор. Всем троим. И сегодня утром этапировали куда-то с Фортана. Так что скоро наша очередь.

— Неужели никто не помог? Не вступился? Клеран или... — в отчаянии простионала я.

Беглянка отвернулась и раздраженно сказала:

— Ноту протеста выразили, но пока клеранцы обжалуют приговор и доказательства вины, твоих любимчиков выкинут на какой-нибудь самой захудалой и опасной планете-тюрьме и — поминай как звали. Впервой что ли?

— То есть, такое практикуется... не только для наших? — ошеломленно выдохнула я.

Она тяжело вздохнула, покачав головой:

— Дите-дите-ем.

— Но ведь их отправляют в ад! — горячечно заявила я.

Ровена поморщилась, села на кровать и кого-то процитировала:

— Кто не знает, куда направляется, очень удивится, попав не туда!

Слышала эти мудрые слова?

— Но ведь это, по сути, убийство иномирных граждан? Без права на апелляцию и...

— К иностранным гражданам, официальных лиц это тоже касается, уличенным в шпионаже, с прямыми доказательствами преступной деятельности общие правовые нормы не применяют. Шир Алесио прямо пограничнику сообщил, во всеуслышание, заметь, что прилетел к Розовым слоникам. Эту запись показали всем желающим. Так что теперь АБНЗ важно лишь доставить заключенных к месту отбывания наказания живыми и здоровыми, продемонстрировать миру, что с ними все в порядке. А дальше... Да хоть трава не расти. Сама понимаешь, что творится там, где скопились отбросы общества, последние мрази, убийцы и маньяки. Но какой спрос с галактического мусора? Федерация провела процесс согласно букве закона, не важно, обманом или по-настоящему. Со стороны Клерана не подкопаешься.

— Особенно, когда главные участники операции в руках АБНЗ и даже вякнуть в свою или чужую защиту не могут, — просипела я, осознавая грандиозный масштаб подставы.

— Что же делать? — тоскливо шепнула я, обращаясь к провидению.

Вместо Высшего Существа ответила Ровена:

— Сухари сушить! Да только и хлеба у нас лишнего нет. Труссы — и те одни. Уроды, могли хотя бы сменную одежду выдать.

Мы обе стирали одежду в санблоке, а потом: я, укутавшись в одеяло, а Ровена, не тяготясь стыдливостью, сушили на тумбочке, за неимением в камерах других поверхностей или крючков.

Через час за нами пришли.

В академии мы изучали нормы права и об ответственности за преступления, совершенные сотрудниками органов, в которых предусмотрена военная служба, я в курсе, но даже в страшном сне не представляла, что сама окажусь подсудимой. Что такое важное и жизнеопределяющее мероприятие может проходить в небольшом квадратном помещении. С десятков кресел для наблюдателей, в нашем случае пустующих, — судебные заседания идет в закрытом режиме. Бесстрастные судьи, строгий прокурор, серьезный секретарь и наш унылый, никакой адвокат, который сегодня старательно прячет от нас взгляд, ничего хорошего не предвещают. Это понятно даже мне,

действительно наивной глупышке, надо, наконец, признать. Ровена и вовсе мрачнее некуда. Надменный Гонг, явившийся вместе с незнакомцем из АБНЗ, едва заметно ухмыляется — наверняка наслаждается происходящим.

Было жутко страшно. Именно страх толкнул меня на еще один глупейший поступок. Я вскочила, вызвав общее недоумение, и звонко пропищала:

— Да здравствует наш суд! Самый справедливый и гуманный во Вселенной!

Ровена от досады закатила глаза. Адвокат ссутулился, мне показалось, от чувства вины. Гонга перекосило, словно кислятины съел. А вот у одного из троих судей бесстрастная мина на холеном лице сменилась удивлением. Приподняв брови, он посмотрел на Гонга, будто искал подтверждение: неужели эта дурочка та, о которой идет речь в обвинении.

— Сядьте, обвиняемая Пташко! Лозунги здесь неуместны, особенно в свете ваших деяний, — призвал меня другой судья.

Я медленно села, обреченно сложив руки на коленях и привычно выпрямив спину. Дальнейшее походило на тихий кошмар. Правда, повторное перечисление подложных обвинений и фальсифицированных доказательств продлилось в этот раз недолго, формально. Наконец нам с Ровеной предоставили последнее слово. Судьи удалились в совещательную комнату, затем председательствующий провозгласил приговор: нам обеим смертная казнь через этапирование на планету Драун...

Пока звучал приговор, слова будто выстрелы прошивали мою душу, повергая в ужас, отдаваясь болью и обидой. Предали! Меня снова предали свои! Те, кто призван защищать и вершить правосудие, на деле — не более чем пешки. С умными лицами отправили нас в компанию к другим смертникам: изменникам родины, серийным убийцам, террористам, каннибалам и прочим социально и психически нездоровым элементам.

— Будьте вы прокляты! — прохрипела Ровена, глядя прямо в глаза судье, провозглашавшему приговор.

— Я презираю вас за бездушие, — сипло каркнула я. — Придет время, и вы предстанете перед Высшим судом, не только человеческим, а провидения и совести. Надеюсь, вы вспомните, как забирали наши

жизни.

— Конвой, уводите! — махнул рукой один из судей.

На этот раз мы не шли сами, нас вели под руки — ни у Ровены, ни у меня сил не осталось, когда подоспевший к выходу Гонг прошипел, глядя нам в лицо:

— Не переживайте, я организовал вам хорошую компанию. На Драун отправитесь с клеранцами. Вы же так хотели их спасти, посмотрим, оценят ли они ваши старания.

Ровена смертельно побледнела, у меня кровь отлила с лица и кожа покрылась мурашками — Райо обещал всех, кто причастен к его захвату вырезать. Осознав, что нас ждет, я уже не чувствовала своего тела, наблюдая за довольно ухмылявшимся Гонгом, уходившим из зала. Монстр! Зверем я теперь никого называть не буду, потому что мой любимый зверь этого не заслуживает.

После суда мы лежали словно трупы, бездумно глядя в потолок. Обеим нечего было сказать, тем более — спорить и ругаться меж собой. Не знаю, о чем думала Ровена, я вспоминала про Драун.

Одна из самых дальних и старейших колоний Земной Федерации, именно поэтому о ней достаточно много сведений. Несколько сот лет назад Драун пережил глобальный природный катаклизм, детали которого не уточнялись. Вследствие чего планета неузнаваемо изменилась. Многочисленное население и прекрасно развитая инфраструктура колонии были сметены цунами, погребены землетрясениями и тектоническими сдвигами, когда большая часть суши ушла под воду. Долгое время планета возрождалась, снижался уровень загрязнения, менялся климат и атмосфера.

Но кто знает, что могло вырваться из недр Драуна после катастрофы? Поэтому на завершающем этапе восстановления планету передали в ведение системы наказаний Федерации. Это распространенная не только у нас практика. Содержать матерых убийц, тратить на них огромные деньги в условиях все большей урбанизации Земли и колоний нерентабельно и бессмысленно. Согласно галактическому законодательству о гуманности преступников нельзя лишать жизни, а вот выкинуть на отдаленной планете и предоставить возможность подохнуть самим или перегрызть друг другу глотки — пожалуйста.

Теперь поверхность Драуна представляет собой сплошной мировой

океан с небольшим, оставшимся от материка островом размером три на четыре тысячи километров — угодня смертников. Живи — не хочу. Где-то в драунском океане, далеко от береговой линии, расположена надводная станция, которая проводит различные научные исследования и контролирует жизнедеятельность «колонистов».

Насколько я знаю из учебника, на огромном острове размещена лаборатория, где все вновь прибывающие отбывать наказание обязаны сдавать биоматериал в течение жизни. Таким образом ученые отслеживают влияние обновленной природы Драуна на организм землян, да и не только, ведь, как показывает практика, осудить могут любого иномирянина. И я уверена: когда природные условия на Драуне позволят, заключенные вымрут, а чистенькая, безопасная планета с допустимыми ПДК загрязняющих веществ вновь вернется приличным людям. И в этом мы не одиноки: проверка пригодности планет для жизни с помощью смертников тоже используется многими государствами, ведь это выгодно.

Несведущий обыватель решит, что можно жить и в таких условиях. Но, увы, мало кто знает, что новая драунская суша — огромный выжженный остров. Саванна с низкими кривыми деревцами, пересеченная горами. Климат: ветра, жара и частые засухи. Катастрофа погубила практически всю сухопутную флору и фауну, остались лишь некоторые виды птиц, множество насекомых и... кролики, их завезли специально ради мяса. Но мяса всем не хватает; поговаривали, что на Драуне случается каннибализм. Асоциальные личности не обладают рассудительностью и милосердием, поэтому смертность там высока как нигде. Это подтверждают статистические данные с научной станции в драунском океане.

Специалисты ведут учет ДНК заключенных, которые обязаны максимально расширять базу за счет новых поселенцев, а не только старожилов. За «содействие» правительство Земной Федерации ежемесячно направляет на Драун не только новых смертников, но и припасы: еду, строительные и хозяйственные материалы. По минимуму, но даже это — огромное подспорье для выживания. Если нет новых биоматериалов, количество припасов уменьшают, чем существенно подрывают жизнеспособность заключенных.

Когда нам рассказывали про Драун на занятии, один из курсантов ляпнул, что легко бы доплыл до станции в океане, захватил ее и улетел

любыми путями из этого филиала ада. Тогда преподаватель хмыкнул и показал на экране несколько водных обитателей, от вида которых многие содрогнулись. Да, радиация и изменения постигли не только сушу, но и океан. пляжный отдых на Драуне невозможен в принципе. Зайдешь по колено в воду, чуть зазеваешься — лишишься не только ног. Сожрут за секунду. Ни один плот не выдержит нападения зубастых тварей, водящихся в суперокеане. А рыбалка возможна исключительно прибрежная, много рыбы таким способом не наловишь.

Поэтому заключенные жизненно заинтересованы в сдаче биоматериала и его разнообразии, чтобы, не дай провидение, правительство не лишило их скудного пайка. Иначе — голод, повсеместный каннибализм и смерть. Чем не способ зачистки Драуна перед дальнейшей колонизацией от неугодных разумных? Больше иллюзий по части гуманизма и справедливости я не питаю. И вот в тот ад, представляющийся таковым даже по учебнику, нас отправят. Одно порадовало: снова увижу Райо, хотя бы один разочек. С этими мыслями я и уснула.

Утром, если не ошиблась по времени, коммуникатора лишили сразу, нас забрала служба сопровождения из управления исполнения наказания. Как опасных преступниц заковали в магнитные оковы по рукам и ногам и увезли с Фортана.

Часть 3

Испытание

Металлический блеск, безжалостно-яркий искусственный свет, режущий слух топот сотен пар ног в грубых ботинках, команды конвоиров и противная слабость с тошнотой не давали сосредоточиться, собраться и нормально ощущать себя в пространстве. Если «нормально» вообще применимо в подобной ситуации.

С Фортана нас привезли прямо на транспортник службы исполнения наказания, направлявшийся на Драун с самыми отпетыми злодеями на борту. Подруга по несчастью просветила, что их собирают по всем тюрьмам и два раза в год этапируют к месту отбывания наказания, ну или новому месту жительства, на одну из самых удаленных планет в составе Земной Федерации. Везут не менее двухсот зеков — экономят на затратах. В то, что нам с напарницей и клеранцами «повезло» попасть на этот транспортник сразу после суда, я не поверила. Никакого совпадения — АБНЗ постаралось, рассчитало, устроило, чтобы клеранцев однозначно отправили именно на Драун — планету, откуда спастись просто нереально, а выжить крайне сложно.

На большом транспортном судне вертухаи, как злобно процедила сквозь зубы Ровена, развели нас по капсулам и погрузили в короткий анабиоз. Я их понимаю: этапировать двести заключенных, способных убить любого не только за свободу, а из «любви к искусству» — весьма хлопотное дело. Риск слишком велик, поэтому «пассажиров» сразу вырубает до самого прибытия на место.

Два часа назад нас с Ровеной разбудили, позволили принять ионный душ и выдали специальную одежду — робу, а то бы мы в гражданке слишком выделялись из общей массы. Затем был легкий перекус чем-то неопределенного вкуса и цвета. Мозги в результате немного прочистились, но все равно из-за тошноты и слабости, последствий анабиоза, я лишь вяло наблюдала и старательно переставляла ноги, чтобы не рухнуть под ноги соседям по скрепке, вряд ли чувствовавшим себя лучше меня.

Что такое скрепка я узнала минут пятнадцать назад, когда нас привели в просторное помещение, где вертухаи располагали

заключенных одного за другим на расстоянии метра друг от друга. Магнитные оковы намертво прикипали к общей металлической штанге. В такой вот тесной компании оказалось десять прикованных соседей, причем не только землян. Но клеранцев, как обещал Гонг, мы здесь не увидели.

Мысли путались от страха. Роба тоже спокойствия не добавляла. Грубые высокие ботинки, в которых мозоли мне обеспечены точно, что в условиях Драуна... Нет, лучше не думать. Кроме нижнего белья, майки и рубашки со штанами из ткани, похожей на желто-зеленую джинсу, нам не выдали ничего другого. Зачем тратиться на тех, кто обречен? Более того, нам не делали прививок от местных вирусов и болезней, не дали антидотов от укусов змей, которых, я знаю, на Драуне хватает. Нас приговорили еще раз! Мы все ходячие мертвецы.

Соседи по скрепкам — это уже не головная боль, а барабанная дробь моего сердца. Даже в таких же как у меня новых костюмах вид у них крайне удручающий: небритые, нечесаные, большинство с тату, с печатью пороков на лицах, и ведут себя устрашающе. О чем я там мечтала месяц назад? О тепленьком уютном кабинете, латте и уважении коллег? Вышние, молю Вас, чтобы меня как можно меньше замечали. Лучше быть невидимкой, а еще лучше — той самой птичкой, чтобы не достали. Но, увы, даже невзрачная желто-зеленая роба удивительным образом оказалась Ровене к лицу, как наверняка и мне из-за схожести нашего фенотипа. Мерзкий болотный цвет, как назло, подчеркнул глубину карих, с желтыми крапинками глаз моей напарницы по несчастью, каштановые волосы и загорелую кожу.

Райо все нет и нет, а я хотела хоть одним глазком его увидеть, ну и пусть бы потом убил...

Под усиленным конвоем, напоминавшим разъяренного дикобраза, ощетинившегося вместо колючек оружием, наша скрепка ступила на широченный пандус. Справа и слева, впереди и позади из соседних проходов потянулись такие же вереницы заключенных, словно грязно-желтые ручьи сливались в одно большое гиблое болото.

Душа забилась испуганной птицей, когда я, еще плохо соображавшая после спячки, наконец осознала сколько вокруг выродков, маньяков, насильников и убийц мужского пола. Не меньше двухсот, и в лучшем случае пара десятков женщин, если не приняла кого-нибудь щуплого или вертляво-хихикающего типа за

представительницу слабого пола.

Нам с Ровеной со всех сторон летели сальные, грязные, пошлые предложения на тему: как, в каких позах и что мы должны сделать, чтобы завести покровителя. Хорошо, что пока никто не может схватить или дотронуться — скрепки не позволяют, давая передышку. Над говорливой толпой носятся дроны. Наверное, запечатлевают высадку заключенных на Драун для истории и в назидание потомкам, качественно, со всех ракурсов и на всех стадиях.

На одной из лестниц у дальней стены я заметила несколько мужчин в гражданской одежде. Конвоир, приставленный к нам с самого Фортана, и трое незнакомцев с красными повязками на плечах и бейджами на груди. Такие часто носят представители СМИ на особенных, закрытых мероприятиях. Вероятно, АБНЗ решило подстраховаться и отчитаться, что самых ужасных преступников — Эрику Пташко и Ровену Гриф — доставили в целости и сохранности. По дороге их никто не прибил. Буква закона исполнена от и до.

Пока я переваривала очередную гадливую мысль о бывшем руководстве и нечестных соотечественниках, за два тоннеля от нас появилась новая скрепка. О, боже! Вот ради кого здесь пресса! Я замерла и, кажется, не дышала глядя на ступавших с каменными лицами клеранцев. Остальные заключенные тоже притихли. Неизменно внушавшие всем почтение «звери» шли один за другим: Райо, Матео и Фальк, на котором болотного цвета роба полезла по швам. На его огромные габариты не рассчитывали. В прорехах на широченной спине и плечах виднелась черная майка. Швы на бедрах тоже натянулись до предела. А вот Райо и Матео даже в этих непрезентабельных «костюмах» выглядят вполне прилично, по-деловому, как и положено каким-нибудь высокопоставленным военным на учениях, в камуфляже.

Секунда-другая — наши с Райо взгляды встретились. Его глаза расширились до предела: дошло, в каком «звании» я здесь, можно сказать, отомщен. А потом, полыхнув желтым яростным пламенем, сузились. На меня смотрел Зверь. Самый настоящий! Клеранцы сто процентов не знали, что две стервятницы, так они нас назвали при аресте, летят тем же рейсом! Видимо, о «приятном» сюрпризе змей Гонг рассказал только нам. Не мог не порадовать себя любимого нашими бледно-кислыми от ужаса лицами. Все рассчитал! Психология — страшная вещь.

— Нам кранты! Эх, а надежда была так близко, — тоскливо прошептала Ровена, глядя на клеранцев. — Если рядом с этим маньячным сбродом еще была надежда выжить, то звери-клеранцы с нас живьем шкуру сдерут. Как обещали.

Я сглотнула вязкую, горькую слюну. Смотрела на взбешенного Райо, словно голодающий на хлеб, и поедала глазами. Смотрела и радовалась, пока меня не отвлек сосед по скрепке, рыкнувший:

— Ты кого сбродом назвала, тварь?

И оскалился в злобной гримасе на Ровену, демонстрируя искусственные зубы.

Бывшая абнзешница его ответом не удостоила, как-то ловко прогнулась, чтобы оказаться ближе к посмевавшему оскорбить ее зеку, и — двинула ему носком ботинка промеж ног. Тот согнулся от боли и получил тем же ботинком по голове. Конвойные лишь ухмыльнулись, заключенные восторженно улюлюкали, а я ошеломленно таращилась на «кузину». Мечтала стать невидимкой? Хватит мечтать! Теперь нас точно не забудут! Господи, за что мне все это?

Мои мысленные стенания смел мощный бас, прокатившийся по огромной площадке-пандусу и отразившийся от переборок, объявивший, что высаживать нас будут группами по десять штук (именно так, человеческого обращения нас лишили, посчитав штуками). Конечно, межзвездник останется на орбите, пока нас по пять скрепок загрузят в шаттлы, но вот дальше — проблема, потому что «высадят» за полтора-два километра от поверхности планеты.

Предупредили, что каждому выдадут парашют из спецматериала, который спустя сутки после использования по назначению распадется на безопасные для экосистемы составляющие. Видимо, на такие ухищрения пошли не ради спасения экологии, а чтобы ушлые смертники те самые парашюты не приспособили для побега. К парашютному ранцу снизу крепится небольшой тубус с комплектом запасной одежды и суточной нормой воды и пищи. Вся упаковка тоже распадется спустя сутки, поэтому воспользоваться питанием нужно своевременно. А что дальше? Правительство не интересовало.

— Какой урод придумал сбрасывать нас как балласт? Почему нельзя нормально приземлиться? — раздался визгливый женский голос.

— Последний раз нашлись умники, которые захватили орбитальный шаттл, более того — угнали! Выбрались на общие

космические пути и взяли на бордаж пассажирскую яхту. Во время захвата зеков и попытки освобождения заложников никто не выжил. С этого момента введен запрет на приземления, — спокойно ответил обладатель сочного баса.

— Но мы же ноги переломать можем, убиться, не все умеют десантироваться... — не унималась визгливая тетка.

— У вас какой приговор, леди? — флегматично уточнил «бас».

— Смертная казнь, — растерялась она.

— Тогда не вижу оснований для беспокойства о ваших переломанных ногах, — завершил дискуссию «бас».

Затем он совершенно безэмоционально рассказал о том, что мне известно из академического курса. Заключением следует добраться до центра материка, где проживают местные общины. Всего таких три и образованы они вокруг роботизированных лабораторий, в которых автоматически производится забор биоматериала. Чем больше данных от зеков, тем больше жизненно важных грузов скинет в следующий раз заботливое правительство. Чем меньше...

Дальше шло подробное описание невзгод и страданий, которые ждут жителей Драуна, если не будет государственной помощи. Через год — недостаток пищи, который, казалось бы, можно компенсировать кроликами и змеями. Но на следующий год уменьшится их популяция, затем начнется голод. Мрачно озиравшиеся заключенные отчетливо понимали, что за этим последует. Я — тем более, нас препод хорошо, с нюансами и наглядно, ознакомил с нравами суровой планеты-океана.

Я невольно бросила взгляд влево, ощущая на себе горящий взгляд Райо. И не ошиблась. Он почти реально касался, обжигая кожу яростью, вызывая боль, ведь я предала его. Из-за меня он мучается здесь, да и сама тоже!

Возмущение зеков оборвал приказ:

— Первая скрепка готовься!

Мне осталось только терпеливо наблюдать, как отправляли в шаттл первые пять скрепок справа. Гораздо дальше нашего пандуса роботы грузили ящики на другие шаттлы. Орбитальные суда с ревом исчезали в шахтах: на Драун посылали так необходимую его обитателям пищу, материалы и собственно обитателей. Спустя пару часов мучительно тяжкого ожидания, когда пандус значительно опустел, — большую часть зеков, надо думать, «высадили» — очередь дошла и до нас. Мы с

Ровеной одинаково шевелили губами — почти вслух молились, чтобы оказаться не на одном шаттле с клеранцами. Увы, нас не услышали.

Очередные пять скрепок, по десять приговоренных в каждой, покорные судьбе, направились к шаттлу. Штанги закрепили в пазы; скованные люди походили на стоящий рядами скот, который везут на бойню. Я нервничала еще больше из-за того, что прямо напротив, всего в какой-то паре метров, оказались клеранцы и окинули нас с Ровеной гневными взглядами. Огромные, больше не отягощенные оковами цивилизации, правил и морали, злющие. Едва заметно ухмылялся офицер АБНЗ, находившийся вне зоны досягаемости, чем немало настораживал. А вот наблюдатели с повязками от СМИ на борт шаттла не поднялись.

Райо не отрываясь сверлил меня глазами, и столько всего было намешано в его пылающем золотым пламенем взгляде, что лучше не думать. Я вздрогнула, когда он глухо выплюнул:

— Дождись меня после приземления, Птичка!

По сути, приказал, а вот Матео весьма многообещающе оскалился и, глядя на нас, выразительно клацнул клыками, недвусмысленно обещая вырвать нам глотку, как только вырвется отсюда. Я придушенно пискнула, рядом судорожно вздохнула Ровена. Если уж эта змеища боится, что мне делать?

Шаттл завис, вибрация уменьшилась, легкий гул в ушах прекратился — время пришло. Внутри у меня все дрожало от подступающей тошноты, паники и страха. Координаторы, хоть и военные, но десантировались мы, в отличие от боевиков, с вышки на мягкие маты. Так, скорее, чтобы иметь представление как и что делать, если вдруг придется прыгнуть... разочек. В теории и благодаря хоть какой-то практике я, вроде бы, прыгун, а там... ох, как получится...

От противного звука — сигнала перед открытием люка — я вздрогнула, резко захотелось писать, в животе все ухнуло вниз и отчаянно тянуло, намекая, что сменку я вполне могу использовать сразу, если все-таки приземлюсь живой. Впереди с шипением пневматики раздвинулись створки на фюзеляже, выдвинулись вперед и отъехали в стороны, а перед нами открылось голубое небо неведомой планеты. Холодный воздух остудил горящие щеки и тело, усиливая дрожь. Я заметила океан и желтую, выжженную местной звездой землю. Боже, как же близко от воды нас высаживают, а вдруг ветром унесет в

океан? Даже пикнуть не успеешь: твари сожрут за секунду и не подавятся. Ждут уже, небось...

Мы понятливо переглянулись с Ровеной и нервно посмотрели на абнзшника. Этот гад ухмылялся еще шире, отчего в туалет хотелось еще сильнее. Я не выдержала:

— Вы же знаете, что мы невиновны, так чему улыбаетесь? Неужели вам доставляет радость отправлять невиновных в ад?

— Я тоже абсолютно невинен. Как дитя! — хохотнул мой сосед по скрепке, ощерившись в глумливой ухмылке.

— Как те, которых ты сожрал? — с сарказмом уточнил один из конвоиров.

Я потрясенно вытаращилась на «невинного», а Ровена с угрозой ему прошипела:

— Пасть закрой, иначе высаживаться будешь снова в отключке.

— Как вы догадываетесь, невиновных здесь нет. Даже соскучиться не успеете — быстро найдете себе здесь компанию на любой вкус, — мстительно сыронизировал абнзешник.

Я посмотрела ему прямо в глаза и, кивнув на зияющую дыру в ад, постаралась высказаться достойно:

— Там мало кто остался при светлой памяти и в здравом уме. У них нет идеалов и целей, только одно желание — выжить. Воспитание, совесть, а главное, милосердие остались неиспользованными в суде, который отправил нас на эту планету.

— Детка, мораль читать будешь там, внизу, в редкие свободные минуты, до очередного голодного...

— Назовите себя, офицер! — вмешался Райо.

— Для чего тебе, смертник, мое имя? — насмешничал абнзешник.

— Внесет тебя в личный список будущих жертв, как и мы, — ощерился Фальк. — У тебя тоже будет немного времени, нам проблематично будет поделить твою жалкую шкуру на троих.

Офицер побледнел, осознав угрозу, а потом, нервно оглянувшись на конвой, демонстративно расхохотался и многообещающе выдал:

— Ну-ну...

Дальше мы наблюдали, как первую скрепку зеков открепили и, сунув каждому рюкзак, под дулами оружия направили к выходу с рампы. Следом за ними освобождали и снаряжали следующих. Минута — и первая партия исчезла в люке. Следом пошла вторая.

Когда освободили нас и втолкнули в руки ранцы, я автоматически, в точности как напарница, проверила, чтобы все было закреплено. И вновь неосознанно бросила короткий взгляд на Райо, их связку освободили раньше и уже подталкивали к выходу. Закрепленной осталась лишь одна скрепка за нами.

Прежде чем шагнуть в небо, Райо с Матео зачем-то постучали по ранцам друг друга и обернулись к абнзешнику.

— Привет вам от полковника, — ядовито улыбнулся он и помахал им рукой.

Я поняла, что с парашютами что-то не то!

И тут понеслось, закружилось...

Клеранцы слаженно и стремительно набросились на конвой и насмешника, который еще мгновение назад перевел их в категорию трупов. Начался гвалт, понеслись проклятия, пространство прошили лучи лазеров, кося закрепленных в скрепке заключенных, один луч разрезал переборку в рубку. Шаттл резко накренился и начал забирать вправо, к океану, раскидывая орудий народ будто кегли по борту. Фальк добрался до абнзешника и мощным броском, как шар в боулинге, отправил его в люк. В итоге, в небо вылетели сразу четверо зеков. Правда, те с ранцами, а вот абнзешник, увы для него, без. И летать не умеет.

— Стоять! — конвой пригрозил оружием, прекращая потасовку. — Все на выход!

Они больше не рискнули расстреливать заключенных, теснили оставшихся в живых на выход. Клеранцы — без парашютов! — тоже были вынуждены отходить, а я в ужасе не знала, что предпринять. Но звери думали и действовали гораздо быстрее: обменявшись парой слов, они почти неуловимо глазу оказались за спинами трех зеков и, обхватив их за горло, утянули за собой в небо. Донесся жуткий хруст ломающихся костей. Мы с Ровеной следующие, а внизу — океан. Высота, наверное, километр, но до земли лететь гораздо дальше.

— Быстрее! — скомандовала она, выводя меня из ступора и не давая времени на раздумья. Толкнула в спину и прыгнула следом.

— Тянем до земли до последнего, поняла? — закричала старшая, выпуская купол. — Мы легкие. Нам удастся.

Раскрыв купол, я судорожно оглядывалась, ища Райо. И успела отметить, что клеранцы уже поменялась местами с трупами, закрепили

ранцы на себе и выпустили купола парашютов. Но они дольше находились в свободном падении... Я молилась, чтобы им повезло.

— Левее, левее, подальше от этих монстров. Не то свернут наши шеи, как курам! — заорала Ровена.

Вода приближается, а спасительная земля, кажется, отдаляется, уходит из-под ног... Внизу уже кружат темные спины гигантских тварей...

И все-таки нам повезло: легко дотянули до суши и даже немного дальше. Приземление вышло жестким, я пробежала по берегу, споткнулась, рухнула и, пропахав по песку, замерла. Сверху меня накрыл парашют, но лежать и радоваться было некогда, подгонял двойной ужас: первый — Райо упадет в воду, второй — догонит. В первом случае, сожрут его, во втором — он грохнет меня.

Неловко вылезая из-под липучей, так и норовившей запутать меня ткани, я с облегчением отметила, что клеранцы стремительно выбирались из воды с отмели. Живы! Повезло, что не на глубине, успели выскочить. Не всем так повезло: одного бедолагу прямо за стропы утащила в воду какая-то тварь; еще двое рухнули слишком далеко от берега, через секунду там забурлила вода. Но предаваться кошмарам своей фантазии и горестно заламывать руки времени не было. Мы с Ровеной, схватив тубусы, пригибаясь, прячась в сухой траве, рвали когти, драпали, спасались. Шкура у нас одна.

* * *

Постоянно озираясь и оглядываясь, поначалу на запинаящихся, подрагивающих после прыжка с парашютом ногах, я старательно следовала за Ровеной. Почти шаг в шаг, хотелось бы думать тенью, но, увы, недовольно шипевшая напарница была права: я абсолютно неподготовленный «диверсант». Не зря силовики академии то с насмешками, то с откровенным презрением называли нас секретаршами. Мы действительно корпус секретарш, «не нюхавших пороху».

В голове мелькнула картинка нашего десантирования: «грузовой» отсек шаттла прошивают лучи лазера, они режут не только переборки, но и еще скованных скрепкой зеков, а те не могут ни уклониться, ни упасть; лицо ошарашенного абнзешника, который без парашюта летит в

бездну стараниями Фалька; трагическое «приводнение» заключенных...

После нашего успешного приземления в крови кипел адреналин, но постепенно меня накрыло эмоциональным откатом: ведь все самое страшное еще впереди, нет никаких сомнений! Еще сильнее угнетал окружающий пейзаж, очень схожий по цвету с выданной нам робой. Потрескавшаяся каменистая почва перемежалась травяным покровом, пожухлым и редким. Чем дальше мы удалялись от океана, тем чаще встречались овраги и каменные глыбы. Приходилось обходить и те, и другие. Но вскоре каменная полоса сменилась более ровной территорией с невысокими деревьями и кривоватыми, изборожденными погодными условиями стволами и не слишком густыми кронами, которые все-таки укроют в жаркий день от палящего света.

Мы были на короткой стажировке в Африке на Земле. Та засушливая саванна с невысокими деревцами среди высокой желтой травы, каким-то чудом выросшей на, казалось бы, бесплодной каменистой почве, тянулась за горизонт. Вот и здесь местность похожая и дико пугающая. Даже юркие ящерицы, то и дело мелькавшие под ногами, и крупные жуки, громко жужжа, пролетавшие под самым носом, вынуждали шароухаться. Фу-у-у... ненавижу змей и насекомых!

Я выбилась из сил, когда Ровена, наконец, замерла на дне очередной лощины. Чутко прислушиваясь, она осмотрелась, медленно расслабилась. И непривычно тяжело опустилась в траву, за ней и я плюхнулась с рваным вздохом облегчения.

— Нам нужен план! — сипло заявила бывший майор, вытряхивая содержимое своего тубуса.

— Может вернемся и поищем клеранцев? — предложила я, надеясь на... в общем, на что-то надеясь.

Ровена удивленно уставилась на меня и желчно укорила:

— Решила долго не мучиться?

Я мотнула головой и попыталась достучаться до нее:

— Ну можно же объяснить, почему мы так поступили и тогда...

Ровена вскинула руку, пресекая мой лепет:

— Ты уже и так наделала массу глупостей, давай хоть раз мне поверишь для разнообразия, а? Клеранцы — не люди, пойми же. Они всамделишные, а не придуманные звери! Пусть не снаружи, но внутри — да! Не обольщайся тем, что на лайнере они вели себя цивилизованно, это лишь показуха во время охоты на добычу! Да-да, ты — добыча! А

они — охотники! Ты в курсе, как ведет себя неприрученный зверь, которого смертельно ранили, но не успели добить?

— Мстит? — горько шепнула я.

— Преследует врага до последнего вдоха, чтобы убить! Убить того, кто пустил ему кровь! А ты... мы не только пустили кровь разумному зверю, мы лишили твоего любимого Райо всего. Чести, достоинства, уважения! Сбежавший Нофаль наверняка доложил руководству, как они «докатились» до Фортана. А значит, я практически уверена, Клеран не будет стараться ради тех, кто бездумно последовал за женщинами, коварно предавшими, нет, заманившими и сдавшими, стоило ступить на свою территорию. И ладно Райо, он заложник сердца и чувств, но остальные купились на сексуально озабоченную дамочку и как бараны пошли за мной, — зло хмыкнула Ровена. — Так что мы опозорили не одного — всех четверых официальных представителей Клерана, считай весь Клеран. Лишили лучших из лучших мужчин будущего, да всего лишили. Не обессудь, Птичка, может твой звереныш и простил бы тебя, но остальные — нет.

Я тоже вспомнила об этой стороне дела. Убито таращилась на Ровену и опять последними словами корила себя за то, что сама, своими руками довела ситуацию с Райо до точки невозврата. Поморщилась, чувствуя, как горит ступня, — натерла мозоль, ко всему прочему. Отвернулась, чтобы не смотреть в горящие злостью глаза напарницы и удрученно признала:

— Ты права, похоже, я и правда всего лишь недалекая секретарша: многого не знаю, не умею, не могу просчитать. Удивительно, почему ты до сих пор со мной? Зачем теперь так упорно помогаешь, если совсем недавно сдала меня Гонгу? Ведь одной наверняка будет проще.

— Знаешь, Пташко, я терпеть тебя не могу! — сплюнула Ровена в сердцах.

— Взаимно, Гриф, — ухмыльнулась я и, сделав усилие над собой, почти искренне улыбнулась, — давай, признавайся, почему ты меня до сих пор не бросила на произвол судьбы?

Пока Ровена-кошка сверлила меня недобрым, прищуренным взглядом, наверняка размышляя, продолжать ли душеспасительную тему, я заметила в метре растение, похожее на земной подорожник. Это шпаль. И свойства его схожи с подорожником. Потянулась и, сорвав широкий гладкий лист бурого цвета, тщательно протерла.

— Совсем сдурела? Хочешь занести какую-нибудь заразу и остаться без ноги? — возмутилась Ровена, глядя как я разувалась.

— К счастью, курс по географии в академии нам читал лектор, увлеченный своим предметом, он достаточно подробно рассказал про флору и фауну Драуна с видеокурсами. Благодаря ему, о местных растениях и живности я кое-что знаю, — успокоила я напарницу, снимая тонкий, дешевый, наверное, одноразовый, носок.

Аккуратно обернула покрасневшую пятку листиком и надела на редкость грубый ботинок. Остается надеяться, что крепкий.

— Неужели ты хоть о чем-то полезном знаешь, — пробурчала Ровена, доставая пищевые брикеты.

Да, время за полдень, из-за беготни и нервов я сильно проголодалась. Тем более, предупредили, что упаковка скоро разложится, нет смысла беречь еду. Пока жевали, подруга по несчастью все-таки призналась:

— Я плохо переношу одиночество...

— Еще бы, надо же куда-то яд сцеживать, — согласилась я.

Ровена скрипнула зубами и усмехнулась:

— Не спорю, ты идеальная кандидатка. Признаться, я предпочитаю общение с образованными и порядочными людьми, а не теми отморозками, что здесь обитают. Это к вопросу о том, почему я все еще рядом с тобой. И кстати, ты не настолько безнадежна, подготовка у тебя какая-никакая есть — значит вдвоем выживать будет проще, чем в одиночку.

— Договорились, — с облегчением кивнула я.

Конечно, мне рядом с Ровеной проще и безопаснее. Опыта и знаний у нее гораздо больше. Но ее явно что-то еще волнует, уж больно внимательно смотрит на меня. Наконец, старшая решила удовлетворить собственное любопытство:

— А тебе не интересно, почему я здесь? На Драуне, вместе с тобой? Сдала тебя, спасая свою шкуру, и все же меня...

— Почему такую умницу-красавицу, действовавшую в соответствии с уставом, посадили в клетку вместе со мной? — грустно уточнила я, покачала головой и с горечью предположила. — Очевидно, если даже недалекую выпускницу академии за неудачный слив информации в СМИ так сурово наказали, то уж тебя, куратора операции... нет, глобальной подставы, точно не простили. Ты

поспешила с арестом и упустила Нофаля. Гонг видел там, в порту, что инициатором ареста была ты. Упустила аль Мура тоже ты. Тогда мы спаслись, потому что главного, Райо, взяли. Но я уверена, Гонг повесил всех собак на тебя. И со мной прокол, и с Нофалем. Да?

Ровена дожевала пищевой брикет, опять задумавшись, а потом мрачно призналась:

— Да. Мой прокол чуть не привел к провалу операции. Судя по скорости ответной реакции Клерана, Нофаль быстрее, чем наши ожидали, связался с руководством и доложил о ситуации. Если бы не он, АБНЗ в рабочем порядке, последовательно выполнило бы все разработанные и запущенные этапы операции, задействовало бы и планомерный шантаж Райо через тебя, да много чего бы успело сделать. А так, потеряли фору минимум в неделю, действовали на опережение, впопыхах. В общем, мы с тобой обе основательно потоптались по воспаленному самолюбию Гонга. Видимо, начальство ему тоже сильно прищемило хвост, вот он и отыгрался на нас по полной программе. Как сумел! И кому смог!

Я решила задать терзавший меня вопрос:

— Ты специально отпустила Нофаля? Он тебе понравился?

Несколько томительных мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Наконец, Ровена, поморщившись, ответила:

— Я не идеалистка как ты, Пташко. Единственное, с чем я действительно прокололась, — поспешила с арестом. Дурацкое тщеславие! Хотелось утереть клеранцам их высокомерные носы, уж больно уверены в себе и своем превосходстве. Так жгло желание посмотреть им в глаза, объявив о нашем статусе, — с досадой призналась она.

— Ясно, — уныло кивнула я, понимая, что напарница решила выговориться.

Криво ухмыльнувшись, Ровена продолжила:

— Ладно, раз у нас день откровений, то знаешь, что меня по-настоящему взбесило? Нофаль меня у шаттла сам чуть не срезал лазером, вырубил охрану, вооружился... И в какой-то момент этот суперзверь открылся для меня, когда шлюз на шаттле медленно закрывался, но я не смогла выстрелить и убить. Красивый, чертяка...

— Он это видел? Понял? — затаив дыхание, выдохнула я.

В душе у меня шевельнулась надежда, иррациональная надежда.

— Да, — нахмурилась Ровена.

— Так может, если мы расскажем Райо, что ты помогла и на Клеране знают о...

— Эрика! — тихо, но словно в лицо крикнула, выдохнула Ровена. — Все! Забудь о клеранцах! Теперь они никто на этой богом забытой планете, среди таких же ходячих мертвецов. Их не будут здесь искать! А имена на родине придадут анафеме за публичный позор на всю галактику. Этого они нам никогда не простят. Понимаешь?

Я опустила голову в молчаливом согласии: не простит, не посмотрит и не прижмет к себе. Пара слезинок упала на сухой безвкусный брикет с остатками еды. Не чувствуя вкуса, я доела и, не переживая за экологию, о которой подумало правительство, выкинула упаковку. Отряхнула руки и спросила:

— Куда пойдём?

— Вглубь материка я идти не хочу, там слишком много тестостерона на квадратный метр. Предлагаю сделать круг, чтобы замести наши следы и постараться вернуться ближе к океану. Найти там какую-нибудь пещеру с родником и обосноваться в ней. Рыбу худо-бедно поймать на двоих можно, да и кроликов периодически найти. Где сбрасывают грузы мы примерно знаем, так что можно будет незаметно брать часть из них.

— Да, чем дальше мы останемся вне общества Драуна, тем целее будем, — согласилась я грустно.

В груди ныло и болело. Если бы не Ровена, я бы рискнула найти Райо. Напарница останавливала мои самоубийственные порывы, а сама терзалась яростью и жаждой убийства:

— Гонг — эта полковничья продажная тварь, — она так сжала от ненависти кулаки, аж костяшки побелели, — еще пожалеет, что не убил меня сразу. Я не я, если не отомщу. Чего бы мне это не стоило.

— Сначала нам надо отсюда выбраться, — я с горечью улыбнулась.

— Я постараюсь изо всех сил, — пообещала бывший офицер АБНЗ, вперив взгляд вверх, словно искала там лестницу в небо.

Покрутив картонную упаковку с водой, я невольно скуксилась:

— Этого тетрапака надолго не хватит, через несколько часов появятся трещины, а потом — только выбросить, чтобы сам, как обещано, развалился. Нужна тара для питьевой воды, иначе в такой жаре обезвоживание гарантировано.

Ровена сморщила нос, ехидно заметив:

— Да-а-а... правительство хорошо постаралось защитить экологию Драуна и уменьшить шансы на выживание его обитателей.

— Угу, — кивнула я, убирая за собой остатки обеда, замечая следы.

Сняла рубашку, а то от жары и влажности вспотела, и повязала ее за рукава на талии. Напарница тоже решила раздеться. Вдруг ветер донес запах, который сначала насторожил меня, а потом волоски на коже встали дыбом. Присев, я закрутила головой и до боли в глазах пыталась найти среди травы и деревьев источник тошнотворного запаха:

— Мужским потом несет!

Ровена, ну прямо как кошка, насторожилась, потянула носом и ловко полезла на дерево, тихо приказав мне:

— Изобрази забор!

— Какой забор? — шепнула я в недоумении, задирая голову.

— Тупой и деревянный! — прошипела она из листвы.

Оставила меня наживкой в ловушке. Зараза!

— Сама ты...

В этот момент в лощине появились трое новоприбывших зеков, судя по новенькой одежде, пострадавшей во время приземления, и тубусам под мышками. Они заходили с разных сторон, похотливо меня разглядывая и ухмыляясь. И вокруг тоже не забывали поглядывать, вот только вверх не додумались, где слилась с желто-буро-болотной листвой женщина-кошка.

За полдня эти новички сбились в маленькую стаю, злобную, хищную, голодную. Сердце колотилось где-то в горле, было страшно до ужаса. Хищники подбирались молча, зыряка исподлобья. Один из них, шаря мерзким масляным взглядом по мне прогнусавил:

— Одна? Бедняжечка.

— Ничего, сейчас успокоим деточку, — хохотнул второй.

Не удариться в панику помогало лишь одно — Ровена рядом и озабоченные зеки не слишком крупные, если постараться, справиться можно. Все же я курсант военной академии и, как сказала напарница, подготовка у меня имеется. Так просто не сдамся! Потребуется — пойду на что угодно, но чужой подстилкой точно не стану. Я замерла, с трудом заставив себя стоять под деревом и, собрав всю силу в кулак, приготовилась атаковать.

— Детка, хочешь я стану твоим лучшим другом? — ухмыльнулся третий, приблизившись на достаточное для удара расстояние. — Это легко, я очень люблю, когда женщина работает ртом, стоя на коленях.

— Увы, не все мечты исполняются, — хрипло выдохнула я, резко двинув кулаком ему в горло.

Так, как учили на тренажере, как даже в самых кошмарных кошмарах не думала, что придется повторять это на живом человеке. Одновременно за спинами ухмыляющихся козлов, расслабившихся при виде беззащитной жертвы, бесшумно спрыгнула великолепная хищница в человеческом облике. Придавая еще большее ускорение и силу удару своим весом, она столкнула головы паре неудачников. Пока те оседали на землю, Ровена точно рассчитанными, смертельными ударами убивала их. А я... я сразу смяла трахею, а потом в полном ступоре наблюдала за захлебывающимся кровью, задыхающимся несостоявшимся насильником, матерым преступником.

У наших ног лежали три трупа. Набивавшегося в мои лучшие друзья прикончила Ровена, оказавшаяся более опасной и сильной хищницей среди двуногих. В отличие от нее, я не была столь же хладнокровно бесстрашной. Меня отчаянно рвало за деревом.

— Эрика, чего ты так разволновалась? Не трать зря ресурсы, еда нынче в дефиците! — спокойно, по-деловому наставляла она, подбирая трофейные тубусы. — Лучше радуйся: тремя отморозками меньше в нашем новом доме. Была бы возможность, я бы и от остальных материк очистила. Твоего общества мне более чем достаточно.

Запив горечь водой, я выпрямилась и, проследив за тем, как она собрала чужую еду и воду в содранную с мертвеца рубаху, просипела:

— Как ты можешь? Это же мародерство! Приличные люди никогда не берут чужого...

«Приличная женщина» закатила глаза и прокомментировала:

— Запомни, дорогая! Приличный человек никогда не возьмет чужое без спроса, он подождет, когда не у кого будет спрашивать!

Я хотела возмутиться, а потом окинула трупы взглядом, вспомнила, где нахожусь, с кем и почему, тяжело вздохнула и — хихикнула. Причем, неожиданно даже для себя. Затем и вовсе расхохоталась, правда смех был истерическим.

— Кто давал команду смеяться?

Перехватив руку боевой подруги, замахнувшей для удара с

целью привести меня в чувства, я буркнула:

— Прости, нервы ни к черту.

Отдохнув, если так можно выразиться, мы довольно бодро продолжили путь. Унылый пейзаж и просто раздирающее душу удручающее психологическое состояние вынудили меня тихонько жалеть себя:

— На Земле сейчас кто-то мой уютный персональный кабинетик осваивает. Латте вместо меня пьет. А я здесь худею, от всяких маньяков бегаю.

— Так ты же сама приложила массу усилий, чтобы уйти в АБО, — насмешливо ответила Ровена.

— Какое АБО? — не поняла я.

— Абсолютно бесплатный и бессрочный отпуск! — мрачно просветила напарница, напряженно вглядываясь в окружающий пейзаж.

Я тоже не просто автоматически переставляла ноги, а кралась, смотрела по сторонам, прислушивалась, готовая сорваться с места при малейшей опасности. Но это не помешало ответить с иронией:

— Да ну, какой АБО? Нас просто послали на три буквы.

— Фу, Эрика, ты же приличная девушка, какие три буквы?

Я ухмыльнулась, поддерживая ее игривый тон:

— Я-то имею в виду показательно-наказательную увольнительную, а ты, как обычно, судишь в меру своей распущенности!

— Показательно-наказательная увольнительная? ПНУ... — хихикнула «отпускница», а затем мрачно подтвердила: — В кои-то веки ты права, нас действительно расПНУли.

Я резко присела, Ровена тут же синхронно повторила за мной:

— Опять потом пахнет, — пискнула я от страха.

— У тебя замечательно чувствительный нос, — шепнула Ровена, слегка приподнимаясь над травой.

Метрах в двухста от нас целая группа мужчин в характерных костюмчиках увлеченно потрошила сброшенный груз. Повезло нам!

— Ползком! — едва слышно скомандовала старшая и подала пример.

Дальше мы старательно перебирали конечностями, уходя в сторону. Нам опять повезло: буквально лбами натолкнулись на лопнувший по швам паллет, вокруг которого валялись разбросанные от удара о землю упаковки с полезными вещами. Чего тут только не было!

Я быстренько развязала рубашку с талии и ползала, набирая в импровизированный мешок упаковки с галетами, брикеты с мясными консервами длительного хранения, пару ножей, флягу для воды, даже мини-аптечку и катушку с леской нашла. Еще какие-то упаковки, которые вскрывать не было времени. Но услышав приближающиеся голоса, мы, похватав нечаянные сокровища, в ускоренном темпе поползли прочь.

— А счастье было так близко, — неожиданно с досадой выдала Ровена, останавливаясь.

Я практически лбом уткнулась ей в зад и подошвы ботинок. Подняла взгляд и содрогнулась: дугой огибая нас, напротив замерли пятеро мужчин, довольно крупных, мускулистых. Вполне вероятно, входивших в прошлой жизни в бандитскую группировку. Слишком характерные тату на широкой груди и шее каждого. Про таких частенько снимали ужасающие детективные сериалы. А сейчас мы с ними один на один — и ни одного законника рядом, чтобы защитить...

— Вспомни «пятнашки», в которые мы с подопечными на «Вселенной радости» играли, курсант, — глухо посоветовала Ровена.

Моментально собравшись, я сообразила, о чем сказала напарница, — тактика ведения защитного боя при превосходящих силах противника. Когда стоишь спина к спине, затем шаг в сторону, удар и возврат в защищающую тыл напарника стойку.

— Есть, — дала ей понять, что все поняла и готова действовать.

А мысленно убедила себя, что лучше погибнуть в драке, убивая, сопротивляясь, чем пережить первое, но наверняка не последнее групповое насилие. Мы медленно, не теряя зрительного контакта с голодными хищниками, встали. Все стремительно завертелось: без лишних слов и приветствий нас решили сходу подавить и использовать.

Я не имела права подставить спину напарницы, обязана защищать. Мой уже отработанный на практике удар в горло не подвел и в этот раз, а ударить кого-то ножом я еще не готова. Но второму зеку удалось меня обездвигнуть, дернуть на себя и, прижав к себе спиной, перехватить руки и торс. В первый момент накрыла паника: я судорожно трепыхалась в жестком захвате противника, беспомощно глядя на крутившуюся волчком Ровену, противостоящую сразу двум противникам, и ничего не могла предпринять.

Вдруг вспомнила тренировку с Райо и Фальком, когда они

методично учили меня выбираться именно из схожей ситуации. Я расслабилась, чем обманула своего противника, — а потом провела выученный с клеранцем прием: вынудила потерять равновесие и уронила его на землю. А дальше... дальше я сидела у него на животе, сжав зубы, борясь с тошнотой. И не могла посмотреть на свои руки, которые до судороги в сведенных пальцах сжимали рукоять ножа, торчащую из чужой груди. Да, длительные тренировки довели мои рефлексy до автоматизма. Великая и Ужасная Военно-космическая академия неучей не выпускает! Даже если они всего лишь координаторы-секретарши.

По мордасам я все же схлопотала, только от запыхавшаяся напарницы, рывкнувшей:

— Приди в себя, Пташко! Времени на твои расшатанные нервы нет. Уходим.

Я с трудом встала, брезгливо вытерла дрожащие руки о сухую траву. Ощущение чужой крови на своей коже я запомню навечно. А может сломаюсь гораздо раньше, сойду с ума от окружающей жестокости, мерзости и того, как вынуждена поступать сама.

— Осталось... сто девяноста два... — заторможено прошептала я, убедившись, что Ровена со своими тремя тоже успешно справилась.

— Ты о чем? — удивилась она, подбирая наши самодельные вещмешки.

Сунула мне один и направилась, прямо торжествуя, к настоящему новенькому рюкзаку, набитому покойными добычей под завязку. А все жадность! Нахапали, так и шли бы себе, довольные жизнью. Нет, мы им понадобились для полного кайфа.

— Мои размышления о сущем прервала Ровена, напомнив:

— Ну и? Что за сто девяноста два?

— Я насчитала двести заключенных на транспортнике. Минус восемь убитых. Осталось сто девяноста два, — устало сказала я.

Напарница глянула на меня, наконец оторвав довольный взгляд от рюкзака:

— Предлагаешь сразу добить остальных? — хохотнула она. — Прости, дорогая, но у нас пупок развяжется от такой нагрузки. Спешу тебя порадовать: в реале их осталось меньше. Десять человек конвойные уложили в шаттле, троих — клеранцы. Я видела, что несколько бедняг упали в море — это верная смерть. Кроме того,

некоторые, вырвавшись на волю, от полноты чувств поубивают себе подобных, стосковавшись по профессии или острым ощущениям.

— Нет, просто считаю наши смертные грехи, настоящие и будущие, — убито призналась я.

— Вот дура! Как будто больше нечем заняться, — беззлобно вздохнула Ровена. Подошла к «моему» трупю, выдернула нож, вытерла об одежду на нем. Выпрямилась и неожиданно пнула бездыханное тело под ребра, рубашка сильнее распахнулась, и она сквозь зубы спросила: — Знаешь, что означают эти тату?

— Точно нет, но догадываюсь.

— Они из Йодинбурга, слышала об этой колонии?

— Да, — кивнула я. — Там недавно разместили военную базу, мне на ней служить предлагали.

— Военную базу там разместили из-за Своры — так называется группировка, которая подмяла под себя целую планету. Они держали в страхе всю колонию, грабили, убивали, насиловали. Продавали детей и женщин, вытворяли в Йодинбурге самые страшные вещи — больные фантазии и кошмары любого нормального человека, — яростно поведала Ровена. — Чтобы навести порядок, правительству пришлось ввести военных, была проведена глобальная зачистка. Разместили военную базу! А теперь посмотри, нет, ты посмотри на этого урода! Видишь знаки у него на шее? Они означают тех, кого он убил сам. Эти, — она перевела острие ножа, — кого наказал по приказу. Знаешь, как наказывали? Убивали всю семью, как в древности, когда ни о каком гуманизме речи не шло. А теперь посчитай, нет, не отворачивайся, посчитай знаки. Вот еще десятки других тату, которые говорят, что он не только насильник и убийца, а монстр, за смерть которого весь Йодинбург отдаст тебе последнюю краюху хлеба. Восславит твое имя на веки вечные и будет молиться за твою удачу, чтобы мы таких как этот отправили в ад.

— Ты была там? — спросила я тихо, слишком глубокими были чувства Ровены, слишком гневно полыхали ее глаза.

— Да, была. Я специальный агент, Эрика, не за красивые глаза, а за боевые заслуги. Я много где была и слишком многое видела, чего не забыть. Так что поверь мне, тебе нет смысла лить слезы и корить себя за убийство. Здесь невиновных нет. Уясни для себя, наконец!

— А мы? — улыбнулась я горько, зато не пакостно на душе и легче

дышать.

— А мы — дуры! Дураки, как тебе известно, долго не живут. Одна надежда — дуракам везет.

Я хихикнула, Ровена тоже усмехнулась, а потом мы хоть и нервно, но расхохотались.

— Все, завязывай с душевными метаниями. Ты военный! И женщина. Если вдруг, не дай провидение, нам не повезет, как сейчас, и худшее случится, запомни, — Ровена подошла ко мне и положила ладонь на мой живот, — это всего лишь тело, душа у тебя вот здесь. — Она ткнула мне в грудь.

— Тело — дом для души, — уныло возразила я.

— Знаешь, если кто-то испачкает коврик в моем доме, я просто все тщательно вымою и почищу, но уж точно не позволю чужой грязи разрушить мой дом и жизнь. И тебе советую!

— Я искренне благодарю тебя за заботу, — глядя в глаза боевой подруге, твердо сказала я. Потопталась и призналась: — Но, знаешь, сомневаюсь, что смогу просто вытряхнуть свой «коврик». И прошу у тебя прощения заранее, если... мой дом разрушится и я оставлю тебя в одиночестве.

— Только попробуй! Пташко, я тебе говорила, что ненавижу тебя? Курицу дурную! За что мне все это? — раздраженно сверкнула глазами Ровена.

Я усмехнулась:

— Говорила и не раз, Гриф.

— И вообще, с майорами, учти, сначала говорят «шучу», а потом шутят.

— Черт! — дружно выдохнули мы, услышав шум совсем рядом.

Подхватив свои торбы и рюкзак за лямки, мы газелями понеслись прочь, всей кожей, ощущая погоню. Выскочили на полянку с вытопанной травой, на ней «колдовали» над паллетой с грузом еще трое «десантников».

— Везение закончилось, — прохрипела, задыхаясь от бега, Ровена.

Бросив тяжеленный рюкзак, мы кинулись к ближайшим кустам, а следом неслось улюлюканье охотников, загоняющих добычу. Лишь спустя часа два, когда сумерки плотно опустились на землю, мы почувствовали себя в относительной безопасности, вернее, решили. Как две заправские кошки пригибались к земле и крутили головами, зорко

всматриваясь в окружающий пейзаж и прислушиваясь к малейшему шороху в тишине.

— Смотри-ка, Пташко, удача прямо преследует тебя, — хрипло заметила Ровена, окинув меня насмешливым взглядом.

Неужели записала в дураки? Но сейчас ни ерничать, ни возмущаться сил не осталось. Ну и ладно, ну и пусть дура, зато удачливая!

— Пошли, кошкогриф, искать... насест для ночлега, я же птичка, — весело предложила я. — Нельзя спать на земле, я до обморока боюсь змей. Да и антидотов у нас нет, если что!

— Вот не могу не согласиться с тобой, — поморщилась Ровена.

* * *

Золотые, такие родные, яркие глаза, лучившиеся теплом, манили к себе. Мое сердце колотилось от радости, а душа купалась в этом полыхающем желанием свете. Ничего не могло отвлечь от переполнявшего меня счастья вновь ощутить себя любимой, необходимой, близкой Райо. Ничего... кроме чего-то упорно норовившего ткнуть меня в лицо и щекотно лезшего в нос.

Открыв глаза, я мгновенно, как по тревоге, определилась в пространстве и времени — встречаю рассвет на дереве, приютившем нас с Ровеной. И ее рука, свисающая с верхней ветки, непроизвольно шевелится во сне, задевая мой нос отросшими грязными ногтями. Вчера вечером мы нашли большое кряжистое дерево с крепкими разлапистыми ветвями, на которых и устроились ночевать. Думали, не уснем от множества пугавших звуков, напряжения из-за постоянно преследовавшей нас опасности, стресса и, конечно, опасались свалиться даже с широких ветвей. Однако сначала подруга размеренно засопела на верхней полке-ветке, а затем и я отключилась.

Да фиг с ними, с Ровениными грязными ногтями, у самой не лучше, в конце концов. Но по ее загорелой руке с поцарапанным предплечьем ползла... сороконожка! Наверное. Вот гадость! Здоровенная, длиной с ладонь, а мне и вовсе мнилось, что на подругу прямо у меня под носом напал монстр — малинового цвета, мохнатый, с сотнями волосатых лапок. Фу-у-у... просто жуть. Видимо, цепкие лапки кошмарного

насекомого щекотали кожу крепко спящей подруги, поэтому она машинально пыталась его сбросить.

Я чуть не заорала. Не от страха, а от омерзения, чтобы спугнуть сороконожку. Но в этот момент прямо на плечо спокойно дрыхнувшей напарницы села еще одна тварь — вид птичий, черная, размером с ворону, а вот голова — как у хамелеона и трехглазая. Я так и замерла в изумлении, проглотив крик и прикрыв рукой рот. Один из трех конусовидных глаз драунской «вороны» уставился на меня, второй — на Ровену, а третий — на сороконожку. Вжик — и малиновое насекомое смачно отправил в рот хозяйке вырвавшийся оттуда липкий, длинный язык.

— Что за... — проворчала проснувшаяся Ровена и увидела, что происходит буквально на ней.

И смех и грех, но завтракавшая «птичка» держала на прицеле своих необычных глаз нас обеих. Мы даже дышать перестали. Если бы я смотрела эту сцену на визоре, наверное бы рассмеялась: курсант и специальный агент, расправлявшиеся с отморозками, в ужасе вытаращились на какую-то псевдоворону. Я боялась моргнуть, а Ровена спросонья несколько раз заторможено похлопала глазами, чем привлекла птицу. Тварюшка нацелилась на нее и, шустро перебирая лапами, заинтересованно поперла к лицу. Из любопытства или отведать землянки, мы выяснять не стали — дружно завизжали.

Приглянувшаяся местной вороне крупная «дичь», взмахнув руками, покачнулась, потеряла равновесие и свалилась на меня. Дальше мы на пару рухнули с дерева. Благо успели сгруппироваться в последний момент и приземлились без травм, отделавшись лишь вполне терпимыми ушибами. Хвала звездам, что на дереве мы разместились на нижних ветвях, опасаясь насекомых и змей на земле.

— Ненавижу тварей, — передернулась от отвращения Ровена, нервно отряхиваясь и потирая бок.

— Абсолютно с тобой согласна, — не менее эмоционально отозвалась я.

Но уже в следующий миг мы замерли и уставились друг на друга, подумав об одном: крик мог привлечь к нам других тварей, только похуже — двуногих хищников.

Ровена по-кошачьи пластично и ловко забралась на дерево, осмотрелась, достала наши самодельные мешки и скинула мне. Сначала

мы разошлись по кустикам, а завтракали уже в пути.

Окружающий пейзаж был настолько удручающим, что на душе становилось все смурнее. Мы продирались по зарослям полусухой травы, спотыкаясь о неровности на глинистой почве и рисковали нарваться на неприятности. Порой выбирались на каменистые площадки из скальной породы, потом приходилось либо спускаться, царапая ладони, либо наоборот — подниматься. Мешки, казалось, весили тонну и порой мешали невероятно. Периодически мы меняли направление, если я ощущала запах пота или обе слышали подозрительные звуки.

Еще мы наблюдали за поведением птиц, среди которых частенько встречались знакомые вороны-мутантки. Они ныряли в заросли, а через минуту взмывали вверх с какой-нибудь добычей. Экстремальный рассвет подзабылся, и днем нам было интересно следить за этими довольно занятыми и вездесущими, как земные воробьи, драунскими воронами. Более того, пару раз птицы помогали уберечься от нежелательных встреч, когда, вместо одной-двух, в воздух заволокло взмывала целая стая — их явно пугал более крупный хищник. А на суше Драуна нет страшнее хищника, чем человек.

Мы постоянно шли, и я невольно ловила себя на мысли, что еще не осознала в полной мере, что эта дикая планета — мой новый дом. Не приняла тот факт, что я смертник, и теперь каждый мой день и час — борьба за выживание. Не будет выходных, увольнительных, уютной комнатки в общежитии академии, раньше считавшейся маленькой и скромненькой. Ничего хорошего в моей жизни больше не будет! Это не задание, тяжелое и смертельно опасное, которое когда-нибудь закончится, а суровая реальность! Не будет любви, будущего, карьеры! Ни-че-го!

Впервые за все время здесь мне захотелось развеяться от страха и бессилия. Но душевные силы необходимо беречь, как и воду, у нас ее мало, а когда найдем источник пресной воды — неизвестно.

Я посмотрела на напарницу: она была на шаг впереди, уверенная, опасная, неунывающая. Такие нигде не пропадут, как кошки, которые всегда падают на четыре лапы. На голову выше меня, стройная и грациозная; потная черная майка плотно облегает ее довольно рельефную спину, а грубые болотно-пятнистые штаны подчеркивают узкую талию, округлые бедра и длинные мускулистые ноги. Темная

коса покачивается из стороны в сторону в такт шагам, на плече заветный мешок с «сокровищами». Наверное, я напоминаю ее младшую сестру: более хрупкая, ниже ростом, но при этом с более женственной фигурой и мягкими чертами лица.

К тому же, казенные бюстгальтеры нам не выдали, а нашу одежду утилизировали. Майка только облегает грудь, но не поддерживает, из-за чего при любом движении или ходьбе я ощущаю, как она слегка подпрыгивает, ведь размер-то не «А». И так же, как у Ровены, выглядит слишком эротично и однозначно привлечет совершенно ненужное мужское внимание. Сплошные проблемы!

Впереди показалась очередная скала в окружении зарослей и низких деревьев. Ура! Там можно будет передохнуть в тенечке, а то жара стоит немилосердная, солнце печет голову, даже украшенную, вернее, закамуфлированную травой и ветками, чтобы не отсвечивать в случае чего. В этот раз первой среагировала напарница: схватив меня за плечо, остановила. Я, моментально забыв о депрессии, услышала весьма характерные звуки. Кто-то скулил.

— Собака? — Ровена резко закрыла мне рот ладонью, выразительным взглядом приказывая заткнуться.

Убирались мы на «ребрах ступней», практически бесшумно — напарница позаботилась научить меня полезной премудрости. Через сотню метров сквозь кусты и траву разглядели, что происходит у скалы.

Там было несколько мужчин, пара женщин, но насилию подверглись и те и другие. Кошмар! Человек таким не бывает, не может быть, ведь на такую жестокость не способны даже звери. А здесь собрались представители сразу нескольких рас. Мне нестерпимо хотелось остановить кошмар. Видимо, у меня это желание было на лбу написано, большими буквами, потому что умница Ровена дернула меня за косу назад, повалила на землю и прошипела на ухо:

— Ты супергерой? Сможешь убить сразу десяток здоровых мужчин?

— Нет, — прохрипела я, приходя в себя.

Злое, но своевременное предупреждение словно ершик прочистило мне мозги, заставило унять благородные порывы. В горле стоял ком, хотелось выть от бессилия, абсолютного и беспощадного, а крики боли резали слух и нервы.

— И я нет, — Ровена уткнулась лицом мне в шею, обдавая горячим

дыханием.

Она дрожала или я, не знаю, скорее всего, обе. Упираясь лбом в нагретую почву, ощущая запах земли и травы, я едва слышно призналась:

— Как же хочется сдохнуть!

Мы встретились взглядами с напарницей, ее по-кошачьи сузившиеся глазищи полыхали гневом. Наконец она сползла с меня и мотнула головой, приказывая следовать за ней.

В сущности, нам крупно повезло избежать очередной кошмар. И до самого обеда мы шли как диверсанты, стараясь ступать бесшумно, тщательно прислушиваясь к окружающим звукам и принюхиваясь к запахам, а то и вовсе ползком крались. Пока не выбрались на широкую каменную полосу.

— Странная какая-то прогалина... — растерянно оглянулась Ровена.

Я блеснула знаниями:

— Это не прогалина, а специальное дорожное покрытие, такие плиты в старину использовались, когда транспорт в основном по земле передвигался. Скорее всего, сохранилось со времен первой колонизации.

— Вот я дура, не сообразила, — Ровена с досадой шлепнула себя по лбу.

— Ты не одинока. Я вполне могу составить тебе достойную конкуренцию, — хихикнула я.

Подруга посмотрела на меня, улыбнулась впервые без ехидства, покачала головой и тихонько рассмеялась. А в следующее мгновение мы вновь насторожились, словно испугнутые сурки, и практически синхронно шмыгнули в кусты, да так, что ни одна ветка не шелохнулась. Захочешь жить — станешь незримой тенью. Благо нас этому учили.

Из-за естественного изгиба дороги показалась целая колонна: несколько десятков мужчин в новых болотных костюмах толкали перед собой или тащили за стропы большие телеги с правительственным грузом. Позади них шли пятеро женщин, причем спокойно, без страха в глазах, явно заинтересованно поглядывая на вооруженных копьями со стальными наконечниками конвоиров в поношенной разномастной одежде — старожилы из местной общины.

Мы с Ровеной переглянулись, отметили, что к новоприбывшим отнеслись как к гужевому транспорту, женщин не тронули, ведут куда-то. Дисциплина и слаженные действия конвоиров тоже произвели впечатление. Но проверять общинников на предмет соблюдения гуманности и законности желания не появилось даже у меня, наивной ромашки. Как показал печальный опыт, бешеного зверя может усмирить только более грозный монстр.

Проводив колонну с гуманитарным грузом глазами, мы удалились от древней дороги, убегающей вглубь континента, но ее расположение запомнили, может пригодится в будущем. «Вдруг потянет к людям», — с сарказмом буркнула Ровена, пока искала ориентиры. Обедали всухомятку, сидя в тени массивного камня. Затем начали забирать влево, решив, что крюк сделали приличный, если и были какие следы, мы их запутали и пора бы вернуться к океану.

Спустя час в лощине мы наткнулись на еще одно странное место. Сначала меня смутил запах, сладковатый, мерзкий, от которого на подсознательном уровне шевелились волоски на затылке. За два дня «в полях» я привыкла обо всем подозрительном и не очень сообщать Ровене, вот и сейчас, ощутив загадочную вонь, тут же предупредила. Через сотню метров, прямо в середине оврага, выглянула из-за спины напарницы, резко остановившейся и осматривавшей крутой склон, заросший сухостоем и кустарником, с узкой тропкой, присыпанной ветками и листьями.

— Чего стоим, кого ждем? — прошептала я.

— Надо либо вернуться, либо по склону лезть, — поморщилась Ровена.

— Зачем? — озадачилась я. — Тут ходу на пару минут, и выберемся из этой дыры.

— Знаешь, Эрика, я предпочитаю следовать правилу «Три Д», так что ни в чем себе не отказывай, — ехидно ответила Ровена, уступая мне дорогу и жестом предлагая идти первой.

Раньше, до Драуна, я бы без капли сомнения ринулась вперед. Но здесь жизнь многому учит, поэтому, не двигаясь с места и нервно осматриваясь, поинтересовалась:

— Что за правило?

— Дай! Дорогу! Дураку! — выдала напарница и, не дожидаясь моего мнения, подняла ближайший тяжелый камень и кинула перед

собой.

Хрясь!

Мы едва успели отскочить назад и упали на спину. Впереди зияла яма. Как выяснилось, глубокая, с кольями на дне и — дикий тихий ужас! — полусгнившим человеческим трупом.

— Ч-что это? З-зачем? — заикаясь, спросила я.

Ровена с минуту молчала, разглядывая ловушку на разумных, ведь крупнее кроликов и птиц на Драуне ничего не водится. Размер кольев о многом красноречиво поведал.

— Видимо, кому-то мяса не хватает, — сипло ответила Ровена. — Пошли, надо уносить ноги из этих охотничьих угодий.

Пока мы с трудом взбирались по склону, цепляясь за траву и кусты, я не выдержала и злобно выдала, вспомнив наставления старшей:

— Ты вчера за грязные коврики беспокоилась, а тут сразу всего дома лишить могут. Так и останутся наши нежные души бродягами.

Наверх выбрались, давясь истерическим хохотом. После обнаружения «первобытной» ловушки мы шли медленнее, настороженно осматриваясь. Но длительную осаду любым нервам не выдержать, так и мы, спустя несколько часов затишья, немного успокоились. Хотелось верить, что ушли от скоплений зеков как новоприбывших, так и аборигенов. Время перевалило хорошо за полдень, через пару часов начнет темнеть, ноги гудели от длительных переходов и постоянного напряжения. Майка насквозь промокла от пота, тетрапаки опустели. Мы с напарницей соорудили себе новые венки, а то старые в овраге-ловушке остались. Зверски хотелось пить, есть, просто завалиться в тенечке на сутки и отключиться.

Поменялся ветер, сухой и колкий от песчинок, он заставлял щуриться и при боковых порывах закрывать лицо рукой. Наверное, мы слишком устали, перегрелись, а еще расслабились, за несколько часов никого не встретив, да и мое обоняние на помощь не пришло. Поэтому совершили ошибку.

Резко раздвинув кусты, мы совершенно неожиданно оказались у скального выступа, из разлома которого вытекал бойкий ручеек. Не сговариваясь, ринулись к нему и, захлебываясь от удовольствия, пили воду. Больше того, пренебрегая осторожностью, дружно стащили с себя майки и ополоснули лицо, шею и торс, смывая пот. Вывернув ношеную майку, вытерлась ею и достала из мешка запасную.

— Всего лишь помылись и напились, а словно всю грязь мира с души смыли, — призналась Ровена.

— Ты права, — кивнула я с улыбкой, натягивая новую майку.

Майки сразу выполоскали, тщательно выжали и, подхватив мешки, решили обследовать близлежащую территорию, чтобы обосноваться здесь на ночь. Видимо, вода смыла не только грязь, но и страх. Без опаски мы обогнули каменный выступ и вышли на большую площадку, вернее поляну, заросшую зеленой травой. С одной стороны, ее ограничивал горный кряж, а с трех других — подпирал густой зеленый лес. Красота! Вода благотворно сказывается на растительности.

Мы бодро вышли на поляну и вдруг заметили у деревьев костерок, дым от которого не поднимался вверх, а предусмотрительно стелился по земле, чтобы не привлекать нежеланных гостей. Но мы, черт возьми нашу беспечность, к этой категории не относились! У костра стояли пятеро мужчин, еще столько же я насчитала вокруг. Похоже, собирали хворост или ходили на охоту, или охраняли, да мало ли занятий у бандитов на воле.

Я с содроганием повторила подругину фразочку:

— Нам кранты!

— Да, если не случится чуда, боюсь наши коврики испачкают основательно, — хмуро согласилась она.

Глаза защипало от подступающих слез, но плакать нельзя! Слезы заберут силы. Ждать, когда очередной голодный тестостерон приблизится к нам, мы не стали — резко развернувшись, устремились к источнику, чтобы удрать знакомой дорогой. Но не судьба!

Позади нас оказались еще четверо незнакомцев, мерзко ухмылявшихся, глядя на нас. Я не ждала приказа, теперь каждый сам за себя, это было очевидно. Мы синхронно откинули мешки, выхватили ножи и ринулись в драку. У нас был лишь один шанс справиться с этими четверыми за те жалкие секунды, пока другие не подспеют. Шанс сродни чуду.

Адреналин ударил в голову, горячая волна животного ужаса и жажды жизни лавиной понеслась по сосудам. Тело действовало само. Через пару секунд Ровенин противник, первый попавшийся ей на пути, свалился наземь, захлебываясь кровью. А я, крутанувшись волчком, сбила ногой второго для следующего успешного выпада напарницы. Прыжок — и я врезаюсь в грудь третьему и лбом ломаю ему нос.

Насмерть или нет? Времени проверить тоже нет. Остальные уже на подходе, а перед Ровеной слишком опытный боец, даже она не может справиться. И он перекрывает нам единственный путь отхода.

У меня два ножа и одним я пожертвовала в тот момент, когда Ровена пыталась обманным путем добраться острием до широкой волосатой груди, а в ответ чуть сама не лишилась руки. Зашипев, она отдернула кисть, перехватывая второй ладонью рваную рану из которой хлынула кровь. А вот я больше не медлила и всадила нож в противника. Удачно, помилуйте меня высшие. Но в следующий миг в меня врезался, показалось, орбитальный шаттл. Я кубарем перекатилась к скале и затрясла головой от звенящего гула.

— Вот... — забористо выругался жуткий долговязый тип на нашем языке.

Даганец! Без татуировок, ни одной не заметила. Оно и понятно: даги, скромные любители серого, считают их метками, приносящими неудачи. Как даг затесался в группу землян, причем заняв лидирующие позиции? Понять сложно. Эти мысли промелькнули у меня, когда мы оказались прижатыми к скале стаей хищников, матерых и беспощадных. И даже на вооруженных ножами женщин, наглядно доказавших, что могут убивать, они похотливо пялились с восхищением и жадой обладания. Маньяки!

Нам всем было понятно, что с десятком мужчин даже подготовленным женщинам не справиться. Это не обыватели, не обычные гражданские, а свирепые, закаленные в боях бандиты, готовые и умеющие убивать. Но сдаться я не готова. Нет, просто не могу. Сейчас даже смерть воспринимается благом, избавлением!

Один решился на стремительный бросок к Ровене, чтобы скрутить добычу и закончить драку, прекратить наше бессмысленное сопротивление. Увы для него, нож в руках напарницы не только для еды. Девять оставшихся охотников разочарованно смотрели, как самонадеянный товарищ пытался остановить кровь на внутренней части плеча.

— Можно не суетиться, она задела артерию, — флегматично бросил даг одному из тех, кто пытался помочь пострадавшему.

— Дикая кошка! — восхитился бугай с тату и лысым черепом. — Она моя.

— С чего это тебе такая честь? — сразу засомневались еще двое.

Даг несколько секунд смотрел на меня пронзительными серыми глазами, словно дырку у меня на груди решил просверлить, потом, облизнув тонкие губы, глухо выдохнул:

— Эта моя.

— Давайте разделим, — миролюбиво предложил молчавший охотник.

Я тряслась от страха и глотала слезы отчаянья. А эти двуногие твари взирали на нас и усмехались, выжидая, когда напряжение достигнет пика, вынуждали признать: мы слабые самки, которых можно разделить.

— Помни о коврике, Эрика, — рвано выдохнула Ровена, молниеносно отражая еще одну неожиданную попытку нас обезоружить и обездвижить.

Я применила отработанный, привычный прием — удар в горло, но в этот раз нападавший был более осторожен и, отшатнувшись, прокашлялся и злобно уставился на меня.

— Девочки, давайте дружить, — предложил даг. — Мы вас простим, если умеете стоять на коленях.

Прижавшись спиной к горячему камню, я тяжело дышала, глядя на уверенных мужчин, практически по-хозяйски ощупывавших пока только глазами наши фигуры. Как же страшно! Ведь прямо рядом трупы их подельников лежат, один едва не под ногами истекает кровью, а эти девять громил безмятежно ухмыляются. Конечно, им же некуда спешить, вот и выжидают, твари, когда мы сдадимся, признаем: сил не осталось.

В душе я признала: действительно слишком слабая, чтобы выжить на Драуне, чтобы вытряхивать «коврики» после очередного желающего сбросить пар и удовлетворить нужду. Опустошена до доньшка. Райо не простит, а я готова бороться лишь за одно — за его любовь. Жаль, поздно поняла, что цветок Электуса создан жить только для любви. Для одной единственной на всю жизнь. А потеряв ее, долго не живет. Наверное, я уже умираю, только зачем-то еще трепыхаюсь, продляю агонию на радость охотникам.

— Я хочу к Райо, — всхлипнув, пожаловалась старшей подруге. — Пусть убьет, лишь бы обнял.

— Да? К Райо хочешь? — устало прошипела она. — Ну и где твои любимые клеранцы? А? Ты ради них рискнула жизнью, карьерой!

Подставила свое начальство, отказалась от дома, от всего. Райо твой про тебя забыл, у него свои проблемы...

Ровена замолчала на полуслове, потому что в следующую секунду мимо нас со скалы слетели три тени. Точнее, как оказалось, прыгнули! Я инстинктивно пригнулась, втянув голову в плечи, глядя на огромных клеранцев, которые буквально врезались в издевавшихся над нами гадов, видимо взяв по трое на каждого. Они никому не дали ни мгновения, чтобы очухаться и оказать сопротивление. Казалось бы, за два дня мы повидали слишком много, но то, как стремительно и четко разделялись с врагами настоящие звери, поразило. Это была реальность за пределами...

Лица клеранцев, искаженные в зверином оскале. Яркие, черные, выпуклые линии словно разделили их, по-другому не сказать, лицаморды на верхнюю, человеческую, и нижнюю — фактически звериную разверзнутую пасть со сверкающими белоснежными клыками. Почти неуловимые глазу четкие движения, грозное рычание, крики боли и ужаса, стоны... лилась, летела кровь... мелькали руки... с жуткими когтями... тела, изуродованные, окровавленные, поверженные...

Я зажмурилась и вдруг все стихло — воцарилась тишина, кошмарная, давящая на нервы, грозя снести последние крупницы силы воли, благодаря которым я держалась на дрожащих, подгибающихся ногах.

Зверь в пятнистом камуфляже застыл над дагом, который недавно предлагал дружить на своих условиях, и знакомым ледяным голосом бесстрастно спросил:

— Любишь ставить на колени? Умей и сам с них вставать!

Мы с Ровеной в некотором шоке пялились на клеранцев. Три полузверя, бросив на нас короткие взгляды, быстро осмотрелись, наверняка отметив трупы... ну которые не их рук дело.

Вопреки холодному тону Райо, выглядевшему весьма устрашающе в заляпанной кровью одежде, он, как и Матео с Фальком, далеко не спокоен. Слишком ярко светятся кипящие яростью желтые глаза, в которых чувствуется, каждой клеточкой тела ощущается, глядящий на тебя зверь. Обычно едва заметные серые саусы стали чернильно-черными и выступают над кожей, словно угрожающе встопорщенные усы, превращая лицо в полумаску. Кажется, даже приподнимают в оскале тонкую верхнюю губу, обнажая внушительные клыки. И руки не

сжаты в кулаки, а напряженно сгибаются-разгибаются, будто клеранцы раздумывают: вспороть ли еще кому брюхо светлыми когтями, появившимися на месте ногтей, или враги и так повержены? От некогда лощеных цивилизованных политиков ни осталось ни следа. В опасной ситуации красивая маска слетела как шелуха.

Фальк осматривал округу, раздувая крылья носа. Матео удостоил меня мимолетным взглядом и сразу вперился злыми глазами-щелочками в Ровену. Моя напарница в наступившей тишине, громко сглотнув, прижалась спиной к скале. А я уже, наверное, привычно любовалась Райо. Смотрела, смотрела, смотрела... жадно запоминая каждую черточку его лица, устрашающего, озлобленного. Наверняка у него внутри бушевали ярость и ненависть, да что угодно — для меня он в любом состоянии самый-самый. И главное — живой!

— Быстро же вы бегаєте, хаи, — сквозь зубы оценил Матео, глядя на Ровену.

— Мы старались, — поморщилась она.

— Угу, — поддержала я подругу, не сводя глаз с любимого.

* * *

Злой, полыхающий желтый взгляд наконец оторвался от моего лица и медленно прошелся вниз. От Райо не укрылись ни пятна чужой крови на моей коже и одежде, ни испарина на лице и шее, ни судорожно поднимавшаяся грудь. Кажется, я чувствовала каждую капельку крови, попавшую на меня в драке. Наконец его взгляд остановился на моей руке, судорожно сжавшей нож. Я и забыла о ноже, настолько срослась с ним в борьбе за жизнь. Не могла успокоиться, уговорить себя, что смерть и насилие отложены. Пальцы сами собой крепче обхватили рукоять.

Приподняв побелевший, в бурых разводах кулак, я растерянно посмотрела на окровавленный клинок — применяла оружие против живого существа, убивала. Да, лютого врага, но и сама больше не невинная безгрешная душа. Порыв отбросить подальше свидетельство своего падения сменился другим — умереть, чтобы не растягивать агонию. Зачем мне жизнь без любви?

Я вновь посмотрела на клеранцев, но они, словно забыв о нас,

быстро уносили трупы куда-то подальше от ручья. А как же обещание содрать с живых шкуру? Ведь мы боялись их, бегали, как проклятые, постоянно рискуя. Я душу рвала в клочья, заживо умирала, плакала и страдала без любимого. А они...

Мы с Ровеной стояли как в почетном карауле. Даже опытная напарница затруднялась, что предпринять дальше: бежать или остаться с теми, кого мы предали, обрекли на позор и муки? Я, не отрываясь, следила за любимым мужчиной, пока Ровена не двинулась с места, и привычно пошла за ней. Тоже подобрала свой мешок с трофеями, брошенный в пылу драки, и, вернувшись к скале, переминалась с ноги на ногу.

Вдобавок схлынувший адреналин оставил за собой дичайшую усталость и оцепенение, апатию. Даже не помогла подруге, когда та, достав аптечку, обработала порезанную руку антисептиком, зашипевшим вместе с ней при контакте с кровью, затем заклеила порез пластырем. Впрочем, она в моем участии не нуждалась, умело и быстро все сделала самостоятельно, пробурчав, что повезло: получила глубокую царапину, а не рваную рану. Ну да, в условиях Драуна тяжелые ранения сродни смерти.

Пока мы маялись от безвестности, клеранцы вынесли с поляны трупы, проверили округу, обошли костер, высматривая что-то в траве, вымыли в ручье руки. Потом двинулись к нам, раненым, уставшим, опустошенным, кажется, готовым к любому развитию ситуации. Мужчины замерли напротив нас в нескольких метрах, глядя почему-то только на меня, и будто чего-то настороженно ожидали.

Я не знала, с чего начать: сразу подойти и объяснить, почему предала, или поблагодарить за спасение, или сделать что-то? Какие слова подобрать? Просто смотрела на Райо, а душа рвалась к нему слиться с его душой в единое целое. Быть может, наши души поймут друг друга без слов и простят? Глаза щипало от непролитых слез, губы дрожали. Можно улыбнуться, или это будет еще одним оскорблением? Неожиданно я заметила, что у клеранцев нет с собой ни тубусов, ни других вещей. Только казенная одежда, которую выдали всем... залитая кровью.

Может, они голодные?

На подрагивающих от страха и радости ногах я робко подошла к Райо, остановилась в паре шагов. С мольбой глядя ему в глаза,

протянула свой самодельный вещмешок:

— Здесь консервы и много чего еще... нужного...

Никто из троих не шелохнулся, так и продолжали прожигать меня звериными взглядами, чего-то выжидая. Чего? Бросив короткий взгляд на бледную и напряженную как струна Ровену, словно перед ней дикие хищники, я тяжело вздохнула. Невольно передернула плечами, пытаюсь сбросить давивший стыд и вину за то, что, по сути, бросаю ее, как и предупреждала. Но душевных и физических сил терпеть эту муку, живьем пожирающую меня изнутри, не осталось. Именно сейчас, глядя на любимого мужчину, поняла, что жизни без него для меня нет. Дальше одно из двух: либо избавит, забрав эту самую жизнь, либо... чудеса ведь иногда случаются?..

Инстинкт самосохранения зазвенел на тревожной ноте. Вероятно, пара шагов последняя в моей жизни, но раз она ведет к любимому, — это лучшее, что еще можно получить от судьбы. Разжав пальцы, оставила мешок в траве, все равно больше не нужен. Шаг, другой — я встала почти вплотную к застывшему Райо. Он не шелохнулся, а Фальк напрягся, зыркнув желтым осуждающим взглядом.

Я мысленно горько хмыкнула: «Неужели думает, что нападу?» и протянула нож Райо. Раскрыла страшную, заляпанную в крови ладонь и попросила:

— Если хочешь, можешь меня убить прямо сейчас. Я понимаю... только не гони от себя.

Дальше все происходило словно в замедленной съемке. Райо неторопливо протянул руку за ножом. Наши пальцы соприкоснулись — и обоих словно молния прошила. Но мы не отдернули руки — стояли, глядя глаза в глаза: Райо — нависая, а я — запрокинув голову, словно специально подставив шею для удара и напоследок любуясь, просто не в силах на него насмотреться.

Мужчина, решавший мою судьбу, по-прежнему молчал, жалея меня острым изучающим взглядом. Не выдержав этого невыносимо обвиняющего молчания, я всхлипнула:

— Прости меня, пожалуйста, я думала...

По щекам побежали слезы, а мне неожиданно стало легче. И еще более неожиданно было видеть Райо, сразу расслабившегося после «прости». Его решение прозвучало четко и коротко, как приказ:

— Не надо думать. Верь мне.

— О, да, конечно! — раздалось у меня за спиной. Свое мнение подружка процедила с сарказмом: — Не надо верить тому, чему тебя учили двадцать два года. Верь только мужику-инопланетянину, которого знаешь пару дней. Это же так правильно и естественно!

Видимо, Ровена Гриф — бывший майор АБНЗ по жизни, а по сути — невообразимая смесь ведьмы, кошки и змеицы не смогла сдержать в себе яд свыше предельно допустимой концентрации.

— Я говорил, хая Ровена, что вы страшная женщина? — подал голос Матео, посмотрев мне за спину.

— Да, страшно красивая. С этим я вполне согласна.

— Нет, сейчас я не вашу внешность имел в виду, — сухо возразил Матео.

— Эрика отдала ему свою единственную защиту — нож. Еще и извинилась. Вы считаете это нормальным? — яда в ее голосе как не бывало. Интонации были вкрадчиво-обвинительные с нотками благородного негодования и слишком женственные.

— Хая Ровена Гриф, вы подтверждаете, что землянка Эрика Пташко добровольно отдала свою единственную защиту и оружие клеранцу Райо шир Алесио. Дала ему право вершить ее судьбу: жить или умереть? Признала свою вину перед ним и молила о прощении?

Ровена отскочила от Фалька, возникшего рядом с ней, в сторону, инстинктивно ушла от смертельной опасности в лице непредсказуемого клеранца. Слишком неожиданно рядом с ней выросла эта говорящая гора — Фальк аль Дан. Его вопросы прозвучали подобно недавно вынесенному нам на Фортане приговору. Словно выстрел в душу. Мне стало еще страшнее, чем когда отдавала нож.

Я отметила бледное лицо Ровены, сжатые в тонкую линию губы, сузившиеся глаза. Нам обеим понятно: Фальк задал не праздный вопрос, ответ на него жизненно важен. Судорожно оглянувшись, она сморщилась, словно лимон съела, и буркнула:

— Подтверждаю!

— И я подтверждаю, — зачем-то добавил Фальк, с ухмылкой глядя на Райо, глаза которого сияли почти как тогда, на «Вселенной радости».

Странно...

— И я подтверждаю, — улыбнулся Матео, и, как мне показалось, с загадочным и торжественным видом добавил. — Трое засвидетельствовали: триада Харо выполнена!

Райо вновь посмотрел на меня и строго, в приказном тоне объявил:
— Это было последнее оружие, которое ты держала в руках, лаили. Твоя жизнь теперь моя. Помни, ты сама мне ее отдала.

Я машинально вытянулась в струнку перед клеранцем.

— Есть! Ой, хорошо, как скажешь.

Какая же я маленькая и худосочная рядом с ним.

Райо внимательно осмотрел злополучный нож.

Ровена шагнула к нам и с неожиданным жаром обратилась к нему:

— Эрика просто молодая и влюбленная в вас дурочка, шир Алесио, которая верит в истинные половинки, любовь до гроба и вселенскую справедливость. И несмотря на это, выполнила свой долг перед Землей. Как ей приказали! Переступила через себя, через чувства. Она девчонка совсем, но вы взрослые дя... мужчины и должны понимать, что мы выполняли свой долг! Понимаете? Долг!

— Вы тоже выполняли, майор Гриф? — нехорошо усмехнулся Матео.

— Я боевой офицер, шир Домак! — вскинулась Ровена, забыв о страхе перед клеранцами. — Я выполняла поставленную передо мной задачу! Да! И заметьте, весьма успешно!

— Ровена, — негромко позвала я, чтобы успокоить.

Мои страхи растаяли. Райо попросил верить ему, и я поверила. А вот боевой офицер Гриф явно опасалась мести клеранцев.

— Что? — зашипела моя боевая кошка-змея. — Ты так хотела к нему вернуться, чтобы тебе сейчас как паршивой овце горло перерезали? Но почему? Ты ради него все отдала. Все! И свою, и мою жизнь поломала! Лишилась дома, друзей, будущего, карьеры... Оглянись, ты из-за него на Драуне! Из-за них ты двое суток бегаешь по этому аду, пытаешься выжить и не стать жертвой насилия. Они-то знали, чем рискуют, играя в свои политические игры, а ты — нет!

— Ты мне веришь? — спокойно спросил Райо у меня.

Я отвернулась от разошедшейся напарницы, нервничавшей, злившейся и отчаянно истерившей. У меня и самой заполошно колотилось сердце и дрожали коленки — страшно было до жути, но я без сомнений кивнула:

— Да.

Райо еще раз осмотрел нож, поморщился и сунул его за пояс. Затем под напряженным взглядом затихшей Ровены, готовой в любой момент

сорваться с места, взял мою ладонь и — укусил сбоку, пустив кровь большим и весьма острым клыком.

Пискнув от боли, я прикусила губу, изумленно глядя, как Райо размазывает мою кровь по своему лицу. Затем забрал у Матео антисептик из аптечки, тщательно обработал мою ранку и заклеил пластырем.

— Поздравляю, шир Алесио, — неожиданно улыбнулся Фальк.

— Поздравляю, друг, — присоединился к нему довольный Матео.

— Что происходит? Вы совсем сбрендили? — выдохнула Ровена, напрочь утратив свою хваленую выдержку.

— Триада Харо — путь искупления для непосвященных в древние законы Клерана иномирцев, — спокойно пояснил Райо. — Этому нельзя научить, нельзя подсказать. Каждый предавший должен сам прийти. Закон Харо приняли во времена первого контакта с иномирцами.

— Я не понимаю? — одновременно выдохнули мы с Ровеной.

— Эрика, на «Вселенной радости» ты стала моей лаили, по-вашему — невестой, — Райо говорил без лишних эмоций, ровно, как препод по высшей математике, но не отпуская мою укушенную руку, испачканный в моей и чужой крови. — Но предала, выдав своим властям. Лишила чести, достоинства и уважения сородичей. Далее, женщина клеранка, ставшая лаили, не может носить оружие и убивать, чтобы защитить свою честь или жизнь. Это обязан делать ее мужчина. Это непреложный закон Клерана. Эрика его нарушила.

— Откуда ты знаешь... что убила... я? — хрипло вырвалось у меня, но, вспомнив про трупы, поморщилась от собственной глупости.

— Мы шли за вами от берега. По случайно оставленным следам. Мы не звери в полном смысле этого слова, по запаху след не берем. Каменистая почва тоже создавала сложности. Несколько раз мы теряли ваш след, приходилось обходить большую территорию, общаться с недружелюбно настроенными аборигенами и вести с ними сложные и длительные переговоры, — дипломатично и обстоятельно пояснил Райо.

Чем вызвали нервный хохот у Ровены:

— Политик до мозга костей!

— Это мой дар, — спокойно, без иронии ответил Райо.

— Мы были в местах трех ваших стычек, посчитали убитых, — сухо добавил Матео.

— Троих, — прошептала я. — Я убила троих.

— За каждого из них я заплачу Каллу собственной кровью. Позже. Это мои мертвецы, Эрика, не твои! Я хочу, чтобы ты запомнила это на всю жизнь, — тон клеранского политика опять стал категоричным.

— Тогда почему ты пустил кровь ей? — подозрительно подняла бровь Ровена.

— Клеранец может вернуть себе утраченные честь, уважение и достоинство одним способом: забрать жизнь виновного и умывшись его кровью. Буквально! — мрачно заявил Фальк.

Ровена отступила на пару шагов, запнулась о камень и чуть не рухнула, но, взмахнув руками, удержала равновесие и чертыхнулась. Я инстинктивно прижалась к любимому, отринув мысль, что он может причинить мне вред.

Райо приподнял мое лицо за подбородок и, заглянув в глаза, пояснил:

— Ты сейчас отдала мне свою жизнь, как будущая жена, но нюансы не столь важны, доверила судьбу, молила о прощении. Я умылся твоей кровью. Триада Харо выполнена. Мы с тобой вернули утраченное и доверие. Три свидетеля подтвердили это перед богами.

— Черт, а я? Вернула? Прощена? — ошеломленно воскликнула Ровена.

— А вы, хая Ровена, — нет, — многозначительно произнес Матео. — Я, Фальк и Нофаль — все еще опозоренные изгои.

— Давайте я сама порежусь и испачкаю вас в своей крови, можно? — неожиданно заискивающе предложила женщина-кошка. — Мне извиниться не трудно. Господи, да чего стоят несколько слов в сравнении с жизнью...

— Не хочу вас расстраивать, хая Ровена, но ваша жизнь и судьба ни мне, ни Матео не нужны. Вы не интересны нам как лаили, мы не готовы ввести вас в свой род, чтобы сохранить жизнь и позаботиться о вашей судьбе.

Услышав ледяной голос Фалька, подруга замерла, а я всполошилась:

— Это анахронизм, в какой-то мере. Я надеюсь, вы понимаете, что Ровена не виновата. Вы еще не знаете, но именно благодаря ей Нофаль сбежал и вовремя сообщил о провокации. Она специально поспешила с арестом, дала возможность, а могла бы срезать его лазером в шаттле, но

не выстрелила!

— Да, — натянуто улыбаясь, поддержала меня подруга. — Поэтому вас, хой Райо, не шантажировали жизнью Эрики и она успела слить информацию об операции в сеть, чем вынудила АБНЗ ускорить процесс.

Я отлипла от Райо, подошла к подруге и взяла ее ледяную, несмотря на жару, руку:

— Ровена спасла меня и не раз за двое суток. Она и вам подарила жизнь, на Фортане. Да, мы заманили вас туда, но мы выполняли долг...

Райо смотрел не на меня, а на Ровену, пока приближался к нам, двигаясь как матерый хищник. Он слишком резко вынудил меня отойти от подруги. А после озабоченно сообщил:

— Эрика, моя лаили, если ты хорошенько подумаешь, то поймешь: спецгент Гриф, в отличие от тебя, предала не только нас, но и своих. Ты выполняла свой долг, невзирая на лица, а она заманила нас на Фортан, потом выпустила Нофаля, по ее словам. Таким образом нарушила приказ и не выполнила долг.

Вот оно что. Жених опасается, что Ровена может навредить мне, поэтому нервничает, а она хмуро взирает на клеранцев, поджав губы.

Я попыталась объяснить:

— Но...

Матео меня добил:

— Майор Гриф, стоит признать, весьма умная и прозорливая женщина, хая Эрика. Даже если и правда позволила Нофалю сбежать, то преследовала собственные цели. Я уверен, целей у нее великое множество, на любой случай. Возможно, хотела насолить начальнику, подставив его. Или хорошо знакома с нашей расой и в курсе, как мы мстим обидчикам. Такой веский аргумент — спасенный клеранец — в будущем мог пойти ей на пользу. И вашу жизнь, хая Эрика, она сохранила тоже ради своей пользы — в наших намерениях не была уверена, а вами всегда можно прикрыться...

— Нет, вы намеревались содрать с нас шкуру! Мы боялись. Ровена мне честно призналась, что две женщины с военной подготовкой в драке лучше, чем одна. И в подруги не набивалась, — настаивала я, глядя на мертвенно-бледную напарницу.

Тем не менее, она гордо держала голову.

— Увы, хой, вы слишком высокого мнения обо мне. К сожалению,

все, что связано с вашим арестом, было исключительно моей ошибкой: уязвленное самолюбие и тщеславие, не более. А в отношении хоя Нофаля — душевная слабость. Спасибо, я выслушала ваше мнение и даже с чем-то согласна. Жаль, я оказалась не столь мудрой и расчетливой, как вы полагаете.

— Думаю, вы, хая Ровена, понимаете, что вы нам не друг, доверия к вам тоже нет, а врагов мы за спиной не оставляем, — добавил Фальк.

Я не выдержала, вырвала руку из ладони Райо и хрипло, с горьким отчаянием воскликнула, надеясь достучаться до слишком правильных политиков:

— Оглянитесь вокруг, хои, мы на Драуне! Мы больше не на Фортане и, тем более, не на Клеране. Здесь ваши законы не действуют. Ровена — женщина! А вы — за патриархат. Так почему вы отказываете женщине в праве быть таковой? Ошибаться, быть в чем-то слабой, поддаваться своим чувствам. Мы — гормонозависимые, между прочим; мало ли что нам в голову ударит, когда рядом красивый мужчина...

— Эрика! — Райо даже рыкнул от злости.

— Речь идет о Ровене! — развела я руками. И горячо продолжила: — Значит, вам можно ошибаться, поддаться соблазну и во время рабочей поездки ринуться за красоткой на Фортан, а женщине, если она не смогла пристрелить понравившегося мужчину, вы приписали сотни коварных замыслов. Ага. И именно из-за них она здесь, на Драуне, вторые сутки рискует жизнью и здоровьем. Ранена! У нее же коварный план...

Ровена едва заметно улыбалась глазами, слушая мое эмоциональное выступление. Мужчины молчали, мрачно взирая... тоже на меня.

— Простить нельзя, как и вернуть утраченное самоуважение, честь и достоинство, — подытожил Фальк. — Но вы правы, здесь законы Клерана не действуют, поэтому пусть живет... на Драуне.

Не придав внимания заминке перед «Драуном», я счастливо выдохнула от облегчения: все решилось, мы живы, я вместе с любимым, меня простили! Жизнь продолжается! Краем глаза я отметила вскинутую бровь и весьма внимательный, пристальный взгляд Ровены на Фалька, когда рванула к брошенному мешку, из которого Матео несколько минут назад доставал аптечку. Схватила и подбежала к Райо, протягивая ему:

— Вы, наверное, пока нас искали, проголодались. Тут сухпай, мы из сброшенных грузов взяли. И что-то еще, я не успела все проверить.

— Пищу тоже мужчина добывает, — пробасил над моей головой Фальк, заставив вздрогнуть и прижаться к жениху.

— А можно женщине просто подобрать еду с земли? — нервно уточнила я. — Или это тоже вселенский грех?

— Хая Эрика, вы меня с самого начала поражали житейской мудростью, — похвалил Матео. — Если бы не Фортан, я бы счел вас идеальной женщиной.

— Только на Фортан, хой Матео, вы последовали за мной, — веско заметила Ровена, направляясь к костру.

— Зря вы напомнили мне об этой глупости, — ледяным тоном парировал Матео.

Ровена покачнулась и начала медленно, как мне показалось, слишком медленно, оседать на землю. Матео мигом подхватил ее на руки, напряженно всматриваясь в побелевшее лицо. Я испугалась: неужели не играет?

— Что случилось? — Фальк тоже равнодушным не остался.

Я подошла и, осторожно приподняв ее заклеенную широким и длинным пластырем руку, нахмурилась:

— Ее сегодня так ножом полоснули прямо перед вашим появлением, кровь ручьем текла. Наверное, слишком много крови потеряла. Мы чуть не умерли здесь от страха.

Матео отнес бесчувственную Ровену к костру, разведенному среди деревьев, и осторожно уложил на землю. Фальк заботливо подложил ей под голову мешок с ее вещами. Затем оба заново тщательно обработали ее рану. Меня Райо тоже не оставил без внимания: покрутил, как новогоднюю елочку, и осмотрел с ног до головы на предмет боевых ранений. Честно говоря, больше беспокоили не синяки и ссадины, а заляпанные чужой спекшейся кровью руки и одежда. Я просительно посмотрела на Райо и тихо пожаловалась:

— Я хочу вымыться.

— Я тоже не против сполоснуться, — поморщившись, согласился он.

— И я... — подала слабый голосок подопечная Матео и Фалька.

Те опустили глаза на Ровену, затем обменялись взглядами и дружно заржали:

— Хая, вы неисправимы!

— Как и наши ошибки.

Догадавшись, что напарница вновь провела клеранцев, я хихикнула, в душе. Не могу же я подтвердить чужие подозрения.

* * *

Драунское светило — не запомнила название, а тем более, набор букв и цифр, под которым оно числится в атласе, — медленно клонилось к горизонту. Солнце, пусть будет так, теряло яркость и становилось красноватым. Вместе с изменением цвета самой звезды менялась окраска неба. Вблизи солнца буйствовали красные, желтые и оранжевые тона, а над противосолнечной частью горизонта появилась светлая, бледная полоса. Почти как в африканской степи — саванне. Почти, потому что там разгуливали многочисленные животные, черные силуэты которых ярко выделялись на фоне вечернего неба. Как давно это было — моя стажировка в Африке?

Грех жаловаться, ведь даже возможность полюбоваться закатом и спокойно посидеть в тишине выдалась впервые за двое суток благодаря клеранцам. Нам с Ровеной приказано было находиться возле костра. Но, как назло, зверски хотелось есть, а дымок от костра еще и способствовал голодному бурчанию в животе. Вдобавок вспомнились интернатские походы и тренировки на выживание, когда мы готовили на открытом огне умопомрачительно пахнущую и вкусную кашу, жарили сосиски или пекли в углях картошку, а не только готовые брикеты жевали. Сумерки постепенно сгущались, превращая лес в темную стену, невольно заставляя нас приглушать голоса.

Прежде чем вымыться в ручье, мужчины решили проверить запасы и подготовиться к ночлегу. Сперва натаскали горку сухих сучьев, затем вытряхнули в кучу трофейные мешки, похожие на наши, и сортировали блага, присев возле них на колени. Никакой суеты и спешки, их плавные размеренные движения невольно притягивали взгляд. На нас они вроде и не обращали внимания, но я кожей чувствовала: держали в поле зрения. К тому же, едва дернулась им помочь, меня в тот же момент удостоили укоризненным взглядом все трое. Пришлось сидеть рядом с раненной напарницей и ждать... в неизвестности. Зато она, закинув ногу

на ногу, наслаждалась покоем, лениво беседуя со мной и осторожно поглаживая нившую руку. Обезболивающих ведь нет.

Дойдя до самого горизонта, солнце стало темно-красным, а в разные стороны от него разлилась ярко окрашенная полоса зари — от ярко-оранжевого до зеленовато-голубого. Над зарей появилось почти бесцветное округлое сияние. Вот и осталось мне любоваться будущим мужем на фоне этой красоты. Мой любимый Зверь! Если бы еще мысли не одолевали... Неужели Райо меня простил, хочет разделить со мной жизнь — это просто не укладывается в голове после моего предательства. Не без участия Ровены, конечно. И Матео с Фальком как-то легко приняли нас «обратно», в свою компанию. Ну поворчали, клыками пощелкали, глазами позыркали — и все.

Не знаю, смогла бы я вот также легко принять, понять и простить, если бы на месте клеранцев оказалась сама. Поэтому, несмотря на подсохшую на лице Райо шир Алесио мою «жертвенную» кровь и признание его друзьями и свидетелями меня лаили, будущей женой, внутри сжималась пружина страха, давали знать о себе сомнения и неуверенность.

Знания о мужчинах, тем или иным способом полученные за двадцать два года, не совмещались с той легкостью, с которой проходил ритуал прощения. Никаких выговоров и нравоучений! Внутренний голос сомневался: разве так просто бывает? В моей жизни в принципе ничего просто так не случалось! И все-таки я верила Райо, верила вопреки. В отличие от меня, он еще ни разу не обманул. Ни в чем! Поэтому, исподтишка наблюдая за ним, обдумывала, или придумывала, как вернуть то прекрасное чувство единения, возникшее между нами на «Вселенной радости».

И опять, как назло, в голову лез либо совершенно детский примитив, либо откровенная пошлость, навеянная общением с Ровеной. Да и не умею я ничего из области обольщения, удовлетворения плотских мужских потребностей. Только красиво и женственно руку подавать научилась. Гадство!

Мужчины негромко переговаривались на клеранском, перебирая вещи и раскладывая на две кучки: нужного и лишнего, наверное. Матео что-то сосредоточенно рисовал на земле, периодически указывая кончиком ножа в только им понятные схемы. Двое других не спорили, вставляли свои замечания — явно непростой разговор вели. Похоже,

обсуждали дальнейшие намерения и маршрут!

Краем глаза отметила тень недоумения на лице Ровены, она тоже следила за распределением запасов и заинтересовалась принципом отбора. Мне показалось, правительство поставляет колонистам самое необходимое, без чего не выжить на Драуне. А клеранцы, словно в краткосрочную командировку собрались, не захотели брать лишний груз.

Чтобы не маяться от безделья и не накручивать себя, я решила выяснить, что ценного имеется в собственных запасах, помимо пары мужских маек, галет, консервов и белковых батончиков. Занялась свертками, в которые еще не заглянула, и с трудом удержалась от радостного «Ура!», обнаружив в первом же мыло. Приколно, не привычное жидкое, а приличный брусок сухого. Впервые такое вижу! Пришлось руководство по использованию на упаковке читать. Затем обнаружила леску с крючками для рыбалки, складной нож и еще швейный набор, порадовавший не меньше, чем мыло. К сожалению, это все, что удалось схватить в спешке.

Гораздо интереснее было наблюдать за клеранцами. Особенно за одним, любимым, в черной майке, плотно облегающей его крупную, мощную фигуру. Подступающие тени играли на смуглой, в бурых пятнах коже рук, подчеркивая рельефные мускулы с выступающими венами и снова поблескивающие вместо ногтей когти. Как же происходит такая транс... трансфигурация?.. Я невольно сглотнула, когда Райо оперся ладонями о колени, — штаны сильно натянулись на мускулистых бедрах. Меня и его руки неизменно приводили в тихий восторг — широкие, сильные, надежные. При этом не «рабочие», а холеные, ухоженные, «офисные».

Собрав свои скромные, вернее будет, жалкие пожитки, я поднялась и неуверенно подошла к беседующим мужчинам, присела на корточки. Честно говоря, я нашла предлог приблизиться к Райо. Мне не хватало его рядом, живого, теплого, надежного. А на деле вышло, что в третий раз придется предлагать ненужные им «богатства». Наверняка отчаянно краснея, ни на кого не глядя, развернув куртку, я пролепетала:

— Проверила упаковки и вот. Может быть вы решите оставить что-то и из этого, или лишнее... Еще вон там, у дерева, — я указала рукой, — валяется казан небольшой. Может быть, мне пора заняться ужином? Пока вы заняты? Или мы с Ровеной сходили бы помыться...

Райо подался ко мне, приподнял пальцами мой подбородок и, заглядывая в глаза, мягко пояснил:

— Подожди меня немного, сейчас мы закончим, и я отведу тебя к ручью. Заодно и воды наберем для ужина. С консервами мы быстро его приготовим.

— Встретив снова своего обожаемого клеранца, Эрика не стала безрукой и безногой. И вполне способна дойти до воды сама. Тем более, я с ней, —Ровена резко села, с вызовом глядя на мужчин.

Хорошо, хоть без яда и желчи обошлась.

— Хая Ровена, я серьезно обеспокоен вашим общением с Эрикой, — ответил Райо, строго глядя на нее. — Если бы не вы, ей бы и в голову не пришло меня послушаться, и нам не пришлось бы искать вас по всему побережью.

— Ослушаться? Словно она ваш питомец? — картинно удивилась Ровена.

Меня тоже задело это слово и полная уверенность Райо в моем послушании. Более того, считает меня ведомой. Ну ладно, он прав, но меня эта правота раздражает вместе с собственной мягкостью, доверчивостью и ведомостью. Все потому, что цветы Электуса созданы такими, прошли селективный отбор, чтобы стать послушными и верными спутницами своим любимым. Слабыми хрупкими цветочками, нуждающимися в защите и опеке. Жизнь военного — следование уставу и подчинение приказам старших по званию — довела эти качества до совершенства. Как бы я не злилась на Ровену, в моем подсознании она пока майор Гриф со всеми вытекающими. В то же время Райо уже наделен полномочиями, только в другой сфере, супружеской. Сложно лавировать между двумя бесспорными лидерами, ведь каждый из них прав по-своему.

— Хая Ровена, вы непозволительно для вашего нынешнего положения тренируете мою выдержку. Надеюсь, я ясно выразился?

Райо говорил спокойно, но глазами, янтарными, а не золотистыми, не просто предупредил зарвавшуюся женщину об опасности продолжения разговора — грозил прожечь в ней смертельную дыру.

Я решила вмешаться и перевести внимание на себя:

— Можно для ведомых, безруких и безногих пояснить, почему мне нельзя самой за водой сходить? Или помыться в одиночестве?

Мне удалось справиться со злостью и досадой — стыдно публично

выяснять отношения.

— Теперь ты моя тень, Эрика. — Пальцы Райо не сильно, но чувствительно сжались на моем подбородке, заставляя смотреть ему в глаза. — Это не оскорбление, не принижение твоих достоинств и ума. Только статус! Ты — тень! Моя! Значит, следуешь только за мной, куда бы не вел мой путь.

Я неприятно удивилась. «Тень? Не жена? Или я чего-то в ваших правилах жизни недопоняла?» — слова застряли у меня в горле.

Зато Ровена высказалась «от души»:

— Черт, столько пережить и пройти, чтобы тебя назначили наложницей! Или тенью, почти как питомцем.

Я пытливо смотрела в лицо любимому в разводах моей и чужой крови, глины, покрытое испариной, с яростно разгорающимися глазами. И не столько видела, сколько чувствовала слишком близко подступившего Зверя. Райо старался утихомирить свою вторую, не самую добрую и выдержанную суть.

Нам помог Фальк:

— Хая Ровена, вы, по обыкновению, делаете поспешные выводы, ошибаетесь и провоцируете. Поверьте, ни к чему хорошему это не приведет. Ваш слабый пол и наше патриархальное воспитание не спасут, если даже Райо на пределе. Его останавливает лишь хая Эрика.

Райо впился в меня взглядом, поясняя:

— Да, на данный момент ты — лаили, по-вашему — невеста. Но для меня все уже глубже, острее, больше. Пока ты не понимаешь, но со временем прочувствуешь, осознаешь. У нас иной менталитет и нормы жизни, это связано с внутренним зверем. Даже клеранец со слабым зверем не позволит своей нидаш бродить в опасном месте, как ей вздумается. Рисковать жизнью, убивать, охотиться и добывать еду, — Райо с досадой дернул за рукав мой самодельный мешок.

Выходит, Фальк не зря меня недавно за добычу пропитания укорил, раз Райо до сих пор остро реагирует. Это ясно. Осталось узнать значение другого слова:

— Нидаш?

— Нидаш — тень, по-нашему. По-вашему — жена. У любого существа тень одна. Видимо, поэтому с древности к нашим женщинам, обретшим пару, обращаются — тень. Повторяю, это не оскорбление, а статус. Мы не прошли единение и официально ты пока лаили, но для

меня ты уже моя тень. Моя нидаш.

— А ты для меня кто? — улыбнулась я, отстраняясь от Райо.

— Мужчину в паре называют даш. В каких-то терах даш переводится как хозяин тени, где-то — главный, у нас — получивший тень. К тебе будут обращаться нидаш Эрика, а ко мне — даш Райо. Это не обидные слова, это обозначение семейной пары.

— Даш-нидаш? — повторила я, потом, услышав тихое хихиканье Ровены, расхохоталась вместе с ней.

— Что смешного? — напряглись клеранцы.

— Закономерность! — серьезно сказала Ровена. — Мужчины везде «дашь», а вот женщины частенько «не дашь». Только у вас это возвели в законный статус.

Клеранцы хмуро смотрели на нас. Первым расслабился Райо и усмехнулся, укоризненно покачав головой почему-то именно мне, а потом и Матео с Фальком рассмеялись. Видимо, тоже провели аналогию. Затем Райо взял из кучи вещей майку, кивнул в сторону скалы, предлагая мне идти с ним.

— Я с вами! — подскочила Ровена. И, сверкнув кошачьими глазами, хитро уточнила: — Или вы, хой Райо, прямо сейчас хотите устроить спаривание.

Я остановилась: здесь и сейчас точно к интиму не готова, тем более, к... спариванию. Но Райо отвечать не пришлось. Стоявший рядом с Ровеной Фальк шлепнул ее по заднице, причем, не игриво или похабно, а как малому ребенку за серьезный проступок. Та ойкнула и прыгнула в сторону.

— Хая Ровена, повезло вам, что не на Клеране высказались. Там за подобное словоблудие вам хорошенько всыпали бы.

— Про вас всякое говорят... — пробормотала я, опустив глаза и пиная носком ботинка камешек.

— Особенно СМИ стараются. Вещают, что стоит клеранцу определиться с чувствами — бросается метить свою возлюбленную всеми возможными способами, — ехидно добавила Ровена, несколько не обидевшись на Фалька. — Или Эрика еще не настолько возлюбленная?

Мне уже не казалось, она методично подначивала мужчин, провоцировала, выводила из равновесия. Для чего? Чего она хочет добиться? Или... выяснить? Зачем использует меня? Прямо бесить

начала!

— Хая Ровена, я действительно думал, что вы умнее. Но, похоже, зря, — упрекнул ее Райо.

— Метит?.. Какая пошлость, — поморщился Фальк.

А вот Матео оказался более разговорчивым, холодно пояснив:

— Наоборот, шир Алесио слишком ценит и бережет свою лаили, чтобы рисковать ее безопасностью. Поэтому... хм-м... соитие однозначно отложит до более благоприятного момента. За двое суток мы не раз видели трупы тех беспечных, кто, забыв обо всем, метил не свое, не там и не ко времени. Поверьте, хая Ровена, Драун не то место, где можно позволить себе несдержанность, невнимательность, безмозглость, неуважение к окружающим и спущенные штаны. Такие, как правило, долго не живут.

— Отлично! Тогда у вас нет повода отказать мне в компании, — весело прощепетала Ровена, собирая себе вещи.

Я невольно улыбалась, глядя на напарницу, вредную, коварную и ядовитую. Зато, благодаря ей, всего за полчаса узнала о семьях клеранцев больше, чем за пять дней на «Вселенной радости». Ну... и еще немного — о своем новом статусе и перспективах. И что немаловажно, провоцировала не я. Какие ко мне претензии? Я вообще золото — молчу!

Мы с Ровеной и Райо двинулись к ручью. За нами следом — Матео с казаном, а вот Фальк растворился в лесу, но вряд ли с целью справить нужду. Скорее всего, судя по набухшим черным саусам и трепетавшим ноздрям, пошел на охоту или на разведку.

Матео набрал воды и ушел. Райо встал боком к нам, ближе к зарослям и, казалось, не смотрел на нас, а наблюдал за птицами, мелькавшими в небе. Ведь мы тоже на них ориентировались в пути. Пока я переминалась с ноги на ногу, решая, стоит ли полностью раздеваться, Ровена подобной проблемой не озадачивалась: за несколько секунд все с себя сняла и встала под тоненький ручеек. Затем раздался ее грудной, слишком чувственный, хриплый стон удовольствия. Райо насмешливо хмыкнул, но даже не пошевелился, прислушиваясь к другим звукам.

— Хой Райо, не мучайтесь, можете полюбоваться мною, а то косите глазом! — весело предложила Ровена.

— Единственная, кем я хочу любоваться, — Эрика. Вас мне

приходится держать в поле зрения по одной причине: я вам не верю, не доверяю. К сожалению, не могу повернуться спиной. Чтобы вы не говорили, вы слишком опасны, вне зависимости на Фортане или на Драуне. С нами вы благодаря Эрике! Вы немного помогли ей, мы тоже немного поможем вам. Не более!

— Ну-ну... — Ровена не смогла скрыть уязвленного самолюбия.

Но быстро вернула себе былую уверенность и продолжила развлекаться за чужой счет. В нее словно бес вселился, ведь нельзя же так нахально дергать зверя за усы. Если сначала эта плутовка раздражала меня, то теперь откровенно бесит. Потому что стоять перед моим мужчиной, женихом, голой и специально стонать — верх наглости. Мы же напарницы, вроде бы.

Я злобно посмотрела на «подругу», которая уже не раз подводила, и, сжав кулаки, задумалась, чем бы ей тоже по голой заднице надавать.

— Хая, если вас услышат аборигены, я не стану вмешиваться, можете и дальше настойчиво их привлекать, — спокойно «посоветовал» Райо, так и не повернув головы.

— Нет, аборигены мне совсем ни к чему. А вот вы, шир Алесио, вполне устраиваете, — мурлыкнула Ровена, смывая мыло с волос и весьма чувственно проводя ладонями по своему великолепному телу.

Это она якобы пену смывает, мерзавка! У нее же Фальк и Матео есть, зачем она играет с Райо? И мучает меня? Посмотрела ей прямо в глаза и глухим голосом, стараясь скрыть боль и обиду, спросила:

— Ты все? Закончила?

— Нет, самое интересное впереди. Не куксись, Эрика. Мы же напарницы, все должны делить пополам.

Райо не повернулся, но его тон изменился на ледяной:

— Если вы еще хоть слово скажете, застонете или икнете неоднозначно, вас не только поделят, но точно не мы. А кто-то другой, более заинтересованный в вашей компании. Вы меня поняли?

Выдержка, похоже, даже ему изменила.

Ровена отжала волосы, встряхнулась, разбрызгивая капельки воды с кожи и, поиграв бровями, ответила мне:

— Ну что, подруга, видишь, моральный облик твоего вечного «дашь» проверили. Надежный! Можешь уверенно пользоваться, не бракованный достался.

— Ты дура, Гриф? Или курицей прикидываешься? — разозлилась

я.

Вдруг Райо напрягся и прислушался, резко обернувшись к соседним кустам.

— Все нормально, просто проверю, — тихо предупредил он и через мгновение о его присутствии напоминала лишь пара колыхнувшихся веток. Ровена мгновенно надела трусы и штаны, а когда поправляла чистую майку, шепнула мне на ухо:

— У них стопроцентно есть план спасения! Неужели не поняла? Они не собираются здесь оставаться! Не только здесь, а на Драуне вообще!

— Плевать мне, какой у них план! — разъяренно зашипела я. — Проверь других, а моего Райо — не смей. Поняла?

— Дурочка, — усмехнулась Ровена. — Смотри, сколько мы о нем узнали.

Да мало ли что недавно я и сама так думала, но от одной мысли, что Ровена коснется Райо или он ее, или, не дай бог, заинтересуется, внутри у меня словно кислота разлилась. Я не выдержала и едва слышно, шепотом заорала:

— Касаемо Райо у нас с тобой нет «мы», есть только я и он! Ты столько раз меня предавала, подводила и обманывала, а я терпела и прощала. Но не в этом случае! Не лезь к нему! Если ты хоть пальцем его коснешься...

— Успокойся! — Ровена настолько привычно отбросила маску великой соблазнительны, вернув себе облик майора АБНЗ, что удивляться разительным переменам не пришлось. — Забыли, больше не буду. Но и ты не забывай, мы здесь прошли огонь и воду, вместе! Я очень надеюсь, ты меня не бросишь гнить на Драуне. И если представится возможность, уговоришь их взять меня с собой. Пусть не на Клеран; нет, точно не на Клеран, а в более цивилизованное местечко я с радостью переселюсь. Хорошо?

— Думаю, ты выдаешь желаемое за действительное, — немного успокоилась я, но меня еще душила ревность, а внутри горело.

Нервно оглянувшись на кусты, Ровена заявила:

— Проблемы несбывшихся надежд оставь мне, главное — пообещай!

— Обещаю: сделаю все возможное для тебя, — согласилась я, ссориться с ней после пережитого вместе тоже не дело. — Но сама

подумай, выяснить, что их отправили на Драун — не проблема. Это транслировалось в сети. Как их найдут здесь? Будут прочесывать всю территорию? Прости, но даже наши законники боятся здесь приземляться и выкидывают заключенных словно балласт или мусор за пару километров до земли. А маячков я на них не заметила.

— Эти, — Ровена мотнула головой в сторону костра, — я уверена, весьма продуманные личности. И подготовленные. Обычные политики... которые за минуту вырезали когтями и клыками с десятков бандитов и наемников. Не сомневайся, они знают, как подать своим знак!

— Не трогай Райо. Не флиртуй с ним, — горячо зашептала я, а потом призналась: — Ровена, мне не только морально — физически больно смотреть, как ты пытаешься его соблазнить. Он мой! Слышишь? Я и так чуть не потеряла его, каждый день без него — пытка. А ты сейчас как ножом в свежей ране ковыряла, пускала мне кровь!

Она передернула плечами, потрясенно глядя на меня:

— Такая зависимость и одержимость — это не нормально, Эрика! Ты слишком рискуешь, полностью раскрываясь перед мужчиной, фактически растворяясь в нем. С учетом озвученных ими реалий, ты действительно скоро станешь его тенью.

— А ты любила хоть раз? — хрипло спросила я.

Ответить Ровена не успела. Райо беззвучно появился из кустов, держа в руках убитого кролика, хмуро посмотрел на Ровену:

— Вы закончили, хая?

Она занервничала, натянуто улыбнулась, но, взглянув на меня, грустно, с жалостью смотревшую на мохнатую зверюшку, тут же стерла улыбку и вполне прилично попросила:

— Простите, хой, дайте мне еще минутку постирать белье. И я освобожу это райское место.

Я тоже решила времени зря не терять — выстирала одежду, которую сменила до драки и подобрала в траве по дороге сюда. И носки сразу сняла постирать, они у меня одни, а по траве можно и босиком ходить, в конце концов. Неожиданно рядом со мной упала мужская грязная майка и носки большого размера. Райо снял. Я улыбнулась и забрала его одежду, порадовавшись, что Ровена даже косога взгляда на голую грудь Райо не бросила — услышала и поняла меня.

Пока я полоскала майку, Ровена, подмигнув мне, скрылась за

скалой, прихватив кроличью тушку. Райо шумно умылся, стер с лица капли воды, а потом, рывком подняв меня на ноги, впился поцелуем в губы...

Горячий, чувственный взрыв, когда, кажется, даже душа трепещет от удовольствия — а потом все прекратилось. Райо огладил большими ладонями мое лицо, любуясь мной. Покрыл короткими, почти невесомыми поцелуями веки, виски, скулы и хрипло шепнул:

— Больше не сбежишь от меня, Птичка!

— Никогда! — выдохнула я, прижимаясь к его груди.

— Мы начнем все заново. С того момента, где остановились на «Вселенной радости». На поцелуе, — тепло улыбнулся Райо.

Я как ненормальная смотрела ему в лицо, преобразившееся в улыбке. Он стал моложе, беззаботнее, немного проще, не таким суровым и хищным, хоть его клыки никуда не делись.

— Ты уверен, что сможешь забыть? — тоскливо спросила я, сложив ладошки у него на груди.

— Фортан забыть — нет, память у меня отличная, — снова улыбнулся Райо. — А вот понять и принять — да. Эрика, ты единственная, кому я прощу все. Все, кроме измены...

— Мы на Драуне, — с горечью напомнила я.

Райо нахмурился, снова огладил мое лицо и глухо ответил:

— Если... я не справлюсь, не смогу защитить тебя, то буду уже мертвым. И мне, и тебе некого будет винить. Я про сознательную измену.

Я провела кончиками пальцев по темным бровям любимого, погладила скулы и щеки, коснулась тонких, свойственных клеранцам, но таких горячих и родных губ.

— Позволь мне стать твоим надежным тылом, хотя бы здесь, на Драуне. Я умею... подготовлена. Я больше не хочу умирать и, тем более, не хочу, чтобы ты погиб. Я хочу дышать тобой, любить, хочу обнимать тебя и быть только с тобой.

— Только в самой крайней и безвыходной ситуации. Когда на кону твоя жизнь! — скрипнул клыками Райо, вынужденный согласиться.

— Там, на поляне, ты был таким отстраненным, холодным и...

Мой жалобный лепет он мягко оборвал:

— Позднее ты поймешь наш уклад, менталитет и традиции. Всему свое время. У нас принято жесткое разделение труда и обязанностей,

приветствуется сдержанность на публике. Будет время, я обо всем расскажу. Сейчас важна только твоя безопасность. Не сомневайся во мне, Эрика. Даже на мгновение! Ты в моем сердце. Зверь это не раз докажет, — последнее Райо добавил странным тоном.

Я снова вспоминала о тех самых слухах, о которых так неодобрительно отзывались Матео и Фальк: клеранцы как оборотни метят своих возлюбленных. У меня щеки вспыхнули, а Райо, кажется, быстро смекнул почему. Его приглушенный чувственный смех нежной лаской прошелся по моей коже, будоража самые тайные желания.

— Фальк и Матео тоже хотят помыться, давай не будем заставлять их долго ждать, — довольно щурясь, предложил Райо.

Затем он, то прислушиваясь к окружающей тишине в наступивших сумерках, то лаская мое обнаженное тело золотистым взглядом, от которого я плавилась под холодной водой, наблюдал за мной. Я стеснялась, очень стеснялась, но в тоже время хотела, чтобы любимый запомнил меня такой. Мое обнаженное тело, упругую грудь с темными вершинками, которую он огладил, несколько раз рвано выдохнув, не утерпел. Он меня всю запомнил, в этом нет сомнений!

Потом наступила моя очередь изучать и запоминать каждый сантиметр его тела и вздыбленную, возбужденную плоть особенно. Чем ниже опускалось солнце за горизонт, тем интенсивнее небо окрашивалось в пурпурный цвет. И мой мужчина был потрясающе хорош на фоне этого грандиозного, бесконечно красивого неба, ярко-алого, пурпурного, фиолетового. И даже враждебный окружающий мир стал таинственно и мистически прекрасен.

Белье мы выстирали быстро, оделись еще быстрее и пошли к костру, держась за руки, наслаждаясь прикосновениями. А вот Ровена сидела рядом со своим мешком и дулась на клеранцев. Интересно, чем они опять друг другу не угодили?

* * *

Фальк с Матео, увидев нас, чистых и довольных, державшихся за руки, одобрительно улыбнулись, а вот напарница даже глаз не подняла. Поглаживала раненную руку. Пока мылась, рана ее не беспокоила, а сейчас опять начала. Я мысленно одернула себя: конечно, ей больно. И

посочувствовала раненной, одинокой, такой сильной-слабой женщине, которая боится.

Зато порадовал казан, призывно булькавший на костре. Рядом с ним на углях, распространяя вокруг умопомрачительно вкусный мясной запах, на палочках жарились части кролика, и не одного, а минимум трех, судя по количеству лапок. Охота удалась не только Райо, но и Фальку. Ура!

Я чуть ли не вприпрыжку, напевая себе под нос от радости в предвкушении вкусного ужина, направилась к ближайшему дереву и развесила сушиться выстиранную одежду. Потом увидела мокрое белье напарницы, оставшееся лежать у ее ног мокрой тряпкой. Неужели забыла о наших минимальных запасах сменки? Присев на корточках рядом с ней, я подобрала вещи и вопросительно заглянула ей в лицо:

— Рука сильно разболелась?

Ровена с досадой поморщилась и кивнула. Я мягко погладила ее по колену, выразив сочувствие, и развесила одежду рядом с нашей. Как же неловко выставлять нижнее белье на обозрение. Но, обернувшись к клеранцам, отметила, что Райо наблюдает за мной, чуть склонив голову и улыбаясь глазами. Его друзья, сидя у костра, тоже следили за мной, без улыбок, но вполне по-доброму. Странные они, честное слово.

К любимому меня словно магнитом тянуло, но едва сделала шаг, Ровена перехватила мою ладонь и глухо попросила:

— Посиди со мной, пожалуйста.

— Что случилось? Ты чем-то расстроена? — шепнула я тихонько, глядя как спутники Райо, уступают ему место повара у костра, чтобы самим сходить к ручью.

— Ничего серьезного, — буркнула напарница, тем не менее выдохнув с облегчением, когда я присела рядом.

Фальк и Матео загадочно блеснули на нас глазами, вытаскивая из кучки нужных запасов чистые майки. Райо перевернул палочки с мясом, смерил друзей внимательным взглядом, а затем обратился к Ровене:

— А что вы считаете серьезным, хая?

— Жизнь! — мрачно ответила она. — Желательно долгая, в хорошем месте и с цивилизованными людьми.

— Мы не можем гарантировать вам долгую жизнь на Драуне, тем более — цивилизованное общество. Поэтому напрасно вы оказали нам сомнительную честь, предложив свои... всесторонние услуги, — Матео

замер в паре шагов от нас, закончив эту, по сути, отповедь.

Не сложно догадаться: раз у Ровены не вышло с Райо, она вернулась к старому, проверенному способу — попыталась охмурить Матео, а может и Фалька заодно. Но ей отказали! Отказали красивой, несмотря на мытарства последних недель, женщине. А женщин на Драуне, я больше чем уверена, если не единицы, то уж точно десятки, в лучшем случае. На тысячи мужчин!

Подозрения напарницы о намерении клеранцев сбежать с Драуна обрели для меня новый смысл. А ведь она, пожалуй, права! Если бы клеранцы не ждали спасения, не стали бы «разбрасываться» выгодными предложениями — приняли бы и «пометили» как свое. Несмотря на традиции, ритуалы и прочие сложности. Неужели есть шанс сбежать из этого ада?

Новость обнадеживающая, но следом пришла мысль ироничная и горькая. Ровена решила подстраховаться, не рассчитывая только на мое обещание, чтобы обеспечить себе «дополнительные голоса». С одной стороны, ее можно понять, с другой — раз за разом повторяет одну и ту же ошибку. С клеранцами этот номер не пройдет, хоть они и смеялись, что рядом с ней повторяют ошибки. А она уперто примеряется к ним как к сексуально озабоченным мужчинам, которые думают тем, что ниже пояса.

Ровена зло вскинулась на Матео и процедила:

— Помнится, шир Домак, на «Вселенной радости» вы соперничали с аль Муром за мое внимание. И тогда моя честь не казалась вам сомнительной.

Матео сел на корточки напротив Ровены, сложил пальцы в замок, опираясь локтями на колени, и спокойно ответил на обвинение:

— Хая, на лайнере мы встретили двух прекрасных, но разных девушек. Как вы сами сказали, инь и янь. Эрика — робкий чистый ручеек, который только набирает силу и ищет свою дорогу. Ее сразу выбрал шир Алесио. Вы же, Ровена, были, словно огонь: яркая, сильная женщина, знающая себе цену, абсолютно уверенная в своих чарах. Там вы играли на грани приличий, щекотали нам нервы, но от того игра была только азартнее и слаще. Мы знали, никто из нас не получит главный приз, потому что огонь приручить нельзя. Нам было занятно, приятно любоваться вами, разделять игру и остроту ощущений, что вы дарили. Сейчас дело не в том, что вы нас обманули, провели как юнцов,

сдали начальству. В конце концов, мы взрослые мужчины и признаем за собой вину. Вы не заставляли, не опаивали, всего лишь поманили своим огнем и чистотой Эрики. И даже потом, на Фортане, вы вызвали ярость и желание отомстить как достойный противник...

— Что вы хотите этим сказать? — Ровена взмахнула здоровой рукой, прерывая Матео.

— Мы честны с вами здесь и там, — громыхнул басом Фальк, тоже приблизившийся к нам. — Он же сказал вам, хая, на лайнере была игра. Ваша с нами, и наша с вами! Мы все об этом знали. И приняли условия игры! Не более.

— И охота на Эрику, — цинично усмехнулась Ровена.

— Да, моя охота, — отозвался Райо, не отрываясь от готовки.

— Но и вы, хая, и мы знали, что будущего ни с кем из нас именно у вас нет. Все было честно, — продолжил Фальк. — А потом ваша весьма опрометчивая выходка на транспортнике, когда вы... отключили соседа по скрепке и привлекли общее внимание к двум красавицам. Вы в курсе, что после посадки очень многие охотились на вас? В отличие от нас, те асоциальные элементы заранее знали, куда их везут и что их ждет. Их осудили гораздо раньше нас и транспортировки они ждали дольше. Поэтому упустить двух свободных и весьма заметных женщин позволить себе не могли.

— Мы больше чем уверены, Эрику вы увели с берега намеренно, боялись, прежде всего, за себя. Ведь вы о клеранцах знаете больше, чем она. Да? И о том, что шир Алесио никогда не убьет женщину, которую назвал своей лаили, должны были знать. Эрика для вас — страховка! — сурово подытожил Матео.

— Мы уже обсуждали это, — я встала и попыталась прекратить нехороший разговор.

— Она сама начала. — Неожиданно за моей спиной возник Райо, обнял меня и тоже высказал: — Не вышло со мной, принялась за них.

Ровена задрала подбородок, упрямо и гордо смотря на всех словно свысока. Только глаза блестели от подступающих слез, злых и отчаянных.

Матео продолжил ее обвинять:

— Тогда мы восхищались вашей силой, уверенностью, волей. Сейчас видим эгоистичную, злобную, неуверенную в себе женщину. Женщину без привязанностей, высших ценностей и добродетелей.

Которая ради себя продаст все и всех, которая легко и любому предложит свое тело в качестве оплаты за...

— Хватит! — взвилась я. — Хои, мужчины, это такая моральная пытка? Месть за содеянное нами?

— Нет, — ровно парировал Райо, сильнее прижимая меня. — Майор Ровена Гриф никак не успокоится. От страха за свою судьбу кидается в крайности, делает больно тебе, совершает непоправимые глупости, с ней опасно идти в группе. Сначала стонала у ручья, а ветер далеко разносит звуки. Затем приставала к мужчинам здесь. Она непредсказуема, неуправляема, мы не уверены в таком спутнике. А Драун — не то место, где это допустимо. Ошибку, даже маленькую, нам никто не простит и второго шанса не даст.

— Что вы хотите от меня? — глухо выдохнула Ровена, пытаюсь горящим отчаянным взглядом объять сразу трех клеранцев.

— Мы были честны с вами с первой минуты знакомства, хая Ровена, — повторил Матео. — Игры закончились на лайнере «Вселенная радости». Здесь вы не нужны никому из нас в качестве любовницы. Мы ясно дали это понять. Но вы своим аморальным поведением выводите каждого из себя...

— Аморальным? Там вам это не казалось, — все еще с вызовом буркнула Ровена.

— Там вы были иномирянками, чужестранками, которые вербально и невербально демонстрировали желание развлечься. А мы, свободные мужчины, не на Клеране и могли себе позволить отдохнуть. Вы играли, а хаю Эрику Райо почти сразу отстранил от наших игр.

— То есть, с клеранками развлекаться нельзя, а с землянками можно? — глухо уточнила я.

— И на Клеране есть женщины свободных нравов, — ответил Фальк.

Только хуже сделал своей честностью. С другой стороны, что я хотела услышать, если сама порой в шоке была от поведения «кузины»? Сама же боялась, что клеранцы примут нас за, как Фальк сказал, женщин свободных нравов. А теперь меня заело, видите ли. Судорожно вздохнув, я с надеждой попросила:

— Хои, думаю, все хотят есть, вы мыться собирались идти, а мы ведем этот крайне неприятный разговор. Мне кажется, пора успокоиться, поесть и затем обсудить.

Ровена неожиданно резко встала на колени и произнесла с жаром:

— Даю слово, если надо, кровью поклянусь. С моей стороны не будет больше никаких неожиданностей и провокаций. Никаких сомнительных и дурацких предложений. Я приношу извинения всем вам за прошлые ошибки и недопустимое поведение здесь. Готова... хочу стать полноправным и полезным членом вашей команды как хорошо подготовленная боевая единица. Группы, что вы после нас обнаружили, — подтверждение моих слов. Я буду следовать вашим указаниям, нести свою часть обязанностей. И поверьте, приложу все усилия, чтобы доказать вам: мне можно доверять.

— На Драуне? — криво усмехнувшись, уточнил Райо.

— Не только, — Ровена напоминала комок нервов, — если у вас появится возможность покинуть Драун и забрать с собой не только Эрику, но и меня, я расплачусь за билет на свободу.

— Чем? — золотые глаза Райо сузились, Фальк с Матео даже не дернулись, но, судя по вспыхнувшему интересу в глазах, Ровена их тоже заинтриговала.

— К примеру, достану вам Гонга с группой, занимавшейся вашей разработкой и всей операцией, — выдохнула она с дикой надеждой. — Это позволит Клерану избежать политического скандала.

Я обессиленно опустила на землю рядом с напарницей. Я возненавидела Гонга и тех, кто за ним стоит, но ее предложение — цинизм чистой воды. По сути, Ровена сейчас, не прикрываясь моралью, меняет свою жизнь на чужие. Она бы и мою отдала, чтобы выбраться с Драуна? Глядя на напряженную фигуру этой непостижимой женщины, я почти не сомневалась: отдала бы; я для нее — ступенька к лучшей жизни. Хотя мне ли морализировать? После всего, что произошло. Клеранцы оказались в плену у землян, сама — на Драуне. Из-за моей поспешности и наивности погибли двое журналистов. И здесь троих убить успела.

Вдобавок вспомнилось, как бывшая абнзешница обещала все мыслимые и немыслимые кары обрушить на Гонга, когда отсюда выберется. Меня опять пробило на истерический смех:

— Гриф, ты неисправимый безбилетник!

Ровена привычно замахнулась, чтобы пощечиной привести меня в чувство, но не успела. Ее кисть перехватила широкая мужская ладонь, сжала чуть не до хруста и сразу оттолкнула. Райо из-за моей спины

прорычал:

— Никто! Не смеет! Трогать мою женщину!

Ровена шипела от боли, сжимая пострадавшую ладонь, испуганно глядя на него. Истерики как не бывало. Чтобы отвлечь внимание, я тоже «испугалась»:

— Ой, у нас мясо подгорает!

Матео резко высказался на клеранском и быстро отодвинул шашлык в сторону от огня. Потом усмехнулся и подыграл моей уловке:

— Вовремя спасли! — Затем взял палочку с мясом и протянул Ровене со словами: — Вы потеряли кровь, хая, вам надо восполнить силы плотным ужином.

— Спасибо, — удивленно поблагодарила она, с опаской забирая мясо, словно отравленное.

Фальк и Матео наконец-то пошли к ручью, а вот Райо так и продолжал сверлить Ровену нечитаемым, но явно нехорошим взглядом.

— Я больше Эрику не трону. Обещаю!

— Ваша задача, Ровена, ее безопасность, — приказал Райо, кивнув на меня. — Вы не лезете в драку, сохраняете молчание, не язвите, не спорите. Вы делаете так, как мы скажем. Вы не напарник, вы сопровождающая лаили женщина. Силу применяете в крайнем случае, когда без вас нам всем не выжить. Вы вместе ходите по нужде, прикрываете спину Эрики. Я хочу, чтобы вы четко осознали: если с вашей активной помощью с моей лаили все будет в порядке к моменту возможной эвакуации, значит, мы однозначно заберем и вас.

— А прощение? — тихо спросила Ровена, не веря в свою удачу.

— Думаю, мои коллеги оценят ваше предложение по врагам Клерана, оно вполне уместно и заслуживает поощрения.

Ровена рвано выдохнула и перестала напоминать оголенный нерв. Неужели поверила на слово мужику-инопланетянину? Бывшая напарница, а теперь телохранитель словно подслушала мои сомнения:

— О вашем умении держать слово, шир Алесио, ходят легенды. Я вам верю! И поверьте, сделаю все возможное, чтобы с головы вашей будущей нидаш волоска не упало.

Майор Гриф теперь с меня в буквальном смысле живой не слезет за билет на свободу. Я невольно передернулась и обиженно заявила:

— Вообще-то, я не балласт безмозглый! А выпускник Военно-космической академии, координатор, диплом мне перед операцией

выдали. Я тоже могу за себя постоять! А ты, Райо, говоришь так, будто меня...

— Я с радостью оценю и позволю тебе проявить все способности и уровень образования дома, лаили. Когда вокруг не будут разгуливать группы маньяков и убийц, — строго оборвал Райо, непримиримо глядя на меня. А потом подсластил «пиллюлю» откровенной лестью: — Надеюсь, хоть ты проявишь благоразумие, которое мы у тебя вчетвером отметили. На лайнере и даже здесь.

Еще вчера бывшая напарница, самое маленькое, хмыкнула бы, а сейчас промолчала. То ли мясо настолько вкусным оказалось, то ли начала отрабатывать заветный билетик с Драуна, вдоволь поторговавшись с клеранцами. Райо достал из нужной кучи набор походной посуды, тарелки и ложки, налил горячего густого варева и принес нам. Красота! И мясо! Несколько минут я молча наслаждалась пищей, стараясь не спешить.

Вскоре вернулись Фальк с Матео, как и я босиком. Развесив мокрые майки, они присели к нам с Ровеной и о чем-то разговаривали между собой, а есть начали после того, как мы, от души поблагодарив за вкусный ужин, положили тарелки на траву. Зря я надеялась, что приготовленного хватит и на утро. Съели все подчистую, словно голодали, пока искали нас, или аппетит у клеранцев по-настоящему зверский. Ужин я запила водой из фляжки. Беспокоиться, насколько она чистая, было бессмысленно. Это как судьба: что суждено, то сбудется. Лучше наслаждаться спокойным вечером и компанией, сыто, устало привалившись к любимому.

Он ласково перебирал мои пальцы. Ничего больше себе не позволял. Я сонно прикрыла глаза и вздрогнула, когда услышала:

— Хаи, расскажите о ваших приключениях, начиная с приземления на Фортане.

Неожиданно, но вполне закономерно. Вот только почему так долго ждали? Ровена, только-только расслабившаяся, вновь насторожилась. И понятно почему: сомнительно, что Райо простит ей сдачу лаили Гонгу. Поэтому я сама рассказала, немного переиначив правду и закончив следующими словами:

— ...улетая с базы АБНЗ, я не знала, в курсе ли Ровена, что вы заложники квот на лиурентин. Я боялась кому-то довериться, поэтому, пока она гуляла по столице Фортана, вечером того же дня слила в СМИ

все, что знала об операции. К сожалению, журналистов, контактировавших со мной, к утру убили, о чем сообщили в новостях. Нас с Ровеной арестовали и поместили в изолятор. Меня — за СМИ, а ее — еще и за Нофаля. Спустя две недели, на следующий день после вынесения вам приговора, нас тоже осудили и отправили сюда.

— Хая Ровена, вам есть что добавить, существенного? — продолжил допрос Райо слишком ровным тоном.

Собираясь с мыслями, она нервно стряхивала травинки со штанов и косилась на клеранцев. Затем, удивив меня, начала рассказывать не с Фортана, а с самого начала. Кто возглавлял проект «Квоты Лиура: разделяй и властвуй», когда и как ее привлекли к операции. Что конкретно она знает и даже слышала из личных источников, как все проходило. Что именно позволили раскрыть курсантке Пташко о клеранцах и деталях задания. О роликах с убийствами и насилием, которыми промывали мне мозги, убеждая в жестокости клеранцев. О моих сомнениях в виновности Райо, даже об истерике в туалете на лайнере «Вселенная радости», после которой она очень сомневалась в успехе операции.

Вечер давно сменила ночь, чернильно-черная, подсвеченная пламенем костерка и яркими звездами, наполненная шорохами и звуками природы, в лесу «каркали» птицы, а мы все говорили и говорили. Во время рассказа про мытарства на Драуне я передернула плечами и тут же оказалась в объятиях Райо. Больше того, он вразрез с пока малознакомыми мне традициями пересадил меня к себе на колени. И когда Ровена замолчала, едва слышно спросил у нее:

— Она пострадала? В вашем... как его... изоляторе или здесь?

Вот не зря у нее такая звучная хищная фамилия. Эта «вредная птица» все-таки насмешливо хмыкнула, но сразу подняла руки в успокаивающем жесте и, забыв «выкнуть», ответила:

— Твоя и только твоя, вся как есть до последнего грязного ногтя.

— Подобные темы принято обсуждать лично, между собой, а не интересоваться у... других! — вспыхнула я.

Ровена сочувствующе посмотрела на меня, тяжело вздохнула и мягко, как ребенка, попеняла:

— Дурочка, неужели непонятно, что кроется за его вопросом?

— Чистый ли мой коврик! — прошипела я, пытаюсь выбраться из рук Райо.

Ровена снисходительно покачала головой:

— Ты любая нужна! Чистая или нет, он спросил сейчас, а не до того, как объявил тебя своей нидаш. Поняла?

— Все равно, подобные вещи не принято выяснять вот так и...

Мою взволнованную речь оборвал сам Райо, пояснил глухо и буквально выталкивая слова из горла:

— Мне морально сложно спрашивать об этом у тебя. Хая Ровена не совсем права. Меня волнует не твоя невинность или чистота, а травмы. И даже не телесные, а психологические, которые тебе могли причинить. Их необходимо лечить и желательно до слияния, чтобы я не ухудшил, не навредил... когда придет время.

Меня переполнял восторг: я настолько важна любимому, что нужна любая! Но радовалась не долго, Ровена «постаралась»:

— О, хой Райо, об этом не переживайте. Вы для Эрики такая большая, двухметровая таблетка от всех болезней и печалей!

— Главное, чтобы в горле не застряла, — буркнула я сердито.

Вот чего она лезет со своим мнением? А в следующую секунду идеальная бровь Ровены медленно выгнулась, желто-карие глаза насмешливо заискрились, тут и до меня дошло, насколько двусмысленно выразилась. Тьфу-ты, пошлость какая! Даже подавилась и закашлялась. И мой двухметровый мужчина-лучшее-лекарство, посмеиваясь, мягко поглаживал меня по спине, слегка прижимая голову к своей груди.

Вдруг все подозрительно затихли. Я опасливо подняла голову и увидела, что клеранцы смотрят на небо, где разгоралось все больше звезд. Фальк зачем-то кивнул друзьям и бесшумно ушел к дальним кустам, куда они снесли все трупы. Мы с Ровеной напряженно вглядывались в темноту, в которой растаял Фальк, а мужчины, наоборот, не проявляли беспокойства. Опять что ли на охоту ушел?

А вот минут пятнадцать спустя что-то неуловимо поменялось вокруг. Воздух словно сгустился и стал текучим. Душу охватывал страх, дикий, странный... Райо с Матео, запрокинув головы и прикрыв глаза, что-то зашептали на неизвестном языке, а мы с Ровеной испуганно вытаращились на них.

— Ой! — вскрикнула она.

— Мамочки! — придушено пискнула я, вырываясь из рук любимого.

Вскочив на ноги, мы судорожно оглядывались в поиске спасения, а мимо нас к кустам, где скрылся Фальк, ползли — змеи, десятки змей!.. Толстые, длинные, черные, они шуршали в траве, поблескивали в отсветах костра, извивались на земле, вызывая омерзение и животный ужас.

— Что происходит? — закричали мы с Ровеной.

Взглянули на мужчин и содрогнулись. Если бы не любила Райо и уже не наблюдала подобное, я бы, наверное, рухнула без чувств. Ничего кошмарнее в жизни не видела: черты его лица заострились, как во время боя, клыки выступили сильнее, черные саусы набухли и пульсируют, глаза хищно светились — зверь рвется наружу.

— Сохраняйте спокойствие! За время совместного путешествия вы узнаете о некоторых наших особенностях, традициях и ритуалах, о которых Клеран не распространяется. Эрика теперь своя, но вы, хая Ровена, чужая. Вы поклялись, что вам можно доверять, вы нам друг, не враг. Так вот, этот ритуал совершается не с целью запугать вас, а вынужденная мера. Трупы за собой лучше не оставлять и не нарушать ауру этого благодатного места, давшего нам приют, пищу и воду. Богов всегда благодарят за...

— Фальк... там, благодарит богов? — прохрипела я, нервно оглядываясь.

Трава шевелится — змеи до сих пор сползаются в овраг за кустами. Что они будут делать там, с трупами, даже представлять не буду!

В золотых, сияющих глазах Райо я больше не видела угрозы или предупреждения, это касалось только Ровены. На меня же Зверь смотрел с вожделием собственника. Оскалился в успокаивающей улыбке, как он, наверное, считал, а потом опять обратился к Ровене:

— Вы никогда, никому не расскажете, о чем узнаете от нас. Вы согласны, хая?

— Да, я клянусь чем угодно, буду нема как рыба, — содрогнувшись, зачастила она. — Ни слова про все ваши секреты и тайны, даже под пытками.

Я раньше думала, что ее невозможно напугать до такой степени. Клеранцы удовлетворенно кивнули, и Матео продолжил:

— Для наших богов нет пределов и ничтожно расстояние, их частичка в каждом из нас. Любой, нарушивший клятву, данную Клерану, умирает в муках.

— Верю! — взгляд Ровены словно приклеился к злополучным кустам, где исчезали ползучие чешуйчатые твари.

— Некоторые клеранцы с рождения имеют способности. Дар! Это связано с силой внутреннего зверя, самые сильные практически всегда одаренные. Фальк аль Дан чувствует темного бога внутри больше других его последователей. Я не буду вдаваться в нюансы, что ему дает дар и какую плату забирает, но вы можете наблюдать отголоски этой... одаренности. Змеи, темные твари, не могут слушаться призыва. Сейчас он возносит благодарность за подаренную нам жизнь, отдает тела проклятых. Не живые жертвы, как видите, а трупы убийц и насильников. Чем темнее их души, тем выше ценится благодарность.

Я вскинула голову, удивленно посмотрев на Матео:

— Вы хотите сказать, что вашим темным богам не нужны невинные, про убийства которых мне несколько дней пути до Дагавы ролики жуткие крутили? А приятнее всего — душегубы?

— Вы правильно поняли, — кивнул Матео с улыбкой.

— Какой в общем-то... правильный дар у хоя Фалька, — шепнула я с некоторым облегчением.

Ровена тоже заинтересовалась суперспособностями клеранцев:

— Вы не менее сильные, чем аль Дан. Значит, тоже одаренные?

Райо усмехнулся, поднял руку и настойчивым взглядом попросил меня вернуться к нему. Я с радостью устроилась его объятиях, где так надежно, тепло и уютно.

— Я ищу пути, — усмехнулся Матео. — Любые.

— Так значит мы вам обязаны своевременным спасением? — искренне улыбнулась Ровена.

— Не совсем такие пути, но дорогу к вам прокладывал в основном я, да, — довольно признался Матео.

— А ты с каким даром? — не сомневаясь, что он есть, спросила я, с восторгом посмотрев в глаза Райо.

— Я говорил, что мой дар — политика, — по-доброму напомнил он.

— Э-э-э... и такой есть? — удивились мы с Ровеной.

— Это совокупность некоторых особенностей. Прежде всего, политик всегда должен сохранять выдержку, трезвый ум и прагматичный расчет. Уметь идти на компромиссы, не бояться лишиться меньшего, ради большего. Помимо прочего.

— И это дар? — разочарованно спросила Ровена.

Клеранцы усмехнулись.

— Хая Ровена, — вздохнул Матео, — вы забыли, нами управляет звериное начало. Большинству слишком сложно сохранять выдержку даже в обычной жизни. Одни вспыльчивы, другие подвержены сиюминутным желаниям, есть те, кто не умеет сохранять невозмутимость при поражении. Кто-то за плесневую корку удавится — что говорить про многомиллиардные контракты. Но самое сложное — проявлять уважение даже к тем, кого в душе презираешь и ненавидишь. Политики не имеют права на выражение личных чувств к оппонентам. Еще необходимо предугадывать чужие шаги, интриги и заговоры, ловушки, да много чего. Так вот, полноценный набор лучших качеств для политической деятельности — это настоящий дар. Дар Райо.

— На моей памяти, единственный раз, когда дар подвел шир Алесио, — встреча с вами, хая Эрика, — неожиданно раздался голос Фалька. Пока он шел к нам, добавил с некоторой ехидцей: — Стоило ему вас увидеть и поработать личным тренером, ясность ума напрочь отказала. Вы его как уронили тогда на маты, так все...

Райо смерил его нечитаемым взглядом, но клыками сверкнул.

Матео вступился за друга:

— Шир Алесио встретил лаили, ты видел их танец с идеальным совпадением. Его оплошность можно понять, а вот куда наши дары подевались? Мне непонятно до сих пор.

Все трое клеранцев, временно утратившие дар без уважительной причины, перевели взгляд на Ровену, которая тщательно стряхивала несуществующие пылинки со штанов, того и гляди дыру протрет.

— У вас есть сестра, хая Эрика? — совершенно неожиданно спросил Матео.

Я постаралась, чтобы мой голос был спокойным:

— Нет, шир Домак, я была единственным ребенком. Родители погибли, когда мне было двенадцать.

— Это хорошо, — изумил меня Фальк, а когда поймал мой взгляд, пояснил: — Думаю, вы понимаете, что на Землю больше никогда не вернетесь. Но не будете страдать вдали от близких и родных, лишившись возможности их увидеть. Это тяжелое бремя. Вас от него избавили боги.

— Если смотреть с этой точки зрения, то, возможно, вы правы, —

задумчиво пробормотала я.

— Может быть, еще какая-нибудь родственница?

— Увы, нет, хой Фальк. Один дальний родственник, пожилой отставной генерал, который определил меня в специальный интернат. Потом помог поступить в академию. Но и он год назад умер.

— Полагаю, обо всем остальном мы сможем поговорить завтра. Пора спать, — распорядился Райо.

— А посты выставить и очередность установить? — засомневалась Ровена.

— Спи спокойно, хая. Мы слышим звуки минимум за сто метров. Любой шорох, который выбивается из общего фона сразу разбудит зверя. Это еще одна наша особенность.

Новость меня буквально оглушила: Райо слышал, как я бесилась от ревности и признавалась в самом сокровенном! Обернулась к нему и выпалила:

— Ты слышал наш с Ровеной разговор у ручья?

И вновь, как там, он обнял ладонями мое лицо, погладил большими пальцами скулы, любуясь мной, а потом ласково попросил:

— Ложись спать, моя лаили, больше тебе не будет больно из-за меня. Я позабочусь.

* * *

Я сквозь сон почувствовала, что кто-то смотрит на меня... нехорошо смотрит! Открыв глаза, пару раз моргнула, отмечая, что уже рассвет разгоняет тьму, — и уставилась на Ровену, стоящую рядом на коленях. Она замахнулась палкой — собралась размозжить мне голову! Я вскинула руки, закрываясь от удара. Ровена дернулась, палка ткнулась в землю мимо, не задев меня, а она раздраженно зашипела:

— Чего руками размахалась, из-за тебя промазала!

— А т-ты ч-чего делаешь? — заикаясь от волнения, спросила я, приподнимаясь и шарахаясь от нее в сторону.

— Работаю! Тебя, королеву недоделанную, спасаю от кровожадных врагов, — буркнула телохранительница шепотом и, указав мне за спину, добавила, — вон, смотри, убегает...

Я обернулась. Ну да, повезло, что она промахнулась, но не мне, а

«врагу» — малиновой сороконожке, такой же, как та, от которой спасательницу позавчера ворона-мутантка избавила. Яркая мохнатая тварюшка, споро перебирая многочисленными лапками и складываясь-распрямляясь, удирала прочь. Мне даже смешно стало: кровожадная? Но сразу представила, что эта гадость могла бы залезть на меня, копошиться в волосах, (а вдруг она ядовитая!) и передернулась:

— Жуть!

— Угу! — согласилась Ровена, а потом не без зависти пожаловалась: — Никакой справедливости. Эти насекомые... фу... Мы для них как конфетка, а клеранцев они по широкой дуге облетают и обползают.

— Чувствуют опасность? — обрадовалась я.

— Нет, просто зараза к заразе не пристает...

Мы почему-то продолжали перешептываться, как ночью в интернате. Отмахнувшись от язвительного замечания Ровены, я подошла к ней, присела и, зевая во весь рот, поинтересовалась:

— Давно встала?

— С полчаса, наверное.

— Ого! И рядом сидишь?

— С тобой теперь вкусно кормят и охраняют. — Ровена повела красивыми бровями и с предвкушением выдохнула: — И билеты домой раздают!

Ну и видок у нее! Неопрятный, ой, нет, забавный, потому что сама наверняка такая же, с лохматыми, спутанными волосами в травинках, с заспанным лицом и в мятой одежде. Не по уставу! Тьфу-ты, но все равно неловко. Эх, без резинок, заколок, после дурацкого вонючего мыла, вместо шампуня с бальзамом, наши волосы скоро станут не украшением, а гнездом для флоры и фауны Драуна. Вон, уже одна претендовала. Расстроено вздохнув, я села поудобнее и попыталась привести свою шевелюру в порядок хотя бы пятерней. Заодно с иронией заметила:

— Кто бы мог подумать, что счастье прекрасной Ровены — еда и покой?

— А твое, Эрика? — криво усмехнулась бывшая напарница, а ныне телохранительница. — Если тебе не только еда и покой нужны, зачем такого престарелого перца в мужья выбрала?

— Я?.. — у меня от изумления дар речи пропал, да еще пальцы

запутались в колтунах. С усилием продрав прядь волос, я возмутилась: — Ну ты даешь! Райо всего тридцать пять! И мы, и клеранцы живем до ста пятидесяти.

И тут я про возраст Ровены вспомнила:

— А самой сколько?

Телохранительница продолжила гнуть свое:

— Да ладно, я не о том. Выбрала бы ровесника — воспитала бы его под себя. А теперь тебя будут воспитывать под чужие вкусы. Чувствуешь разницу?

— Чувствую, хая Ровена. И слышу вас тоже отлично. — Позади нее словно призрак вырос «престарелый перец».

Вскинув взгляд на Райо, я привычно замерла от восторга. Даже волосы, до этого не желавшие приводиться в порядок, мистическим образом выпрямились под моими пальцами. Сложив ладошки на груди, я со счастливой улыбкой смотрела на любимого. Вспоминала...

Ночью мне снились кошмары, трупы убитых мной мужчин, прыжок из шаттла в небо, темные спины морских чудовищ под ногами, Райо, с холодным презрением отворачивающийся от меня, кровь повсюду. В какой-то момент я проснулась, задыхаясь, в холодном поту, с колотящимся сердцем — и оказалась прижатой к его груди. Потом заснула, убаюканная теплом и мерным стуком сердца моего любимого Зверя. Ночью, от усталости и в плену кошмаров, я не оценила нашей близости, заботы, с которой меня обнимал Райо. А ведь теперь это кажется таким интимным моментом.

Сейчас все разом вспыхнуло в памяти, согрев мои щеки. А наш поцелуй у ручья и купание! И то как он хорош сейчас — обнаженный по пояс, в низко сидящих на бедрах штанах, с мускулистым торсом в искрящихся на солнце капельках воды. Успел сходить к ручью. Ветер принес вкусный запах дымка — они уже и завтрак всюю готовят. А я тут лежу... И впрямь, недоделанная королева под охраной.

Горе-телохранитель невольно пригнула голову. Ну да, развлекаться за мой счет она позволила себе пока в лагере не было клеранцев и прокололась — не заметила, что один из них вернулся. Натянуто улыбнувшись, она проворковала:

— Ой, а мы тут о всякой женской ерунде болтаем с Эрикой. Доброе утро, шир Алесио!

— Доброе. Я уже понял, но хочу предупредить: болтать лучше

вечерами, а не днем. На Драун свозят в основном сброд с Земли и ее колоний, других иномирцев здесь мало. Ваша раса не любит темноту, поэтому только по ночам мы можем чувствовать себя в относительной безопасности.

— Есть! Молчим и не мешаем вам слушать и охранять! — излишне услужливо и шепотом отрапортовала Ровена.

Конечно, Райо заметил, какое впечатление произвел на меня. Тряхнул мокрой головой, отчего капельки разлетелись в стороны, а затем плавно опустился возле меня на колени.

— Доброе утро! — хрипло шепнула я, наслаждаясь его вниманием и... сильнее разгорающимся пламенем в глазах.

— Видеть тебя рядом — действительно добрый знак, Эрика! — ласково улыбнулся он, взял меня за талию и потянул к себе.

Коснулся моих губ нежным поцелуем. Всего несколько секунд, когда забываешь обо всем на свете, кроме вкуса теплых губ любимого, забываешь, как было жутко еще вчера, мечтаешь продлить этот сладкий миг хоть чуть-чуть...

Но, увы. Райо медленно отстранился и выпустил меня из объятий. А я невольно тянулась к нему как мотылек к свету, не могла насытиться светом его глаз. Он рвано, с сожалением выдохнул, не удержался и поцеловал меня в щеку, погладил другую, которой не досталось ласки его губ. Я накрыла ладонь Райо своей, чтобы теснее прижать ее к коже, наслаждаясь близостью. Мы заглянули друг другу в глаза и еще долгий миг любовались. Его глаза не просто сияли — полыхали.

Я даже не сразу поняла, о чем он сказал, вставая:

— Пойдемте, умоетесь и приведете себя в порядок. Матео потрошит кролика, скоро будет готова еда.

Я с удовольствием последовала за ним. Раз я теперь тень, надо соответствовать новому статусу. Будущая нидаш! Не знаю, что там на Клеране, а на Земле в свои двадцать два я настоящая «не дашь», девственница.

— А хой Фальк где? — поинтересовалась я не попавшимся на глаза клеранцем.

— Проверяет округу. — Нежная улыбка вмиг сползла с лица Райо, на меня он посмотрел с некоторым подозрением, ревностью что ли.

Под этим «звериным» взглядом у меня непроизвольно поползли брови на лоб — ревность на себе испытывать еще не приходилось. Но,

похоже, Райо прочел все по моему лицу, приглушил свое пламя и вернул мне улыбку.

— Все же любопытный перевод названия вашей планеты — хищное сердце. Говорящее... — насмешливо блестя глазами, тихо, словно размышляла вслух, заметила моя смелая телохранительница.

Эту женщину никто и ничто не способно утихомирить! Райо поджал в попытке скрыть раздражение тонкие губы, невольно показав кончики клыков, тяжело вздохнул, потом, приобняв меня за талию, повел к ручью.

Видимо, вчерашний разговор и клятва Ровены изменили расстановку сил в нашей группе. Потому что сегодня Райо проявил больше доверия к моей телохранительнице: оставил досыпать под ее присмотром и сейчас повернулся к нам спиной, хотя по его напряженной фигуре было заметно, что трудно ему это дается, больше напоказ, чем искренне. Но майор Гриф прониклась: расслабилась и деловито руководила мыльно-рыльными процедурами, чем напомнила мне сержанта в академии, только чересчур заботливого. Райо, какой же он замечательный, принес нам расчески и пару шнурков. Благодаря чему мы привели в порядок и волосы. К завтраку возвращались образцово-показательными чистюлями с заплетенными от макушки косами-колосками, а не кое-как собранными и быстро расползающимися лохмами.

Спутники оценили перемены в нашей внешности приветливыми улыбками, как и мы — аппетитно булькающую на костре кашу и восхитительно пахнущее мясо очередного кролика. Жаль, конечно, зато в этот раз одного.

Пока ждали завтрак, я отметила один любопытный факт: чтобы я не делала, Матео и Фальк всегда смотрели мне в лицо. Их взгляды ни вчера, ни сегодня ни разу не опускались ниже моего подбородка, либо, не останавливаясь на деталях, скользили мимо. Хотя любой нормальный мужчина невольно мог бы засмотреться на мою упругую грудь, не сдерживаемую нижним бельем и прикрытую лишь тонкой тканью майки. В общем, оба клеранца держали взгляды «поверху», а вот с Ровеной вели себя свободнее — любовались ее великолепной фигурой, правда без пошлости. Видно, ничто земное мужское им не чуждо, но не я в качестве объекта внимания.

Райо, наоборот, при разговоре всегда смотрит ей в глаза, «в быту»

практически не замечает. А меня, кажется, может разом объять всю полным желанием и нескрываемо собственническим и горячим взглядом. Частенько следит. Такое поведение клеранцев не бросается в глаза, скорее у них это на подсознательном уровне происходит. Будто один зверь занял территорию, а понятливые «соседи» обходят ее стороной, чтобы не вызывать сомнений в своих намерениях. Еще мы с Райо с вечера наблюдаем друг за другом, не скрываясь, но и не пристально. И таким образом по ходу дела выясняем друг о друге все, что удастся.

Завтракали мы всем составом. Думаю, вчера мужчины опасались, что обделят нас, поэтому ждали и потом подчистили все. А сегодня либо не настолько голодные, либо решили обойтись без церемоний.

Обгладывая с кости мясо, я заметила, как Райо почти по-кошачьи выпустил коготь и вскрыл упаковку с галетами. Не выдержала и спросила:

— Простите, если покажусь вам излишне любопытной и навязчивой, но уж очень интересно, как происходит ваша трансфигурация? Вчера крутилось это в голове и уже хочется узнать как?

Ровена вперед подалась, превратившись в слух и зрение, — похоже, нас обеих терзает любопытство. Клеранцы переглянулись, усмехнулись, Фальк повел носом, словно пытался спросить у ветра: есть ли у нас время на лишние разговоры или нет ли рядом врагов?

Матео неизменно сжалился над нами:

— К сожалению, все возможности нынешней трансфигурации нашей расы вы видели вчера в бою: когти, клыки, немного видоизмененная челюсть, усиление органов обоняния и все. У нас более пластичные связки, иначе работает эндокринная система, которая обеспечивает одномоментный мощный выброс гормонов, отсюда физические изменения. Ненадолго, но, как правило, этого хватает, чтобы вместе с глотками вырвать победу у противника.

— А как же раньше было? — расстроилась я. — Нам рассказывали, что вы полностью меняли внешность, превращаясь в настоящего зверя. Как... наши волки. Простите, в СМИ вас постоянно сравнивают с оборотнями из земных сказок. Некоторые ученые предполагают: может быть когда-то древние-преддревние цивилизации, исчезнувшие на Земле до нынешнего человека разумного, имели какие-то иные источники знаний о вас и, возможно, переносились сквозь пространства без

звездных кораблей...

— Такие же сказочные теории, как и те псевдоученые, — проворчала Ровена.

Я смущенно поморщилась:

— Но ведь интересные предположения.

Райо дожевал кусок мяса и тыльной, чистой стороной руки, с нежностью погладил меня по щеке перед тем как пояснил:

— Клеран и наша звездная система гораздо старше Земли. Возможно, какие-то сказки и имеют под собой реальные основания. Что касается трансфигурации, то ты близка к истине. В древности любой клеранец мог полностью менять внешность, но к вашим волкам-оборотням это никакого отношения не имеет. Полная трансфигурация — это та же двуногая, прямоходящая особь, которая изрядно увеличивается в размерах из-за резкого скачка мышечного объема и трансформации конечностей и головы, плюс покрывается жестким волосяным покровом, который защищает кожу. Если грубо: огромный, темный, волосатый, клыкасто-когтистый монстр, которым управляют звериные инстинкты. Он способен лишь убивать, с ним невозможно договориться. Это темная сторона любого из нас. С давних времен повелось, чем сильнее зверь внутри клеранца, тем выше его статус. Из сильных набирались военные отряды, да и сейчас наша армия состоит из тех, в ком больше чувствуется зверь.

— Почему? Если они все равно теперь, по вашим словам, трансформироваться не могут? — удивилась Ровена.

— Вокруг самых сильных легче формировать сплоченную команду, более слабые ощущают силу вожака и готовы идти за ним в огонь и воду в случае опасности, — ответил Фальк.

Мне показалось, он неспроста это сказал, а знает из личного опыта. И взгляд Ровены, которым она «обласкала» громилу Фалька, дал понять, что и она так решила. Но, пожав плечами, заметила:

— В принципе, у нас так же поступают.

Завтрак закончился и мужчины начали собираться в путь. Знаю: трудный путь.

Я осторожно спросила:

— Нам долго идти?

Райо оглянулся, нахмурился, но оказалось не из-за моего вопроса:

— Возьмите ножи. Воспользуетесь в крайнем случае. Никуда не

лезьте! Идем к океану...

— Ищем там свободную и, главное, пустынную площадку? — поделовому уточнила Ровена.

— Возможно, — кивнул Райо.

Ровена явно с трудом удержалась от радостного писка, словно она не майор АБНЗ, а девочка, которой долгожданную игрушку на Новый год подарили. Упорно считает, что там нас непременно должны «спасти».

А я, наблюдая за сборами, решила продолжить о трансфигурации, благо никого не отвлекала от дел:

— Неужели сейчас на Клеране никого больше нет, кто сумел хоть разок полностью сменить форму?

Райо собрал мешок, потряс его, проверяя надежность узлов и затем немного отстраненным голосом ответил:

— Мы слишком сильно разбавили свою кровь, когда начались первые контакты с Лиуром и другими расами. Лишь много лет спустя наши ученые определились со списком рас, смешение с которыми не влечет изменений генома у наших потомков.

— Помню-помню, вы говорили. И земляне на первом месте? — подключилась Ровена.

— Не на первом, но в тройке лидеров, — подтвердил Райо. — Поэтому сейчас утрата способности к полной трансфигурации, возможно, к лучшему. Большая часть наших традиций, обычаев и уклад, особенно в отношении женщин, связаны именно с трансфигурацией и потерей зверем разумности. Часто бои были именно из-за женщин, мужчины не могли поделить одну, в итоге ее забирал сильнейший.

— Последняя полная трансфигурация произошла триста лет назад, — пробасил Фальк. — В пылу боя погибла спорная женщина. Тот, кто любил ее по-настоящему, всем сердцем, сошел с ума и трансформировался. Убил соперника, наблюдателей, затем призвал более слабых сородичей и накинулся на законников, тогда много народу погибло. А потом отщепенца с призванными убили.

— Любите вы, хой Фальк, напустить жути, — поморщилась Ровена.

— Что за призванные? — хрипло спросила я. Ну и страшные сказки у клеранцев!

— Зверь, способный на полную трансфигурацию, очень силен. Его клич воспринимается как призыв вожака. В древности именно вожаки

становились центровыми фигурами теров, основателями родов и огромных социальных групп. Часто именно клич вожака помогал более слабым клеранцам менять форму, будил звериные инстинкты. Вожак всегда впереди, призванные следуют за ним, куда бы не позвал.

— Прямо как отец родной? — хихикнула Ровена.

— Если приуменьшить, — отозвался Матео.

— А хотя бы частичные были? — не унималась я. — Пусть не сильно волосатые...

Клеранцы обошли лагерь, проверили, все ли забрали нужное, спрятали на дереве ненужное и выдвинулись. Покидая поляну, Райо ответил:

— Лет сто назад была неполная, но приличная трансфигурация. У военного, в пылу боевых действий. Тогда он спас свой отряд от неминуемой гибели и вошел в историю как герой. Правда, долго не прожил, в очередной передрыге увлекся, оторвался от своих и погиб.

— У вас есть счастливые примеры? — разочарованно выдохнула я.

— Конечно! — усмехнулся Райо. — Я же нашел тебя, даже на Драуне.

— Ну... если смотреть с такого ракурса, то согласна, — улыбнулась я.

— Все, хаи, теперь играем в молчанку! — приказал Райо.

До обеда мы почти безостановочно продвигались в сторону океана. Впереди всегда шел Матео, его никто не отвлекал и не задавал вопросов, когда он замирал, словно пес мотал головой и крутился на месте. А уже спустя минуту мы продолжали путь, ступая след в след, иногда пригибаясь или даже крадучись, но в хорошем темпе. Пару раз однозначно натыкались на группы бандитов, даже мы с Ровеной слышали громкие голоса, хохот или крики. К ним мы не выходили, от встреч тщательно уклонялись — клеранцев больше не интересовали чужие запасы и трупы для жертвоприношений.

Один раз вышли к лагерю с мертвецами. Трех бедолаг настигла смерть, судя по всему, вчера. Как и мы кто-то дрался за место под солнцем, но нам повезло, а этим — нет. Внутри все сжалось от страха и боли, но хоть не чувствовалось безнадеги, мучительно тупой и разрушительной. Рядом Райо, Ровена и Матео с Фальком! На душе тревога за наше благополучие, а не тоска и безысходность.

Вскоре я ощутила знакомый запах и радостно выдохнула шепотом:

— Океан близко!

Матео замер, смотрел вперед, но словно в пустоту. Наконец он отмер, поморщился и с досадой поделился:

— Ощущения — как на «Вселенной радости» перед Фортаном. Тревожно, но тянет туда.

Трое клеранцев почему-то задумчиво-изучающе посмотрели на меня. Райо взял мою руку, коснулся пальцев губами, а потом обратился к друзьям на клеранском. Минуту они беседовали и наконец пришли к соглашению.

— Что происходит? — забеспокоилась Ровена.

— Будьте предельно внимательны! — приказал Райо, смерив меня нечитаемым взглядом. Нервничает из-за меня.

Мы с Ровеной, как по команде, сжали рукояти ножей, закрепленных на поясе штанов.

— Только за нашими спинами, понятно? — неожиданно глухим и суровым тоном напомнил Фальк, глядя на Ровену. — Чтобы ни случилось, без приказа ни шагу!

— И слушаться беспрекословно, — подтвердила она.

Минут через десять, быстрым шагом миновав каменистый суглинок, мы выбрались из зарослей на широкий песчаный пляж, ограниченный каменными выступами. Была бы на курорте, восхитилась красотой желтого мелкого песка, изумрудной полосой воды и белыми барашками волн. Справа каменный кряж сильно выдается на берег, перед ним длинная отмель или коса, наверное, из-за отлива показавшаяся. Слева другая каменная стена подпирает уютную естественную бухточку. Вода, набегающая на берег рядом с нами, невольно манит снять ботинки и пройтись по песочку босиком, давая отдых уставшим ногам, но приходится жестко пресекать желание расслабиться.

— Райское местечко... — Мы с Ровеной передернулись, вспомнив про фауну драунского океана.

Хорошо запомнили, как бурлила вода, окрашенная кровью не успевших выскочить на берег бедняг или вовремя избавиться от парашюта. Я догадалась, почему клеранцы шли именно к океану: поисково-спасательные работы будут вестись здесь, а может и уже идут вдоль береговой полосы. Так проще ориентироваться на этом огромном острове-материке. И если бы не затеянный Ровеной побег-самоволку,

прыщ ей на наглый нос, возможно, нас бы уже давным-давно спасли. Хотя не факт, что тогда бы ее забрали с Драуна, а сейчас она успела выторговать себе билет на свободу.

Но поразмышлять на тему «что было бы, если...» я не успела, сначала напряглись клеранцы. Из-за шума волн тоже далеко не слышали, но, вероятно, сработала по-настоящему звериная интуиция. Мы одновременно увидели выбежавших из-за правой скалы троих заключенных в болотных робах. Новоприбывшие неслись как ошпаренные, через несколько секунд следом за ними показалась слаженная команда аборигенов с копьями.

Клеранцы выругались на своем, мы ринулись обратно к зарослям. Но добравшись до них, остановились, поскольку навстречу, раздвигая ветви, выбиравались усмехающиеся при виде нас, женщин, общинники. Всего семеро, не более. Не новички, даже сомнений не возникло, у них одежда самая разномастная — убитые штаны, майки, у некоторых на голове чалма.

Первая мысль, что с таким числом мы быстро справимся впятером, а вторую — злобно выдохнула Ровена:

— У него лазер...

Клеранцев держали на прицеле, а нас с Ровеной в расчет не взяли. По меньшей мере, странно видеть такую беспечность со стороны матерых преступников с учетом того, каких на Драун женщин свозят. Но нам ли критиковать чужие ошибки? В ожидании удобного момента для атаки мы медленно, плавно отступали к воде. За это время еще пятеро старожилы буквально как добычу пригнали к нашему замершему в ожидании отряду трех новоприбывших зеков.

Лазером вооружен один бандит, но и это обстоятельство препятствует срочным контрмерам. Слишком велик риск. Райо собой заслонил меня от врагов, но я всем телом ощутила прицел лазера и в душе плакала от страха. Слишком отпечатался в памяти смертельный луч, словно масло резавший стальную переборку, тела бедняг, закрепленных в скрепку, заваливавшийся шаттл, вылетающие в люк уцелевшие заключенные. А внизу сплошной океан и хищные твари...

Тот, что с лазером, поманил меня пальцем:

— Детка, иди ко мне.

— Нет! — категорично отказала я. — Я следую лишь за мужем.

Мужик понял, кто из троих клеранцев мой, криво ухмыльнулся и

направил на него лазер. Наши спутники напряглись, похоже просчитывая варианты атаки, а я громко, чтобы не мешал шум прибора, четко заявила:

— Убьешь его, я успею нырнуть в воду!

— Чтобы тебя тут же сожрали? — с сарказмом выплюнул поделщик «лазера».

Я равнодушно пожала плечами, снова накатила знакомая предбоевая апатия.

— Мне все равно без него не жить.

— Поверь, детка, таким красавицам у нас в общине окажут самый достойный прием.

— Мне все равно, — повторила я сквозь зубы, отступив в воду еще на шаг.

Волна окатила ноги до колена, вода попала в ботинок, но пока еще глубина не опасная.

— Неш накажет, если не приведем всех в лагерь, — предупредил один из вооруженных и опасных охотников по нашу душу.

— А мне плевать на Неша, я долго ждал своего часа! — разозлился «лазер».

Похоже, оружие вскружило ему голову. Так и прет вседозволенностью и всемогуществом.

— Гал, сход назначил Неша командовать отрядом. Если он обещал наказать — сделает. Сам знаешь! — мрачно добавил другой общинник, но нет-нет, да позыркивал плотоядно в нашу сторону.

Ясно: двенадцать общинников — это лишь часть наверняка большого отряда, который, где-то здесь рыщет в поисках новичков для расширения биоматериала, либо отдыхает в лагере неподалеку. Оба варианта для нас крайне опасны. Если бы не лазер в чужих руках, с группой в двенадцать человек наша подготовленная пятерка справилась бы с минимальным напряжением.

Спины клеранцев словно окаменели. И тем не менее, они почти незримо отдалялись друг от друга, увеличивая расстояние для маневра. Рядом глубоко, громко вздохнула Ровена. Взгляды большинства мужчин устремились на ее грудь. И эта кошка, которая всегда падает на четыре лапы, женственно повела плечами, еще больше распалая мужской интерес. С укором посмотрела на Гала, самого вооруженного здесь, безмолвно, одними глазами, обвиняя, что ее, такую прекрасную и

желанную «не заметили», обделили вниманием.

— Мальчики, — мурлыкнула она. — Эта детка — замужняя госпожа, к чему вам ненужные базары? А я? Почему мне не предложили достойный прием и должное уважение? Чем я хуже? Где ваш командир, я хочу выразить ему свое личное возмущение подобным неуважением и беспределом. Это не по понятиям!

Один из зеков, сплунув под ноги, обозвал ее непроизносимым в приличном обществе словом, но затем уточнил:

— Что ты вообще знаешь о понятиях?

Дальше Ровена однозначно завладела общим вниманием: выдала такую заковыристую и малопонятную мне злобную речь, которую при переводе обычно указывают как сложный идиоматический оборот или ненормативную лексику. У меня с этой терминологией — полный ноль, клеранцы тоже в недоумении, а зеки, напротив, прониклись. Одобрительно усмехнулись и чуть расслабились.

Гал перестал пялиться на меня, дав Райо передышку, и практически защебетал с Ровеной. Та скользнула к нему ласковой кошечкой и, хихикая над его дебильными шуточками, встала рядом с ним. К сожалению, этот параноик дураком не был и, даже улыбаясь, держал нас и ее на прицеле. Ну хоть стрелять этот главный отморозок передумал.

Прежде чем мы двинулись в сторону лагеря, клеранцев, оперев в них «дуло» лазера и наконечники копий, заставили отбросить ножи в сторону, их тут же с заметным облегчением и опаской подобрали конвоиры. Я же мысленно злорадно хмыкнула: «Видели бы вы, как вчера наши мужчины с десятков выроdkов искромсали одними когтями!»

И снова изумилась: нас с Ровеной лишь ощупали взглядами — не стали проверять пояса и ботинки на предмет наличия колюще-режущего, которое мы с утра прикрыли майками и полами рубашек. Неужели у нас настолько беззащитный вид или аборигены «страдают» редкостной беспечностью и самонадеянностью? Ну или не захотели вести боевые действия, даже численно превосходя пленников-мужчин вдвое. Еще, наверное, в курсе, насколько болезненно «звери» воспринимают выпады в сторону своих женщин, а я о своем статусе прямо заявила. Вывод напрашивался сам собой: конвой решил довести нас как есть, точнее, хоть как-нибудь, до лагеря, где рассчитывает на силы других общинников.

«Драунское воинство» наконечниками копий указало нам направление дальнейшего движения. Клеранцы раздумывали долгое мгновение, затем Райо, не оборачиваясь, протянул мне руку. Я, не теряя времени, вложила в нее ледяную ладонь и вышла из воды. Его пальцы сжали мои. Несмотря на страх, сковавший внутренности, я не сомневалась в клеранцах. Чувствовала их уверенность, но не могла понять, чего они ждут, почему еще не бросились на врагов как вчера, сметая с ног. Боятся за нас с Ровеной? За меня? Или у них иной план, связанный с супердарами? Ведь не просто так Матео испытывал сомнения, однако мы продолжили путь к океану.

Нас и трех беглецов под конвоем вели вдоль берега обратно к скале, из-за которой появилась погоня, уведомив, что идти до лагеря недалеко. Спустя пару минут Ровена бросила внимательный взгляд на Райо, поймала его одобрителный «кивок» глазами и, словно ощутив второе дыхание, защебетала еще активнее и громче. Я согрела ладошку в руке Райо и набиралась от него уверенности. За наши жизни я готова даже к черту на рога, а не только к большой драке!

И пленные, и конвойные были на взводе — первые постоянно напряженно и нервно оглядывались по сторонам, вторые дергались, опасаясь приблизиться к суровым клеранцам. Гал шел с Ровеной, кажется, зачарованный и заинтересованный настолько, будто никогда в жизни никого подобного не видел, ну или здесь одичал. Зря, ядовитую змею к себе опасно приближать — укусит из вредности! Только подумала — вокруг меня все завертелось и понеслось...

Стоило Галу крикнуть от боли, сгибаясь от удара в живот, Райо повалил меня на землю и в мощном прыжке перемахнул полуопущенные копыя. Вскрики, булькающие стоны, звуки ударов и ломающихся костей... Пока я послушно лежала, уткнувшись в песок, с минуту отчаянно споря с самой собой: встать или не встать, бой закончился. Уйти удалось одному конвойному. Ровена грязно ругалась, рассматривая оружие: поздно выяснила, что лазер нерабочий и не смогла «снять» сбежавшего аборигена, чтобы не предупредил своих.

Сидя на песке, я с тяжелым сердцем оглядывала побоище. Дошло, что клеранцы все время «слушали» ситуацию, а не только треп Ровены, и готовились атаковать. Ровена успела обезоружить Гала, а убил его Фальк. Двое «беглецов» пытались справиться со здоровяком конвоиром, в итоге все трое в пылу драки оказались в воде, забылись — и все, на

берег набегают окрашенная кровью волна. Третьего «беглеца» проткнули пикой конвойные и сами полегли усилиями клеранцев. Ножи у них не самое ходовое оружие.

Клеранцы подошли к Ровене, коротко, почти церемониально поклонились, и Райо выказал наше общее признание ее заслуг:

— Хая, мы благодарны вам за помощь, ваша находчивость и смелость — выше всех похвал! Мы у вас в неоплатном долгу.

— Ой, да ладно, чего уж там, свои люди — сочтемся, — махнула она ручкой.

— Расскажешь мне, что означает та заковыристая фраза, которой ты сразила всех? — попросила я, запрокинув голову. — Вдруг пригодится...

— Нет! — мрачно оборвал меня Райо. — Тебе не пригодится!

— Надо уходить, один ушел, приведет остальных, — скомандовал Фальк.

Райо поднял меня на ноги, подержал несколько мгновений, коснулся губами уголка моих губ и повел прочь из «райского местечка».

* * *

Влажный теплый ветер треплет пряди волос, выбившихся из косы, грозно шумит океан. Мы быстро идем по мокрому песку у самой кромки воды в обратную сторону. По пути подобрали наши почему-то не пригодившиеся общинникам вещи. Неужели их оставили валяться, потому что клеранцев попросту вычеркнули из списка живых? Ждали подкрепления из лагеря, опасались.

Жизнь в последнее время все больше походит на кошмар, из которого мне никак не вырваться. Да, я военный, но часто ли такие «секретарши», сталкиваются в реальной жизни со смертью лицом к лицу? Участвуют в боях? Разок, наверное, за всю профессиональную деятельность, а потом им годами оплачивают походы к врачам и компенсации за нанесенные психологические травмы. О чем я думала, когда соглашалась сотрудничать с АБНЗ? О деньгах и теплом местечке? Смотри, Пташко, не поджарься на Драуне, куда уж горячее, чем вариться в собственных кошмарах не во сне, а наяву.

И все-таки моя рука в сильной, загорелой руке Райо и он крепко держит ее. Пять дней на «Вселенной радости», потом Фортан, суд, теперь настоящий ад, а он рядом. Тащит, словно на буксире, прикрывает собой, кормит и защищает! Чем я заслужила? Откуда взялись его чувства? Вроде и не скрывает собственнические замашки, но при этом неизменно проявляет уважение, не поддельно-показное, а искреннее, какое чувствуешь каждой клеточкой. Почему любит меня, даже сейчас, лохматой, с обветренным, перемазанным в грязи и крови, обгоревшим на солнце лицом, испуганной и постоянно сомневающейся? Наверное, даже жалкой, но уверенной лишь в одном: я люблю его больше жизни!

За что он любит меня? Неизвестно...

Берег начал сужаться, песок стал более рыхлым и вязким, подошва утопала — идти стало тяжелее. Я бросила косой, напряженный взгляд на своих спутников. Затем ощутила, как сжалась ладонь Райо на моей, когда впереди идущий Матео, обернулся и с тревогой посмотрел на своих друзей:

— То, что подгоняет, совсем близко. — И неожиданно предложил:

— Либо игнорируем и бежим, либо готовимся.

— Поздно! — Райо дернул меня за руку и рванул к каменному выступу, высокому и каменистому.

Я нервно крутила головой. Только бы кто-нибудь нам на головы не свалился. Клеранцы отбросили мешки и выхватили ножи — а в следующее мгновение на пляж хлынула толпа мужчин в разномастной одежде, не новички, все «бывалые», с копьями. С трудом удержалась, чтобы тоже не вытащить нож, приказав себе помнить, что я — тень, не всего лишь, или только, а полноправная, практически официальная нидаш, которая обязана следовать за своим даш. Надо оправдать доверие моего мужчины: не вступать в драку, вверить ему свою жизнь. Не знаю, каково быть с ним в раю, но как же тяжело следовать за ним в пекло, если руки так и чешутся схватить нож.

Толпа аборигенов приближалась, словно стаю хищников в ловушку загоняла. Среди них я заметила конвойного, который привел подмогу. Гаденьш! Мокрый от пота, запыхавшийся, он пытался вернуть себе уверенный вид и выровнять дыхание. Пересчитав силы противника, я ужаснулась: тридцать один боец с пиками, ножами, один угрожающе закручивает пращу, того и гляди — вырубит булыжником.

Разномастное, но от того не менее грозное воинство рассыпалось напротив нас полукольцом. Бросаться в бой сразу не решалось — по-видимому, слава непревзойденных бойцов клеранцев и сюда докатилась. Среди общинников выделялась занятная парочка, приближавшаяся к нам чуть медленнее остальных: высокий, крупный мужчина в светлой легкой одежде и повязкой на голове, похожей на восточный тюрбан; за полу его длинной рубахи схватился... ребенок, наверное. Под длинной серой туникой, полностью скрывающей щупленького ребенка и тюрбаном, прикрывающим и нижнюю часть лица, сложно определить пол.

Ребенок в этом аду? Среди убийц и маньяков? Немыслимо!

Раздался облегченный взглас Матео:

— Наверное, это то, что меня мучило!

Одновременно с ним ближайший к нам бандит, крикнул мужчине в тюрбане:

— Неш, смотри как повезло, богатый улов! Целых две русалки!

Командир отряда Неш подошел ближе, ребенок, словно маленькая тень, не отставал. У меня екнула страшная догадка: девочка! Слишком

большие и красивые серые глаза, грациозная походка, хотя ей лет восемь, не более. Дальше начались удивительные дела как для меня, так и для «загонщиков».

Сначала я разглядела саусы на лице бандитского главаря. В следующий момент, окинув желтым цепким взглядом наш отряд, он обратился к моим спутникам на клеранском, при этом они обменялись какими-то жестами. Из их разговора я четко уловила «нидаш», когда Райо приподнял наши руки с переплетенными пальцами. Неш поклерански взглянул мне в лицо, сверкнул янтарными глазами, вежливо кивнул и тут же вернул внимание землякам. Заметно, что он взбудоражен нашей неожиданной встречей — не ожидал встретить на Драуне соотечественников. Даже не мечтал, судя по его напряженному и взволнованному виду.

— Чего ты с ними раскланиваешься? — возмутился гад, которому удалось сбежать. — Они всю братву положили. По понятиям теперь любой достойный имеет право на этих баб!

— Закрой рот! — жестко приказал ему Неш.

— Достойный? — ровно переспросил Райо.

По его руке, сжавшей мою ладонь, я поняла, что мой любимый на пределе.

— У кого длиннее и крепче, тот и достойнее, — хохотнул другой бандит.

Райо приподнял темные брови в снисходительном удивлении:

— Я всегда считал, что достоинство выражается размером ума или, к примеру, силой духа и впервые слышу о его измерении длиной гениталий.

— Зверь, я про кулаки говорил и оружие, — потрясая копьем, отозвался твердо настроенный заполучить одну из «баб» бывший беглец.

Неш обернулся к своему наглому подчиненному, отцепил ручку девочки от своей рубахи и указал ей остаться на месте. Смерил хмурым взглядом земляков. Затем почти по-кошачьи плавно и угрожающе направился к общинникам.

— Глюк, эти... бабы — неприкосновенные. Мелкая — нидаш, попробуешь забрать — станешь мертвецом. Хочешь?

— Черта с два они неприкосновенные! Ты снюхался со своими, готов предать законы общины, или я гоню пургу? — рыкнул Глюк,

отодвигаясь от клеранца и направляя на него копье. — Одна моя, мы первые их нашли, я все сказал!

— Неша сход назначил главным, с чего это ты, Глюк, баб делить начал под себя? — возмутились другие общинники.

Пока шел «базар», Ровена успела бросить взгляд на Райо. Ясно, ждет приказ. Я тоже напряглась, но наши мужчины молча следили за развитием ситуации. Девочка, трогательно обняв себя ручками, замерла в нескольких шагах от нас. Слишком маленькая и беззащитная на фоне скалы и грозных озлобленных мужчин, окружающих нас со всех сторон. Вряд ли клеранец оставил бы свою нидаш в опасном месте, среди голодного тестостерона, тем более. Ребенок ходит за ним попятам, значит, мамы у него нет. Скорее всего, за пару минут Неш успел обсудить с соотечественниками дальнейшие действия. Я надеюсь, что он на нашей стороне. В случае чего.

— Не вмешивайся, чтобы не происходило! — едва слышно приказал мне Райо. Потом добавил: — Ребенок на твоём попечении.

Неш заметно нервничал, большинство в его отряде требовало сейчас же убить клеранцев, а потом «честно» поделить баб. Наконец, он кивнул, и под настороженными взглядами убийственно кровожадных бандитов направился к девочке. Только смотрел он не на нее, а в глаза Райо.

— Всем... один... — тихо произнес Райо.

— Есть, — отозвалась Ровена, плавно переместившись ко мне.

— Есть, — я догадалась о начале боя и впила взглядом в девочку.

Неш подошел к ней, приподнял, что-то шепнул и резко толкнул к нам.

— Предатель, — закричали бандиты, догадавшись, что Неш принял нашу сторону.

— Три! — рыкнул без «два» Райо, кидаясь вперед.

Девочка влетела в мои руки, подхватив ее под мышки, я ринулась обратно к скале. Ровена прикрывала нас и, не отходя, «ковала железо пока горячо»: успешно метнула пару лишних ножей, которыми обзавелась на пляже полчаса назад, и объявила:

— Минус два! Мне премия положена за очистку Драуна от человеческого мусора. Вот выберусь отсюда, позабочусь о ней.

Черный юмор, но подруга придала мне уверенности. Я спрятала девочку за спину и прижала к каменной стене. Слишком много врагов

против четверых клеранцев, слишком сильны наши враги — матерые преступники, опытные, привыкшие к боям без правил, подлости и обманкам, убийцы! Опять крики боли, стоны, кровь, свернутые головы, звуки ударов...

Мне было невероятно сложно устоять на месте, смотреть и обмирать, понимая, что каждая секунда для Райо может стать последней, и заботиться лишь о том, чтобы к нам с девочкой никто не подобрался близко. Увы, мы с напарницей недолго наблюдали за страшной рукопашной схваткой. Она первой вступила в драку, билась как одержимая, а я пустила в дело ножи, пусть и везло через раз. Вскоре боевые действия разбились на отдельные группы, центрами которых стали клеранцы.

Ровену вынудили отойти от нас, буквально вытолкали пиками. Она упала под натиском сразу двух бойцов и забилась в попытке освободиться. Услышав ее рев, я ринулась к ней — а через мгновение меня обезоружили и потащили прочь от ребенка. Дергали, хватали, зажимали волосы в кулак, обездвигивая. Я сопротивлялась, визжала, брыкалась, кусалась и извивалась как змея; в ушах звенел плач ребенка.

А дальше время словно остановилось. Краем глаза я увидела, как Райо прижимают к песку сразу трое, заламывают ему голову назад, пытаясь сломать позвоночник. Он весь в крови, жилы вздулись и смотрит в диком отчаянии прямо на меня, как смертельно раненный зверь. Еще миг, всего один взмах ресниц — и реальность изменилась. Райо содрогнулся всем телом, его глаза вспыхнули, фигура резко увеличилась, раздулась, еще и еще, а дальше те, кто прижимал его к земле, кеглями разлетелись в стороны.

Шум боя перекрыл яростный рев монстра, который угрожающе поднялся на ноги. Тот самый, огромный, мощный, покрытый черной блестящей шерстью, с деформированными конечностями и вытянутой звериной головой. Перед нами объявился монстр, нет, сам бог Анубис из древнеегипетских мифов. И спустился он на Драун не проводить души умерших, а лично отправить неугодных живых в загробный мир.

Я больше не вырывалась, да и меня удерживали по инерции, все тарасились на самый жуткий кошмар, который только может представить человеческое воображение. А монстр, когда-то бывший моим Райо, запрокинул морду и исторг нечеловеческий гортанный рев.

Призывный рев...

Не успел заморозивший все внутренности потусторонний рык затихнуть, ему начали вторить еще три глотки, не таких могучих, но не менее яростных. Удерживавшие меня изверги нервно оглянулись: вместо Матео, Фалька и Неша объявились чудовища попроще, не прошли полную трансформацию. Но и «получудищ» хватило бы на вечное заикание. Их разнесло, как и Райо, конечности — полузвериные, клыки — торчат как у саблезубых тигров, глаза — вытянулись и полыхают огнем. Звери... нет, настоящие монстры из самых жутких сказок.

Оттолкнув от себя замешкавшихся неудачников, мешками осевших на песок, теперь можно с уверенностью их так назвать, я, падая и поднимаясь, кинулась к девочке, которая пищала от ужаса. Следом на четвереньках приползла Ровена, в крови, растрепанная, запыхавшаяся и, как все, ошалело таращилась на монстров.

Когда рев стих, дав врагам передышку, ситуация изменилась. Монстры продолжили бой, безжалостный и кровавый, без сомнений и раздумий, словно машины для убийства. Точнее, началась бойня. Кое-кто из врагов пытался сбежать. Тщетно, унести ноги от захваченного жаждой крови зверя невозможно. Они доставали каждого.

Я, Ровена и зажмурившаяся от страха девочка, прижавшись к скале и друг дружке, замерли в ожидании конца этому аду. Даже много повидавшая спецагент Гриф, циничная и смертельно опасная, опустила глаза, не решилась смотреть на бойню, устроенную клеранцами тем, кто покусился на нас и хотел забрать их жизни. Вскоре все стихло, тишину нарушал лишь шум прибоя, ветра и мерзкий, тошнотворный запах крови, смешивающийся с морским солоноватым.

Я подняла глаза и тут же зажмурилась. Сердце пропустило удар, когда увидела Райо, нет, монстра, замершего напротив нас, а позади него встали призванные, как их назвал Матео этим утром. Четыре зверя на фоне поверженных, окровавленных, изуродованных тел. Ровена громко икала, а потом и вовсе отколола номер — попыталась спрятаться за мою спину, в компанию к жавшейся ко мне девочке, рыдавшей в голос.

— Ты нас защищать должна! — испуганно пискнула я, пытаюсь напомнить ей о работе.

— Нет уж! Сама вчера заявила, что ЭТО твое, вот и разбирайся, —

просипела Ровена.

Она бы еще голову в песок засунула! Телохрани́тель — называется.

Судорожно сглотнув, я почувствовала саднящее от визга горло. И посмотрела на здоровенное чудовище в рваных штанах и крови. Еще полчаса назад это был мой любимый Райо, самый желанный, красивый и необходимый мужчина во вселенной. А сейчас? Я невольно отметила рваные порезы на ли... морде, звериных лапах, торсе. Черная, блестящая от чужой и своей крови шерсть не спасла от ножей. Бандиты тоже отчаянно бились за свою жизнь. Трое других оборотней меня не особо интересовали, я смотрела на своего бедного, израненного Зверя.

Наконец, этот огромный, с гипертрофированными мускулами, волосатый монстр, сверливший меня полыхающими глазами-угольками, устало рухнул на колени. А потом потряс до основания: на коленях пополз ко мне, приблизился почти вплотную, вынудив Ровену в ужасе отшатнуться с ребенком в охапке, поднял голову и уткнулся мне в грудь. Затем заглянул в лицо. Огромные лапы с когтями-кинжалами коснулись моих ног, поползли вверх, почти лаская, слегка сжимая, будто боялись навредить. Я во все глаза смотрела на кошмарную морду, выискивая схожесть с чертами Райо, и не находила. Только глаза, в которых полыхали эмоции Зверя. Настоящего, непридуманного и совсем не из сказок.

Облизнув губы, я решила поднять руки и коснуться этой несуразной головы с острыми ушами, вытянутой пастью и устрашающими клыками. Шерсть, гладкая, мокрая... от крови. Багровые рваные раны на шее и челюсти заставили меня содрогнуться и сочувствовать, прорвали заслон страха и неприятия. Ведь Зверь бился за нас, получил раны, изменился. Я прижала его голову к груди и осторожно погладила.

Снова вспомнился утренний разговор: трансформировались только самые сильные, в минуту смертельной опасности для близких или любимых. Из-за женщин! Перед трансформацией Райо смотрел на меня, беспомощный, погибающий, понимая, что со мной сделают дальше. Да бандиты бы меня прямо там, во время боя, на залитом кровью песке изнасиловали, изувечили. И он не смог с этим смириться — изменился, призвав зверя, чтобы спасти нас от смерти и насилия.

Осознав силу его любви, я забыла и свои страхи. Нежно поглаживая его по голове, тихонько призналась:

— Я люблю тебя каким угодно, мой даш! Ты справился! Я только твоя! Мы живы!

Зверь облегченно выдохнул, обмяк и завалился набок. Я рухнула рядом с ним на колени, отметив, что и трое других клеранцев, которые частично трансформировались, обессиленно опустились на песок. Но, в отличие от Райо, они были в сознании.

Я в панике ощупывала тело своего любимого монстра — искала смертельно опасные раны. Спустя пару минут рядом со мной лежал уже вполне привычный Райо, в знакомом человеческом облике. Шерсть отвалилась, тело приняло прежние размеры. Единственным отличием стали грубые багровые шрамы на теле и лице. Но ведь у клеранцев повышенная регенерация. Почему эти уродливые рубцы не исчезли?

Осторожно, едва касаясь, я трясущимися руками гладила боевые отметины на его скуле и челюсти, руках и груди и беззвучно рыдала.

К нам подполз Матео, тоже вернувший себе привычный вид. Одновременно с ним девочка кинулась к Нешу и с воплем «Пата!», крепко обняв, повисла на его шее.

— Не переживай, Эрика, это можно будет исправить со временем, если захочешь.

— Если захочу? — я уставилась на него и шмыгнула носом. — Я не хочу, чтобы он был вот таким... в беспомощности...

Матео мягко улыбнулся:

— Трансфигурация происходит за счет эндокринно-нейронной гиперстимуляции. Она настолько мощная, что приводит к активной пролиферации... повышенному делению и созреванию клеток, прибавь сюда множественное формирование дополнительных сосудов, повышение температуры — все это усиливает регенерацию тканей. Соответственно, при повреждении кожи и внутренних органов они стремительно регенерируют, но, к сожалению, формируются гипертрофированные рубцы. Все это приводит к обезображиванию кожных покровов. На Клеране, если встретишь мужчину с подобными отметинами, уже не ошибешься: проходил не только трансфигурацию, но и участвовал в боях.

Потом Фальк добавил:

— У вас тоже говорят, что шрамы украшают мужчину. Фраза очень ярко отражает нашу реальность. В древности все вожаки и клеранцы с сильным зверем отличались многочисленными грубыми рубцами. Такие

не подделать! Мужская красота на Клеране скорее недостаток и показатель слабости. Чтобы выглядеть мужественными, некоторые клеранцы специально наносили себе раны. Сейчас шрамирование у нас перешло в искусство, как у вас татуирование. Все мечтают добавить себе брутальности...

— Безумный мир! — хрипло выдохнула Ровена, съехала на песок и обессиленно привалилась спиной к скале.

— Почему он без сознания, если у вас такая хорошая регенерация? — прохлюпала я расстроено, обвиняюще глядя на Матео. — Может его слишком тяжело ранили?

— В отличие от нас, вы спровоцировали шир Алесио на полную трансфигурацию. Одномоментный выброс гормонов в данном случае настолько высокий, что после наступает естественный откат. Организм восстанавливает баланс. Час... два, может быть, и все будет в норме. Не волнуйтесь за своего даша.

— Даш? Она еще утром лаили была, — напомнила Ровена о своем змейском нраве.

— Из-за вот этого, — Матео указал рукой на недвижимого Райо, — он заслужил статус даша без слияния и прочих обрядов. Шир Алесио с хаей Эрикой всем все доказали.

Но радоваться своему замужнему статусу, полученному, хм... экстерном, сил не было. Видимо, у меня тоже случился откат: навалилась апатия и усталость. Вытерев слезы, я бросила отчаянный взгляд на мертвецов. Что дальше? Неш, который старательно закрывал собой кровавый «пейзаж» мне, и девочке смотреть не давал — прижимал ее голову к своей груди — нервно и хрипло поторопил:

— Пора убираться отсюда. Мало ли кого еще принесет. Я знаю укромное место, для нас с Иликой подготовил, а то уже кое-кто из местных уродов поглядывать на нее начал. Пещера у пляжа, в глубине родник есть.

— Я без Райо никуда не пойду! — упрямо отказалась я, крепче цепляясь за его ладонь.

— Не волнуйтесь, мы его понесем, а вы наши вещи возьмете. Продукты примерно на пару дней нам еще пригодятся. Выдвигаемся, — спокойно распорядился Фальк, тем не менее, вставая с большим трудом.

Они с Матео подняли Райо за руки, подхватили под мышки, и мы поплелись в обещанное укромное место. И снова шли вдоль кромки

воды, чтобы накатывающие волны смыли наши следы.

— Как вы здесь оказались, хой? — спросила Ровена у Неша, в ее голосе я уловила легкие нотки подозрительности.

Драунский клеранец бросил взгляд на нее, на не менее заинтересованных сородичей, потом спустил дочь с рук и молча повел ее за собой. Ответил он, когда я уже не ждала:

— Разведывательный рейд одной из частных корпораций. Многим интересно: зачем Земной Федерации этот выжженный остров среди океана. Не повезло, на орбите висели транспортники службы наказания, нас заметили и сбили.

— Транспортник? Разведывательное судно? — не поверила Ровена.

— Ну, не совсем обычная космическая баржа, раз метко отстреливает любопытных, — предположила я.

— Я тоже так подумал, когда очнулся в бесполезной коробке, погружаясь в океан...

— Но... тогда как же вы выжили? — воскликнули мы с Ровеной.

— Эвакуировался в спасательной капсуле. Ее сразу сожрал морской зверь, а потом этот слишком всеядный выбросился на берег; от несварения, надо думать. Его нашли общинники, начали потрошить и нашли мою капсулу. Вначале хотели линчевать, приняв за ученого из островной лаборатории, расположенной далеко в океане, но я убедил их, что всего лишь потерпевший крушение клеранец.

— Ничего себе — судьба у вас! — выдохнула я потрясенно и уважительно. — Как давно это случилось?

Неш поморщился, признаваясь:

— Десять стандартных лет.

— Где ее мать? — тихо спросил Матео, кивнув на девочку.

— Не знаю, нашел на охоте у пещер. Может год ей был, или чуть старше. Несколько дней без еды и воды. Теперь моя паилия...

— Паилия? — уточнила я.

Неш окинул меня любопытным взглядом:

— Дочь. Вы не знаете клеранского, нидаш?

— К сожалению, нет, но я обязательно выучу, хой, — кивнула я с натянутой улыбкой.

Хотелось человеческого отношения, вежливости, улыбок, спокойного общения, чтобы вернуть ощущение нормального мира, а не ада.

— С юга? — уточнил Фальк у Неша.

Как же им тяжело, самим чуть живым, тащить Райо.

— Я с Таша. Ойр таш Нешан, — представился наш новый спутник. Затем с достоинством и некоторым восхищением добавил: — Бой, разделенный с вами, считаю честью для себя.

Матео хмыкнул, мотнул головой и пояснил:

— Поверьте, таш Нешан, мы все этот бой считаем знаковым. Он вернул нам честь и достоинство, надеюсь, и должности.

— Почему? — воскликнули мы с Ровеной.

Ойр недоуменно посмотрел на соотечественников, наверняка гадая: как они здесь, на Драуне, очутились? Поэтому, пока Матео на родном языке рассказывал ему нашу историю, Фальк пояснял нам с Ровеной:

— Мы же утром говорили, последняя полная трансфигурация была триста лет назад.

— Угу, тот «счастливчик» потом с призванной бандой положил кучу народу и его убили, — пробурчала Ровена и нервно взглянула на небо.

Похоже, испугалась, что билет на свободу не выдадут с такой неблагонадежной компанией. Ойр смерил ее насмешливым взглядом. Фальк, хоть и покрылся испариной под тяжестью Райо, милостиво продолжил:

— Он сошел с ума из-за гибели любимой женщины. И своей яростью заразил призванных. Эрика же Райо приняла, вон как бодро за ним бежит, так что с мозгами у него все в порядке. И у нас, надеюсь, вам заметно, тоже. С этой стороны дела обстоят отлично.

— А как трансформация поможет вернуть честь и должность? — прищурилась Ровена, подпрыгивая, чтобы удержать на плече мешок с вещами.

Фальк нахмурился, с досадой глядя на нас, непонятливых. И я, наконец, догадалась:

— Пройти трансформацию способен клеранец с сильной звериной сутью. Все они были вожаками, бойцами и еще помогали более слабым менять форму. То есть, ваш пример может послужить стимулом и другим? Да?

Фальк с Матео одарили меня поощрительными улыбками и наперебой подтвердили:

— Все верно, хая.

— Полная трансформация Райо и наша частичная — событие национального масштаба для Клерана!

— Мы кровью смыли позор, рубцами на шкуре доказали, что достойны!

— Вы пока не понимаете, но это поистине знаковое событие для нашего народа.

Я улыбалась сквозь слезы, с болью в сердце глядя на безвольно волочащиеся по песку ноги Райо. Вдруг вспомнился загадочный дар Матео, о чем я решила его расспросить:

— Хой Матео, вы ищете пути и за последние дни не раз обмолвились, что вас «тянет»...

— ...и на «Вселенной радости» именно вы, шир Домак, первым были не прочь сойти на Фортане, — присоединилась ко мне Ровена.

В голосе Матео чувствовалась улыбка:

— Я рад, хая Эрика, что именно вы первой заинтересовались моим даром. Вы правы, это поиск не дороги, а жизненного пути. Я чувствую, когда и куда лучше повернуть, чтобы обрести желаемое. Не кому-то конкретно, а для общего блага. Мне сложно описать свои чувства в тот момент, когда решался вопрос высадки на Фортан, но дар буквально заставил помочь шир Алесио уговорить остальных на авантюру. Полагаю, боги знали наперед, что дальнейшие события приведут нас сюда, на Драун, в бой. Что мы вернем утраченные способности, спасем соотечественника и его маленькую дочь. Все случается вовремя и так, как задумано богами для общего блага. Я уверен, в будущем наши зло... приключения повлияют на жизнь Клерана, сделают мир лучше, хоть немного. Просто смертным не дано видеть большой божественный замысел, нам приходится лишь верить и идти их путями.

— Если рассматривать ситуацию как провидение, то я тоже заслужила прощение? — Ровена моментально сообразила откуда ветер дует!

— Думаю — да, теперь да, — Фальк обернулся и неожиданно подмигнул ей.

Ровена округлила глаза, разглядывая спину флиртующего с ней клеранца, а потом, видимо, ей, как и мне, пришла в голову шальная мысль: этот гигант изменил к ней отношение и даже больше — испытывает чувства.

— Я еще слишком молода для серьезных отношений! —

пробормотала она, нервно взмахнув рукой, словно отменяя неподходящую мысль.

Затем «слишком молодая», попавшаяся на мыслях вслух, покосилась на смеющихся мужчин и с облегчением выдохнула.

Маленькая Илика вприпрыжку бежала за отцом, неизменно держась за край его рубахи. За все время пути она не произнесла ни слова, только с интересом таращила красивые серые глазенки на нас, особенно ее привлекали мы с Ровеной.

Тайная пещера Ойра больше походила на грот — неглубокая, со сводчатым потолком и достаточно широким входом, надежно скрытым ползучими растениями. В прилив, наверно, частично затапливается водой, зато с дополнительным выходом в укромную лесную лощину. Судя по расположению, это замечательное место находится в сутках пути от зоны высадки и выгрузки правительственной помощи. Ойру повезло найти безопасное место для дочери, чтобы и пропитание добывать можно было.

Илика чувствовала себя в пещере, как в родном доме. Провела нас с Ровеной внутрь и застенчиво показала, где лучше положить вещи. Оказалось, здесь уже есть лежанки, запас еды и воды — небольшой водоем обложен булыжниками. Света маловато, но достаточно, чтобы рассмотреть скудный интерьер и друг друга.

На один из матрасов мужчины уложили Райо, и я занялась его ранами. Намочила предложенную девочкой тряпку и осторожно вытерла кровь и грязь с его лица, шеи, рук, груди. Разула и проверила «лапы», мало ли что с ними произошло в момент трансформации. Кажется, все обошлось.

Илика из-под своего тюрбана не сводила с меня глаз, пока я возилась с Райо. Мужчины сразу занялись ужином, Ровена вымылась. Затем она сменила меня «на посту», отправив тоже привести себя в порядок. Потом я снова, склонившись к любимому, гладила его лицо, плечи, руки. Мне просто жизненно необходимо было его касаться, знать и чувствовать, что с ним все будет хорошо, а без сознания он до сих пор из-за гормонального отката. Рядом осторожно присел на корточки Ойр, пришел поддержать меня:

— С ним все будет в порядке, поверьте, нидаш.

Илика обезьянкой обвилась вокруг отца. Я и не заметила, когда она успела снять с себя часть одежды. В родословной девочки наверняка

земная и даганская кровь поучаствовали, слишком характерные черты. Платиновые волосы, серые глубокие глаза, немного вытянутое лицо — от дагов. Кровь землян сгладила резкость черт и не приглушила, а, наоборот, добавила яркости. И такие трогательные и нежные отношения у папы и дочки-паилии!

Я посмотрела на них и улыбнулась:

— Илика, какой же ты красавицей будешь!

— Еще утром я переживал из-за этого, а сейчас мой дух танцует, — признался таш Нешан,

— Могу лишь представить ваш страх и боль, и нынешнюю радость, — тихо согласилась я.

Пока разговаривала с Ойром, неосознанно поглаживала руку любимого. Наверное, чтобы не терять с ним связи, чувствовать его теплую кожу и биение пульса, чтобы на душе было спокойнее. Нагнулась к нему и потерлась щекой о ладонь — и вдруг ощутила, как его пальцы гладят мою щеку, и услышала хриплый шепот:

— Моя нидаш.

— Очнулся! — выдохнула я, с восторгом вглядываясь в его лицо.

— Где мы? — Райо вместо ответа огляделся.

— В пещере. В тайном месте таша Нешана. Он его для себя с дочерью подготовил, а мы здесь укрылись. Фальк с Матео готовят ужин у входа, Ровена вот сидит, — указала я на подругу.

Неожиданно Ойр встал на колени и, с восторгом глядя на Райо, заговорил на клеранском. Мы с Ровеной, конечно же, ни слова не поняли, но тут Фальк и Матео пришли, тоже опустились на колени у «постели» друга и что-то произнесли. Слишком торжественное, судя по интонации.

— Что происходит? — испугалась я, вдруг в последний путь провожают.

Райо даже в полумраке сразу заподозрил меня в худших предположениях, потому что улыбнулся и успокоил:

— Все в порядке, родная, они признали меня вожаком. Основателем нового рода!

— Эрика, сдаётся мне, что ты заработала кучу пока еще неизвестных, но явно трудоемких обязанностей, — сделала неутешительный вывод Ровена.

Я рассеянно посмотрела на нее, но ответить не успела. В пещере

резко потемнело. Кто-то закрыл свет на входе! Мы резко вскочили, мужчины выдвинулись вперед, даже Райо сел. Затем прозвучал уже начавший становиться привычным клеранский, отчего мужчины радостно встрепенулись. Перед нами появилось несколько мощных фигур в черной форме и снаряжении десантников, ослепив направленным пучком света. Когда мы с Ровеной проморгались, один из них оказался нам хорошо знаком.

— Хой Нофаль! — воскликнула я радостно, а Ровена испуганно.

Заметив нас, Нофаль скривился и отдал своим бойцам приказ на клеранском. А нам объявил:

— Ровена Гриф, Эрика Пташко, вы задержаны и будете отвечать жизнью перед Клераном!

То, что произошло дальше, предупредить не успели. Райо, который еще и встать-то был не в силах после гормонального отката, вновь потерял контроль над зверем. Правда — слава богам Клерана! — полностью не изменился, а остановился на половине процесса. На ошеломленного Нофаля и двинувшихся было в мою сторону десантников с дикой яростью рыкнул резко подскочивший полужверь — заявил, что категорически против неуважительного отношения к своей нидаш.

Более того, призванные Райо, Матео, Ойр и Фальк слаженно повторили этот рывок и злобный рык. Группа десантников во главе с Нофалем медленно опустилась на колени, глядя вниз, опасаясь спровоцировать взбешенных зверей. Только поэтому я решилась вмешаться — запомнила клеранскую сказку с трагическим концом. Подошла к Райо сзади, меня никто не тронул, не оттолкнул, любимый даже не обернулся, продемонстрировав окружающим, что испытывает ко мне абсолютное доверие. Нырнула ему под руку, прижалась к его груди и крепко-крепко обняла за торс.

Ровена поспешила просветить ошеломленных «пришельцев»:

— Хой Нофаль, они прошли все испытания на даш-нидаш!

— Это наш вожак с полной трансформацией, — гордо заявила Илика и, бесстрашно вцепившись в рубаху видоизмененного отца, добавила, — так пата сказал.

— И нас простили! — подсуетилась Ровена, хитро блеснув желтыми ведьмовскими глазищами.

— Боги! — подтвердила я для пущей важности.

Торжественного выхода из грота, увы, не состоялось. Не только Райо, но и призванных вынесли на носилках. Хорошо, хоть в сознании оставались. Ровена шла к шаттлу нервничая и с опаской поглядывая на десантников — устрашающую группу двухметровых и широкоплечих мужчин в боевом снаряжении, сразу напомнившую мне задержание клеранцев на Фортане. Бойцы окружили грот и площадку, где приземлился огромный эвакуационный шаттл, чем-то неуловимо похожий на хищника.

Ну и ладно, главное — прилетели! Одной рукой я держала тоненькую ручку Илики, а второй сплела наши с Райо пальцы. И полетим мы к свободе и счастью. Что может быть лучше и круче?

Часть 4

Планета любви

Носилки с пострадавшими закрепили на полу, а нас с Ровеной и Иликой рассадили по креслам, пристегнули, поинтересовались самочувствием и предложили в случае чего обращаться. Исподтишка понаблюдав за клеранцами и бегло осмотрев вместительный и довольно комфортабельный шаттл — наверное, межзвездник, посланный Клераном для спасения своих граждан, должен быть еще более внушительным — я опять вернула внимание Райо. Он отдышал, устало прикрыв глаза, но не спал точно. Вот и меня события последних недель вымотали до предела. Кажется, исчерпала все силы, душевные и физические.

Красивое, невероятно мужественное тело моего любимого покрылось уродливыми багровыми рубцами, лицо, руки, торс. Что бы клеранцы не говорили, успокаивая меня, подобные раны причиняют боль. И почему ему прямо здесь не оказывают никакой помощи? Ах, да — регенерация. В конце концов, плевать на эти шрамы, лишь бы последствия для его здоровья были меньше, чем испорченная внешность.

Тяжело вздохнув, я посмотрела на Ровену. Она «не отвечивала», держалась в тени: вся такая собранная и безликая. Если мне удалось уговорить себя, что самое плохое позади, то она, хоть и старательно держала лицо, подобных надежд, а может и иллюзий, не питала. И все-таки, у нее есть чему учиться в подобной ситуации. Нельзя сидеть со скорбным видом, я же не на похоронах. Нельзя — ради Райо, чтобы не подумал лишнего.

Илика, с которой мы держались за руки под одобрительным взглядом ее «пата», дернула меня за руку и на ухо шепнула, что хочет в туалет. Стыдно признаться, я тоже. Сообщать об этом вслух не пришлось. Нофаль, наблюдавший за нами нечитаемым взглядом телохранителя, неожиданно пришел на помощь: улыбнулся девочке, помог обеим встать и проводил к двери со специальным значком. По возвращении, пока я пристегивала Илику к креслу, отметила пристальное внимание Нофаля к Ровене, но выискивать эмоции в его

сощуренных желтых глазах не посмела, как и в ответном взгляде Ровены. Кажется, они устроили соревнование, кто сильнее и упорнее.

Впрочем, немного расслабившись и взяв себя в руки, я тоже любопытничала. Даже драунские зоключения отодвинулись в темный угол сознания, когда обстановка вокруг вполне доброжелательная и столько интересного, и нового: незнакомые клеранцы; судно, о модификации которого можно лишь догадываться, в академии точно не проходили; желтые глаза чужаков, будто магнитом притянутые, периодически косившие на нас, женщин. Благо в окружении «приличных людей» я не чувствовала прежнего страха и дикого напряжения. Но тревога за любимого не покидала. Зато появилось предвкушение чего-то нового и неведомого, перевесившего неловкость от общего пристального внимания.

Других «драунцев» тоже «украшают» многочисленные шрамы, от вида которых мое сердце обливается кровью. Но, по всей видимости, переживаю одна я, а пострадавших, можно сказать, распирает от гордости. Желтые глазищи спасателей без слов говорят о желании поменяться местами со спасенными. Вернее, бойцы горячо мечтают обрести похожие отметины доблести и силы.

Когда шаттл завибрировал, подсказывая, что началось торможение, Ровена наконец-то спросила:

— Как вы нас нашли?

Мужчины хмыкнули, Нофаль раздраженно мотнул головой, а вот Фальк в этот раз оказался более разговорчивым:

— По маячкам. Уверен, как и в большинстве миров, на Клеране существует практика чипировать высшие должностные лица. Во избежание, так сказать.

— Наши первым делом проверили их наличие и ничего не нашли, — задумчиво возразила Ровена.

Нофаль мрачно ухмыльнулся:

— У нас иные технологии. Способы и методы.

— Тогда почему своих не забрали раньше? — пробормотала она себе под нос.

А я предположила причину:

— Видимо чипированные должностные лица должны были сами активировать чип и подать сигнал, когда необходима или возможна эвакуация...

— Военное судно Клерана не может открыто нарушать территориальную юрисдикцию Земной Федерации. Даже для спасения своих должностных лиц... которые сами виноваты в своих ошибках. Поэтому пришлось ждать «окно», когда транспортник службы исполнения наказания отбудет. Затем выяснять маршрут двух разведывательных кораблей, курсирующих близ орбиты Драуна, чтобы отправить шаттл на поиски и эвакуацию.

Закончив пояснение, Нофаль наконец-то улыбнулся мне, но не открыто и добродушно, как раньше, а натянуто. В отличие от остальных участников подставы на Фортане, он не реабилитировался, не прошел сквозь ад Драуна, но вынужден держать лицо и блюсти традиции. В том числе, быть вежливым с нидаш «в законе». Я сожалела и в то же время не могла ему помочь. На поводке на Фортан мы его не тащили — значит, каждый «сам виноват в своих ошибках».

— Наши разведчики на орбите Драуна? — Ровена недоверчиво вскинула брови.

— Видимо, те самые, что метко отстреливают любопытствующих из разных корпораций, — с сарказмом отозвался таш Нешан. — Отсюда следует вопрос: ваши зеки настолько важные птицы, что их стеречь надо?

Я весело пошутила:

— Может они, как наш вожак, высокопоставленные все, вон, пачками воруют с Драуна...

— ...военными судами, — добавила Ровена, явно задумавшись над этой загадкой планеты-тюрьмы.

— И все же, вы ждали четверо суток, чтобы спасти своих, — тихо посетовала я, посмотрев на Нофаля. — Для этого места — смертельно долго.

Райо, с нежностью глядя на меня, хрипло пояснил:

— Существует протокол эвакуации для различных ситуаций. Мы знакомы с теми, что приняты у ваших спецслужб, в чем-то они все схожи. В нашем случае необходимо открытое, хорошо просматриваемое пространство, отсутствие растительности, мест для создания ловушек. Широкая полоса пляжа, где нас высадили, — отличный вариант. Был! Но вы сбежали, пришлось искать вас, потом снова выбираться из зарослей и скал к океану, а потом трансфигурация нарушила наши планы и все произошло спонтанно.

Услышав тон шир Алесио, брови Нофаля поползли на лоб, но через мгновение он нахмурился и, окинув Райо жадным взглядом, глухо спросил:

— По-настоящему полная?

Судя по заблестевшим глазам остальных клеранцев, этот вопрос мучил всех.

— Более чем, — проворчал Фальк, с трудом садясь на носилках и передергивая плечами, — ты бы его видел...

Один из спасателей произнес что-то на родном языке, как если бы сомневался. Ровена раздраженно фыркнула, призывая участников разговора продолжать на всеобщем.

— Ты бы слышал его призыв! — содрогнулся Матео, приняв к сведению замечание землянки, даже привстал на носилках. — К тому моменту я расставался с жизнью, а потом этот рев и — собственный зверь, ослепленный яростью, чуть не вывернул меня наизнанку, в стремлении ответить вожаку, присоединиться к нему. Жаль, я смог лишь на половину измениться, а шир Алесио — полностью!

— Но как? — с горечью изумился замерший в проеме между салоном и кабиной пилотов незнакомец. — Я столько боев, смертельно опасных ситуаций пережил, когда находился на грани, но так и не смог. А другие? Кто ежедневно ходит по лезвию, рискует, но потеряли способность, а вы...

Мне не показалось, на «драунских» клеранцев все спасатели смотрели широко распахнутыми, жаждущими подробностей глазами.

— Вы не видели, что делают на Драуне с женщинами! А мы — да! — с болью в голосе признался Матео.

Ойр подтвердил, вернее, вкратце рассказал о самом ужасном событии:

— В ловчие отряды сход определяет самых матерых отморозков, чтобы сразу справиться с новичками и прижать к когтю. В этот раз их было больше тридцати, нас — всего четверо, плюс две девицы и ребенок. Мы точно знали, что с ними будет, если не справимся. И к сожалению, мы не справлялись. Еще минута — и нас бы порвали на части. — Кивнув на меня, он мрачно добавил: — На нидаш Эрику напали сразу двое громил, она сопротивлялась, заорала, Илика плакала, тут все и началось...

Я облизнула пересохшие губы, в поиске защиты и спокойствия

посмотрела на Райо — и окунулась в золото его глаз. Эх, плюнуть бы на клеранские традиции, отстегнуть страховочные ремни и лечь рядом с ним, прижаться крепко-крепко и никогда не отпускать.

— Если без проблем сразу вернул разум, значит, у вас, даш Райо, невероятно сильный и послушный вашей воле зверь, — почтительно отозвался еще один десантник.

Фальк хмыкнул насмешливо, глянул на меня доброжелательно и радостно поделился своими впечатлениями:

— Если бы вы видели нас в тот момент, тоже испытали бы дикую смесь эмоций, жажду крови... Я лишь наполовину изменился, но под влиянием обезумевшего вожака и сам сходил с ума. И проблеска разума у зверя Райо я точно не ощущал.

— Шир Алесио ради нидаш превратился в монстра из легенд, а она доказала, что даш нужен ей любим — любит в нем и человека, и монстра, — улыбаясь во все тридцать два зуба завершил Матео.

— Когда вы успели простить майора АБНЗ Ровену Гриф? — вдруг спросил Нофаль, кивнув на нее, сразу сникшую.

В этот момент заскрежетал корпус — шаттл садился на палубу межзвездника. Вскоре заработала пневматика, открывая бортовой люк. Но все молча ждали ответа «драунцев». Те переглянулись, ответил, как ни странно, Фальк:

— Когда плечом к плечу разделили с ней бой. Обменялись кровью врагов и пищей.

Ровена не то облегченно выдохнула, не то всхлипнула — сомневалась, что все-таки простили.

— Жаль, меня там не было, — сухо обронил Нофаль.

Это он намекнул, что не простил? И меня, вероятно, тоже. Какие они обидчивые, видите ли. Ровена поджала губы, а я чуть не вспылила, но вовремя прикусила язык и глухо спросила:

— А что вы на Драуне забыли? Мы сполна заплатили за свои ошибки. Если вы не заметили, то и разделили трудный путь ваших друзей. Смею напомнить, Ровена спасла...

— Эрика! — оборвал меня Райо.

Под его потемневшим янтарным взглядом я проглотила «вашу жизнь». Он прав, возможно, я неверно истолковала сожаление Нофаля и набросилась на него необоснованно. Вдруг еще больше усугубляю его «вину» и незавидное положение. Но достали уже своим «прощением»,

ей богу! На всякий случай извинилась:

— Простите, хой Нофаль... Райо...

— Я тоже приношу вам, хаи, извинения за несдержанность, — неожиданно заявил Нофаль, заставив нас с Ровеной изумленно уставиться на него.

Затем обе одновременно кивнули с улыбками, ну прямо настоящие сестрички. Райо с призванными медленно вставали на ноги — опять трансформация забрала много сил. Но выходить из шаттла они были решительно настроены на своих двоих. Нам, женщинам, любезно помогли выбраться из кресел. Приятно! Мы стояли рядышком, напряженно наблюдая за мужчинами.

— Эрика, — попросил меня Райо.

Я моментально оказалась подле любимого, подставляя ему плечо и свою поддержку.

— Паилия, — прозвучало на клеранском.

Илика радостно рванула к отцу и вцепилась в его ладонь. Без тюрбана, скрывавшего хорошенькую милую малышку от опасного любопытства, ее провожали умилительными взглядами.

Следуя за Ойром с дочерью, поддерживая Райо, я тихонечко спросила у него:

— А как будет сын на вашем?

— Ульташ, — ответил любимый с некоторым недоумением, а потом его глаза заинтересованно блеснули: — Хочешь выучить язык нового дома? Или подарить мне наследника?

Мои щеки обожгло смущением.

— Все возможно...

На большой грузовой платформе я горела уже от стыда: неопрятная, с выбившимися из косы волосами, в грязной одежде, пыльных ботинках и без нижнего белья. Кроме того, в ссадинах и царапинах, с синим фингалом на скуле, «заработанным» в последнем бою. Да еще хрупкая и мелкая рядом с Райо и здоровенными клеранцами. Я пыталась выглядеть уверенно, во всяком случае, стояла как в строю, но вряд ли сумела скрыть терзавший меня страх. Хорошо, что в пещере умылась, а то бы впервые предстала перед соотечественниками Райо как чучело.

Зато Ровена была верна самой себе. Настоящий боец! Прямая как палка, собранная и бесстрастная. В отличие от нас, женщин, четверо

мужчин из драунского отряда предстали перед встречающими с гордостью и достоинством. Пусть каждый видит их, славных клеранцев, покрытых багровыми рубцами...

Через мучительно долгую минуту грянул многоголосый восторженный рев соотечественников. Я вздрогнула и прижалась к Райо, даже Ровена дрогнула и настороженно посмотрела на громогласных воинов. Оглохнуть нам не дала Илика: испуганно заревела, трогательно обняв отца за ногу, тем самым застав народ замолчать. Мгновение-другое — и наступила оглушающая тишина, нарушаемая детским плачем.

Дальше таш Нешан минут пять успокаивал ребенка, остальные клеранцы приветствовали друг друга, а мы с Ровеной молча наблюдали за ритуалом возвращения «блудных, но одержавших победу» сынов Клерана. И обе мечтали об элементарном — поесть и поспать, ну и чтобы официоз побыстрее закончился. Не с нашим счастьем — затем нас отправили на санобработку. Следом в длинных одноразовых рубашках — в медблок, где разложили по капсулам восстанавливать физиологическую и генетическую чистоту и устранять гипотетический вред, нанесенный излучением Драуна, если таковое имело место. От Райо из соседнего бокса я услышала, что дольше всех здесь пробудут Илика и Ойр. Девочка родилась на Драуне, а он там прожил десять лет.

Прохладный гель — субстанция, в которую меня погрузили, заверив, что помогает регенерации и восстановлению всех функций и систем организма, — превратился в теплую, немного вязкую жидкость. После сканирования мне сказали, что большого вреда экология Драуна нанести мне не успела, больше повлияли на самочувствие нервы и драки. Восстановление займет не более пяти часов. И самой лучшее лекарство — хороший сон.

И вот я словно в невесомости парю с кислородной маской на лице. Ощущения... как в академии в шутку говорили после марш-броска, в теле такая приятная гибкость образовалась.² Голова ясная, легко и спокойно, словно я на неделю вперед выспалась. Похоже, восстановили по полной. Я плавала, нежилась в этом тепле и даже открывать глаза не хотелось. В душе и вокруг меня царило умиротворение. Мои вялые, ленивые мысли прервали знакомые голоса, приглушенные капсулой. Пришлось прислушаться, чтобы разобрать, о чем речь идет.

— Ты рискуешь, пристально и долго рассматривая чужую нидаш,

— глухо, с мрачной усмешкой в голосе предупредила Ровена. — Проснется шир Алесио и решит, что ты хочешь отнять у него любимую женщину.

— Ты ошибаешься, — раздался сухой ответ Нофалья. — Медицинское сканирование показало, что Эрика действительно невинна... никем не тронута в интимном плане. Хотя в этом вы не соврали на «Вселенной радости». Я просто удивляюсь силе Райо: в условиях Драуна он сумел сохранить чистоту и невинность своей женщины.

Ровена хмыкнула, я услышала шорох, словно она присела, перед тем как ответить:

— Заблуждаешься, в этом заслуга не только Райо, но и самой Эрики. И даже моя. Мы двое суток носились по Драуну, боролись за жизнь, честь и неприкосновенность. Она не менее сильная, чем ее даш. Более того, честная и справедливая, и достойна искреннего, сердечного чувства больше любого из нас. Эрика умеет любить по-настоящему, готова пожертвовать всем ради любви.

— Значит не просто так боги помогли шир Алесио пройти полноценную трансфигурацию. Большие чувства заслуживают достойной награды, — согласился с собеседницей Нофаль.

— Кстати, на Земле результаты медицинских исследований являются врачебной тайной. Конечно, я понимаю, кто мы и где мы, но при Эрике лучше не распространяйся, — предупредила Ровена.

Не то чтобы меня особенно беспокоила эта «утечка информации», но подруге я была благодарна за заботу. И вообще, пора «официально» просыпаться. Открыла глаза, маска на лице и не совсем прозрачная крышка мешали детально рассмотреть возвышающегося рядом с капсулой здоровяка клеранца. Он переоделся в черную форму космических сил Клерана и выглядит в ней очень представительно. Если бы не его слишком хмурое лицо, было бы совсем замечательно.

— Ты все еще злишься на меня? — спросила Ровена.

— Нет, я злюсь на себя за собственную глупость, — пожал широченными плечами Нофаль.

— Матео сказал, что уговорил вас с Фальком сойти на Фортане, когда Райо предложил. А вы согласились, потому что он обладает даром — ищет путь к общему благу.

Нофаль мрачно усмехнулся:

— Хая, нельзя все валить на богов и других. В этой жизни каждый все решает сам. В своих ошибках мне некого винить, кроме себя. Райо шел за любимой, я — по глупости.

— Ты... ты хочешь сказать, что никогда меня не простишь? — я услышала грусть в голосе Ровены. Видимо, Нофаль не оставил ее равнодушной, чтобы она там не говорила. — Если я уйду, не полетишь за мной? Не захочешь найти?

— Хая Ровена, я уверен, вы знаете ответы. С момента ареста наши спецы основательно пополнили ваше досье. Полагаю, и наш язык вами освоен, хотя бы на базовом уровне. Потому что Клеран, Дагава, Лиур давно входят в список ваших интересов. Вы более чем знакомы с нашими культурными особенностями, обычаями и предпочтениями.

— К сожалению, не настолько хорошо, как думала в начале... этого пути, — спокойно признала Ровена.

— В любом случае, вы точно знаете, что мое сердце на ваши достоинства не откликнулось. Вас интересуют мои умения в интимной сфере? Хотите скрасить полет в постели? — иронично и зло спросил Нофаль.

Уязвленная, а может и нет, женщина фыркнула:

— Хамите, батенька!

— Увы, пока я не обрел нидаш, поэтому отцом не являюсь, — сухо ответил Нофаль и удалился.

Писк в капсуле предупредил о завершении моей программы восстановления. Я завозилась. Жижка ушла, со всех сторон в меня ударили тонкие струйки воды. Щекотно! После тщательного мытья включилась «сушка». Из капсулы я вылезла лохматая, в безразмерной серой рубашке и голодная как тысяча чертей.

Возле соседней капсулы, поджав ноги и хмуро взирая на меня, сидела на стуле Ровена. Ворона-вороной!

— Как мы все это прочедем? — пожаловалась я, проверяя пятерней свои лохмы.

— Неправильный вопрос, — буркнула она, а потом, брезгливо натянув двумя пальцами тонкую ткань рубашки на груди, добавила. — Как мы в этом ходить будем?

— Зачем ты к Нофалью подкатывала? — расстроено спросила я. — История с Матео и Фальком ничему не научила.

— Мне нужен здесь персональный защитник, союзник, —

проворчала напарница.

— Союзник? Зачем? — нахмурилась я, оглядывая помещение на предмет лишних ушей.

— Для спокойной жизни.

Наконец я нашла взглядом капсулу с Райо и поторопилась к нему.

— Медики предупредили, что он еще минимум пару часов проспит, — уведомила Ровена.

— Он такой... — слово «красивый» я оставила при себе, уже молча любясь своим любимым.

— Тебя только избавили от всяких микробов, так что крышку облизывать не обязательно. Мало ли какую заразу здесь можно подцепить, — ехидно пошутила Ровена.

Ой, я и вправду увлеклась. Положив ладони на крышку капсулы, и не заметила, что приникла к ней всем телом и радостно рассматривала Райо в такой же больничной рубашке, только ему она короче. Рубцы у него на коже порозовели, и уже не такие воспаленные и выпуклые как раньше. В общем, мой даш по-прежнему красавчик. А от Ровены я отмахнулась:

— Да ну тебя...

— Доброго времени суток, хаи, — прозвучал незнакомый голос за спиной. — Это вам.

Обернувшись, я увидела врача, который занимался нами после санобработки. Тогда он все манипуляции проделывал молча, под сверлящим взглядом Райо, обуреваемого ревностью. Сейчас решился нарушить молчание. Ура! Он принес сложенную квадратиками одежду. В этих страшных рубашках мы привидениями бродить по кораблю не будем!

Следом за врачом пришел Матео, на ходу застегивая черную форменную куртку, как у Нофаля, но без знаков отличия. Наверное, тоже недавно очнулся. Ровена встрепенулась и, рассыпавшись в благодарностях, забрала у врача одежду. А тот сперва смерил меня, «обнявшуюся с капсулой», понимающим взглядом, потом проверил данные на дисплее, отражающем показатели Райо, и вежливо попросил:

— Вам не стоит волноваться, нидаш Эрика, с шир Алесио все в порядке. Стабилизируем гормональную систему. Мы в космосе, а зверь с нестабильной психикой слишком опасен.

— Благодарю вас, хой даро Варташ, — улыбнулась я и, сделав над

собой усилие, вспомнив, что на публике здесь ведут себя скромно, отлепилась от капсулы. — Вы можете сказать, как чувствуют себя Илика и таш Нешан?

— Все хорошо, но их восстановление продлится гораздо дольше, чем ваше. Здоровье маленькой дочери таш Нешана подорвано с рождения. Ее придется лечить и на Клеране. Но ничего непоправимого, все будет хорошо.

Я грустно опустила глаза и... ох, да, хороша: в мятой больничной рубашке и без белья. Смутилась и, невольно поправив воронье гнездо на голове, метнулась к Ровене. Та понятливо сунула мне в руки стопку вещей и мои грубые ботинки от службы исполнения наказания, правда чистые. Зато одежда нам с напарницей досталась похожая на форму космических войск Клерана.

Переодевались мы в расположенном здесь же санитарном блоке. Нашлись там и одноразовые предметы гигиены, расчески, средство для очистки полости рта и несколько незнакомых предметов. Впервые за несколько недель я увидела себя в зеркале. Процедура восстановления благотворно повлияла на кожу — ушла нездоровая краснота и шелушение, а вот красивый золотистый загар очень порадовал. Я похудела, черты лица стали чуть резче, но от этого более утонченными, ранимыми. Глаза — словно глубокие темные озера, таинственные и грустные, на дне которых притаились кошмарные воспоминания. Вернется ли прежняя, почти детская наивность моему взгляду. Волосы наконец-то послушно легли на плечи и спину блестящими коричневыми волнами. Осталось заплести.

— Раньше ты была очаровательно невинной и сексуально привлекательной, а теперь похожа на хрупкого несчастного ангелочка, — озабоченно сказала Ровена, хмуро рассматривая меня. — Черный — не твой цвет, добавляет трагизма. А это плохо сказывается на мужском интересе, вызывает желание пожалеть, как побитую собачку.

— А ты по-прежнему хороша и сексуальна! — улыбнулась я. — Поверь, о сексе я сейчас думаю меньше всего.

— Пташко! Всему тебя, курицу, учить надо! — раздраженно закатила глаза «ученая птица». — Секс и слезы — единственное женское оружие! Либо одним, либо другим можно добиться от мужчины практически всего. А если совместить, то слабину даст даже самый упертый баран.

— Гриф, мне интересно, чем они помогли тебе с клеранцами? — ядовито уточнила я.

Подруга насмешливо вскинула бровь и напомнила шепотом:

— Меня же простили.

— Тебя простили за голову Гонга и его компании, — парировала я.

— Потом, а наказывать передумали до...

Я вспомнила сцену «прощения» — злые, отчаянные слезы в глазах Ровены, ее дрожащий, срывающийся голос, жаркое обещание слушаться — и ошарашено выдохнула, прижав руки к щекам:

— Так ты играла? Все время играла?

— Знаешь, играть на чужих нервах гораздо приятнее, чем, испытывать свои. В случае с клеранцами у меня один-один.

— Ты неисправима! — хихикнула я.

— Учись, пока не поздно! — похвалилась она.

Потом зачем-то осмотрела санитарный бокс. Даже в люк вентиляции заглянула, подпрыгнув.

Как только мы вышли, Матео, встретив нас с довольной улыбкой, предложил:

— Хаи, предлагаю сходить поесть, надо восполнить силы.

Мой живот отчаянно рычал: «Дай пожрать!» Но, бросив взгляд на закрытую капсулу Райо, я вздохнула и извинилась:

— Простите, хой Матео, но я подожду Райо. После того как он придет в себя, мы к вам с удовольствием присоединимся.

— Настоящая нидаш! — неожиданно похвалил доктор.

— Я не могу покинуть свою подопечную, пока не передам ее с рук на руки шир Алесио, — отказалась от приглашения мой телохранитель.

— Я предупреждал! — раздался сочный одобрителный бас Фалька.

Через секунду этот здоровяк появился в поле зрения с большим контейнером. С едой! Уже через минуту мы с Ровеной, расположившись прямо в медблоке, с огромным удовольствием поглощали пищу. Мясо буквально таяло во рту, гарнир и салат (условно, конечно) отлично его дополняли. Надо отдать клеранцам должное, умеют они себя радовать кулинарными изысками даже на военном корабле!

* * *

После «обеда» я уговорила Ровену пойти отдохнуть в выделенную ей каюту. Матео даже вызвался ее сопроводить, тоже согласившись с моими доводами, что на этом корабле я в полной безопасности и охранять меня не требуется. А сама уселась у капсулы Райо и с огромным интересом рылась в инфосети Клерана, просматривая картинки по географии, новостные сюжеты и развлекательные программы, благодаря любезному доктору даро Варташу, поделившемуся своим кибером, чтобы скрасить мне ожидание. Из-за перевода на всеобщий проблем с пониманием чужих «развлечений» не было. Так что время пролетело незаметно и с пользой. К тому же, «инопланетное кино» отвлекло от растрепанных нервов и даже привело мысли в относительный порядок.

Все-таки удивительная «вещь» — время: может практически останавливаться в мгновения смертельной опасности; мучительно растягиваться, когда не нужно, или, наоборот, ускоряться, не давая подольше насладиться возможно единственным в жизни счастливым моментом. Прошло всего несколько часов после события, изменившего мою жизнь, Райо, и, может быть — всего Клерана, если Матео окажется прав. А мне сейчас показалось, что пролетели дни. Надеюсь, я смогу пережить «Драун» без помощи психотерапевтов.

— Ждешь, моя нидаш?

Вздвогнув, я обернулась — к уже одетому, улыбающемуся Райо. Углубившись в инфосеть, пропустила момент, когда он проснулся, выбрался из капсулы и даже надел выданную нам всем однотипную одежду, похожую на строгую военную форму.

— Жду, — кивнула я, отвечая ему такой же счастливой улыбкой.

— Это хорошо, — тихо сказал он, поднимая меня со стула и притягивая к себе.

Мы, будто в первый раз, кончиками пальцев касались лиц друг друга, наслаждаясь близостью. Я так радовалась, что он, наконец, пришел в себя и уверенно стоит на своих двоих, что забыла обо всем на свете. Пока меня совесть не кольнула:

— Ой, ты же голодный! Нас с Ровеной покормили прямо здесь, а тебе мы ничего не оставили...

— Ничего, я позже поем, главное, ты у меня в порядке! Ты точно не голодная?

— Нет, — я мотнула головой. — Всего было много и очень вкусно!

От «гляделок» нас оторвал даро Варташ. Райо обменялся с ним несколькими фразами на клеранском. Меня, как и Ровену, тоже раздражает, что мое незнание чужого языка игнорируют, но я решительно намерена срочно изменить ситуацию — выучить клеранский в совершенстве. Или я не умница-отличница Эрика Пташко?! Или уже шир Алесио? Ладно, потом все выяснится. Я вернула кибер доктору, поблагодарив от души, и мы с Райо отправились следом за провожатым в свою каюту.

Корабль действительно оказался большим. Клеранские инженеры-кораблестроители, по-видимому, рассчитывали на крупных соплеменников, потому что коридоры, отсеки и лифты были просторнее, чем те, которые я видела на стажировках или пока летела на Дагаву для участия в операции «Розовый слоник». И верно, экипаж не подкачал размерами и глотки у них луженые.

Боже, как же приятно ощущать свою ладошку в широкой сильной ладони Райо. Уже кажется, что так было всегда. Пока шли, он не отпускал мою руку, держался абсолютно спокойно и уверенно, коротко приветствуя встречавшихся мужчин. Я видела и потом спиной чувствовала, как нас провожают восторженными взглядами. Причем, не меня, хотя женщин, кроме нас с Ровеной, за несколько часов здесь не видела, — а его, Зверя, сумевшего пройти полную трансформацию и сохранить рассудок.

После разговора о шрамировании для красоты, я весь путь до каюты специально обращала внимание на эти «украшения» на лицах мужчин. Они были не у всех поголовно, у многих вполне натуральные и, похоже, заслуженные в боях отметины — зажившие и едва заметные «ниточки» на смуглой коже. Но пару раз встретились красивые, на земной вкус, мужчины — высокие, стройные, прямо хоть сейчас на обложку женских журналов, со слишком аккуратными, наверняка искусственно сделанными шрамами. Не знала бы про особенности красоты клеранцев, пожалела бы бедолаг, получивших боевые раны, которые не поддаются медицинскому лазеру.

Мы остановились у дверей нашей каюты, провожатый вежливо откланялся и удалился. А я, отмахнувшись от коварной мысли: «Что же дальше будет, когда мы останемся наедине?», с улыбкой посмотрела на любимого и, проходя в каюту, спросила:

— Когда мы встретились на «Вселенной радости», я ни на одном из

вас не заметила каких-то особых отметин или шрамов. Вы настолько уверены в своей мужской силе и неотразимости? Или политическим деятелям «украшаться» не положено?

Дверь за спиной Райо плавно, с едва слышным щелчком закрылась, он замер напротив меня, нависая, но не подавляя внушительными габаритами. Скорее, будоража мою женскую суть, заставляя ее проснуться и предвкушать. Мой любимый, желанный Зверь с первого момента нашей встречи, нет, с первого взгляда желтых, то ледяных, то пылающих, как сейчас, глаз, завладел мной. Черная строгая форма подчеркивает ширину плеч, мощь крупного, подтянутого мужчины, загар и — яркие глаза, сияющие для меня. Под взглядом любимого я плавилась как воск, теряла волю, разум, горела от любви и желания.

Райо вглядывался в мое лицо — вряд ли для него были секретом мои мысли, страхи, желания — мягко, ласково погладил меня по щеке, блеснул белоснежными клыками в доброй усмешке. И сказал:

— Я рад, что ты ошиблась. Даже не представляешь, насколько мне приятно.

— Ошиблась?.. — удивилась я. — В чем?

— Только на мне не было шрамов. У Матео есть два, на нижней челюсти и спине. Нофаль попал в аварию лет десять назад, у него на бедрах и руках белые рубцы. Фальк — военный, у них без боевых отметин никак, лазер сгладил кожу, но светлые росчерки остались. Ты все это не заметила, значит, внимательно разглядывала исключительно меня. Как твоему дашу мне это греет сердце.

— Ты самый красивый! — выпалила я. Поднялась на цыпочки, прижалась горячей щекой к груди Райо, а потом, заглянув ему в глаза, погладила рубцы на его лице. — Несмотря на шрамы.

— Хочешь, я уберу их? — слегка нахмурившись, предложил Райо, обнимая меня.

Пожав плечами, я напомнила:

— Мне неважно. Я люблю тебя любым, есть они или нет. Главное — твоё здоровье и благополучие.

Райо расслабился, обнял меня еще крепче и с улыбкой признался:

— В моем положении, с учетом происхождения на Фортане и в целом для карьеры эти... отметины весьма полезны. Они помогут превратить провал в победу. Для нашей с тобой семьи это дополнительная выгода.

Я хихикнула:

— Политик до мозга костей!

Мы замерли, разглядывая лица друг друга, постепенно взгляд Райо стал нечитаемым, словно он задумался о чем-то важном. Тряхнул головой, чуть приподнял меня и с сожалением произнес, целуя в висок:

— Тебе придется побыть в каюте одной. Отдохни, поспи, меня не будет пару часов. Необходимо переговорить с руководством, отчитаться и прояснить важные аспекты.

— С капитаном судна? — уточнила я.

Райо покачал головой, но ответил подробно:

— Я гражданский, более того, заместитель верховного представителя улана по энергетике. Высокопоставленного чиновника не могут лишить статуса без суда и решения специальной комиссии. Я не должен отчитываться перед капитаном судна, это он обязан докладывать мне. Или следовать указаниям, если не получил иного приказа и решения комиссии улана. Мне это решение не огласили после эвакуации, значит, я сохранил за собой статус и должность. Пока! Поэтому необходимо связаться с руководством для консультаций.

— Я... — Мой испуганный взгляд и сжавшие ткань костюма пальцы от Райо не укрылись.

Он накрыл мою руку своей, сдвинул ее себе на грудь и с абсолютной уверенностью и спокойствием произнес:

— Просто верь мне, Эрика. Вспомни, что я сказал на Драуне: тень может быть лишь одна! Ты навсегда в моем сердце, только ты.

— А вдруг ваши меня не простят, запретят нам быть вместе, не пустят и...

Райо наклонился, коснулся лбом моего лба, потерся носом о мой нос и глухо произнес:

— Верь мне, всегда верь, я не подведу!

— Угу, — кивнула я, сжимая пальцы любимого, напиваясь от них теплом и уверенностью.

Райо улыбнулся, погладил мои щеки, а затем решительно развернулся и ушел. Размышляя, чем бы заняться наедине со своими страхами, сомнениями и мыслями, я обошла свое очередное временное пристанище. Замерла посередине каюты, небольшой, стандартно безликой, серой, с вполне широкой кроватью — вдвоем мы на ней точно поместимся. Откидной стол, пара стульев, встроенный шкаф. И дверь в

санблок, куда я тоже заглянула и убедилась: привычно, стандартно.

Вновь оглянувшись на кровать, обняла себя за плечи. Уже этой «ночью» мы ляжем в нее вместе. А я совсем-совсем в этом деле профан, теорию, конечно, знаю — жизнь среди ходячего тестостерона многому научит, в Академии отношения, как не скрывай, на виду, и порой можно разное увидеть, совершенно неожиданно и не желая того.

Разулась и упала на кровать, коль делать нечего. Постель опять-таки стандартная, почти как в академии, только белье серого цвета, как и переборки. Но лично мне серый идет, так что настраиваться надо на позитив, все к лучшему! Ой, а одеяло — одно, большое, но одно... И опять водоворот мыслей, от которых становится жарко, ведь мы будем под ним вдвоем, близко-близко, обнаженные...

Перевернувшись на спину, уставилась в потолок, такой же нейтральный и серый, как «мир» вокруг, квадраты освещения, датчики оповещения и управления мигают ровным зеленым светом, из вентиляционной решетки дует свежий воздух. Мне показалось, я даже вижу, как поток «парит», как бывает в жаркий день. Таймер на переборке привычно отсчитывает время. Смотрела, смотрела и задремала.

Из сна меня выдернули кошмары. Открыв глаза и отдышавшись, я судорожно осмотрелась: никого, и спала всего ничего. Видимо, курсантская привычка сказалась — выключаться, едва приняв горизонтальное положение. Для Райо еще рано, а мне уже хочется оказаться в его горячих объятиях! Оказалось, разбудила меня легкая вибрация — торможение двигателей. Похоже, корабль вышел из гиперпространства и замедляет ход. Зачем? Сомнительно, что успели добраться до юрисдикции Клерана. Но никакого сигнала тревоги не было, как и предупреждающих об опасности или нападении сообщений, значит, волноваться не о чем. Чего переживать, если на борту свыше трехсот клеранцев — сильных мужчин, настоящих монстров, способных любого врага в бараний рог скрутить?

Валяться дальше сил не было, поэтому я направилась в санблок. Вновь приняла душ, чтобы смыть дурацкие страхи и кошмарный сон, будь он неладен. Одевалась и перед небольшим зеркалом заплела волосы в нетугую косу, лишь бы не мешались и не путались. Коснулась кончиками пальцев лица, порадовавшись, что фингалов и царапин больше нет, кожа чистая и ровная. А внешность как у...

— Несчастливого ангелочка? — вспомнились мне слова подруги.

— Пташко! — услышала я совершенно неожиданно ее голос над головой.

Вздвогнув, задрала голову и, опешив, глядела, как телохранительница снимает вентиляционную решетку. Вспомни черта, называется...

— Ты чего там делаешь? — шепотом спросила я.

— Скорей лезь сюда! — приказала она, скрываясь в люке.

Я залезла на унитаз и, подтянувшись, заглянула в вентиляцию. Мужчина клеранец в этой узкой трубе точно не поместился бы, а вот две похудевшие после беготни и стресса землянки — вполне.

— Ты совсем сдурела, Гриф? — прошипела я. — А нормальным способом, по коридору и через дверь, — никак?

— Мышей на пшеничном поле меньше, чем тут этих клеранцев, — оглянувшись Ровена и, раздраженно откинув пряди волос от лица, продолжила, глядя на меня хитрыми и азартно блестящими глазами: — Плюнуть некуда, обязательно попадешь в любопытного вояку. А мне надо тебе кое-что дико интересное показать. Шевели помидорами, Птичка!

— Я не могу, сейчас Райо вернется, — неуверенно шепнула я, но любопытство уже начало перевешивать: что такое из ряда вон «дикое» вызвало у подруги, прямо сказать, нездоровый ажиотаж и интерес? Это должно быть что-то запредельное.

— Не вернется, он в капитанской рубке, едят и трындят уже час с лишним о чем-то.

— Да на здоровье. Тебе-то чего надо?

Отвечать и уточнять Ровена не стала, а, споро работая руками и ногами, поползла дальше.

Мысленно я оправдала свои действия: лишь одним глазочком гляну, что там мне Ровена показать хотела — и сразу обратно. За этой плутовкой глаз да глаз нужен, а я так, просто как наблюдатель...

— Шевелись быстрее, — недовольно торопила меня Ровена. — Неизвестно, как долго они стоять будут...

— Ты о чем? — просипела я, освобождая свою косу из зазубрины на коробе.

— Скоро узнаешь! — пообещала она.

Какое там, мы лазили по коробам и решеткам с полчаса. Собрали

всю возможную пыль, столкнулись с неизвестной живностью, благо на Драуне научились не орать сразу. Внизу, под нами, ходили туда-сюда, работали и беседовали на своем клеранцы, все исключительно в черном, деловые и собранные. На нас никто не обращал внимания и, что еще более удивительно, не слышал. А ведь пару раз я смачно чихнула. Нам удалось без приключений добраться до конечного пункта — грузовой платформы перед шлюзами орбитальных шаттлов.

С минуту Ровена молча и внимательно знакомились с обстановкой, что-то, а может и кого-то высматривая, пояснять детали не торопилась. Наконец, она решилась спуститься. Мы по очереди спрыгнули вниз, на платформу, и я в недоумении — на кой... мы сюда добирались таким диким способом?! — спросила:

— Грифф, что здесь такого интересного, что ты заставила меня собирать пыль по вентиляции межзвездника?

— Они вышли из гипера, тормозят, неужели не чувствуешь? — глядя на меня горящим взглядом, непривычно азартно спросила Ровена.

И, схватив меня за руку, потащила к шлюзу, из которого мы всего несколько часов назад, убравшись с Драуна, выходили под приветственные крики клеранцев.

— Постой, куда ты меня тащишь? — воспротивилась я.

До люка осталось всего несколько шагов, но я уже догадалась, что именно мне хотела «показать» Ровена. Невольно оглянулась, но на платформе, где недавно была сотня мужчин, сейчас почему-то никого не было.

— Всего десять часов в полете, вышли из гипера, понимаешь, что это значит? — выдохнула Ровена с восторгом.

Я медленно вытянула из ее ладони свою руку и, на шаг отступив, глухо предположила:

— Вероятно, мы на общих транспортных магистралях? В знакомых тебе местах?

— Умная девочка! — с улыбкой похвалила Ровена, разбираясь с панелью управления шлюза. — Это значит, что наш шаттл быстро подберут. Дальше мы легко доберемся до любой мало-мальски известной станции, порта или планеты.

— Шаттл — не наш, это собственность Клерана, — напомнила я. — А воровство там карается смертью.

— Так мы не воруем, мы одалживаем! — фыркнула потенциальная

угонщица.

— Гриф, тебе не кажется, что такими темпами ты загонишь себя в неоплатные долги перед Клераном, — иронично возразила я.

— Не я, а мы! — гнула свое она, а потом веско добавила: — Ну какие долги? Мы для выполнения особо важной задачи шаттл берем. Я же обещала шир Алесио уничтожить Гонга и его шайку-лейку... так что, можно сказать, с горячим энтузиазмом спешу выполнить. Откровенно говоря, мало приятного быть должником Клерана. С учетом их особенных даров... Как вспомню Фалька со змеями и трупам, так внутри все переворачивается. Бр-р-р...

— Ровена, прости, но я против твоей идеи. И уж точно никуда с тобой не полечу.

— Ты из-за Райо, да? — удивилась она. — Брось, это явление временное, любовь-морковь завянет и...

— Нет! — Мотнула я головой, еще на шаг отступая назад.

— Да включи ты мозги уже! — зашипела Ровена. — Перед тобой весь мир! Понимаешь? Тысячи красивых, сильных, умных мужиков могут стать твоими. Выбирай любого, да хоть сразу несколько! За время службы я обзавелась нехилой сетью информаторов, открыла счета, есть тайники и документы. Мы богаты, Эрика! Мы свободны от всего! Можно сменить личности, внешность, жизнь! Такой шанс выпадает единожды и то редким счастливым! Я лишь мечтала о подобном, но знала, что пока жива, из лап АБНЗ мне не вырваться. Но теперь я для них — живой труп, который пользуют всем Драуном. Поверь, за это я устрою им миниапокалипсис.

— Я не могу полететь с тобой, — ровно ответила я.

— Можешь и полетишь! Я научу тебя всему, что знаю. Верный человек мне очень нужен, а с тобой мы слишком много прошли. Ты хорошая, умная. Раздадим долги и заживем как белые люди, богатые, свободные, красивые...

— Ровена, — посмотрела ей прямо в глаза, — я никуда не полечу.

— У нас нет времени на споры. Повезло, что никого нет, — отрезала Ровена, шагнув ко мне и взяв за руку.

— Хочешь сделать меня заложницей? Ты же знаешь, что Райо никому не позволит причинить мне вред. И скорее всего, отпустит шаттл с нами, чтобы не усугублять проблему.

— Эрика, ты умная девочка, подумай еще раз, зачем он тебе

нужен? Зверь — настоящий, а не придуманный. Мало ли что с ним будет завтра? Ты же всего лишь тень для него, а там, за бортом, десятки миров. Тысячи таких как он, а есть и гораздо лучше, понимаешь? Наша свобода и богатая жизнь! Я клянусь, что не брошу тебя, не трону и не предам. Но ты нужна мне сейчас, чтобы уйти отсюда. А Райо... немного пострадаешь в разлуке и забудешь его. Поверь, я знаю, о чем говорю.

Горько усмехнувшись, я снова вырвала руку из ее ладони со словами:

— Я не раз говорила тебе, ты ничего обо мне не знаешь.

— Пошли со мной, — зло приказала Ровена. — Поживем узнаем...

Мы замерли друг против друга, глядя глаза в глаза:

— Я не могу полететь с тобой, потому что не выживу без Райо.

— Оставь эти душещипательные бредни, другие выживают, чем ты хуже! — разозлилась Ровена.

— Не знаю, как давно ты служишь в АБНЗ и в курсе ли той истории, но я с Электуса.

— Секта однолюбков? — спустя мучительно долгое мгновение глухо выдохнула она.

— Да, — скривилась я. — Основатель Электуса — мой дед, его сын — отец. Они много лет искали информацию о тех, кто, как они говорили, отмечен синдромом однолюбков. Фридрих Дан основал секту и больше сорока лет со сподвижниками усиливал эту особенность, создавал идеальных жен — верных, послушных, способных любить исключительно одного, единственного. Вся линия со стороны моей матери из однолюбков, мой отец тоже с этим синдромом, и я — третье поколение смещения носителей гена с максимально усиленной особенностью. Я не просто люблю Райо. Для такой, как я, теперь он равен богу. Умрет он — умру и я. Его раны — мои раны, его боль — моя в стократном размере. Я не могу предать любимого, бросить или заменить. Я настоящая нидаш. Чтобы это слово не значило для самих клеранцев, для тех, кого создал Электус, я — настоящая тень своего мужчины. Я сделаю все, что он попросит, пойду на все, что пожелает...

— Мне тебя так жаль, Эрика! — потрясенно выдохнула Ровена.

— Почему? — улыбнулась я. — Райо тоже любит меня, я уверена, мы будем счастливы.

— Электус... был моим первым заданием на службе в АБНЗ. Забытая людьми и богами станция, где безумный фанатик пытался

создать идеальных жен, верных до смерти, красивых и послушных, почти рабынь. Я видела тех женщин, девочек. Они, словно хрупкие беззащитные цветы, жалась к своим мужчинам, отцам. Действительно красивые, нарядные, эфемерные... напуганные до смерти, — неожиданно призналась Ровена, а потом, нахмурившись, почему-то окинула меня пристальным взглядом: — Подожди, тогда тебе было двенадцать, и... я слышала, что сын Фридриха Дана был настоящим садистом, убил свою жену, а потом покончил с собой...

Я облизнула пересохшие губы, те воспоминания еще причиняли боль, не забылись.

— Отец нечаянно убил маму. Забылся, не рассчитал силу, а потом... он же тоже однолюб и не смог жить без любимой женщины, каким бы монстром не был в душе. Фридриха Дана арестовали, а меня очень дальний родич со стороны мамы в военный интернат отправил. После помог поступить в Военно-космическую академию.

Напарница будто забыла о побеге: задумчиво смотрела на меня, нахмури брови. И опять удивила:

— Данные по Электусу засекретили сразу. Не знаю, в курсе ли ты, что жена Фридриха Дана была с Клерана. Выходит, в твоей крови есть четвертинка их крови.

Ровена сникла, потускнела, словно ее мучила жалость, неуместная и даже опасная сейчас жалость. Но эта женщина всегда и любыми путями добивается своего:

— Прости меня, Эрика. Но ты должна пойти со мной. Иначе мне не выбраться отсюда живой.

— Ты ошибаешься. Райо никогда не лжет, он пообещал, что с их стороны тебе ничего плохого не сделают. Доберемся до Клерана, а там вы обсудите дальнейшие шаги и...

— До Клерана? — зло выдохнула Ровена. — Какими бы они не были порядочными, всегда найдутся те, кто против. В итоге, совсем скоро заинтересованные лица узнают, что осужденные Гриф и Пташко живы и вполне себе здравствуют, вне Драуна. И тогда я еще долго не смогу подобраться к этому выродку, Гонгу. Нет, Птичка, я хочу жить свободно, богато и счастливо. Сейчас, а не через десять лет, если мне повезет достать Гонга хотя бы тогда.

— Если ты угонишь шаттл, то точно не рассчитаешься с Клераном, — призывала я.

— Ой, да что там стоит какой-то скромный кораблик, — фыркнула Гриф. — В счет аренды я поделюсь с его владельцами парочкой весьма дорогостоящих секретов о соседях Клерана, те еще проказники. После этого меня не только простят — премию дадут. Пойдем, ты мне ненадолго нужна, потом вернешься к своему божественному шир Алесио.

— Нет! — категорично отказала я. — И тебе не позволю забрать шаттл. Ты навредишь репутации Райо. Мы ему и так основательно испортили карьеру. Я уверена, клеранцы помогут тебе добраться до Земли. Как-нибудь.

— Дурочка, — поморщилась Ровена, — как-нибудь меня не устраивает.

— Нас тоже, поэтому мы позаботились о вашей транспортировке ближе к цели, — раздался сухой голос Райо.

Мы обе обернулись. Оказалось, настолько увлеклись спором и признаниями, что проморгали появившихся и продолжавших прибывать в огромный отсек клеранцев. Они, словно призраки, только черные, возникали то здесь то там. Высокие, крупные, бесстрастные, с желтыми светящимися глазами. У меня внутри все оборвалось и похолодело, начала бить дрожь. Наверняка они много чего слышали из нашего разговора, если не все и... с самого начала следили за нами. За Ровеной.

Я испуганно смотрела в лицо любимому и краем глаза отметила тень за спиной Ровены — неожиданно появился Нофаль. Обездвижив ее, приставил к ее шее оружие и...

— Ой!

— Нет!!! — одновременно прозвучали наши испуганные возгласы.

Через мгновение Нофаль выпустил Ровену из захвата, бесстрастно глядя, как она потирает место от укола.

— Теперь, как любое ценное должностное лицо Клерана, вы чипированы. Мы всегда сможем вас отследить и, если потребуется... спасти, — официальным тоном объявил Нофаль, глядя на Ровену.

Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони до боли, чтобы не кинуться к любимому с воплем «я не виновата». Хотя, о чем это я? Вентиляцию «чистила»? Да. Подмогу вызвала? Нет. Стояла тут и вела разговоры. А ведь Ровена — один из лучших спецагентов АБНЗ, мне ли не знать, насколько она подготовлена к выживанию в любых условиях. Цинична, эгоистична и слишком легко убивает. Я не стала заложницей

лишь потому, что она хотела моего добровольного согласия сбежать с ней. Да и то, наверное, из-за возможных последствий. Похищение, как ни крути.

— Что вы имеете в виду? Куда транспортируют? — отвлекла меня от самоедства Ровена, обращаясь к Райо.

Настороженно оглядываясь, она отодвигалась от Нофаля, стараясь всех держать в поле зрения и, если потребуется, бежать или атаковать. Хотя, куда здесь бежать-то? В открытый космос?

— Как вы понимаете, специальный агент Гриф, предоставить вам даже в аренду судно, принадлежащее Клерану, я не имею полномочий. И не позволю его украсть. Но вы воспользуетесь им. Что касается вашего замечания о быстро разлетающихся сведениях о беглых шпионах, я с вами полностью согласен. Поэтому мы готовы прямо сейчас пересадить вас на грузовое судно одной из малоизвестных компаний, которое следует на станцию Мармарин. Для этого мы вышли из гипера. Станция принадлежит майджорам. Я уверен, оттуда вы без проблем доберетесь в сектор Земной Федерации. Ваше путешествие мы оплатили.

Один из клеранцев подошел к Ровене и вручил ей пухлый рюкзак.

— Когда вы вытащите из меня эту хре... чип? — хрипло спросила она, потерев шею, но уже более уверенным и спокойным голосом.

— В отличие от АБНЗ, мы ценим своих лучших агентов и готовы беречь их всю жизнь, — бесстрастно заявил Райо, глядя ей в глаза.

— Я не...

— Не стоит переживать о будущем, займитесь настоящим, — Райо резко взмахнул рукой.

Ровена вздрогнула. Она так рвалась на свободу, а в результате из лап АБНЗ попала в лапы Клерана.

— Не прыгайте выше головы, хая, зря не рискуйте, Клеран ценит усилия своих агентов и щедро благодарит за любую помощь. Уверен, что именно вы, майор, сможете в полной мере оценить выгоду от нашего дальнейшего сотрудничества. Теперь вы свободны. Я правильно понял: вы очень торопитесь расплатиться с долгами, чтобы затем насладиться заработанными благами?

— Да, вы, как обычно, правы, шир Алесио, — натянуто улыбнулась Ровена, подмигнула мне и помахала рукой: — До встречи, Пташко, не поминай лихом.

— Эрики Пташко больше не существует, майор, поэтому не стоит рассчитывать на вашу новую встречу, — ледяным тоном предупредил ее Райо — представитель нового работодателя, как я поняла.

Моя бывшая «кузина», напарница, подруга по несчастью и телохранитель, побледнев, бросила короткий взгляд на меня. Затем, мгновение подумав, вскинула темные брови, снова мне подмигнула и бодро, показалось, даже радостно, последовала за сопровождающим. Уже через минуту рядом с нами практически никого не осталось. Где-то работали погрузчики, слышались голоса, как и не было ничего. Я больше не сомневалась, что Ровена попала в ловушку, подстроенную для нас обеих.

— Эх, молодость-молодость, — неожиданно укоризненно покачал головой Нофаль, махнул на меня рукой и ушел.

Мы остались вдвоем, я и Райо.

— Если я твой бог, любимая, почему ты полезла в вентиляцию, а не дождалась меня? — хмуро спросил он. — Могла бы окликнуть любого члена экипажа.

Вытянувшись стрункой, я ощутила себя провинившимся кадетом перед начальником интерната. Как в детстве шмыгнула носом, глотая слезы и преданно глядя в глаза «старшему», а ныне любимому, виновато призналась:

— Глупая. Повелась на «летим, птичка, там много интересного». А когда поняла, куда приползла, хотела окончательно убедиться, что Ровена не изменилась. Снова обманула. Понимаю, что выгляжу поидиотски, но... я надеялась, что она передумает. Не хотела кричать, чтобы не подставить, опасалась, что в этот раз ее накажут, а...

Я скорбно пожалала плечами, опуская голову, не в силах больше смотреть в глаза своему личному богу, — и оказалась в объятиях любимого. Всхлипнув, обняла его крепко-крепко и разрыдалась.

— Прости меня, пожалуйста.

Райо подхватил меня на руки и понес прочь с платформы, сетуя:

— Как на тебя сердиться, нидаш, если даже твои ошибки из лучших побуждений. — Неожиданно он усмехнулся мне в висок: — Придется заняться твоим воспитанием.

— Значит, ты все слышал, да? И видел? — тоскливо спросила я, уже догадавшись об ответе.

— Да. Ваше передвижение по вентиляции отслеживал искин

корабля, а на платформе мы слышали каждое слово и видели все.

— Понятно... — Вернее, непонятно, что они подумали про секту и селекцию идеальных жен.

— Надеюсь, ты подробно расскажешь о своем прошлом. Ваш синдром однолюба и феномен идеальной нидаш... жены, многих заинтересовал, — мрачно и, похоже, ревнуя, попросил Райо.

— Мне кажется, на идеальную жену я совсем не тяну, тебе досталась неправильная, — уныло призналась я.

Райо усмехнулся, смерил меня пытливым взглядом, в котором явственно мелькнули нежность и желание, крепче прижал к себе и ответил:

— Чем сильнее у мужчины зверь, тем больше он ценит женскую слабость, податливость, послушание и нежность. Ты идеальна во всем. Даже в пыли, даже ошибаясь. Даже сбегав на Драуне, ты стала еще желаннее и вкуснее как добыча. Раздразнила, разбудила все инстинкты, завладела мыслями.

— То есть, земная пословица: что ни делается, все к лучшему — права?

— Более чем, — улыбнулся Райо.

Я обняла его крепкую, сильную шею, счастливо вдохнула мужской аромат и выдохнула с громадным облегчением. Может быть, он попросту успокаивал меня, чтобы прекратила лить слезы, но все равно легче стало. Ведь он старался ради меня. И все же высказала сомнение:

— Только жаль, что Ровена снова на крючке, но уже у вас. Она так мечтала о свободе, а вынуждена опять рисковать, убивать...

— Среди любого народа есть такие как твоя «кузина» — деятели теневого мира. Не важно, какого они пола или расы, это их суть, характер, цель жизни. Такие как она никогда не успокоятся, не будут жить мирно и законопослушно, опасность щекочет им нервы, придает вкус жизни. Их не обязательно осуждать или наказывать, лучше использовать на благо. В данном случае, на благо Клерана. В силу нашего менталитета мы редко используем агентов женщин, но, познакомившись с майором Гриф, лично я осознал наше заблуждение. Не бойся, за ней проследят и помогут, если будет необходимо. Что касается свободы. Земля пока не входит в сферу интересов Клерана. Это мы кость в горле, как говорят ваши пословицы, для некоторых политиков Земной Федерации. Поэтому сомневаюсь, что хая Ровена

надорвется, работая на нас. Более того, опыт мне подсказывает, что скорее сама о себе напомним, а не наоборот.

— Надеюсь, у нее все сложится хорошо, — пожелала этой яркой смелой женщине удачи.

— Эрика, больше никаких вентиляций, риска и подобных авантур! — с нажимом предупредил Райо. Фактически приказал.

— Прости, я больше так не буду, — примирительно улыбнулась я.

Клеранцы провожали нас любопытными взглядами и улыбками. И вновь я задумалась: «Что будет дальше, когда мы останемся в каюте наедине?»

* * *

Дверь вновь с шелестом закрылась за спиной Райо, мы остались одни в тишине небольшой, серой, с приглушенным освещением каюты. С той разницей, что сейчас моему политику вряд ли нужно куда-то по делам. Я настороженно замерла у него на руках в ожидании, а он мягко усмехнулся:

— Наверное, тебе хочется принять душ.

Я покосилась на локоть правой руки, которой обнимала любимого за шею, и смущенно кивнула:

— Да.

Еще как хочется: на черной форме прекрасно видна вся «звездная» пыль, а кое-где и паутина и, кто знает, что еще за мусор бывает на космическом корабле.

Райо поставил меня на пол, первым зашел в санблок и, пока мыл руки, загадочно поглядывал на меня, переминавшуюся с ноги на ногу у порога. Я то порывалась расстегнуть куртку, то поглядывала по сторонам, лишь бы не встречаться со все понимающими желтыми глазами. Наконец, осталась наедине с собой и быстро приняла душ. Затем, тщательно расчесав высушенные до блестящей волны волосы, опять ставшие красивыми и блестящими, судорожно выдохнула, принимая нелегкое решение: выйти к Райо раздетой или надеть что-нибудь? Что?

Когда я в белой майке, трусах и носках, еще перед этим нервно хихикнув про себя: «Как невеста», открыла дверь санблока —

удивленно воззрилась на Райо, зачем-то собравшего нашу удобную кровать в узкий диван, рассевшегося на нем вальяжно, расслабленно, как на отдыхе, только в штанах и босиком, демонстрируя крепкий, рельефный торс и сильные руки.

Вспомнилось, как два дня назад мы стояли обнаженными под струями воды у ручья. Райо тогда касался моего тела, ласкал грудь, целовал, я видела его возбуждение — все было так естественно и прекрасно... Так почему сейчас встала у двери в нижнем белье и мнусь в нерешительности? При этом сама не в силах оторвать глаз от любимого. Даже в рубцах мой мужчина не просто восхищает, от него подгибаются колени, бурлит кровь, до зуда в пальцах хочется не только прикоснуться — прижаться к этой мощи всей кожей. Посмотрев прямо в желтые, нет, уже золотистые звериные глаза, я хрипло спросила:

— Мне раздеться или...

— Как хочешь, лишь бы ты чувствовала себя комфортно, — спокойно ответил Райо и протянул мне руку, безмолвно предлагая подойти.

Поправив майку, я как-то робко подошла и вложила свою ладонь в его. Он неторопливо, плавно, легко, словно мы делали это не раз, посадил меня к себе на колени, лицом к лицу, слишком близко, слишком интимно. Только я подумала, что вот, прямо сейчас начнется «это», Райо неожиданно попросил, прижимая меня щекой к своему плечу:

— Расскажи мне о своем прошлом, пожалуйста.

Зарылся в мои волосы носом и руками. Согревая своим дыханием, массировал мой затылок, без слов предлагая довериться.

— Что именно тебя интересует? — немного помолчав, уточнила я. Не ожидала вообще-то, настроившись заняться сексом с мужем, что придется беречь душу.

— Все. Начни с Электуса. Что ты помнишь о себе. Мне интересно, каким было твое детство, юность...

Согретая его ласковым, располагающим теплом и голосом, в котором не прозвучало ни пустого любопытства, ни «служебной необходимости», не видя подмечающих все внимательных глаз, слушая мерное биение его сердца, я постепенно расслабилась. Попроси кто-то другой рассказать о прошлом, я бы, наоборот, насторожилась, закрылась. Вполне вероятно, категорически отказалась бы излить

душу, делиться болью и страхами. Но вот сейчас просьба Райо дала некую «отсрочку» перед неизбежным. Меня даже не столько неминуемая боль от первой близости пугала, сколько неуверенность: вдруг ему не понравится со мной? Вдруг я окажусь бревном, по поводу которого часто трепались не слишком воспитанные курсанты и излишне болтливые кадеты, начинавшие познавать мир секса?

За прошлое не было стыдно, что есть, то есть — другого не дано. Я любила маму и со светлой грустью делилась воспоминаниями о ней с любимым, прикинув к нему всем телом. Я чувствовала, что он улыбался, пока рассказывала о ней; и успокаивающе поглаживал меня по спине, когда говорила об отце, жестоком и вспыльчивом; об отстраненности и равнодушии «отца» станции Фридриха Дана. О том, чему нас учили и как. Благодаря поддержке Райо, впервые рассказала о том, что пережила на Электусе, когда папа убил маму, а потом я нашла его тоже мертвым.

— В нем было слишком много жестокости, — хрипло вспоминала я. — Почти звериной, неконтролируемой, бешеной. Он сам мучился от этого, пытался сдерживаться, но любая мелочь могла вызвать в нем шквал ярости, который сметал разум, оставлял лишь жажду причинить боль любому, кто находился рядом.

— Ровена сказала, твоя бабушка со стороны отца — клеранка. Если это правда, скорее всего, в нем жил зверь, как в любом из нас. Возможно, мать не научила его справляться с ним. Бывает и так, что зверь сильнее личности, в итоге клеранцем правят инстинкты. Подобные мужчины часто вспыльчивые, плохо управляемые, злобные и признают исключительно право сильного...

— А женщины? Как со своим зверем справляются они? — резко подняв голову, я заглянула в глаза Райо.

Прежде чем ответить, он обеими руками забрался в мои волосы, помассировал большими пальцами шею и затылок, вызывая приятные мурашки на ставшей очень чувствительной коже, и с улыбкой ответил:

— В женщинах зверя нет. Будущие матери должны дарить тепло и ласку, благотворно влиять на своего мужчину. Но не заблуждайся, не все клеранки мягкие и пушистые. Гены и кровь у нас одна, порой наши женщины яростней мужчин. Настолько сильные, что предпочитают мужчину со слабым зверем, чтобы создать гармоничную пару.

— Надо же, — удивилась я, жмурясь от удовольствия как кошка

под волшебными руками Райо.

— Ты несколько лет жила в интернате, где кадетов мальчиков больше, чем девочек. Затем в Военно-космической академии, — вернул меня в реал очередной вопрос Райо. — Как вышло, что за столько лет ты не была с мужчиной? Насколько я знаю, у землян нет ограничений, существующих на Клеране, к примеру.

Распахнув глаза, я вновь смотрела в лицо Райо, обдумывая ответ на деликатный вопрос. Мой мужчина наблюдал за мной с интересом, при этом опустил руки вниз и начал медленно, наверное, рассеянно гладить мои обнаженные бедра, подбираясь ближе к самому сокровенному.

— В интернат я попала прямо с Электуса. Окунулась в иной мир, совершенно отличный от прежнего мирка, в котором прожила двенадцать лет. Там меня быстро научили, что мужчины не равны богам, не обязаны защищать девочек, все они кобели и пустозвоны. Мне пришлось с первых дней бороться за себя, честь и достоинство. Дети бывают злыми, они не умеют сочувствовать, часто не понимают, что калечат тех, кто выделяется из общей массы. Плюс я училась каждую свободную минутку, ведь на Электусе девочек учили быть идеальными женами, а образование — постольку поскольку. Мне пришлось за четыре года наверстать все, на что у других ушло в два раза больше времени.

— И в академии? Неужели ты не встретила там мужчину, которым можно было бы увлечься? Не влюбиться, а захотеть физически? — Райо смотрел с любопытством, но потемневшие глаза выдали его.

Спокойствие — напускное, зверь — ревнивый, даш хочет знать о своей нидаш все в мельчайших подробностях. Еще и усилившийся нажим пальцев на моих бедрах тому подтверждение. Я пожалала плечами, поморщилась, а потом призналась:

— Двенадцать лет в меня вбивали, что к избраннику я должна прийти невинной. Хранить ему верность до самой смерти. Ежедневно, на каждой проповеди «отца», распекали тех, кто хоть в чем-то ослушался мужа или отца. Мой — лупил кнутом за любой огрех. Потом мама и он умерли, а я осталась одна. Я не искала любви, больше того, я ее боялась, избегала. Всеми силами хотела сохранить свободу, в моем понимании, равнозначную жизни. Любой представитель сильного пола для меня был потенциальным врагом, представлял опасность. Я мечтала исключительно о карьере, своем доме... котике или собачке...

— А дети? — тихо спросил Райо.

Его пальцы перестали сжимать мои бедра и начали легонько поглаживать.

Пожав плечами, я ответила:

— Ребенка можно родить и без мужчины, анонимного донора можно найти в любой клинике.

— А удовольствие? — Желтые глаза хитро блеснули.

— До тебя я ни разу не испытывала влечения, — призналась я.

Зверь Райо подобрался совсем близко: золотисто-желтые глаза горели, излучали свет, как фонарики в полумраке. Но страшно не было, наоборот, такая реакция любимого мужчины на мои откровения придала уверенности. Свет его глаз — яркий, добрый, радостный!

— Как ты училась в академии? — Темная бровь приподнялась на высокий лоб, перечеркнутый рубцом.

Я прижалась грудью к его груди, чуть приподнялась и огладила лицо любимого. Потом, зарывшись в его темные волосы, наслаждаясь их гладкостью, шелковистостью и нашими тесными объятиями, мурлыкнула довольной кошкой:

— После интерната вполне нормально. Все же в академии учатся взрослые люди, дисциплинированные, их проще поставить на место, а иногда и припугнуть рапортом руководству. Академия мне многое дала. Помимо знаний, это еще и опыт взаимоотношений в коллективе. Благодаря стажировкам я, наконец-то, кое-где побывала, многое увидела. Прошедшие четыре года были по-своему хороши.

— Учитывая твою порядочность, патриотичность и честность, не могу не согласиться: твоя академия — достойное заведение, учтем.

Я вскинула брови:

— Ты все-все учитываешь?

— Все-все, — согласился он с улыбкой.

— Ох! — выдохнула я, когда его рука скользнула между моих ног.

Пальцы Райо залезли под край трусиков, нашли одно «волшебное» местечко и ласкали меня все более настойчиво, пробуждая ответный жар, посылая по коже сумасшедших мурашек, заставляя рвано дышать и двигать бедрами в его ритме. Я то гладила, то сжимала его плечи, грудью касалась его груди и ощущала, как внизу живота скапливалось напряжение и требовало выхода.

Облизнув пересохшие губы, я умоляюще посмотрела в лицо Райо,

вцепившись в его обнаженные плечи, особенно остро ощущая руками голую, горячую кожу и твердые перекатывающиеся мышцы. Я и не думала, что настолько серьезный, эмоциональный разговор-откровение неожиданно перейдет в чувственные игры. Поэтому замерла в нерешительности, не зная, что делать дальше: снять или остаться в этих дурацких белых трусиках, под которыми Райо творил со мной что-то невообразимое, волшебное. В ответ на немой вопрос его вторая рука, лежавшая у меня на спине, переместилась на мой затылок. Он приник поцелуем к моим губам, распалая, заставляя хотеть большего.

Мой невероятный мужчина никуда не торопился, целовал и целовал. Я старательно отвечала, наслаждаясь ощущениями, и только когда забыла дышать, неохотно оторвался от моих губ. С откровенным удовольствием облизнулся и заглянул мне в глаза. Дальше я тонула в золотистом сиянии его глаз и с трудом сдерживала стоны, ведь он ни на мгновение не прекращал ласкать мое лоно.

Райо обвел свободной рукой мои скулы, подбородок, коснулся губ, большим пальцем надавил, предлагая приоткрыть, — и проник внутрь.

— Приласкай его языком, согрей ртом и увлажни, — от вкрадчивого, завораживающего голоса Райо все волоски на моем теле встали дыбом от возбуждения.

Послушная его воле, следуя негромким указаниям, я ласкала его большой палец, играла с ним языком, посасывала. Потом, обеими ладонями обхватив его руку, отдалась этой странной, необычной, незамысловатой ласке. Палец во рту и другой, что уже внутри моего лона, творили с моим телом что-то на грани, разбудили все рецепторы, инстинкты и чувства. И неожиданно палец выскользнул из моего рта, погладил губы, а Райо, прежде чем поцеловать, хрипло предложил:

— Теперь ты знаешь, как доставить мне удовольствие ртом. В любой момент, если захочешь.

Я послушно шепнула, пытаясь слезть с его колен:

— Сейчас?

— Не сегодня. Эта ночь только твоя, моя нидаш... — Хрипотца в голосе даша, вернувшего меня обратно, подсказала, что он далеко не спокоен, как может показаться.

Я захныкала от жара, терзавшего меня между ног, елозила, задыхалась от нахлынувших ощущений. Откинув голову, полностью отдалась сводящему с ума движению его пальцев внутри меня. Еще

минута — и я содрогнулась от удовольствия и обмякла у Райо на груди, выдохнув:

— Спасибо...

— Не за что, любимая, — шепнул Райо с мягкой, игривой усмешкой, стягивая с меня майку.

— Продолжим? — спросил он, положив обе ладони на мою грудь, обнаженную, чувствительную.

— Да-а-а... — попросила я.

Наслаждение искрило в моей крови, растекалось по венам и кружило голову.

— Тогда раздень меня и сними белье, — предложил Райо, сверкнув золотыми глазами.

Облизав губы, я опустила взгляд: штаны в паху выпирают слишком сильно — мой любимый тоже на пределе. Медленно встав с его коленей, я сняла трусики под его полыхающим желанием взглядом. Наклонилась над ним и начала расстегивать штаны. Наверное, я раздевала Райо слишком неумело, а когда коснулась напряженной плоти — он не выдержал и резко содрал с себя одежду вместе с бельем. Похоже, хваленая «политическая» выдержка тоже имеет границы. Райо сел и сквозь ресницы наблюдал, как я дразняще медленно залезла к нему на колени.

Райо тщательным образом изучал мою грудь, сначала руками, потом губами. А когда я чуть не начинала умолять его взять меня побыстрее, потому что не было сил терпеть, отклонялся назад и предлагал мне повторить все, что он проделывал. Оглаживая, касаясь губами его груди — каменных от напряжения и возбуждения пластов мышц, обтянутых влажной солоноватой кожей с розовыми рубцами, — я заводилась еще больше.

В очередной раз, когда его рот ласкал мою грудь, а пальцы лоно, я потерялась в своих ощущениях. Ерзала, подавалась бедрами к нему, ближе, ближе, теснее, глубже, Райо слегка меня укусил за вершинку — тело от макушки до поджавшихся пальчиков ног прострелило от наслаждения. Словно именно этого жеста не доставало, чтобы окунуться в новую волну экстаза.

Пока я приходила в себя, распластавшись на Райо, он вернул дивану форму кровати и через несколько мгновений, оказавшись между моих бедер, одним тягуче-длинным движением вошел в мое лоно,

заставив меня пискнуть от болезненного укола и зажмуриться. Замер, давая мне возможность приспособиться, ощутить его и продолжил, когда я подалась ему навстречу, неторопливо, мне кажется, наслаждаясь каждым движением, каждым толчком. Райо перекинул большую часть своего веса на одну руку, а второй придерживал мою голову. И каждый раз, когда я открывала глаза, не просто смотрел — любовался, вглядывался в мои эмоции и ощущения.

Раньше я считала, что лишение невинности — не тот случай, когда можно получить удовольствие. Как же я ошибалась! Благодаря разнежившему меня Райо, разгорячившему, тщательно подготовившему к «ночи» любви, дискомфорт вскоре прошел, а его плавные, сильные, ритмичные движения позволили мне привыкнуть к «вторжению», приноровиться, немного расслабиться и отвечать. Вскоре мы смотрели глаза в глаза, Райо рвано дышал, гладил пальцами мое лицо и двигался... двигался... пока я не ощутила, что внутри снова просыпается то самое напряжение, которое вот-вот выплеснется наружу. Пространство наполнилась моими стонами, пошлыми, как я раньше считала, «влажными» звуками, шумно задышал Райо, и наконец пришел момент, когда я сорвалась в бездну удовольствия, и следом за мной любимый содрогнулся всем телом и зарычал.

Не в силах справиться с эмоциями, я заплакала, уткнувшись во влажное от пота мужское плечо.

— Надавил? Сделал больно? — Райо обеспокоенно отстранился и попытался лечь рядом.

Но я, словно та самая тень, обхватив его руками, повернулась вместе с ним не желая выпускать из своих объятий.

— Нет, просто я не верила, что может быть так хорошо... что бывает столько счастья, — всхлипнула я ему в грудь.

Райо зарылся пятерней в мои волосы на затылке, рассмеялся хрипло и прижал меня к себе крепче:

— Сегодня, к сожалению, мы не узнаем, что нам может быть еще лучше.

— Устал? — встрепенулась я.

Мою макушку обдало его дыханием, затем я ощутила поцелуй и услышала спокойное пояснение:

— Нет, конечно. После первого раза тебе обязательно надо отдохнуть. У землян более слабая регенерация, поэтому давай проявим

немного терпения и выдержки, тогда следующий раз станет настоящим чувственным откровением.

— Ого, обещаешь? — выдохнула я, предвкушая, и игриво укусила Райо за грудь.

— Гарантирую, — усмехнулся мой даш. — Ты хочешь поесть?

— Да, было бы неплохо, — я довольно потянулась, — но идти в вашу столовую...

— Я попрошу принести сюда, но тогда нам надо привести себя в порядок.

Выбравшись из моих рук, он встал, показывая себя во всей красе. У меня аж дыхание перехватило: мой любимый самый-самый и обещал...

— Твое лицо и глаза — отражение мыслей и чувств. Не представляешь, сколько удовольствия и гордости я испытываю! — рассмеялся Райо, собирая нашу одежду возле кровати.

— Э-э-э... да-а?..

— Я вижу, когда ты счастлива, что тебе нравится... что восхищаешься моим телом, а другие видят искренние чувства, любовь ко мне. Это невероятно приятно лично мне, плюс снимает напряжение у зверя: чем меньше ревности, тем больше спокойствия. Мне необходимо спокойствие в работе и уверенность.

— А мне? — хрипло, сорванным от стонов голосом спросила я.

— Что тебе? — удивился Райо, поднимая меня с кровати.

— Мне тоже нужно спокойствие...

Райо посмотрел на меня в некотором удивлении, а затем с прямо-таки железной уверенностью сказал:

— Теперь я знаю твои особенности и откуда растут ноги у твоих страхов и сомнений. И еще раз прошу: верь мне, Эрика. Мы едины! Зверю нужна лишь одна — та, что владеет сердцем. Эту истину знает любой клеранец. Как человек, мужчина, я прожил достаточно, чтобы выбрать свою женщину, ту, которую люблю. Навсегда, по-другому у нас не бывает. И теперь уже больше никого другого у меня не будет. Мы семья!

— Ты знаешь, как я тебя люблю?! — радостно выпалила я.

— Только догадываюсь, — откровенно притворно проворчал Райо, направляясь к санблоку.

Я отклонилась от него и раскинула руки:

— Вот так!

— У меня руки длиннее, значит, я люблю сильнее! — шутливо настаивал он.

— Зато тебе досталась идеальная жена, ну почти, — хихикнула я и немного грустно добавила: — Правда, скажу честно, совершенно отвыкшая сидеть дома, по сути, сиротка из интерната. Чем я буду на Клеране заниматься? Непонятно. Я в четырех стенах с ума сойду от скуки.

Райо включил душ, повернул меня спиной к себе и, поливая водой, предложил:

— На службе мне всегда необходим помощник, как у вас говорят... секретарь. Пока ты не мать, почему бы не разделить со мной служебные обязанности. Мне будет слишком мало тебя лишь по вечерам, поэтому я буду рад, если ты и в рабочее время поделишься своим теплом, умом и подаришь улыбку, любимая!

Я остолбенела: чтобы «замминистра» по энергетике предложил мне место секретаря? Мечты сбываются на Клеране!

Медленно обернувшись, сложив ладошки на груди, я с отчаянной надеждой посмотрела на Райо:

— Ты правда разрешишь мне работать?.. С тобой... твоей... ну ты меня понял?

Райо усмехнулся, склонил голову к плечу, разглядывая меня и явно наслаждаясь и моим обнаженным телом, и эмоциями, и восторгом. И кажется, даже тем, что я задала этот вопрос, спросила у него разрешения.

— Правда. Мне хочется, чтобы ты была рядом, всегда. Так что я постараюсь удовлетворить наше общее желание о твоей занятости, — привлекая меня к себе, пообещал он.

Про себя я решила позаботиться о том, чтобы его потребности совпадали с моими, тогда счастливее меня никого не будет. С политиками до мозга костей по-другому никак, а то навяжут свое видение моих «потребностей».

Но боже, как же мне, оказывается, повезло в жизни. Достался самый ласковый, любимый и любящий Зверь во всей вселенной.

Спортивно-тренировочный отсек на клеранском корабле внушает уважение не меньше, чем фитнес-клуб на «Вселенной радости». Здесь есть не только зоны для поддержания физической формы, но и целые блоки, имитирующие части кораблей, полосы препятствий и модули для виртуальных боев. На большой круглой площадке для рукопашных единоборств мой даш каждый день тренируется со своими призванными контролировать оборот, как они говорят, трансфигурацию.

Вот и сегодня мы с Иликой сидим на «зрительских» местах у переборки и, посматривая на группу наших новых «родичей», как она их упорно называет, занимаемся клеранским языком. Илике проще, она расширяет словарный запас, а я старательно заучиваю новые слова с ноля, не без ее помощи. К тренировкам «драунцев» сразу присоединился не только Нофаль, но и двое десантников, участвовавших в спасательной операции. Больше в отсек никого не пускают во избежание проблем с контролем и «последствиями».

Так как Зверя способна усмирить лишь «та, кто в сердце», мое присутствие на тренировках было необходимо. Шесть суток назад, «на утро» после брачной ночи, Райо привел меня сюда и попросил работать гарантом его спокойствия. В тот момент я не сразу поняла важность «работы». Как дурочка сидела и с блаженной улыбкой любовалась «нанимателем», пока он в одних штанах сидел в кружке с другими. Ну мало ли, вдруг у них медитация «от нервов». А потом как-то резко нервничать пришлось самой, когда в окружении «медитирующих» вместо Райо выпрямился знакомый черный монстр — Анубис из египетских легенд. Дальше — больше: практически по цепочке частично трансформировались Фальк, Ойр и Матео. Только Нофаль и десантники не изменились, они восхищенно замерли, глядя на счастливиц.

С того дня тренировки проходили регулярно. Райо признался мне, что для него чрезвычайно важно подготовить организм к неизбежным гормональным перегрузкам, чтобы не отключаться каждый раз на полсуток. На вопрос «Зачем?», ответ оказался банально прост: чтобы однозначно остаться при должности, поддержать репутацию, добавить... заслужить... В общем, чего от политика ждать?

Наш полет длится уже семь стандартных суток и через несколько часов мы прибудем на орбитальную станцию — космопорт Клерана. И, наконец-то, сегодня «новенькие» смогли измениться чуть больше.

Потом на ковре начался спарринг.

— Эшту, — шептал в наушниках приятный мужской голос, крадучись проникая мне в подкорку, и я послушно повторяла слова и их значения. — Член... часть тела, участник коллектива, уравнения...

— Эшту, Эрика. Без «а». Иначе выходит плохое слово, ругательное, мне пата сказал, — дернула меня за рукав черной форменной куртки Илика.

Девочка, к слову, тоже «щеголяла» в похожем на мой костюмчике. Обернувшись к ней, я смущенно поблагодарила. А все из-за Райо: не могу теперь на него, даже полуобнаженного, спокойно смотреть. Внутри все загорается, плавится, тянет от желания. Наши звездные ночи стали для меня откровением, а любимый — еще и прекрасным наставником в любовных играх. Он раз за разом доводил меня до чувственного безумия, играл с моим телом как на хорошо настроенном музыкальном инструменте и подсказывал, как порадовать и его. И мне это удавалось!

Райо был терпелив, когда я пылала и хотела всего и сразу, и только пульсировавшая жилка на шее выдавала и его желание скорее доставить мне удовольствие. Он начинал ласкать меня по-другому, менял позу, целовал, нашептывал, какая я страстная, вкусная, как пахну... Его любовь ощущалась во всем. Даже порой откровенное доминирование и инстинктивное стремление все контролировать не вызывали раздражения или отторжения, как раньше. Я, как цветок Электуса, медленно, но верно раскрывалась для одного единственного мужчины — моего даша, самого-самого, которого стоило подождать.

— Все, пора поесть и отдохнуть. Скоро прибудем в порт. — Рядом возник виновник моих грез.

— Пата, — подскочила уставшая сидеть часами Илика и побежала к Ойру.

Я медленно подняла взгляд от пары босых мужских стоп, отметив низко сидящие штаны, скульптурно вылепленное тело, широкую грудь и капельки пота, медленно скользящие по сильной шее. Невольно облизнулась, когда кадык Райо нервно дернулся и желтые глаза потемнели от желания.

— Хочешь? — с хриплой, провокационной улыбкой в голосе спросил Райо, опускаясь у моих ног на колени и заглядывая мне в глаза.

— Уже, кажется, постоянно, — смущенно хихикнула я, сняв

наушники и откладывая кибер в сторону.

Мокрый от дичайших перегрузок, уставший, с синяками под глазами, но такой желанный, Райо подался ко мне, положил ладони мне на бедра и подвинул к себе ближе.

— У вас сегодня отлично вышло. Даже новички на четвертинку изменились. А Фальк, мне кажется, вторым пройдет и полную... если схожий с драунским стресс испытает, — предположила я, обнимая ладонями лицо любимого.

Райо сел, точнее почти обмяк у моих ног, положил голову мне на колени, обняв за бедра, и расслабился.

— Не так все просто и скоро, но, главное, есть с чем работать, — спокойно отозвался он, уткнулся носом мне в живот и с облегчением выдохнул. Словно мечтал об этом всю тренировку.

Я гладила его по голове и плечам, массировала за ушами, шею, наслаждаясь нашей близостью, пока не подошел Ойр с Иликой и не напомнил, что времени на отдых мало.

— Ой, нам бы на своих двоих сойти с корабля, а там как-нибудь доберемся до дома, — грустно отшутилась я, жалея слишком вымотавшегося любимого.

Матео, рухнув рядом на пол, устало пояснил:

— Официальные лица и СМИ встречать нас будут не на станции. Это промежуточный этап, военный порт, а мы гражданские лица. На Клеране мы просто обязаны появиться после Драуна и Фортана, скажем так, торжественно. Чтобы у всех заинтересованных лиц отпали сомнения. Пусть знают, что об нас когти не поточишь, а клыки и вовсе обломаешь.

— Друзья пытаются мне вернуть честь и достоинство, — признался Нофаль, в чем причина мучительных тренировок.

— А для меня честь разделить с вами ковер! — заявил один из десантников, тренирующихся с нашими родичами. — И невероятный шанс под влиянием и с помощью вожака пройти хоть частичную трансфигурацию.

Райо плавно встал, отряхнулся словно пес и приказал:

— Все, хватит разговоров. Сейчас медблок, час на восстановление, затем прием пищи. К выходу мы должны быть при параде.

Зверь еще слишком владел клеранцами, нет-нет, да щерились друг на друга, водили по сторонам носами, глаза сияли золотом. Но мы

дружной компанией выполняли поставленные Райо задачи и даже нашли время отдохнуть в каютах.

Корабль мы покидали той же сплоченной группой, даже десантники присоединились, чтобы проводить нас до Клерана. Но планы неожиданно изменились. Мы уже спустились на платформу станции, когда моих спутников окликнул следовавший за нами капитан. Я возвращаться не стала, пошла следом за Иликой, тянувшей меня к прозрачным панелям станции, чтобы из космоса посмотреть на планету Клеран и ее спутники. И еще не известно, кто из нас оказался более любопытной.

Завороженные красивыми видами, мы переходили от одной панели к другой, не обращая внимания на погрузочные боты, снующий персонал, группы военных в черной форме... Пока трое из них не преградили нам путь. Окинув нашу «космическую экипировку» недоуменными взглядами, они сурово поинтересовались на всеобщем:

— Хая, уточните причину вашего нахождения в закрытой зоне?

Привычно вытянувшись стрункой, я четко, бесстрастно отрапортовала:

— Эрика Пташко. Прибыла на военном судне. Готовлюсь к транспортировке на Клеран.

Выпала... эх, курсантские привычки не изжить...

Военные заинтересованно рассматривали нас с Иликой.

— Хая свободна? Могу я предложить свои услуги по ознакомлению с Клераном? — удивил меня один из них.

Никто из них не тянул к нам руки, не угрожал, но внушительные фигуры, надо думать, патрульных, в броне и с оружием наперевес, напугали Илику. Восемилетняя девочка, выросшая в аду, судорожно огляделась и, не увидев отца, заорала на всю погрузочную платформу. А дальше...

Среагировать не успела ни я, ни желающие познакомиться. Три «кегли» разлетелись в разные стороны, осталось только порадоваться, что они в брониках. Дальше я закрыла уши, услышав знакомый, вымораживающий нутро рев. Мы с Иликой стали центром круга, который медленно, по-звериному плавно и грозно обходил Райо-монстр, сверлил жутким черным взглядом замерших рабочих и военных, пострадавших патрульных и, кажется, ждал малейшего движения, чтобы напасть. Вокруг нас рассредоточились верные ему призванные.

Даже Нофаль сейчас, в минуту опасности для вожака и его «сердца», практически наполовину изменился. Тренировки однозначно облегчили ему трансфигурацию. Жаль, что пара других «новичков», смогла преодолеть лишь четверть пути. Но все равно — дико эффектно!

Пространство затопила оглушающая тишина, мир замер, пока вожак ревниво и злобно кружил возле своей любимой, выискивая врагов и соперников. Но дураков среди клеранцев не оказалось, они с детства свои грустные сказки знают, наученные горьким опытом. Илика отлепилась от меня и обезьянкой запрыгнула на ручки к папе. А я обняла мужа-даша-монстра.

— Тише, тише, родной мой, любимый. — И не сдержалась, посетовала: — Мы же должны были торжественно сойти на Клеране, а на тебе лохмотья остались. Так и пойдем оборванцами?

Любимый монстр приподнял меня, повозил длинной измененной мордой по моей макушке, вискам, шее, щекотно лизнул в ухо. Затем с глухим рычанием выпустил меня из рук и отстранился, чтобы вернуть себе прежний облик. Хвала звездам и богам Клерана, после он устоял на ногах, хоть и привалился ко мне. К счастью, с физподготовкой у меня порядок.

Следом с облегчением выдохнули призванные, вернувшиеся к прежним формам. Вид у всех теперь неуставной, тьфу-ты, не представительный, от слова совсем: взмокшие, усталые, в разорванной одежде. Секундное молчание — а следом послышался восторженный рев толпы, который категорично пресек рык Ойра:

— Тихо! Здесь ребенок и нидаш!

Из переходов в сторону погрузочной площадки бежали сразу несколько вооруженных отрядов, вскоре они с оружием наизготовку образовали мощный заградительный кордон. Злополучные патрульные быстро сориентировались: кинулись к своим и пока докладывали обстановку, к нам подошел капитан с помощником, с ухмылкой протягивающим «оборванцам» стопку новой одежды. Вероятно, в другое время героически трансформировавшиеся клеранцы не стали бы устраивать «стриптиз» прямо здесь, публично, но сейчас... украшенные боевыми рубцами... В общем, красовались дружно, впору фотосессию устраивать. Мы с Иликой отошли в сторону, чтобы не мешать политическим играм.

Дальнейшее «представление» меня не только изумляло —

откровенно веселило. Ни при каких обстоятельствах еще пару недель назад я бы не смогла вообразить, что для кого-то, нет, для целого мира, багровые рубцы могут иметь настолько важное значение. Что строй сильных, умных, красивых мужчин будет потрясен видом жутковатых шрамов на телах соотечественников. Что семеро клеранцев, в разной степени прошедших трансфигурацию, в глазах других соотечественников, безмолвно выказывающих восторг и почтение, выглядят высшими сущностями, спустившимися с неба! Нет, пожалуй, — вожаками!

Уже через несколько минут трое перебдивших патрульных, остановившись метрах в трех, не ближе, глядя вверх и в сторону, чтобы не провоцировать «лихо», принесли нам с Иликой, ее отцу и моему дашу самые глубочайшие извинения за недоразумение. Затем нас под торжественным конвоем, по-другому не назвать, проводили к руководству орбитального военного порта. Там меня, Илику и Ойра связали с планетарной службой погранконтроля. Ойру с Иликой повезло больше, а мне оформили временную регистрацию для пребывания на территории Клерана. Тем не менее, при отсутствии документов и прочих «отягчающих», скорость и лояльность официальных лиц была поразительная.

Моей «легализацией» в основном занимался Матео. Райо связался с руководством и доложил о внештатной ситуации. Я уже не удивлялась, когда нам выделили отдельный шаттл для отправки на планету. Не то из уважения к изменившимся, не то из опасения, что у нестабильного зверя снова разыграется ревность, сорвет крышу, а там, по сюжету местной страшилки, чего доброго, покрошит всех в капусту. В шаттл нас тоже провожали всем составом. Немного грустно, что в глазах бойцов со станции, как и у экипажа спасательного судна, стоял немой вопрос: почему они, а не мы?

Эх, Ровены не хватает, я уверена, она бы сумела в полной мере оценить непередаваемо незабываемый возврат «блудных сынов» Клерана. Я все это время дипломатично улыбалась; наверно, выглядела до противности пай-девочкой — глазки в пол, руки по швам, а внутренне почти истерично хихикала.

Когда люк орбитального шаттла закрылся, отрезав нас от незнакомцев, я не сдержала облегченного выдоха и, прижавшись к плечу Райо, посетовала:

— Земляне гордятся своими тачками...

— Тачками? — уточнил Нофаль с улыбкой, причем, как раньше, добродушной и естественной, честь-то он себе, похоже, тоже вернул.

— Личными аэроботами. А клеранцы гордятся шрамами. У нас с вами та-акие разные тараканы в головах, слов нет, — объяснила я.

Матео полез искать в бортовом компьютере: кто такие тараканы? Райо откинулся на спинку кресла — устал до предела. Но стоило ему нежно поцеловать мои пальцы, расстройство по поводу его неважного состояния словно волной смыло.

Не тут-то было, даш опять прочитал меня:

— Не хочу тебя расстраивать заранее, но, как ты сказала... тараканы?.. — Райо загадочно улыбнулся, скосив глаза на виртуальный экран с неистребимым земным насекомым. — Так вот, они разнятся гораздо больше, чем ты думаешь.

— К примеру? — насторожилась я, ожидая чего угодно.

— К примеру, у нас нет личного транспорта, как у вас. Есть исключительно общественный, либо служебный, что одно и то же по сути, — хохотнул Матео.

— Совсем нет? — пискнула я расстроено, ведь в академии мечтала разбогатеть когда-нибудь и купить себе маленький, ярко-оранжевый аэроботик.

— Совсем, — с понимающей грустной улыбкой ответил Райо. — Ты можешь выбрать либо индивидуальный проезд, либо групповой. И статус транспорта разный: чем выше оплата, тем больше или престижнее.

— А как же поездки на природу с семьей? — глухо спросила я, так обидно стало, ведь об этом я тоже мечтала.

— Весь Клеран входит в систему транспортной навигации, практически любая точка планеты доступна, — пожал плечами Матео.

Я неожиданно вспомнила этого щеголеватого, подтянутого красавца на «Вселенной радости». Как же сильно он изменился за это время! Точнее, мое мнение о нем: надежный, спокойный, заботливый и вместе с тем ироничный мужчина, его будущей нидаш очень повезет.

— А мы, земляне, предпочитаем самостоятельно летать, да хотя бы по общественным центрам пройтись, себя показать, тачкой похвастаться...

— ...простоять часа три в ожидании парковочного места, —

проворчал Нофаль. — Были мы на Ираде. Принадлежит Земной Федерации, колония вроде небольшая, для отдыха, но похожа на улей.

— Посмотрю на Клеран, сравню, а пока возразить нечего, — развела я руками.

Потом нервно одернула полы своей курточки. На корабле мне выдали два одинаковых комплекта сменки, но один там остался. А когда удастся купить здесь одежду, даже не представляю. Да и не в «тряпках» дело, в конце концов. С учетом всех наших из ряда вон обстоятельств, статус Райо пока неизвестен. Когда нас отпустят домой и отпустят ли вообще?..

Поверх моей руки легла крепкая, надежная ладонь Райо.

— Не надо думать о плохом, Эрика, с главным закончим и дома все решим.

— Вам придется очень поспешить, — с сочувствием покачал головой Матео.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что мы придем! — громыхнул Фальк с ухмылкой.

— Зачем? — не поняла я.

Мужчины посмеивались, глядя на меня.

— Вы, нидаш, зарегистрированы как Эрика шир Алесио. Это официальное объявление о проведенном брачном обряде, — Матео опередил Райо с пояснением. — После Фортана и прозвучавших на всю галактику обвинений Клерану со стороны Земли, весь Клеран следил за нашей судьбой. Как только данные о нашем прибытии и о вас попали в сеть...

— О! Это же конфиденциальная информация, которая охраняется законом. Куда спецслужбы смотрят? За ее разглашение у нас серьезная статья полагается! — выпалила я.

Мужчины хмыкнули и дружно посмотрели на Райо. Пришлось ему отвечать:

— Да, есть такое. То, что произошло в порту по прибытии, записывалось. Данные еще при нас передали на Клеран вышестоящему военному руководству и первым лицам улана. Информация однозначно «нечаянно» просочится в сеть. Для широкой общественности, в целях поддержания политического климата нашим верхам весьма выгодно и важно показать соотечественникам, что оклеветанные, по сути, похищенные должностные лица Клерана вернулись с победой. Неважно

какой, неважно над чем, но полноценный оборот сразу нескольких клеранцев с полным сохранением разумности и ясности ума — это триумф для всех. Понимаешь?

— Представляю, — облизнула я пересохшие губы, — размер проблем.

— Поэтому о нидаш шир Алесио скоро узнают все... родные тоже.

— Да-а-а?.. — я испуганно вытаращилась на Райо.

— У нас традиция: если обряд прошел без свидетелей, молодоженам даются сутки на скрепление связи, а дальше вся кровная родня приходит праздновать в дом хозяина, обретшего тень, хозяйку.

Я растерянно опустила взгляд на свои колени, стряхнула несуществующую пылинку с черных казенных брюк и проглотила слезы. Не поднимая головы, пожала плечами и пробормотала:

— Как-нибудь без меня, наверное, обойдутся. У меня и дома пока нет, и еды для угощения нет, и... ничего нет.

— Мы все решим, Эрика, — хрипло пообещал Райо, сжимая мою руку и склоняясь ко мне.

— Еду заказывают в специальных... ресторанах, по-вашему, — пришел на помощь Матео. — Там всегда готовы посодействовать, ведь в последнее время многие клеранцы предпочитают провести обряд наедине с богами. Выпивку гости приносят с собой и...

— Почему с собой? — хлюпнула я.

Слезы предательски просочились и потекли по щекам. Райо нахмурился, поднял мое лицо и осторожно, ласково вытер мокрые дорожки.

— Это традиция из древности. Раньше все боялись отравиться у врагов, поэтому в гости всегда несли свое: еду и напитки, вплоть до воды. Со временем жизнь изменилась и уже лет триста ходят только с напитками. Этот обычай остался неизменным. Очень удобно: что предпочитаешь, с тем и идешь на посиделки. Зачем мучиться и пить то, что предпочитает другой?

— Действительно, — ехидно согласилась я с Матео.

— Что-то долго летим? — озадачился один из десантников, теперь уже наш родственник.

— Кружим, — усмехнулся Фальк.

— Готовятся, — с иронией заметил Ойр, с нежностью глядя в личико заснувшей у него на руках Илики.

— К нашей встрече, да? — тяжело вздохнула я и уточнила: — К торжественной?

— К очень торжественной, — мрачно ответил Нофаль, вернувшись от пилотов.

— Эрика, напомню, ты...

— Я всего лишь тень, помню, — кивнула я.

Райо не сдержался и зарычал, правда, не на меня, а просто от нервов, видимо.

— Потому что наша встреча на высшем уровне обязательно будет записываться; все, что скажешь, сделаешь или...

— Да поняла я, поняла: если хочешь быть счастливой и богатой, храни золотое молчание, нечего своим драгоценным мнением разбрасываться.

Вскоре наш шаттл приземлился. Ступив на землю Клерана, я первым делом глубоко вдохнула: незнакомые запахи, но достаточно приятные, несмотря на огнеупорные плиты космопорта, отработанное топливо и отсутствие растительности.

Но стоило поглядеть по сторонам, я чуть не поперхнулась: дежавю, словно я опять на Фортане и снова от замысловатого вида космопорта, напоминающего гигантского таракана, к нам на первой космической летят, скачут, бегут журналисты и дроны, а опережают их несколько платформ с официальными лицами. Я ужаснулась: засветиться на камеры с «трансформерами» набежала половина улана вместе с первым лицом, по-нашему, президентом.

Райо, несмотря на традиции, взял меня за руку, таким образом ободряя и успокаивая, но я держалась за его плечом. Все время, пока нас приветствовали, поздравляли и знакомили со «зрителями», я молчала, нацепив едва заметную вежливую улыбку. Худенькая, на полторы головы ниже своего широкоплечего даша, с тщательно расчесанными шоколадного цвета волосами, с тонкими изящными чертами лица и большими, наверняка испуганными глазами — какой я придирчиво осматривала себя утром и какой наверняка запомню многим — тот самый «несчастный ангелочек». «Ангелочек», скромно стоявший за широкой спиной своего даша, пока он прямо на «камеры» докладывал о случившемся. И, судя по всему, жестко отредактированную руководством Клерана версию, где мне, ясен пень, отвели роль свидетеля «похищения», а за попытку спасти любимого,

сосланного на Драун. И смех и грех.

Немного успокоившись и выровняв дыхание, я начала рассматривать окружающих. Ничего сверхъестественного. Лица как лица, нормальные, разные, волосы темно-русые, глаза желтые, клыки заметные, «размеры» выше среднего землянина, одежда тоже вполне узнаваемая. На всех без исключения политических деятелях белые свободные штаны, слегка облегающие рубахи до колен с воротничком-стойкой и завязками на правом боку. На ногах светлая удобная обувь. На груди «президента» красуется красная перевязь с черной бахромой, а у «министров» — черные ленты с красной бахромой. Интересно: Райо тоже на работе носит такие белые одежды?

Охрана была в темной лаконичной форме, похожей на ту, что выдали нам, а вот представители СМИ — мужчины, женщин я здесь пока так и не увидела — в различных цветных рубашках, но тоже почти до колен и в зауженных штанах. На Земле кое-где такие наряды популярны, так что не вижу проблемы и самой их носить. Я так увлеклась «декорациями», абстрагировалась от официоза, что неосознанно начала поглаживать пальцем ладонь Райо, крепко державшего мою, — и нечаянно встретила взглядом с президентом. Оказывается, он с любопытством разглядывал меня и наши с дашем сомкнутые руки. Улыбнулся, кивнул и вернул внимание Райо.

Из космопорта нас отпустили с миром часа через два, не раньше, в сопровождении «людей в черном». Те провели нас по отдельному коридору, посадили в большой аэробот и попрощались. Правда перед этим мы разделились, я — со слезами на глазах, с Ойром и Иликой, летевшими в другую сторону, но они обещали вернуться.

— Господи, на Фортане нас встречали с гораздо меньшей помпой, хотя ждали большего выхлопа, — устало вздохнула я, обнимая Райо.

Ой! Я же на Клеране, где не приветствуется публичное проявление чувств, и начала отстраняться, но Райо удержал меня и в открытую похвалился:

— Я Гонгу говорил, провели операцию плохо, тщательно не продумали, рассчитывали на ваш коронный авось. А мы уважаем своих противников, избирателей и себя. Поэтому основательно готовим и планомерно реализовываем свои проекты.

— Да-да, поэтому мы летим с Драуна, — не сдержался от сарказма Нофаль.

Райо обнял меня, в аэроботе и при друзьях, посадил к себе на колени и спокойно, удовлетворенно что называется поставил точку:

— Как настоящий политик, я извлек из этой ситуации все самое лучшее: любимую нидаш, трансфигурацию, уважение и почет. Поэтому смею записать Фортан и Драун себе в актив. Это не проигрыш.

Матео наигранно флегматично пожал плечами:

— Смею заметить, что я, как ищущий пути, тоже привез Клерану победу с Драуна и Фортана. Сразу семеро клеранцев, прошедших трансфигурацию, дали надежду, стремление и жажду повторить другим достойным мужчинам. Нас ждет интересное будущее.

— Я встретила свою любовь, — счастливо улыбнулась я, потершись щекой о плечо Райо.

Фальк с почтением добавил:

— Я богатые дары темному богу принес.

— Один я, выходит, неудачник? — обиженно проворчал Нофаль, но было прекрасно видно, что он таковым себя не считает.

— Жизнь покажет, — хохотнул Матео.

* * *

До Шира — материка, где проживал издревле род Алесио, — мы летели почти два часа. Время прошло с пользой, познавательно — вокруг столько интересного! Леса, поля, реки, горы, острова, моря и водоемы поменьше перемежались с самыми разнообразными поселениями. Причем, как и на Земле представлен был практически весь архитектурно-дизайнерский «культурный код»: от «избушек на курьих ножках» до замысловатых и навороченных сооружений сродни дагавскому эко-футуризму. Вот только по ходу нашего маршрута я не заметила экстравысотных зданий, в каких на родине обычно располагаются деловые центры и учреждения. Видимо, жители этой части Кларана предпочитают низкоэтажную застройку.

Когда мы добрались до самого большого ширского города, Шираза, я с улыбкой рассматривала гигантское лоскутное одеяло — множество разноцветных городских районов с яркими гербами-эмблемами на стенах домов, обозначающих тот или иной род. Как пояснили мои спутники, здесь исторически нет улиц, а нумерация домов идет в

пределах родового квартала или микрорайона, в зависимости от занимаемой площади. Так, за родом Алесио «закреплен» желтый цвет, на эмблеме изображен какой-то жутковато-клыкастый зверь, который давно вымер. Сейчас домов в желтом секторе Ширази насчитывается около ста пятидесяти. Если владельцы умирают, а наследников нет, то сообщество может продать недвижимость другому роду. Тогда дом перекрасят и сменят эмблему на стене.

Когда бот завис над желтым зданием, на крыше которого указан номер семьдесят шесть, я затаила дыхание: вот он, мой новый дом — симпатичный, ухоженный, очень земной, в колониальном стиле, в окружении премилого сада. А в душе тревожно сжалась пружина сомнений: скорее всего, мы с Райо будем жить вдвоем, ну я на это очень надеюсь, а вот как меня примут те самые сто пятьдесят семей рода, которые завтра придут на нашу свадьбу? И как она будет проходить?

Правительственный бот плавно поднялся с идеально ровной площадки со специальной разметкой и понесся, набирая высоту и скорость, дальше с нашими друзьями-родичами. Мы с Райо, проводив бот глазами, развернулись к нашему дому, как он шепнул минуту назад: песчаная дорожка, клумбы с дивными фиолетовыми цветами, желтый, приветливый фасад здания, светлая дверь и широкие окна. У меня даже ладошки вспотели от волнения.

— Ну здравствуй, дом! — тихонько поздоровалась я, пройдя в холл.

А про себя взгрустнула: «Досталась тебе хозяйка-бесприданница в казенной форме».

Райо с любопытством наблюдал за мной, пока я пару минут робко бродила по комнатам, выглянула в сад и обернулась к нему. Почему-то я не ожидала, что любимый выберет для своего «логова» мягкие песочные тона. Солидная, но при этом довольно изящная мебель, мягкие диваны и кресла из набивной ткани с растительным рисунком, полы из светлого, солнечно-теплого камня.

— Если ты захочешь что-то изменить...

— У нас схожий вкус! — я широко, счастливо улыбнулась. — Здесь так мирно и уютно.

— Ты богами посланная мне половинка, — тоже улыбнулся Райо, обнимая мое лицо ладонями.

Ответить я не успела, система безопасности приятным мужским

голосом оповестила о гостях. Райо, как и я, был в костюме от военно-космических сил Клерана — скромного подобия того, в котором я его встретила впервые, — и переодеваться не спешил. Мне показалось, чтобы поддержать меня, вовсе оставшейся без сменки.

Я выглянула в небольшой холл и сразу догадалась, что Райо встречает родителей. Интересная супружеская пара. Оба высокие, но мужчина на голову выше спутницы. Темноволосые и желтоглазые — типичные жители Клерана. Оба, как я успела отметить во время полета сюда, в обычной для этого региона одежде: на мужчине длинная зеленая туника до колен с воротником-стойкой и брюки того же цвета; на женщине похожий наряд, но элегантный, женственный, ярко-изумрудного цвета, подчеркивающего изящные черты ее лица и янтарные глаза. Оба с короткими, аккуратными стрижками.

Впустив их в дом, Райо радостно улыбнулся, затем поклонился отцу, который мягко погладил обеими руками его голову и плечи. Матери Райо поцеловал руки, тоже склонившись в поклоне.

— Мы так переживали, когда пришли вести о вашем похищении и аресте. Хартан шир Аилия держал нас в курсе, но после Драуна новости прекратились и мы чуть не сошли с ума за тебя, — взволнованно выдохнула мать Райо на клеранском, поэтому я с трудом поняла, о чем она говорила.

Райо выпрямился, удерживая материнские руки в ладонях, прижал их к своей груди и ласково успокоил ее:

— Не беспокойтесь, мои родные. Все хорошо. Вы же смотрели последние новости и знаете, что моя жизнь изменилась.

Отец не выдержал, коснулся кончиками пальцев рубцов на лице сына и выдохнул:

— Я так горжусь тобой, Райо.

Потом все трое обратили внимание на меня, выглядывающую из-за угла. Мысленно я судорожно вздохнула, затем, натянув улыбку, подошла к дашу и — вытянулась стрункой, словно курсант на плацу во время смотра.

— Хаеля и Эйтан шир Алесио — мои родители, — представил их Райо на всеобщем, прекрасно понимая, что мне еще трудно общаться на клеранском, затем, улыбнувшись с нежностью, притянул меня в свои объятия. — Эрика шир Алесио — мое сердце и нидаш.

Этот нескрываемый собственнический жест, любовь и гордость в

его голосе... у меня горло перехватило от радости и облегчения. Я растерялась, потому что не знала, как на Клеране принято приветствовать родителей мужа, а спросить прямо сейчас — не вежливо. Что делать?

— Помнишь Триаду Харо? — спросил меня Райо, изумив до предела.

— Да, — шепнула я, опустив глаза.

— Все должно идти от сердца, и никто не осудит за его веления, — пришел на помощь Райо.

Я вспомнила, как он здоровался с родителями, мгновение подумала, а потом решила на то, что действительно шло от сердца. Поклонилась женщине и поцеловала ее руки, глухо от волнения произнесла на всеобщем:

— Благодарю вас за то, что дали жизнь моему дашу. Подарили ему столько душевного тепла, которым он щедро делится с близкими. Научили его любить и заботиться о более слабых.

Под взглядом приятно удивленной женщины я повернулась к ее дашу и, так же поклонившись, поцеловала его руки со словами:

— Благодарю вас за то, что дали жизнь моему дашу, воспитали его настоящим мужчиной: сильным, мудрым, справедливым.

Большие мужские руки дрогнули в моих руках, прежде чем я их отпустила. Я выпрямилась и, шагнув к Райо, с надеждой посмотрела на свою новую родню. С учетом реалий Клерана — вон как почтителен с родителями взрослый сын — от них многое зависит. И в моем будущем, конечно же. Наверное, я все сделала правильно, сердце не могло меня обмануть.

Сначала мое лицо обняла ладонями Хаеля и, мягко поцеловав в лоб, с доброжелательной улыбкой пригласила:

— Паилия... дочь, мы с радостью принимаем тебя в наш род!

Затем тоже самое проделал Эйтан и добавил:

— Ты лучшее сердце для нашего сына!

Ой, значит меня приняли в дочери, раз назвали паилией? С души словно камень свалился.

— Пата, у нас мало времени, у Эрики с собой нет ни одной нитки. Завтра праздник, — спокойно закончил торжественную часть встречи Райо. Затем, обратившись к матери, попросил: — Паи, надеюсь на твою помощь, необходимо приобрести все необходимое на первое время.

Дальше Эрика сама разберется, а сегодня срочно надо что-то красивое найти.

Теперь я в приятном удивлении смотрела на Райо: хорошо, что он подумал об этом в первую очередь.

— Думаю, вы без меня с этим делом управитесь, — Эйтан продолжал говорить на всеобщем ради меня. — Я в уландар, оставляю заявку жрецам на завтрашнюю регистрацию. И остальные вопросы решу.

Райо благодарно улыбнулся и, жестом приглашая нас на выход, попросил его:

— Вызывай бот.

К счастью, шопинг не отнял много времени и сил. Мы втроем посетили один из лучших магазинов города, по мнению Хаели. Она призналась, что не очень любит огромные торговые центры с их суетой и тем более виртуальный шопинг. Предпочитает симпатичные уютные магазины, где всегда угостят горячими напитками, расскажут последние новости, с удовольствием покажут новинки, которых больше ни у кого нет.

Вот в лучшем из таких я и выбирала себе одежду, а Хаеля и Райо мне не мешали, уверенные, что в этом магазинчике, по-моему, похожем на шикарный бутик, плохого не предложат. Поэтому, пока я выбирала и примеряла, они, устроившись в удобных креслах с ароматными напитками, вели тихую беседу. В итоге, ближе к вечеру мы с Райо вернулись домой с кучей пакетов, а довольная Хаеля отправилась к себе. Приятным сюрпризом оказался холодный шкаф, под завязку набитый контейнерами, банками, упаковками с продуктами и готовыми блюдами, увидев который, Райо пояснил, что об ужине позаботилась его сестра. У него их две и обе старшие. Завтра я увижу обеих на празднике.

Разобрав пакеты, я приняла душ и задумалась: что бы надеть? Взяла ажурные трусики и легкий белый сарафанчик на тонких бретелях, выбранный в отделе «Для иномирцев». Ассортимент там был небольшой, но пара привычных вещей нашлась. Глядя на себя в зеркало, я впервые за последнее время порадовалась. Густые локоны красиво обрамляют лицо и спадают до талии. Золотистая чистая кожа сияет, карие глаза лучатся, лицо немного округлилось — я чувствовала себя счастливой и, к тому же, отдохнула и отъелась. Тем более, совсем не хотелось выглядеть несчастным ангелочком, каких, по мнению

Ровены, мужчинам пожалуй хочется, а не заняться сексом.

Прошлепав босыми ногами по теплым каменным полам до столовой, я замерла, любуясь своим мужем. В черных тренировочных штанах, низко сидящих на бедрах, тоже босой, с влажными после душа темными волосами — он выглядит сногшибательно. По крайней мере, стоило его желтым глазам заинтересованно скользнуть по моей фигуре, ноги предательски ослабли.

Райо уже привычно протянул мне руку, предлагая присоединиться к нему за ужином. И я так же привычно шагнула в его объятия.

— Проголодалась? — хриловато спросил Райо, отпуская меня. — Тебе идет белый, моя красавица.

Я поймала выражение его глаз: голод, желание, страсть — все это загорелось в них золотым пламенем. Кухня, сгущающиеся сумерки за большим окном... Кажется, весь мир исчез, растворился в его глазах. Воздух между нами странно сгустился, нагрелся, почти ощутимо касался чувствительной обнаженной кожи моих плеч, рук и декольте... Везде, где скользил взгляд даша.

Я облизнула пересохшие губы, меня охватило уже знакомое предвкушение, в ушах зашумело от громкого, заполошного биения сердца. Райо глубоко вдохнул, его мощная обнаженная грудь поднялась и плавно опустилась, привлекая мое внимание. Ох, не зря он учил меня доставлять удовольствие и ему, рот невольно наполнился слюной от желания коснуться этой загорелой золотистой кожи языком, провести до самого пупка, а потом спуститься ниже, туда, где прямо сейчас наливается желанием плоть, сильно натягивая штаны.

— Хочешь меня, моя Птичка? — к хрипотце в его голосе добавилась вкрадчивость.

Райо плавно шагнул ко мне, склонился, всматриваясь в лицо с предвкушающей, отчасти похотливо-хищной улыбкой. Есть в моем звере нечто темное, порочное, порой излишне доминирующее, но на мне оно сказывалось ответным желанием.

— Хочу, — хрипло шепнула я, глядя ему в лицо.

Мои руки сами потянулись к черным штанам. Глаза даша, обычно смотревшие на меня с нежностью и теплом, потемнели — сплошная страсть и дикое желание. Длинные сильные пальцы скользнули вверх по моим рукам, заставляя сотни мурашек разбегаться по коже, горяча кровь. Ноги ослабли, внутри все расплавилось. Райо видел, что со мной

творит и явно наслаждался произведенным эффектом. Но и сам долго не выдержал, притянул меня за плечи к себе и накрыл мои губы поцелуем. Запрокинув голову, я приоткрыла губы и тоже ласкала его язык. Мужские ладони легли мне на затылок и обхватили шею, словно завладевая моей волей и свободой. Жаркое пламя желаний полыхало внизу живота, заставляя меня стонать. Пара движений, «вжик» молнии — и сарафан скользнул вниз, облаком упал к моим ногам. А я неожиданно взлетела вверх и ощутила сквозь белье холодную поверхность столешницы.

Грудь отяжелела, когда поверх нее легли ладони Райо, массируя, ласкали. Темных вершинок коснулись его губы, обжигая их влажным теплом, бархатным прикосновением языка — и остудили дыханием. Моя кровь превратилась в жидкий огонь, растекающийся по всему телу, вызывая гортанные вскрики удовольствия.

Райо придерживал меня одной рукой за спину, а второй гладил, ласкал, рисовал бесконечные узоры на моей коже. Жар его рук стремительно завладевал всем моим телом, скапливался внизу, между бедер, которые я невольно раздвигала шире. Но мой даш, как всегда, не торопился, медленно доводил меня до чувственного безумия. Давление между ног нарастало болезненной жаждой и дрожью нетерпения. Язык, пальцы Райо нашли каждое нервное окончание, каждое чувствительное местечко, подстегивая ощущения, оголяя мои желания, раскрепощая. Когда они спустились вниз, проникли внутрь лона, я выгнулась в экстазе, а из горла вырвалось:

— Пожалуйста!

Короткий снисходительный «хмык», резкое движение — и мои трусики с треском слетели с бедер. Следом я с восторгом всхлипнула от, кажется, жизненно необходимого чувства наполненности, единения.

— Моя нежная маленькая Птичка... — хрипло выдохнул Райо, склоняясь, обхватывая ладонями мое лицо и все резче и быстрее входя в мое тело.

Я пыталась не закрывать глаза, но удовольствие было настолько сокрушительным, что веки становились пудовыми, а внизу...

Черты лица Райо стали жестче, на меня смотрел Зверь. Мой любимый Зверь. Он ни разу за наш медовый месяц не захотел быстрого секса — жаждал видеть мои эмоции, удовольствие, момент экстаза. Упивался ими, нуждался в них, жаждал обладать не только моим телом,

но и наслаждаться моим чувствами и ощущениями.

Я опять выгнулась, отдаваясь лавине удовольствия, прошившей меня горячей волной. Следом ей отдался Райо, содрогаясь всем телом, но так и не оторвав от моего лица темного взгляда.

— Господи, как же люблю тебя, Райо, — прошептала я, обмякнув на столе, не в силах даже шевельнуться.

Даш сгреб меня в охапку и, прижав к своей груди, сел на стул, так и не покинув моего тела. И неожиданно прохрипел, зарываясь пятерней в мои волосы на затылке, прижимая к себе так сильно, словно хотел слить нас в одно целое:

— Моя любимая птичка рождена быть моей. Всегда помни об этом, Эрика!

Я чуть отстранилась, чтобы обхватить его лицо ладонями и приласкать, и улыбалась, наверное, самой глупейшей и счастливейшей из улыбок. Ведь мой мужчина выдал свои страхи: он откровенно боится меня потерять.

— Я буду помнить всегда. Не сомневайся.

Пока мы утоляли более важный «голод», наш ужин остыл, потому что Райо никогда ничего не делает наполовину или в спешке. Кормил меня сам, разнеженную, залюбленную и... засыпающую на ходу.

Утром меня разбудил шум за окном. Вскочив с кровати, как по тревоге, я судорожно огляделась: даша — нет, а за окном — суматоха. А дальше, осторожно выглянув в сад, я в полном восторге наблюдала за Райо, руководившим работами по организации обещанного торжества. Как же ему идет голубой, традиционный клеранский наряд — туника почти до колен, с парой десятков пуговичек и прямые брюки! И легкие летние туфли, вместо драунских ботинок. О, а на предплечье повязана красная лента. Рядом с ним сразу десятка два рабочих в зеленых форменных костюмах укладывают плиты, сооружая... танцпол, наверное. Расставляют столы, украшают, накрывают. Ого, да тут мероприятие с размахом! Если взять навскидку количество стульев и столов, то мы ждем пол Клерана! Прямо с утра? Эта мысль привела меня в чувство и подвигла действовать.

К тому моменту, как «жених» осторожно приоткрыл дверь в спальню, я уже стояла в похожем на его голубом наряде — длинной невесомой тунике и узких брючках. Туфельки я вчера выбрала специально для долгого стояния на ногах, на низком каблучке. Нежная,

тонкая ткань мягко, деликатно спадает, слегка облекая мою фигуру. Волосы, по просьбе Райо, я расчесала до блеска, оставив шоколадным водопадом струиться по плечам и спине. Под моим влюбленным взглядом, он подошел ко мне, жадно поцеловал и попросил надеть украшения. Много украшений с камнями, похожими на сапфиры, на шею, запястья, даже на щиколотки. И красную ленту на предплечье. Эффект оказался потрясающий: в зеркале и глазах даша отразилась красивая, очень-очень нарядная «невеста». Прямо сияющая.

— А у вас супружеские пары не носят колец или?..

Райо с благоговением провел ладонью по моим волосам. Выслушав вопрос, покачал головой:

— Нет. Нам не нужны атрибуты брака, как принято у вас. Любой клеранец поймет, что женщина — нидаш.

— По счастливым глазам? — радовалась я, позволив себе чуть-чуть иронии.

Райо с улыбкой легонько щелкнул меня по носу.

— По запаху. Замужние все пахнут своими мужчинами. Зачем нидаш какие-то кольца на пальцах? Их и потерять легко.

— А запах смыть? — подначила я.

— Если нидаш не пахнет своим дашем, то, как говорят на Земле, грош ему цена. В этом случае предложения от свободных мужчин замужней женщине — не оскорбление ей, а вина и бесчестье — ему.

— Ого! Неожиданная традиция... — сначала я вытаращилась на даша, а потом расхохоталась.

Я-то, наивная, думала, что он, даже до предела вымотанный тренировками по трансформации, соблазняет меня, потому что озабоченный и влюбленный. А оказывается, он ответственный даш и прилежно печется о своем запахе на мне.

Но развить тему нам не дали, система безопасности оповестила о гостях. Встречать их мы отправились вместе, и каково же было мое удивление, когда первым заявился Фальк и не один, а... с тележкой с горкой заваленной, если я верно поняла, выпивкой.

Ошарашенно осмотрев тележку, я осторожно спросила:

— Надеюсь, когда она опустеет, вас, хой Фальк не потянет возблагодарить вашего темного бога... кем-нибудь?

Мужчины смерили меня насмешливыми взглядами, Фальк, глянув на гору выпивки, рассмеялся:

— Нидаш Эрика, обижаете. С нашим метаболизмом — это исключительно расслабиться.

Затем пришли родители Райо. Следом за ними — Ойр с Иликой, хорошенькой, радостной, нарядной, как куколка, — глаз не оторвать. И как обычно, девочка крепко держала своего пата за рубаху, тоже нарядную, новую, традиционную. Потом все наши спутники прибыли с полными тележками. Нофаль, Матео, даже начальник Райо — «министр энергетики». Чуть позже выяснилось, что к нам заявила половина представителей улана.

В какой-то момент количество гостей стало таким масштабным, что мы с Райо переместились в сад. Причем, торжество постепенно распространялось и на соседние территории, благо здесь все родственники. Только отсутствие подарков смутило, но меня еще вчера предупредили: у клеранцев подарки не принято дарить — долги и даже невольные обязательства они не любят.

Среди веселой яркой толпы родственников и друзей я отмечала представителей СМИ и дронов, которые вели съемку. Шутка ли, первый за последние триста лет перевертыш женится! Мы с Райо прошли связующий обряд. Церемонию проводил жрец из храма Каллу — божеству, покровительствующему роду Алесио. По окончании древнего обряда зазвучала красивая незнакомая музыка. И мы с дашем на той самой, выложенной плитами круглой площадке закружились в танце под еще более нежную, чувственную и атмосферную мелодию, чем на «Вселенной радости».

В этом чудесном танце мы были одни во всем мире. Друг для друга. Я смотрела в глаза любимому, не думала, что я делаю и как, абсолютно доверившись его рукам, воле и желаниям, ведь клеранец танцует по большим праздникам, хотя учится танцевать с детства. Как в наш первый раз, замороженно смотрела в глаза, кружилась, делала рискованные па, совершенно уверенная, что он не даст упасть. И больше не боялась сгореть в пламени его глаз вместе с волей, личностью и независимостью.

С последним аккордом, когда мы замерли в оглушающей тишине, я выдохнула из самой глубины души:

— Райо, моя единственная любовь!

— Эрика, мое сердце...

Следом грянул одобрителный рев — мы вновь полностью совпали

и доверились! Да так и стояли на танцполе в объятиях друг друга, глядя глаза в глаза, среди горланящей толпы, словно одни во вселенной.

Эпилог

— Эрика, сердце мое, почему ты не предупредила об отъезде? Что случилось? Ты должна держать меня в курсе своих планов, а тут неожиданно сорвалась и улетела домой...

В комнату стремительно вошел Райо, как всегда вызывая у меня немой восторг отличной фигурой, неисчерпаемой харизмой и энергией, жаждой жизни. Белая форма госслужащего улана — рубашка до колен и прямые брюки — добавляют ему солидности и важности. К посветлевшим шрамам на его лице я давно привыкла и не замечала, а с каждым днем находила все больше достоинств. Их у него, к счастью, множество. Изю дня в день я привязывалась к нему все сильнее, он проникал под кожу, в душу, в мысли и мечты. Становился незаменимым, необходимым как воздух. Но иногда так хотелось глоточек свободы.

Вот и сегодня, усевшись в кресле-качалке у окна в сад, насладившись видом обеспокоенного любимого, буркнула:

— Знаешь Райо, когда я жаловалась тебе на изжогу в прошлый раз, выяснилось, что наш разговор проходил прямо во время совещания и о моих проблемах слышали все. Ведь у вас, клеранцев, такой изумительный слух, особенно, когда чужие интимные разговоры покоя не дают...

— Не вижу ничего сверхъестественного или интимного в изжоге у беременной женщины. Мои коллеги искренне посочувствовали, не более, — парировал Райо, замирая напротив.

Я чуть-чуть желчно возразила:

— Для мужа беременной нидаш, конечно, ничего страшного, а вот посторонним мужчинам слушать о ее проблемах — сомнительное удовольствие.

— Я все равно ничего не понял: почему ты сегодня вдруг срочно уехала? — Райо устало провел рукой по волосам.

Устал бедняга, не меньше меня. За девять месяцев с момента возвращения с Драуна на него навалилось чудовищное количество работы. Помимо дел в улане, еще и помощь с трансфигурацией друзьям и небольшой группе десантников. Общение со СМИ, забота обо мне, так

быстро «залетевшей», борьба со своими звериными инстинктами в отношении любимой женщины и подспудным страхом, что вокруг сплошные соперники.

К тому же, после основательно испорченных из-за скандала дипломатических и экономических отношений с Земной Федерацией, ни дня не проходило без новостей с «политических фронтов». Журналисты всей коалиции активно муссировали жутковатые слухи о мести Клерана тем, кто повинен в похищении его граждан. Несколько месяцев назад всех потряс мощный взрыв на Фортане, уничтоживший в пустыне секретную базу АБНЗ. Земная Федерация не делала официальных заявлений, но после этого ее отношения с Клераном перешли в активную конфронтацию. У обоих миров нашлись рычаги давления, слабые места и конфликт набирал силу. Но Клеран методично доказывал, что не допустит похищений и насилия над своими гражданами и наказание неминуемо настигнет виноватых. Райо не зря предупреждал Гонга, что все причастные умоются кровью.

Проблем добавляли и соседи Клерана. Активизировались другие миры, началась возня за квоты, создавались и разваливались экономические и политические союзы. Уж я-то знаю: все это сложное время была рядом с Райо в должности первого помощника. Конечно, мне было больно за Землю, но сторону я выбрала на Драуне. Теперь моя родина и дом — Клеран, там, где бьется сердце Райо.

Но сейчас мне себя стало жалче, я устала до предела. Старалась быть самой преданной и надежной помощницей мужа всегда и во всем. Скрывала токсикоз, держалась молодцом, старательно давила гормональные срывы, влиявшие на настроение, боролась со своими страхами и сомнениями. Но семь месяцев беременности растянут самые стальные нервы и испортят самые благие порывы.

Поэтому я, чуть не плача, призналась:

— Потому что наш маленький негодник так ударил меня по печени, что избавил от всех застойных явлений в ЖКТ! А охранники, которых ты ко мне приставил, совершенно бестактно каждые пять минут стучались ко мне в туалет и выясняли самочувствие. Прости, но я давно так не позорилась.

— И поэтому ты решила целый час лететь домой, вместо того, чтобы, тоже не деликатничая, попросить их не дергать тебя? — искренне недоумевал Райо.

— Зато, всего часок потерпеть, а затем — долгожданная встреча с моим домашним и любимым белоснежным другом, — кивнула я на туалетную комнату, — с ним не нужно думать о репутации, воспитании и можно, не считая времени, вести задушевные беседы.

— Эрика, ты впервые вот так сорвалась посреди рабочего дня и заставила меня поволноваться, — с легкой укоризной заметил Райо, приближаясь и опускаясь возле кресла на колени.

— С чего бы это? — «обиделась» я. — У тебя целых два новых помощника, ну лишился ты третьей, пузатой и никчемной, — не вижу причин для волнения.

Последнее я прохлюпала, а потом и вовсе разрыдалась. Райо, опешив, вытаращился на меня, всем телом подался ко мне и привлек к себе со словами:

— Что ты себе надумала, моя нежная Птичка? Ты семь месяцев тянула объем работы, с которым сейчас двое мужчин-профессионалов с трудом справляются. Я не готов... не могу позволить, чтобы моя нидаш валилась от усталости. Достаточно, пора подумать о себе и ребенке. Может он поэтому тебе забастовки устраивает и дерется, что чувствует, как ты слишком много работаешь? Не гуляешь, мало спишь. Меня уже мама с папой ругают, за то что позволяю тебе работать, не забочусь...

— Ты? — теперь я изумленно уставилась на мужа. — Да я писаную торбу самой себе напоминаю. Без твоего присмотра и шагу не ступить. Охрана, диетолог, врач, толпа слишком заботливых родственников. Помимо отчетов на работе, я пишу с десятков похожих сообщений по своему самочувствию твоим родителям, сестрам, врачам...

— Эрика, любимая...

— Птичка хочет свободы! — выпалила я.

— Хорошо, побудь дома. Я скажу родным не беспокоить тебя... пару дней.

— До родов! — И тут же выдвинула новое условие, раз так неожиданно даш согласился на первое: — И не посиделки под охраной дома!

— Ну...

— Я за полгода выучила клеранский, ваш этикет и традиции, к тому же, дипломированный координатор, мне двадцать три года. Да я практически мать уже. С какого перепуга я в конце пищевой цепи среди милейших надзирателей женского пола? — возмутилась я тем, чем

допекли за девять месяцев жизни на Клеране.

Сразу после свадьбы меня приняли в большой, дружный и сплоченный род Алесио. Особенно старательно принимали родственницы. Сначала я радовалась новым улыбчивым лицам, знакомствам, советам. Наивная! Вскоре выяснилось, что меня приравнили к детям рода и каждая мать имеет право меня воспитывать. На-до-ело!

Райо, впервые столкнувшись с моей истерикой, несколько мучительных мгновений меня рассматривал, потом усмехнулся, а затем и вовсе — расхохотался. Что стало полной неожиданностью для моих расшатанных нервов.

— Эрика, я же тебе говорил, если в наших женщинах нет зверя, это не значит, что они добрые, пушистые и покладистые. Кровь одна, жажда властвовать, устанавливая границы территории и иерархию у нас в генах. Как поставишь себя, так и относиться будут. Я думал, ты нежный цветочек Электуса, а оказывается, у тебя просто неисчерпаемое терпение.

Я пихнула мужа в грудь, отчего он потерял равновесие и сел на пол, все еще посмеиваясь.

— Я из-за тебя мучилась! Боялась испортить твои отношения с родичами. А ты... крендель недоеденный. И сынок твой тоже, выбил из меня всю душу. Ой!..

Я осторожно выдохнула, откинулась на спинку кресла и начала поглаживать большой живот, успокаивая сыночка, который сегодня с утра решил устроить мне перестановку внутренних органов, чтобы по феншую было. Читала я тут на днях эту интересную книжку в сети, на свою голову. Теперь нет-нет, да лезут в голову дурные панические мысли, что гостиная у меня не там, входная дверь не здесь, мебель мешает движению энергетических потоков и даже сад посажен неправильно. Вот все против меня, бедной!

Райо передвинулся ко мне вплотную, аккуратно расстегнул просторную тунику и, оголив мой живот, положил на него ладони, такие горячие, красивые, сильные и неизменно приводящие меня в восторг. Муж знает об этом и часто пользуется, чтобы успокоить меня, приласкать, доставить наслаждение или просто пожалеть. Вот как сейчас. Немного приподнялся и, касаясь губами выпирающего животика, начал нежно его целовать, воркуя с сыном. Довольно скоро

наш «бандит» успокоился и мне стало легче.

— Ох, скорее бы прошли последние месяцы, — выдохнула я с облегчением.

Будущий отец с нежной улыбкой смотрел на меня снизу-вверх, поглаживая мой живот и явно наслаждаясь нашим единением. И тихонько признался:

— Понимаю, все трудности вынашивания легли на тебя, но ты такая... красивая, теплая, мягкая, столько света даришь. Для меня это событие стало невероятным, даже представить не мог, что так понравится. И моя нидаш будет такой... необыкновенной. Мне, наоборот, хочется продлить время, когда нас уже трое, но мы все вместе.

— Хаеля сказала, что потом еще веселее будет, особенно, когда сын пойдет... — хихикнула я, вытирая слезы.

Все проблемы и раздражение испарились. Нежность, постоянная забота Райо, опека, хоть частенько и чрезмерная, грели душу. Если самой себе честно признаться, я и с работы сегодня сбежала, чтобы он примчался домой, бросив все, и мы остались одни. Чтобы вот как сейчас сидел у моих ног, ласково гладил, смотрел золотистыми глазами с щемящим обожанием и любовью. И то чувство, о котором он сейчас сказал, когда нас уже трое и мы вместе, мне нравится испытывать с ним наедине. А у Райо ужасно много работы и хоть он считает, что терпение у его нидаш неисчерпаемое, — ошибается. Мне просто хочется его, всего и всегда. Могу я себе позволить побыть эгоисткой хотя бы разочек?

— Зачем тебя вызывал глава улана? — вспомнила я о важном деле.

Райо бережно взял меня на руки, сел в кресло и посадил к себе на колени, прежде чем довольно сообщил:

— Наши предположения подтвердились, глава предложил мне стать его преемником на предстоящих выборах.

Я запицала от восторга, обнимая мужа за шею. Райо смеялся, целуя мои щеки и виски.

— Еще бы, первый полноценный перевертыш за триста лет. Вне всяких сомнений, умный, импозантный, из древнего сильного рода, к тому же, с идеальной нидаш, — весело пошутила я.

— Да, ты была главным аргументом, — подхватил мой настрой Райо. — Мне один из его доверенных лиц признался, что, когда

обговаривали мою кандидатуру, он заметил: мужчина, который приручил зверя, полностью изменился и сделал свою нидаш настолько счастливой, что у нее глаза от любви светятся, заслуживает получить шанс изменить и свой мир к лучшему.

— Так и сказал? — восторженно спросила я, заглядывая в лицо Райо и прижимая ладони к своим щекам.

— Так и сказал!

Наш разговор прервал сигнал сетевого сообщения. Не сказать, чтобы оно меня очень интересовало, когда мы так хорошо сидим с дашем. Но что-то заставило меня активировать свой коммуникатор и прочитать послание от неизвестного отправителя. Мое молчание и напряженная поза обеспокоили Райо:

— Кто это?

А я, перечитав текст, даже не знала, что ответить. Молча открыла виртуальный экран, чтобы он сам прочел сообщение:

«Здравствуй, дорогая Эрика. С удовольствием слежу за твоей судьбой и спешу поздравить с будущим материнством. Надеюсь, СМИ не врут, как обычно, и ты действительно счастлива с шир Алесио. Хотя, несмотря на попытки сохранить бесстрастное, «политическое» лицо, твой даш везде выглядит так, будто сожрет любого, кто подойдет к тебе на лишний сантиметр. Судя по скорости зачатия, хой Райо очень старательный и любящий супруг. Ваше недавнее появление на конференции, устроенной Лиуром по случаю очередного пересмотра квот лиурентина, вызвало немалый ажиотаж среди СМИ. Я хохотала до слез, глядя как шир Алесио до икоты напугал журналистов злобным рыком и мохнатой черной мордой, стоило одному нахалу ткнуть тебе в лицо микрофон излишне резко. Сейчас, в безопасной дали от вас, я могу оценить эпичность и даже необычную красоту твоего зверя. Красавчик.»

В этом месте мне опять захотелось не хихикать над иронией бывшей напарницы, а ревниво рычать. Райо — мой любимый Зверь и ничей больше. Или я не дипломированный координатор и не бывший курсант! Письмо продолжалось еще веселее:

«Эрика, можешь не переживать, нас обеих реабилитировали, судебный процесс на Фортане признали заказным и противозаконным. Теперь ты — почетный член Военной-космической академии, а наши СМИ повсеместно рассказывают, как курсант-отличница Эрика Пташко

спасла жизнь, возможно, будущему президенту и надежде всего Клерана. К сожалению, про меня «забыли», но ты же знаешь, дорогая, мы, незаметные герои галактики, геройствуем в тени, а вся слава достается другим.»

— Будущему президенту? — хмыкнул Райо. — Какие прозорливые.
— Ты читай дальше, — хихикнула я.

«Хой Райо, я на сто процентов уверена, что, в лучшем случае, вы лишь на минуточку позже, чем ваша драгоценная Эрика, прочтете мое скромное послание. Спешу доложить своим дражайшим товарищам по несчастью, что великая справедливость свершилась. Небезызвестные вам лица, с некоторыми из которых вы имели несчастье быть лично знакомы, трагически погибли. Особая трагедия заключалась в том, что мне пришлось лично контролировать сбор генетического материала. Не самое приятное занятие, скажу я вам, тем более, испортила слишком дорогие туфли. Клянусь вашими богами, долги перед Клераном, любезно протянувшим мне руку помощи в аду, погашены. И даже с лихвой, учитывая стоимость моих любимых туфель. Безвозвратная потеря, душа за них болит до сих пор.»

— Эта женщина себе не изменяет, — усмехнулся Райо.

— Ты уже знал, что группу Гонга ликвидировали? — уточнила я, зная своего дотошного мужа.

— Мне сразу доложили, да, как только подтвердили, тщательно проверив информацию, — кивнул он.

Несмотря на легкий ироничный стиль Ровены, я обеспокоенно уточнила:

— Это письмо и общение с шпионкой-землянкой не навредит твоей репутации? Не вызовет осуждения или...

— Нет, несколько. Любая переписка и связи высокопоставленных клеранцев находятся под пристальным контролем спецслужб. А это письмо, по сути, отчет двойного агента, который уведомил о завершении операции возмездия. За это, пожалуй, как Ровена говорила, премию выпишут, не более, — спокойно пояснил Райо и продолжил читать.

«Надеюсь, дорогая Эрика, ты порадуешься и за меня. За прошедшие девять месяцев я провела колоссальную работу по трудоустройству и благоустройству своей жизни. Я вернулась на Землю, более того, меня значительно повысили, теперь я занимаю пост

бывшего начальника голубоглазого змея, как ты его однажды назвала в сердцах. Хе-хе. Возможно, именно его частичка навечно останется на моих туфлях. Все проходит, все превращается в прах.

От нашего глубокоуважаемого ведомства, несмотря на досадное недоразумение, хочу сделать вам подарок: собрала данные по всем жителям твоей малой родины, Эрика. В особенную группу выделила молодых и свободных на данный момент женщин и подростков девочек. Но уверена, что и полноценные семьи с детьми тебя тоже заинтересуют, ведь там растут будущие идеальные нидаш. А учитывая, как они благотворно влияют на обращение и общую нервную систему клеранца...»

— Она про Электус! — выдохнула я потрясенно, а потом с тайной надеждой спросила у Райо. — Может там сведения будут про моих клеранских родичей со стороны отца?

Даш ласково поцеловал меня в макушку, погладил по плечу и дочитал сообщение:

«Уважаемый хой Райо, рада сообщить, что меня назначили курировать ваше «направление». Не могли бы Вы, как будущий глава улана и надежный союзник Лиура, поспособствовать нам, землянам, в возобновлении поставок лиурентина? И может быть, мы могли бы заинтересовать Клеран чем-то необычным, чтобы дополнительно расширить количество квот для Земной Федерации? Вы же, хой Райо, хорошо меня знаете. Со своей стороны, я всегда буду благодарна за помощь и содействие. За сим откланиваюсь, надеюсь, ненадолго!

Дорогая Эрика, до встречи, твоя любимая подруга.»

— Последняя строчка письма меня особенно пугает, — проворчал Райо. — Особенно, грозное «подруга».

Имени Ровена Гриф в письме не было, да и осталось ли оно, но сомнений в том, кто отправитель, не было ни одного. Вместо подписи в конце красовался яркий грозный мифологический грифон — гремучая и величественная смесь большой кошки и орла — символ возмездия. Тыкнув в него пальцем, я уже не сдерживаясь, захохотала:

— Эта кошкогриф всегда падает на четыре лапы. Мало того, что вернулась из ада, так еще и повышение получила. — Посмотрев на Райо, я попросила с мольбой: — Любимый, пожалуйста, было бы хорошо, если бы Клеран помирился с Землей, вернул нам... им квоты на лиурентин. Земля — мой дом, там живут в большинстве своем

замечательные люди, с ними приятно общаться и можно дружить. Тем более, если нам дадут список Электуса, придется наладить отношения, чтобы переманить женщин на Клеран. Другие плюшки тоже лишними не будут.

Райо задумчиво покачал головой с кривой усмешкой:

— Именно поэтому Ровена нам такой подарочек и сделала, коварная. Знала, что заинтересуемся. Мои коллеги, знакомые, лица, вовлеченные в ситуацию с Электусом, знают о твоей особенности. Никто об этом прямо не говорит, но все хотят себе и своим сыновьям похожих чувств и привязанности. Фальк с Матео меня уже замучили просьбами отпустить их на поиски Электуса, словно за эликсиром бессмертия. А если они узнают, что списки свободных женщин нам готовы передать в подарок, искателей счастья будет не удержать.

— А зачем удерживать? — вкрадчиво спросила я. — Таким как я нужны такие как вы, чтобы стать чьим-то сердцем и преданно любить. Не бояться любви!

— Хорошо, я подумаю, — обнадежил Райо, — но необходимо согласовать с руководством. С советом и...

— Ты знаешь, как сильно я тебя люблю? — с обожанием выдохнула я.

— Ого, пинается! — весело отозвался Райо, получив ногой от сына. Затем, сложив пальцы в щепотку, пошутил: — Вот так?

Я привычно раскинула руки и расхохоталась:

— Во-от так!

Райо аккуратно сгреб меня в охапку и счастливо выдохнул в макушку:

— А у меня руки все равно длиннее, значит, я люблю тебя гораздо больше. Моя любимая, нежная Птичка!

КОНЕЦ